АНГАРА

№ 3
ИЮЛЬ
СЕНТЯБРЬ
1959

P2

АНГАРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

ОРГАН ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Битва у Падуна

Голоса молодых

Десять лет Китайской Народной Республики

Литературная жизнь

№ 3 (44)
ИЮЛЬ
СЕНТЯБРЬ
1959

Критика и библиография

Рисунки на вклейках П. Баранова
фото М. Сергеева

Адрес редакции:
г. Иркутск, улица 5-й Армии, дом 36, отделение Союза писателей.
Телефон: 56—76

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

Битва у ПАДУНА

С. Н. Щетинин,
первый секретарь Иркутского обкома КПСС

ПОБЕДА НА АНГАРЕ

Выдающуюся победу одержали строители крупнейшей в мире Братской ГЭС. К июньскому Пленуму ЦК КПСС 19 июня они успешно перекрыли могучую многоводную сибирскую реку Ангару. Эта победа далась нелегко. Ей предшествовал длительный, напряженный и самоотверженный труд многотысячной армии строителей.

Гигантская энергетическая стройка на Ангаре постоянно находилась и находится в центре внимания областной партийной организации. По путевкам комсомола в Братск выехали тысячи молодых строителей. Большинству из них на первых порах пришлось жить во временно приспособленных помещениях и палатках. Но это не испугало людей, во главе которых стал боевой отряд коммунистов. Широким фронтом развернулось строительство жилья и производственных предприятий.

Рабочие прежде всего двинулись в тайгу, на сооружение линии электропередачи Иркутск — Братск. В дремучих лесах прорублена просека шириной в 100 метров и протяжением более 600 километров, проделаны огромнейшие работы: вынуто 174 тысячи кубометров земли, уложено 52 тысячи кубометров бетона и железобетона, смонтировано 14 тысяч тонн металлоконструкций, установлено 1 700 опор. В дни 40-й годовщины Великого Октября к Падуну по электропроводам поступила дешевая энергия с Иркутской ГЭС — первенца ангарского каскада. Это сразу же позволило сосредоточить и пустить в ход большое количество строительной техники на основной площадке, развернуть широким фронтом сооружение крупнейшего гидроузла в мире.

Благодаря неустанной заботе и постоянной помощи Центрального Комитета партии и Советского правительства дружный и спаянный коллектив «Братскгэсстроя» сумел творчески решить ряд сложных технических проблем.

В короткие сроки в тайге были построены 430 километров железных и шоссейных подъездных путей, более 1000 километров высоковольтных линий электропередач, 225 тысяч квадратных метров жилья, 30 детских садов и яслей, 14 школ и 9 больниц. В условиях низких температур строители переместили 19 миллионов кубических метров грунта, смонтировали 35 тысяч тонн металлоконструкций, уло-

жили 238 тысяч кубических метров бетона. На правом и левом берегах Ангары один за другим вступили в эксплуатацию мощные бетонный и гравийно-сортировочный заводы, предприятия и полигоны по производству сборного железобетона.

Сооружение Братской гидроэлектростанции на Ангаре — самой крупной гидроэлектростанции в мире — начато в конце 1954 года. В 1957 году было проведено ограждение правобережного котлована. Впервые в отечественной практике братским гидростроителям удалось осуществить отсыпку ограждающих перемычек котлована зимой со льда в сильные сибирские морозы. Этим они выиграли по меньшей мере 6—7 месяцев по сравнению с гарфиком и сэкономили около семи миллионов рублей. В третьем квартале 1957 года в котлован вошли первые землеройные снаряды, приступившие к выемке скалы.

Досрочное сооружение котлована открывало новый этап в строительстве Братской ГЭС. Все силы и средства были переброшены на сооружение основных объектов. Это определило и новый размах, и новые темпы работ на гидроузле.

К сожалению, строителям не удалось сразу же после ограждения котлована приступить к бетонным работам. Затянулась подготовка бетонного хозяйства и каменных карьеров. Вопрос о ходе строительства Братской ГЭС был детально обсужден на пленуме областного комитета партии.

В результате принятых мер и дружных усилий гидростроителей значительно поднялись темпы укладки бетона в основные сооружения. В мае нынешнего года отставание было преодолено, и великая стройка вошла в график.

Воодушевленные историческими решениями XXI съезда Коммунистической партии, строители наметили себе новые рубежи. Они дали твердое слово перекрыть Ангару к июньскому Пленуму ЦК КПСС.

Начиная с первых дней текущего года и до решающего штурма следовало резко усилить темпы и объемы укладки бетона в главные сооружения — укладывать не менее 1000 кубических метров в сутки. Усиленная подготовка к перекрытию Ангары развернулась в мае. Инженерно-технические работники разработали конкретные мероприятия, предусмотрев в них использование опыта волжских, камских, днепровских и сибирских гидростроителей. Эти мероприятия во всех деталях широко обсуждались на участках, в проектных организациях, в Министерстве строительства электростанций, на заседании бюро обкома партии. Было взято на учет каждое дельное предложение. Все это дало возможность тщательно подготовиться и безупречно провести перекрытие Ангары. Несмотря на то, что в момент решающего штурма Ангара проносила около четырех тысяч кубометров воды в секунду, перекрытие реки было осуществлено в течение одних суток.

Успех дела обеспечили люди, воспитанные Коммунистической партией, их героический, самоотверженный труд, их беззаветная борьба за осуществление великих начертаний XXI съезда КПСС. На строительстве Братской ГЭС работает 26 тысяч рабочих, инженеров, техников. Их ведут на трудовой подвиг шесть тысяч коммунистов и комсомольцев. Поставленные на самые трудные участки, они показывают пример доблести и самоотверженно выполняют свой долг перед Родиной. Кадровые гидростроители помогли молодежи освоить и полюбить новые професссии, поднять квалификацию, стать патриотами Восточной Сибири.

Коллектив строителей Братской гидроэлектростанции успешно справляется с возложенными на него задачами, умело применяет накопленный опыт и смело вносит вклад в отечественную и мировую практику гидротехнического строительства.

Усилиями гидростроителей-проектировщиков и работников Министерства строительства электростанций были разработаны и осуществляются мероприятия, сокращающие объемы бетонных работ на два миллиона кубических метров по сравнению с объемами, предусмотренными проектным заданием. Найдены решения, позволяющие снизить стоимость строительства гидроузла примерно на два миллиарда рублей. Вносятся на рассмотрение предложения об увеличении мощности Братской ГЭС до 4,5 миллиона киловатт. Осуществление этих мероприятий даст возможность не только уложиться в сроки, но и пустить Братскую ГЭС раньше установленного времени. Первую очередь Братской ГЭС намечено ввести в эксплуатацию в 1961 году. Полная мощность ее будет достигнута в 1963 году.

Братскую ГЭС строит весь советский народ. Более 800 заводов направляют к Падуну новейшее современное оборудование, строительные механизмы, материалы. Свердловский и Новокраматорский заводы поставляют на строительство Братской ГЭС экскаваторы, Ленинградский завод транспортного оборудования имени Кирова — бетоноукладочные краны и кабелькраны, Челябинский и Кузнецкий за-

воды металлоконструкций — бетоновозные эстакады, Барнаульский и Бийский котельные заводы — котлованы и котельное оборудование, «Уралэлектроаппарат» и Ленинградский «Электропульт» — электрическое оборудование, Московский завод имени Ильича — насосы.

Плечом к плечу со строителями Братской ГЭС трудятся многотысячные коллективы работников лесной промышленности, управлений строительств «Ангарстрой», «Братскстрой», «Ангарлесжелдорстрой». Они успешно занимаются вырубкой леса и очисткой затопляемой зоны будущего Братского водохранилища, выносят с затопляемых отметок и строят заново железные и шоссейные дороги, жилые дома и промышленные предприятия.

Несмотря на то, что работы по лесосводке и лесоочистке водохранилища были начаты на год позднее, чем на других объектах «Братскгэсстроя», в данное время они проводятся без опозданий. Сейчас на этих работах занято 23 леспромхоза, 4 лесоперевалочные базы, сплавная контора, 5 отрядов строительных организаций министерств и ведомств с общей численностью рабочих более 30 тысяч человек. Зримы результаты их самоотверженного труда. Леспромхозы комбината «Братсклес» уже вырубили в зоне затопления более 9 млн. кубометров древесины и отгрузили ее народному хозяйству. Уже полностью очищена 71 тысяча гектаров ложа Братского водохранилища. Коллектив строителей «Ангарстроя» с опережением графика ведет работы по строительству железной дороги, соединяющей Ангару с Леной.

Перекрытие Ангары — новая выдающаяся победа наших гидростроителей. Ею завершен важнейший этап в строительстве Братского гидроузла. Теперь созданы все необходимые условия для дальнейшего наращивания темпов строительства, для разворота работ полным фронтом.

Коллективу «Братскгэсстроя» предстоит выполнить значительный объем работ. Строители хорошо понимают и правильно оценивают свои задачи. Долг коммунистов, комсомольцев, всех строителей — закрепить завоеванные успехи и развить их, еще выше поднять организованность и не ослаблять трудового напряжения. Это дело им по плечу. Строители хорошо понимают свои задачи и полны решимости с честью выполнить задание партии и правительства, в установленные сроки соорудить Братскую ГЭС.

В семилетке предпочтение отводится строительству тепловых электростанций, требующих меньших затрат и меньше времени, нежели гидроэлектростанции. Вместе с тем крупные капиталовложения предусматриваются и на развитие гидроэнергетического строительства. За семь лет мощности гидроэлектростанций увеличатся более, чем на 10 миллионов киловатт, из них около четырех миллионов киловатт приходится на Братскую ГЭС. Станция будет вырабатывать самую дешевую в стране электроэнергию — 0,5 копейки за киловатт-час.

Семилетним планом предусматривается развитие мощных производительных сил в восточных районах страны. Капиталовложения в развитие народного хозяйства Иркутской области составляют около 50 млрд. рублей. Причем более 10 млрд. рублей предназначается для сооружения Ангаро-Усольского нефтехимического комплекса, строительство которого ведется в больших масштабах. Начаты работы по строительству Братско-Тайшетского промышленного узла в составе Братского лесопромышленного комплекса, Чунского деревоперерабатывающего комбината, Коршуновского горнообогатительного комбината. Проектируется строительство Тайшетского металлургического завода и других крупных предприятий. Без сооружения и ввода в эксплуатацию в ближайшее время Братской ГЭС нельзя было бы в таких крупных масштабах и такими темпами вести все это строительство, нельзя было бы создать за короткое время мощные промышленные узлы.

Братская ГЭС явится надежной энергетической базой мощного развития в Восточной Сибири химической, лесохимической, горнорудной промышленности, цветной и черной металлургии и целого ряда других отраслей социалистической экономики.

Ускорение строительства Братской ГЭС для Восточной Сибири является жизненной необходимостью. Мы обращаемся с призывом к коллективам заводов — изготовителей турбин, генераторов, трансформаторов и другой техники для Братской ГЭС, в частности к Ленинградскому Металлическому заводу и заводу «Электросила», Запорожскому трансформаторному заводу, Новокраматорскому заводу тяжелого машиностроения: ускорьте изготовление и поставку на строительство необходимого оборудования!

Областная партийная организация, строители приложат все силы к тому, чтобы успешно выполнить почетное задание партии и правительства по сооружению крупнейшего в мире гидроузла на Ангаре.

А. Твардовский

У ПАДУНА

Река пропела все сначала,
Ярясь на новом рубеже.
Как будто знать она не знала,
Что уступала нам уже.

Всю ночь под пеной волны выли.
К утру, не дав реке вздохнуть,
Мы скальным грузом придавили
Ее бунтующую грудь.

Не устояли в жарком споре
С годами нашими века.
И, очутившись на запоре,
Утихомирилась река.

Недвижны тяжкие ворота,
За ними плес плененных вод.
Умолкла битва, но работа
Вступает в новый свой черед.

19 июня 1959 года.
Братск

БАЙКАЛ

Байкал, чья сила в этом мире
Века веков переживет,
Как он под стать самой Сибири
Бескрайним плесом мощных вод;
Под бурей — рокотом громовым
У скал прибрежной полосы,
В тиши — достоинством суровым
Могучей сказочной красы.
В его блистающем просторе,
В глубинной толще вековой,
В его повадках — облик моря
И отзвук в говоре морской.
И словно тайной первозданной
Овеян для людских сердец
Он — мирового океана
На этой суше посланец.

Пусть далеки на ней селенья
От океанских берегов,
Уже взрастил он поколенья
Отвагой славных моряков.
Байкал! Бегут в тайгу на север
Сквозь ночь сибирскую огни.
На Ангаре и Енисее —
Байкала отблески они!
Не сон лесной, не камень дикий,
Не та медвежья глухомань —
Дела индустрии великой —
Его грядущей славы дань.
Но эти царственные воды,
Но горы в сизой полумгле —
Байкал — бесценный дар природы —
Да будет вечен на земле.

Б. Полевой, Н. Печерский

Свершение подвига

Ярко и сильно писал Горький. В мечтах своих он часто уносился в будущее России. Бесконечно веря в творческие силы советского человека, Алексей Максимович умел провидеть сквозь десятилетия его будущие славные дела. «Поражая воображение своей грандиозностью, — писал он, — развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст укрощенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары и Великий Северный путь сквозь Сибирь, путь, который свяжет ее с тремя океанами».

И вот мы стали свидетелями нового великого подвига советских людей. В этих сказочно богатых сибирских краях, которые несколько десятилетий назад были краями нехоженых троп, советские люди во всеоружии своей могучей техники совершили новый подвиг.

Все в этих местах овеяно былинным духом. В старинном русском селе Братске бережно разбирают сейчас обомшелые деревянные башни древнего острога первых русских землепроходцев. Скоро тут будут перекатываться волны еще не нанесенного на карту моря. Фотографы и кинооператоры торопятся заснять надписи на камнях легендарного утеса Пурсей, возвышающегося над Ангарой. Их делали смельчаки-лоцманы, которым удавалось проводить суда через водную кипень грозного Падунского порога. И этот порог, вызывавший страх у жителей приречных сел, и надписи смельчаков на серых скалах, и сама громада Пурсея в недалеком будущем окажутся под водой. И лишь легенды да книги будут говорить современникам о славе российских людей, начинавших покорение Сибири.

На смену былой славе идет, затмевая все, новая слава людей великого семилетия, дела и дни которых ознаменовываются трудовыми подвигами. Здесь завершено одно из таких дел, о котором будут петь песни. Строители Братской ГЭС перегородили огромной каменной грядой русло Ангары и заставили ее течь через водосливные проемы бетонной плотины. Великая сибирская река перекрыта в рекордно короткие сроки — за 19 часов. Практика гидростроения не знает такого примера. Там, где ревели и клокотали стремительные воды, сегодня уже поднялась и с каждым часом становится все выше и выше насыпь перемычки.

Весть о перекрытии Ангары порадовала всех советских людей. В Братске это вылилось в подлинно народное торжество. Семьями, с женами и детьми, собрались у плотины строители, пришли колхозники из окрестных сел, лесорубы, охотники, рыбаки. Люди в праздничных одеждах смешивались с теми, кто только что вылез из кабин самосвалов, пришел из котлована, не успев стереть пот и смыть с рук машинное масло. И это придавало праздничному ликованию особый, неповторимый колорит. В речах ораторов звучала живая радость только что одержанной победы, и сам звук этих речей смешивался с гулом воды, тщетно пытающейся пробиться сквозь каменную преграду.

Нелегко далась победа. В день, когда река была покорена, люди вспоминали, как пять лет назад растягивали на этих крутых всхол-

мленных берегах первые брезентовые палатки, рубили просеки в тайге, прокладывали сквозь топи и гари железные и шоссейные дороги. Там, где еще недавно шумели вершинами столетние сосны, поднялись кварталы жилых домов, засверкали на солнце окна школ, клубов, кинотеатров, магазинов. Ключом бьет жизнь. Свыше 26 тысяч человек работает на строительных площадках Братской ГЭС. Они съехались сюда со всех концов советской земли. В огромном трудовом кипении можно услышать и óкающую волжскую речь, и тягучий северный говорок, а по вечерам на берегах сибирской реки разносятся русские, украинские, белорусские, молдавские песни... 26 тысяч человек — это те, кто строит величайшую гидростанцию мира в Братске. Но вся страна помогает им. На длинных запыленных составах, прошедших многие тысячи километров, краткий, но всем известный адрес: Братск. На платформах и в вагонах — тракторы, подъемные краны, станки, сложное гидротехническое оборудование, землеройные машины...

И в великом подвиге, свершенном здесь, слился воедино труд миллионов советских людей. И тот, кто дал строителям уникальный кран, поднимающий на плотину гигантские стальные пролеты, и тот, кто создал 25-тонные самосвалы, и тот, чьи руки изготовили точные приборы и инструменты для гидростроителей, — все они могут гордиться своим участием в победе на Ангаре.

В своем стремлении возвести для блага советского народа еще одну мощную гидростанцию строители совершали порой, казалось бы, невозможное. Зимы здесь лютые. Порой ртутный столбик термометра подбирается к цифре «50». По инструкциям, существующим на строительстве, уже при 35 градусах ниже нуля должна прекращаться работа механизмов: металл становится хрупким, ломким. Стихал гул тракторов, бульдозеров, замирали заиндевевшие стрелы подъемных кранов. Но люди здесь крепче металла. Их нельзя было заставить в жгучие морозы остаться в общежитиях у теплого печного огонька. Они приходили на стройку и делали то, что не под силу было механизмам.

Самоотверженный труд стал законом жизни, нормой поведения. Еще короткая, менее чем пятилетняя, летопись стройки изобилует примерами, когда героизм рабочих давал возможность инженерам успешно осуществлять смелые, небывалые в истории гидротехники решения. Чтобы сократить сроки строительства, выиграть время, специалисты предложили отсыпать перемычку правобережного котлована зимой. Были сконструированы ледорежущие машины. В двухметровой толще льда с помощью их были сделаны выемки. Строители опустили в воду ряжи со льда, наполнили их каменными глыбами и гравием. Таким образом, лед, который всегда препятствовал работам подобного рода, оказался помощником гидростроителей.

И наконец день перекрытия. С какой силой проявилось здесь счастливое сочетание трудового героизма строителей, смелой технической мысли, организованности, позволившее в рекордно короткие сроки перебросить огромные массы каменных глыб, гальки, грунта, — без единой аварии, спокойно, уверенно, без рывков, без крика. Когда мы смотрели, как ночью при свете прожекторов непрерывно шли на мост тяжелые самосвалы и, сбросив в пучину свой груз, продолжали непрерывное движение по кольцу, казалось, что это движется отлично отрегулированный конвейер. В этом спокойном, планомерном ходе работ, которым характерен штурм Ангары, — великолепная техническая зрелость коллектива.

За опытом, за всем тем новым, что родилось и рождается в гуще коллектива братских гидростроителей, прибыли рабочие и инженеры с Красноярской ГЭС и других крупных строек семилетки.

Большая притягательная сила у этой стройки. Людей привлекали в далекие края не прославленные сибирские пельмени. Их взволновали, окрылили и привели к Падунским порогам дерзкие величественные планы экономического покорения и преобразования Сибири. Прибыли и ветераны многих строек, и впервые вступающая на трудовой путь молодежь.

Одним из первых был здесь экскаваторщик Федор Никифорович Саппа. Большая жизнь за плечами у этого человека. Он строил Днепрогэс, гидростанции в Средней Азии, на Иртыше, Каме. Сейчас, работая на прекрасной отечественной машине, он с иронической улыбкой вспоминает заморский экскаватор «Марион», крохотным ковшом которого он выбирал грунт из днепровского котлована.

Каждый год, когда средние школы дают свой очередной выпуск, стройка ощущает большой приток молодых сил. Был случай. На стройку из Татарии приехал целый выпуск десятиклассников. С ними — учитель Е. Клебанов. Все школьники получили работу. Увлеченный размахом строительства, учитель тоже решил остаться в Сибири. Сейчас он и его

ученики приобрели хорошие строительные специальности. Некоторые из них были участниками вчерашних замечательных событий.

На берегах Ангары, пожалуй, как нигде, ощущается могучее биение пульса семилетки. Давно ли пущен последний агрегат Иркутской ГЭС, а она уже питает током свою сестру — успешно строящуюся Братскую ГЭС.

Советские люди живут с размахом, с перспективой, с мечтой. Воздвигая электростанцию, они думают не только о том, с чем связана сейчас их жизнь. Они хотят видеть будущее. В одном из кабинетов управления стройки мы видели две карты районов, прилегающих к Братской ГЭС. На одной из них сплошные зеленые леса, пересекаемые ниточками двух железных дорог и голубыми жилками рек. Другая тесно усеяна квадратиками, треугольниками, ромбами, обозначающими предприятия, которые возникнут тут в годы семилетки. В центре преображенной карты молнией обозначен Братск. Молния эта даст свет всему огромному краю, преображаемому волей советских людей. Сопоставляя карты, строители еще зорче видят те рубежи, к которым им предстоит пойти.

Это глубокое и конкретное проникновение в существо идей семилетки вдохновляет людей и вселяет в них радость жизни, сознание значения своего труда. И трудятся здесь действительно в полную меру сил, вдохновенно и самозабвенно. Вчера еще на стройке все дышало праздником. Диспетчерские репродукторы передавали песни и пляски, на эстраде, воздвигнутой у самой эстакады, выступали самодеятельные хоры, коллективы плясунов, и голубоглазая девушка в белом платье пела нежные песни. Сегодня все кипит трудом. Вчерашнее торжество — в их сердцах, оно вдохновляет их на славные дела и свершения сегодня.

Когда сейчас смотришь с эстакады на гигантский утес Пурсей, увенчанный одинокой сосной, напоминающей о лермонтовском стихотворении, или на противоположную скалу Журавлиная грудь, трудно поверить, что эти два исполина, высотою в московский высотный дом, скоро покроются водой, которая поднимется над их гордыми вершинами. А это будет. У подножия плотины заплещет волной новое Братское море — крупнейший в мире искусственный водоем.

Это и будет одна из прекрасных, поражающих воображение своей грандиозностью картин будущего Сибири, о которой мечтал А. М. Горький.

Инн. Луговской

РАДОСТНЫЙ БОЙ

Да,
Это бой был настоящий,
Но радостный и светлый бой...
Поток стремительный, гремящий
Шел, атакуя, напробой.

Он все сметал.
На все готовый,
Волну бросая на волну,
И камень тысячепудовый
Катил по каменному дну.

Но, как солдат, блюдя присягу,
Волне седой наперерез,
Отбив атаку, шел в атаку
Строитель величайшей ГЭС.

МАЗ надвигался всей громадой.
А вел его танкист былой.
Ревели камни канонадой
И слоем падали на слой...

. . . .

Взметнется свет над темной чащей,
Где проходил лишь зверобой.
Да,
Это бой был настоящий,
Но радостный и светлый бой!

ИСТОРИЯ

Темп, как паводок, нарастал.
А потому журналист вездесущий
На перекрытие опоздал,
Прилетел к Ангаре...
Уже небегущей!

Товарищ растерян,
Виски его в мыле:
— Уже перекрыли?
— Да, перекрыли!

Он смотрит на падающий диабаз.
Телеграф обманул. Самолет не спас.

Тогда с фотокамерой наперевес
Бросился он на штурм истерический,
Дабы на пленке, пока не исчез,
Запечатлеть момент исторический.
Поздно.

Вал присмирел навсегда,
Закружился неловко, стыдливо, связанно
И ринулся в первый раз туда,
Куда ему строго были приказано.

Неповторимый пропал момент.
Камни с машин не так уже падали.
Чуть не заплакал корреспондент.
От радости? От досады ли?

Самолет пролетел, травя мошкару:
Дустом пахнуло от предгория...
Без тебя смирили твою Ангару.
Это тоже она —
История!

Леонид Огневский

Характер

Гордая... своенравная... непокорная! — так любили называть Ангару наши поэты. И они были правы.

Но вот что случилось с непокорной рекой во время ее перекрытия в Падунском сужении.

...Решительный штурм, то есть пересыпку прорана, собирались начать в последней декаде июня. Но уже семнадцатого числа всем стало ясно, что пора выходить на исходные рубежи, начинать. В этот день опустела гигантская чаша правобережного котлована. Ни машин, ни строительных материалов, ни людей. Здесь, наперекор всем стихиям, человек соорудил новое, бетонное русло реки, по нему, через гребенку бычков, предстояло пропустить весь ангарский поток, чтобы заполучить фронт работы в левобережье.

Пусто в котловане, многолюдно на низовой перемычке. Сюда собрались празднично одетые люди, они пришли из рабочих поселков целыми семьями, — кому же не интересно посмотреть своими глазами на торжество! Среди пестрой толпы тарахтит четверка бульдозеров, машины разрезают земляную еще массивную перемычку, чтобы в узкую прорезь направить воды реки и затопить котлован.

Вот уже траншея — прорезь ниже уровня Ангары, остается раскопать неширокую стенку из влажного грунта, и вода хлынет, заплещется, забурлит. В спешке защелкали камеры «ФЭДов», киноаппараты нацелились на то место, где вот-вот родится поток.

А вода не плескалась, вода не текла. Узкий гребешок оказался забит валунами; экскаваторщик Николай Машков, как ни старался, не мог быстро выгрести их полукубовым ковшом. Наконец-то в прорезь просочилась струйка воды, просочилась и застряла в ложбине; снова потекла, уже ручейком, но робким и неуверенным.

А казалось, что оробела сама Ангара, та непокорная Ангара, которая вечно катала и ворочала тяжелые камни, что она смущена перед собравшимися людьми, смущена тем, что ее перекопали экскаваторами, перегородили каменными валами да еще заставляют течь снизу вверх, в направлении противоположном заданному природой течению.

Прошло не менее получаса, пока собралась с духом и потекла в котлован.

И уже совсем невероятное произошло с гордой рекой на другой день, 18 июня... За ночь котлован был затоплен. Надо было открыть верховую перемычку, тоже массивную, и направить реку через затопленный котлован. Пополудни на перемычке раздался оглушительный взрыв, и тотчас вровень с береговыми утесами поднялся клубище пыли, земли, он повис над рекой, затмив солнце, как туча.

Когда град камня прошел, землю разбросало по сторонам и бурая пыль рассеялась, все — этими всеми были опять же сотни людей, гидростроителей и гостей, съехавшихся из ближних и дальних краев — все увидели, что на перемычке зияет продольная яма, но... земляного вала она не разрезала и вода в котлован не течет.

Люди, стоявшие на бетоновозной эстакаде, недоуменно зашушукались. «Просчет!» — досадливо сказал кто-то из нетерпеливых. Да и не только горячие и нетерпеливые в эту минуту решили, что взрыв не удался, придется на-

чинать все сначала, в крайнем случае, расширять прорезь экскаватором с длинной стрелой... А от командного пункта взрывников уже бежали по перемычке, обгоняя друг друга, люди в кепчонках и темных рубашках. Вот они столпились у ямы, о чем-то говорят, вроде советуются. Вот один из них наклонился и что-то делает голыми по локоть руками.

Оказалось, что только узкий перешеек мягкой земли отделял стоявшую стеной зеленоватую ангарскую воду от прорези, которая вела в котлован, и бригадир взрывников Василий Итыгин руками разгребал этот узкий перешеек, чтобы дать ход первой струйке воды. А издали, с эстакады, казалось, что человек манит к себе Ангару ласковыми движениями рук, как ребенка, как не смеющую переступить с ноги на ногу девочку, мол, иди, Ангарушечка, скорее, топ-топ! Ты же видишь, тебе сделана прямая дорога, ее устилает бетон. Иди, таежная красавица, между бычками плотины, они расчешут твои волосы-волны, как гребень!

А река медлила. Ангара снова робела, не шла. Та самая Ангара, что четыре года назад грозным ревом Падуна не по-братски встретила первых строителей гидростанции, Ангара, прославившаяся коварством во время сооружения котлована, в пору прокладки бечевников, при наводке моста, непокорная река, как ее называли поэты. Теперь она не походила на Ангару.

Но руки человека тянулись к ней, живые и теплые, и в конце концов вышла из оцепенения, встрепенулась река. Вот уже игривые струйки побежали между пальцами рабочего человека. С комка земли на комок, с камня на камень заплескался, запенился, наполняясь живой силой, ручей.

Прошло пять минут, и осмелевшая Ангара катилась по трехметровому перепаду в котлован бушующим горным потоком. Через час она стала большой, сильной рекой, она пробила себе в перемычке стометровое русло. И было удивительно и радостно смотреть на ее работу — ведь землю, которую она с такой легкостью уносила в котлован и далее, через размытую низовую перемычку, пришлось бы возить денно и нощно на множестве самосвалов.

Умная река Ангара не только покорялась человеку, но и работала на него.

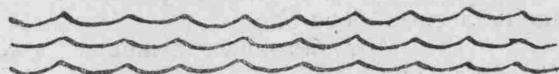
Пересыпка прорана в левобережье заняла девятнадцать часов. Здесь борьба с ангарским потоком была упорной, нелегкой. Но река покорилась и здесь.

И только через два дня после перекрытия, когда в предгорьях Саян прошли ливни, как бы спохватилась Ангара, решила показать свой прежний характер. Поднявшись на два метра, она сломя голову ринулась на каменные заграды, перехватила кое-где бечевники, залила в отдельных местах бетонные бычки водосливной части плотины. Но... сделать больше не могла.

Так меняется норов реки, когда к берегам ее приходит советский человек, строитель коммунизма.

Марк Сергеев

Люди и вода



1

Мы бечевник вели по скалам —
Он был натянут, как струна.
Река давилась, клокотала
Гортанным смехом Падуна.
Ей было весело и странно
Пред нами биться и кружить.
А мы, как щит, для котлована
Сквозь лед протиснули ряжи,
Мы отсыпали перемычку
На хлесткой стуже ледяной.
И у людей вошло в привычку:
Речное дно — сухое дно.
Когда, казалось, нам на милость
Река сдалась, уйдя в проран,
Вода сквозь камень просочилась,
Вода полезла в котлован.
Но жадные насосов губы
В нее — холодную — впились,
И потекла вода по трубам,
В реку обрушиваясь, вниз.
А люди — часу не теряли.
Они сошлись со всех сторон.
И запекался на металле
На веки вечные бетон.
Что там Падунские пороги,
Когда вставали вдоль реки
Как будто горные отроги
Плотины Братской башмаки.
Им меряться с рекою в силе,
Стоять им долгие года...

И вот мы двери отворили:
Входи, пожалуйста, вода!

А ей не верилось в такое,
А ей казалось: здесь обман,
Она отвыкла быть рекою
И не спешила в котлован.
Она сперва входила робко,
За метром — метр, за шагом — шаг,
А после проложила тропку
И заструилась не спеша.
Потом почувствовала силу
И, удивительно горда,
На радостях заколесила,
Играя пеною, вода.
А мы с улыбкою глядели
И сознавали в этот час:
Судьба реки и в самом деле
Всегда
Зависела
От нас.

2

Резкий голос сирены
были чист и высок,
На мгновенье застыли строители,
гости.
И до самого неба
взметнулся песок,
Словно брошенный вверх
великанскою горстью.
И когда постепенно
утих камнепад
И цементная пыль
постепенно осела, —
В котловане вода
отшатнулась назад,

Но прийти ей на помощь
река не сумела.
Над толпою поплыл
настороженный гул,
Люди к верхнему бьефу
спешили в тревоге:
Взрыв легко
перемычку перечеркнул,
Но вода не нашла в ней
покуда
дороги.

И тогда подрывник
Итыгин Василь
К Ангаре,
потемневшей уже от натуги,
Подбежал,
отряхнул с себя серую пыль,
Протянул ей на помощь
рабочие руки.
Им — железным —
такая преграда мала:
Вырвал камень,
в песке желобок проложил он,
И живая вода
за руками пошла
И забилась,
как кровь в человеческих жилах.
По-хозяйски
она обошла котлован,
Перемычки крутыми плечами раздвинув,
Унесла в Енисей,
унесла в океан
И строительный мусор,
и желтую глину.
Вдоль лесных берегов
от бетонных быков
Побежала она
от излуки к излуке,
Чтобы славить отныне
во веки веков
Всемогущие руки,
Рабочие руки!

Братск, котлован.
17—18 июня 1959 г.

Ф. Таурин

17—19 июня в Братске

С высоты мыса Пурсей, нависшего над Падунским сужением, открывается взору величественная картина. Справа вдали — необъятная ширь реки, заполняющей своими руками-протоками всю долину. Затем река собирается в единое русло. Но тут по всей ширине преграждают ей путь Падунские пороги. Преодолев их каменную гряду, река врывается в ущелье, огражденное отвесными стометровыми скалами.

И здесь, в самой стремнине могучего потока, новое препятствие, возведенное уже людьми и потому непреодолимое.

С правого берега река на две трети перекрыта перемычками котлована первой очереди. Через котлован перекинулась металлическая эстакада. По ней передвигаются работающие портальные краны. Под эстакадой бетонные массивы основания плотины. Со временем она станет сплошной. Пока же в ней оставлено одиннадцать проходов — водосливных отверстий.

С левого берега в реку врезалась широкая гряда каменного банкета. Откос банкета соединен с продольной перемычкой котлована металлическим мостом, возведенным для фронтального перекрытия реки. Под устоями моста через узкий стодесятиметровый проран водопадом низвергается Ангара. Только сто десять метров оставили люди реке. Скорость течения достигает здесь тридцати километров в час. По подсчетам инженеров мощность потока в проране превышает сто тысяч лошадиных сил. Поток такой мощности перекрывается впервые в истории мирового гидростроения.

***

17 июня начался первый этап перекрытия — затопление котлована. Днем бульдозеристы Николай Невзгодов, Иван Амелин, Георгий Москвин прорезали узкую щель в низовой перемычке. В шесть часов вечера экскаватор № 6, управляемый машинистом Николаем Машковым, открыл воде путь. За ночь вода заполнила огромный правобережный котлован. К утру это был уже не котлован, а озеро, по которому гуляла волна, и плеск ее о бетонные берега сливался с глухим неумолчным шумом Падуна и гулом потока, бушующего в проране.

Теперь направлением главного удара стала верховая перемычка. Сначала бульдозеры Владимира Адонина, Петра Марченко, Георгия Кремлева и Николая Заболотнева проложили в массивной толще перемычки 20-метровый проран. Затем взрывники бригады Василия Итыгина заложили в гребень перемычки тонну взрывчатки. В 15 часов 30 минут протяжный вой сирены предупредил о взрыве. Люди ушли в укрытия. Пришло еще несколько томительно долгих секунд... Над перемычкой взметнулось темное облако, и сразу же после гулкого удара град камней забарабанил по эстакаде.

Когда облако рассеялось, стала видна воронка, зияющая в гребне перемычки. Но вода еще не шла. Выброшенная взрывом земля опоясала воронку метровым валом, преграждая нетерпеливо рвущейся воде путь к котловану. Один из взрывников, раньше других подбежавший к воронке, разгреб землю руками, и первая струйка воды, блеснув

на солнце, несмело переплеснулась в воронку. И тут же, словно вспомнив о своей силе, Ангара показала свой норов. Струя ширилась на глазах, и через несколько минут мутный лохматый поток с ревом низвергнулся в котлован. За несколько часов река срезала и верховую и низовую перемычки и уже всерьез пошла по новому бетонному руслу.

И тогда вечером 18 июля штаб перекрытия отдал приказ приступить к решающему штурму — начать фронтальное перекрытие реки с металлического моста. В 20 часов на мост въехала колонна тяжелых самосвалов, груженных многотонными глыбами диабаза. Головные машины, украшенные красными знаменами, вели передовики стройки: коммунист Владимир Завадский, бригадир комсомольско-молодежной бригады Левко Кавун, знатные шоферы Николай Борисов, Михаил Долганов, Филипп Влазский, завоевавшие это право в соревновании за лучшую подготовку к перекрытию.

В беснующийся под мостом поток полетели первые глыбы диабаза. Люди, вступившие в поединок с рекой, решительно и твердо нанесли первый удар. Ангара отмахнулась веером брызг. Слишком ничтожными по сравнению с ее мощью показались ей усилия решивших покорить ее людей.

Но машины шли на мост нескончаемой вереницей. Вслед за глухими ударами камня о воду там и тут взметнулись фонтаны, обдавая работающих на мосту брызгами. А река все так же горбатым потоком рвалась под мост, и только все больше и больше клочьев пены уносилось на гребнях стремительных валов...

Час за часом шла напряженная работа. Сто сорок шоферов вели свои МАЗы и ЯЗы; пятнадцать крановщиков безостановочно грузили каменные глыбы на самосвалы: регулировщики, проворно перебегая на мосту, взмахами красных флажков указывали шоферам место разгрузки; девушки-учетчицы с педантичной тщательностью отмечали каждый рейс; гидрологи измеряли скорость течения и высоту напора. И больше всего поражало и восхищало то, что, несмотря на стремительный и напряженный темп штурма, работа шла четко, деловито и, даже хочется сказать, спокойно. Но каждый из тысяч людей, толпившихся на перемычке, на эстакадах, на утесах Пурсея и с волнением следивших за ходом борьбы, понимал, что в этом кажущемся спокойствии проявляется оправданная уверенность в своем мастерстве, уверенность в могуществе коллективного организованного труда, уверенность, предопределяющая исход решающей схватки с могучей рекой.

Шли часы. К Падунскому сужению подползала ночь. Вспыхнули бесчисленные прожекторы. По стремительной воде заиграли яркие блики света, и шлейфы пены стали голубыми. А машины все так же равномерно и точно шли на мост одна за другой...

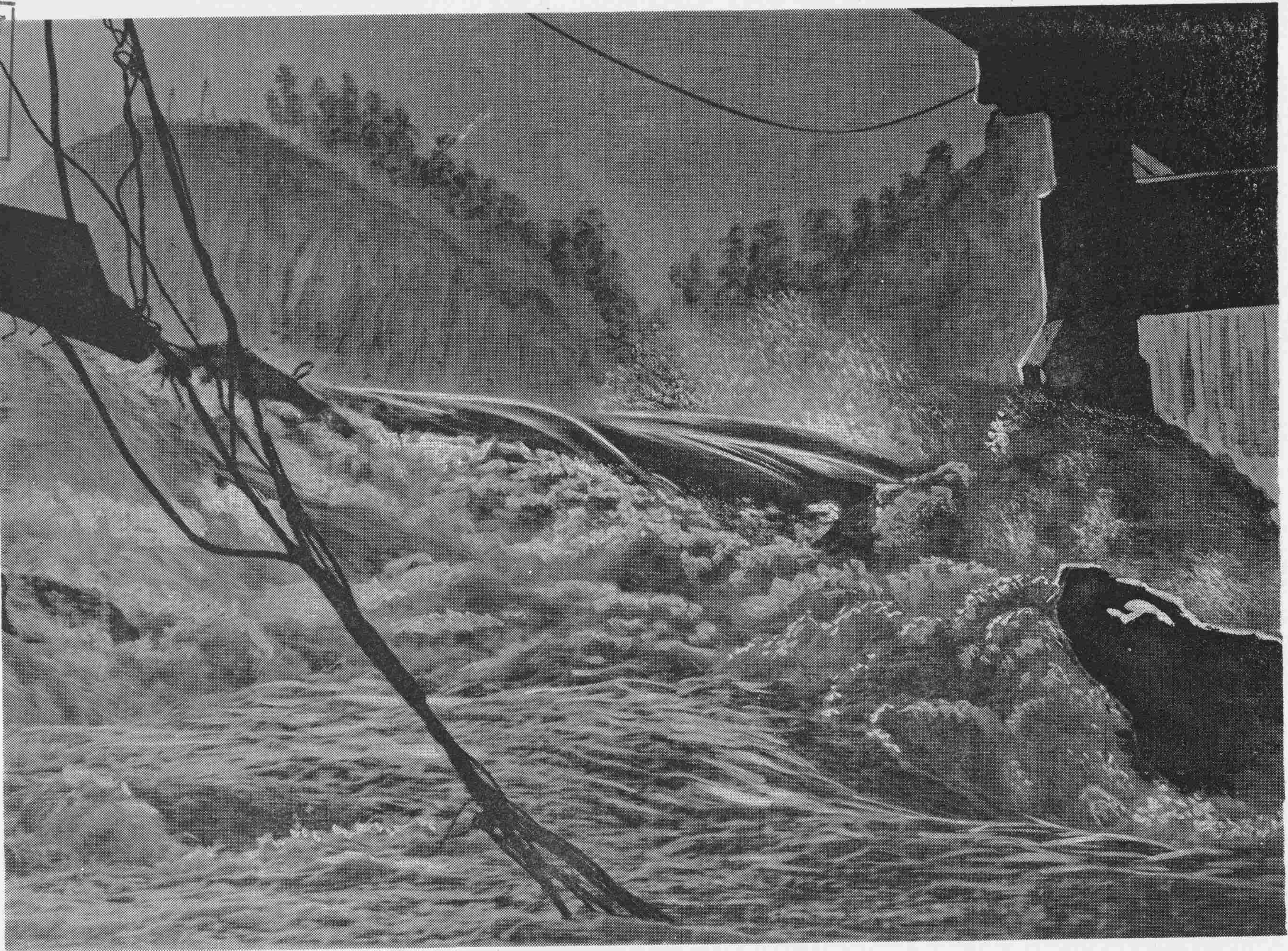
И когда над утесами Пурсея загорелась заря, в высвеченной прожекторами воде стали просматриваться пока еще смутные очертания подводной каменной гряды, перекрывшей проран.

Река напрягла последние усилия. Поток кипел по всей ширине. Но это была уже ярость отчаяния. Отдельные глыбы почти выглядывали из воды. Вспарываясь об их острые углы, забили фонтанами косые струи.

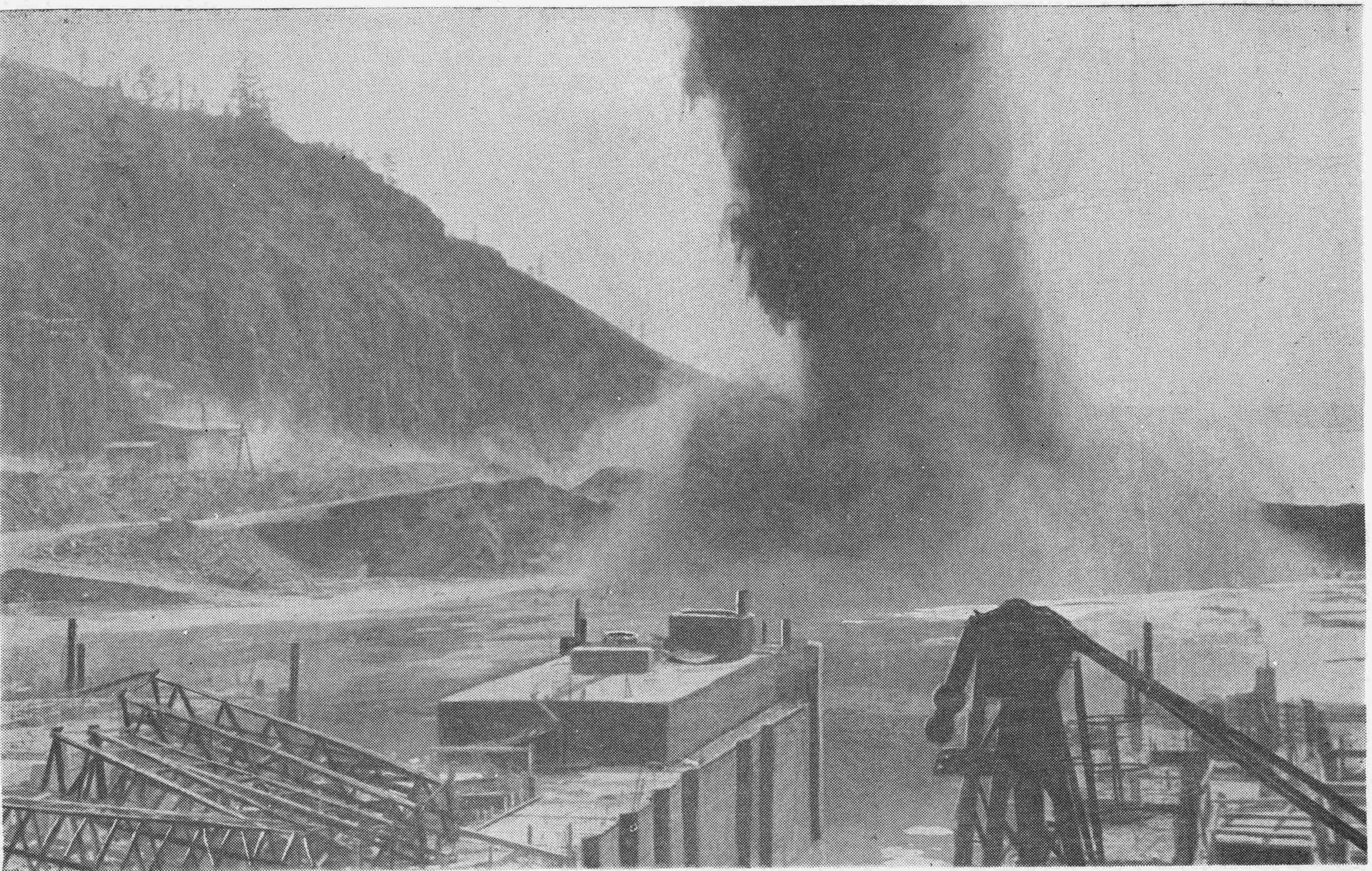
В десятом часу утра посредине потока выглянул первый камень. А к полудню от берега до берега протянулась зубчатая каменная гребенка, и теперь уже не сплошной поток, а лишь отдельные струи прорывались сквозь каменный банкет.

В двенадцать часов 30 минут на мост въезжает самосвал Серафима Лагинова. В реку летит диабазовая глыба с надписью: «Рапортуем пленуму — Ангара перекрыта!»

Братск. 17—19 июня



ПОЕДИНОК ИДЕТ К КОНЦУ. Фото М. Сергеева.



ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МИНУТ, И ВОДЫ АНГАРЫ ВОРВУТСЯ В КОТЛОВАН

Фото М. Сергеева.

Александр Гайдай

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ СЕМИЛЕТКИ

Еще в проране стометровом
Бурлила, гневалась река...
Но штурм ее ознаменован
Ударами наверняка.
Один, другой...
Полсотни сразу!
Взлетают брызги.
Глубь чиста.
И вновь обломки диабазов
В стремнину падают с моста.
Гудят моторы в напряженье,
Горят прожекторов огни...
И все Падунское суженье
Как поле боя в эти дни.
Тот бой особый,
человечный,
В ростках живого — не в золе,
Им утверждается навечно
Свет коммунизма на земле.
Сибирь, Сибирь!...
На радость людям
Ты изменяешь облик свой,
И средь твоих созвездий будет
Братск самой яркою звездой.
Сегодня
в дымке предрассветной
Она в реке отражена,
И видят мир и вся страна:
Правофланговым семилетки
Встал богатырь у Падуна.
Так славьтесь все —
и тот, кто первым
Пришел разведчиком в тайгу,
И кто строителям резервы
Готовил там, на берегу.
Кто добывал песок и гравий,
Месил бетон,
бурил шпуры
И кто сказать сегодня вправе:
— Я покоритель Ангары!
Так славься, гордость в человеке,
Его мечта,
дерзанья,
труд!
Все в нашей власти —
жизнь и реки
У нас по-новому текут.

г. Иркутск, 19 июня 1959 г.

Ростислав Смирнов

НАМ—ВСЮДУ ПОБЕЖДАТЬ!

Всего в полутора часах пути
Ревет Падун, упорен и неистов.
...А в зданье клуба шум давно затих.
Прислушайся к звучанью слов простых —
Воспоминаний старых коммунистов.
...Я знаю, что напишутся тома
О тех,
кто в славных битвах
век свой прожил.
Но в этот час
история сама —
Живая —
говорила с молодежью.

...Год девятнадцатый...
Костры...
Тайга —
Сибирская,
суровая,
густая,
Что обступила полчища врага
Кольцом,
как волчью загнанную стаю.
...А в селах гневом отдавалась весть:
— Расстреливали... Шомполами били...
Но по тайге,
врагу готовя месть,
Шли
Бурлов,
Зверев,
Каландарашвили.
В шеренгах первых в бой партийцы шли.
И в бесконечной смене поколений —
Бессмертны люди, что в сердцах несли
Два гордых слова:
Партия
и Ленин.
И виделась им новая Сибирь:
Ее свершений трудовых герои,
Полей пшеничных золотая ширь,
Созвездия грядущих новостроек.
Сибирь.... Она мечталась им такой,
Какую мы творим,
переиначив...
...Уже
богатырями
над тайгой
Идут столбы электропередачи.
И море — нашим создано трудом —
Навек затопит дряхлые пороги.
...Нам — всюду побеждать, —
ведь мы идем
По самой верной,
ленинской дороге!

Н. Волков

В ДНИ ШТУРМА

Репортаж

Вот это размах!

Если вы никогда раньше не бывали в районе Средней Ангары и попадете сейчас туда, вы не сразу освоитесь с масштабами развернувшихся здесь работ. Поначалу они ошеломляют и почти физически давят на сознание. Однако постепенно все встанет на свое место и вы начнете понимать, что к чему. Первый ясный вывод, к которому вы придете, будет заключаться в том, что все воздвигнутое у Падунского порога уже невозможно обойти пешком (для этого потребовалась бы не одна неделя) — нужны хороший мотор и не менее хорошие колеса!

Сойдя в Братске, где расположены некоторые подсобные службы стройки, вам придется проехать около сорока километров в глубь тайги для того, чтобы попасть в центр Левобережного строительного района — Зеленый городок. Когда-то горстка смелых людей в студеную зимнюю пору установила здесь свою первую палатку. А вскоре после этого, летом 1955 года, властный шум Падунского порога, веками господствовавший над тайгой, дополнил веселый звон топоров, и рядом с героической палаткой встал первый деревянный дом. Сейчас их здесь сотни — больших и малых, с печным и центральным отоплением, с радио и электричеством. На главной Ангарской улице гостеприимно распахнули двери кинотеатр, почта, столовая, три магазина, сберкасса, аптека, школа. Ближе к реке встали корпуса бетонно-растворного узла, котельной, гаражей, ремонтных мастерских.

Следуя по дороге, уходящей вверх по береговому крутояру, и дальше, мимо утеса Пурсей, в тайгу, машина сможет добраться до поселка строителей, заложенного в створе гидроузла. Он еще совсем молод, этот поселок, но уже вклинился в буреломный лес несколькими километровыми улицами, застроенными многоквартирными домами под черепицей и коттеджами дачного типа. За массивами нетронутой тайги, специально оставленными строителями вокруг поселка, — район индивидуальных застройщиков, недавно сданный в эксплуатацию стадион и крупное бетонное хозяйство.

Спустившись по крутой, отчаянно петляющей дороге к паромной переправе, вы сможете вскоре сойти на противоположный берег, где раскинулись поселки и промплощадки Правобережного строительного района. Здесь сосредоточены главные силы, призванные обеспечить сооружение важнейших объектов Братского гидроузла — плотины и здания станции.

В течение многих часов машине придется кружить здесь между основательно обжитыми и пропыленными площадками. Слева и справа от дороги будут мелькать дома, только что собранные металлоконструкции, действующие промышленные предприятия и объекты, строительство которых заканчивается, фундаменты, горы леса, земли, металла.

Неудивительно поэтому, что, вернувшись в Зеленый городок, вы оставите позади около ста километров. Примерно столько же покажет спидометр автомашины после посещения Анзебы, где сооружаются мощные деревообрабатывающие предприятия стройки.

Если же вы пожелаете проехаться по всем участкам недавно сданной в эксплуатацию линии электропередачи Иркутск—Братск, то вам придется покрыть еще более шестисот ки-

лометров. А ведь в резерве у вас останутся еще десятки других объектов стройки — шоссейные и железные дороги, проложенные и прокладываемые сквозь тайгу; автомобильные бечевники и котлован, сооруженные в Падунском сужении на Ангаре; дно будущего водохранилища, которое подготавливается на огромной площади, занятой лесами; только что начатая строительством вторая высоковольтная линия электропередачи Братск—Иркутск и многое другое.

Нет, не автомашина нужна для знакомства с новой жизнью Средней Ангары — самолет нужен!

* *
*

В напряженном творческом труде утвердили люди свою власть над суровой сибирской природой. Их не остановили трудности и лишения необжитых мест, гнус и комары. Как истинные чудо-богатыри, врубились они в нехоженую Прибайкальскую тайгу и все нарастающими темпами теснят легендарную Ангару, штурмуют горы, топи и болота.

Сила этих людей — в ясном видении завтрашнего дня, в их твердой вере в исполнимость сказочных преобразований богатейшего сибирского края. Именно это определяет их поступки, питает творческую мысль, мужество и отвагу.

Ледяной мост

В соответствии с первоначальным проектом ограждение котлована первой очереди намечалось осуществить летом. Причем все основные операции, связанные с перекрытием правобережной части Ангары, предполагали выполнить с наплавного моста. Однако случилось так, что необходимый фронт работ оказался подготовленным значительно раньше намеченных сроков. И в коллективе строителей родилось дерзкое решение: начать сооружение перемычки зимой, использовав в качестве наплавного моста... ледяной покров реки.

Сотни, тысячи смельчаков изъявили желание принять участие в столь необыкновенном и, пожалуй, даже рискованном штурме строптивой реки. В числе первых на потрескивающий лед Ангары вышли бригады плотников Протасенко, Аксенова и Кураксы. Они начали рубить ряжи продольной стенки котлована. Когда же ледяной покров достаточно окреп, на него вышли автомашины, тракторы, бульдозеры и даже экскаваторы. Звонкие людские голоса и гул моторов наполнили Падунское ущелье.

Вдохновенный труд, мужество и настойчивость многотысячного коллектива довершили дело. К весне в Падунском сужении на Ангаре четко обозначались стенки перемычек. Проснувшаяся река ринулась было на них, но творение рук человека выдержало ее адский напор. Тогда Ангара кинулась в оставленный для нее левобережный проход и, почувствовав себя стесненной, гневно вспенилась и забурлила, как на порогах. Но это уже ничего не изменило.

Строители же записали в свой актив год выигранного времени и восемь миллионов рублей сбереженных средств.

Бечевники

В том самом месте, где байкало-ангарская вода будет вращать турбины крупнейшей в мире гидростанции, река течет как бы в гигантских каменных воротах. Их восьмидесятиметровые кучи отвесно встают из воды. А ведь сюда нужно было иметь самый свободный доступ и не просто доступ, а дороги, могущие пропускать по крайней мере два потока автомашин.

И строители начинают прокладывать так называемые бечевники — насыпные дороги, отвоевывая у реки один метр за другим. Вначале необходимый грунт доставляли только из карьеров, расположенных за несколько километров из района основных сооружений. Однако это не позволяло построить крайне нужные подходы быстро и дешево. К тому же над бечевниками оставались висеть огромные каменные глыбы, которые могли в любой момент сорваться и раздавить не только человека, но и любую машину. И как-то само собой родилось очень простое предложение — обрушить часть этих скал с помощью взрыва и таким образом решить сразу две задачи: обеспечить бечевники необходимым строительным материалом и обезапасить будущие подходы к котловану.

Но как осуществить эту простую идею? Для закладки врывчатки необходимо было либо подняться метров на сорок от воды, либо спуститься на такое же расстояние сверху вниз. О сооружении специальных лестниц для подъема от воды не могло быть и речи — слишком дорогим было бы это приспособление. И взрывники решили воспользоваться тросом.

Однажды они поднялись на вершины скал и после тщательной подготовки спустили вниз трех своих товарищей — Федора Латышева, Ивана Юнгина и Владимира Белостенова. С трудом добравшись до висячих глыб, смельчаки повисли над стремниной реки и, поды-

скав подходящие расщелины в камнях, осторожно вложили в них взрывчатку, приладили бикфордовы шнуры. И наверх. Скорее наверх! А когда они лежали в надежном укрытии, мощный взрыв потряс скалы, и тысячи кубометров камня с грохотом свалились вниз.

Вскоре после этого у подножья отвесных скал Падунского сужения уже лихо мчались колонны автомашин — бечевники прочно вошли в жизнь стройки.

Через пороги

Знаменитые Братские пороги — Пьяновский, Похмельный и Палунский — были и остаются грозной преградой на Ангарском водном пути. Немногие смельчаки отваживались в прошлом пройти по ним на судах, а пройдя, непременно оставляли на береговых скалах памятные надписи, которые можно видеть до сих пор.

На пути сибирских гидростроителей они встали довольно неожиданно. Стройке было выделено около двух десятков катеров и пятнадцать барж. Катера оказались небольшими по размеру и, будучи погруженными на железнодорожные платформы, легко объехали пороги. Доставка же большегрузных барж потребовала решения значительно более сложной задачи — их пришлось сплавлять через пороги.

В самом начале этой эпопеи строители обратились за помощью к одному из старых лоцманов Братска. Но он запросил такую баснословную цену, что от его услуг пришлось отказаться. Другой лоцман совсем было согласился взять на себя проводку барж, но, узнав их размеры, наотрез отказался от дальнейших разговоров — он водил через пороги лишь небольшие карбаса.

И речники стройки решили взять эту нелегкую задачу на себя. В архивах Восточно-Сибирского речного пароходства они нашли старую лоцию порогов, внимательно изучили ее, а вскоре шестисоттонная баржа, буксируемая катером «Пожарский», отошла от Братской пристани и направилась вниз по реке. На борту ее стояли ко всему готовые начальник водного участка Иван Филиппович Морозов, шкипер Юрий Харитонович Целых, капитан-наставник Алексей Федорович Наумов, механик Владимир Иванович Косьярский и помощник шкипера Микель Маштаков.

В дело им пришлось вступить буквально на первом же пороге, где катер с треском сел на каменную плиту, а баржа, легко оборвав стальной трос, угрожающе пронеслась мимо него и устремилась к кипящим бурунам следующего порога. Хладнокровно выждав, когда судно выйдет из каменных шиверов и окажется над мягким дном реки, люди бросили в воду почти одновременно два якоря. Баржа резко замедлила ход и, когда до Пьяновского порога осталось метров пятьсот, окончательно остановилась.

Больше недели воевали люди с капризной рекой, преодолевая сорокакилометровое расстояние. И победили-таки грозные пороги. В настоящее время в Падунском сужении на Ангаре трудится целая флотилия самоходных и несамоходных судов. И это лучше всего говорит о том, какова цена первой победы отважных лоцманов стройки.

Штурмовые дни

А сколько новых трудовых побед записали энтузиасты покорения Ангары в свою трудовую летопись в горячие предштурмовые и штурмовые дни.

...Началось подледное бурение скважин для установки опор моста фронтального перекрытия, и на помощь «наземным» бригадам бурильщиков и гидромонтажников пришли водолазы Виктор Домбинов, Михаил Золин, Виктор Макаров и другие. Расчищая дно от валунов, мешающих бурению, они часами работали в обжигающей ледяной воде, на восьмиметровой глубине, при сбивающем с ног течении. Когда же смельчаки поднимались на лед, чтобы передохнуть, студеный ветер и мороз мгновенно схватывали воздушные клапаны, резиновые скафандры превращались в ледяные. Но это не пугало людей. Они снова и снова опускались под воду, обеспечивая бурильщикам необходимый фронт работ. В результате опоры были установлены досрочно, и когда в приангарье прилетали первые весенние ветры, над рекой появились первые пролеты моста перекрытия.

В дни весеннего ледохода возникла угроза разрушения продольной ряжевой перемычки и только что установленных свай моста фронтального перекрытия. На подвижный лед реки смело вышли взрывники во главе с Владимиром Белостеновым. Они подняли в воздух феерические фонтаны из воды и ледяных осколков. Будто освобожденные из крепких тисков, льдины затора торопливо устремились в проран.

Взрыв двадцати восьми тонн аммонита, заложенных в шесть штолен общей длиною сто сорок метров, потряс скалы левобережной пади Турока. Строители получили около шестидесяти тысяч кубометров крупномерного камня. Это позволило им отказаться от изготов-

ления дорогостоящих многотонных кубов из бетона, с помощью которых предполагалось окончательно усмирить Ангару при ее перекрытии.

И чем ближе был завершающий штурм реки, тем напряженнее трудились люди стройки. Бригада Виктора Меркулова в рекордно-короткий срок — за десять дней — смонтировала четырехкубовый гусеничный экскаватор и за двенадцать дней — шагающий экскаватор. Такого в практике гидростроительства еще не знали. Бригады Георгия Славковского и Алексея Решетняка за три дня вместо девяти разобрали портально-стреловый кран, работавший в верхнем бьефе, а гидромонтажники бригады Степана Олейникова совместно с плотниками Евгения Лысакова на шесть дней раньше срока навели мост фронтального перекрытия и впервые в истории стройки открыли сквозное движение с берега на берег.

Если бы вам, дорогой читатель, действительно удалось побывать на Ангаре в эти жаркие июньские дни, вы бы увидели незабываемое.

17 июня через разобранную низовую перемычку Ангару осторожно впустили в котлован. Вот ее мутные завихряющиеся потоки торопливо заплясали вокруг металлических опор бетоновозной эстакады. Вот они плотно обняли бетонные бычки, отчаянно налетели на земляной вал верховой перемычки, затем шумно вернулись назад и ошалело полезли на бетонные стенки примыкания.

А на следующий день, когда успокоившаяся река захватила своими могучими объятиями весь правобережный котлован, в Падунском сужении на Ангаре грохнул мощный взрыв. Над верховой перемычкой вздыбился пышный султан из дыма, песка и гравия. На мгновение Ангара отпрянула от опасного места, а потом, будто собравшись с силами, буйным кипящим валом ринулась в котлован. Громадная земляная перемычка, в монолите надежно сдерживавшая напор реки, на глазах рассыпалась и растаяла в кипящей воде.

Так Ангаре был снова открыт свободный путь у скалистых круч правого берега.

Вечером того же дня после короткого затишья двести тяжело груженных и надрывно ревущих машин ринулись на мост фронтального перекрытия. В первой шестерке их шли победители соревнования за право участия в перекрытии Ангары шоферы Николай Борисов, Левко Кавун, Михаил Долганов, Филипп Взлезский и Григорий Васильев. Круто осадив свои самосвалы, они, как по команде, вздыбили их кузова и сбросили в ревущую пасть Ангары глыбы камней. Будто защищаясь, река бросилась на машины и людей высокими кипящими фонтанами. А по стройке понеслась долгожданная радостная весть: «Перекрытие началось»!

Горячая трудовая схватка людей с рекой продолжалась всю ночь. Обрушив в воду настоящий каменный обвал, люди уже к утру следующего дня предрешили исход героического поединка.

В полдень 19 июня, то есть ровно через девятнадцать часов после начала штурма, на пути Ангары поднялась непреодолимая каменная преграда. Как бы в раздумье покружившись перед ней, река смиренно пошла в подготовленное для нее стотридцатидвухметровое бетонное русло у правого берега.

Это была победа. Большая, многотрудная и долгожданная победа. Она и обрадовала и окрылила падунских гидростроителей. Именно об этом они единодушно заявили на своем многотысячном митинге, состоявшемся в связи с успешным перекрытием реки. Именно об этом же написали они в трудовом рапорте на имя ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В эти июньские дни на Ангаре свершилось великое. Свершилось то, о чем давно мечтали русские люди, — строптивая река покорилась человеку.

С высоты птичьего полета

Представьте себе, что вы стоите на одном из утесов Падунского сужения на Ангаре. У ваших ног чуть ли не стометровая пропасть, от которой захватывает дух. Перед вами глубокий каньон преображенной реки, в котором воздвигаются основные сооружения гидроузла.

На самой быстрине реки, будто островок среди бушующего моря, темнеет четырехугольник промежуточного котлована, заполненный хлопотливыми людьми и машинами. С отвесной стеной скал правого берега он соединен пунктиром железобетонных бычков основания плотины и как стрела прямой бетоновозной эстакадой. К бечевникам левого берега переброшена одна лишь узкая и на вид хрупкая перемычка из камня.

Подкатываясь к этой стене из камня, железа и бетона, Ангара вдруг круто сворачивает к правому берегу и с глухим рокотом устремляется в донные отверстия водосливной части плотины.

А на перемычках, бечевниках, эстакадах, на дне, отвоеванном у реки, по-прежнему дружно работают люди, без устали кланяются экскаваторы. Никто не внемлет гневному голосу покоренной Ангары. А ведь строители на-

верняка знают, что они взялись померяться силами с легендарной рекой.

Эта хозяйская уверенность людей от ясности и величия задач, которые они призваны решить, от сказочности свершенного.

Если бы вам удалось хоть на мгновение подняться на самолете над каньоном реки, перед вашим изумленным взором открылась бы незабываемая картина преобразования тайги.

Там, где еще совсем недавно стояли девственные леса, ныне появилось шесть поселков строителей, проложено 400 километров шоссейных и железных дорог, 300 километров подземных коммуникаций, 1300 километров линий электропередач и густая сеть линий связи. В трудовой армии покорителей Ангары — 26 тысяч строителей, 120 экскаваторов, 2000 автомашин и несколько тысяч других строительных механизмов.

В составе подсобных предприятий — заводы товарного бетона, общей мощностью 1,5 миллиона кубометров в год, лесопильно-деревообрабатывающие предприятия, мощностью в один миллион кубометров переработанной древесины, гравиесортировочные и дробильные заводы, полигоны сборных железобетонных конструкций и многие другие предприятия.

Проектно-изыскательские работы по строительству гиганта советской энергетики Братской ГЭС ведут десятки различных институтов и научно-исследовательских учреждений. Свыше семисот предприятий страны шлют на берега Ангары свою продукцию.

Нет, не с голыми руками вышли сибирские гидростроители на штурм великой реки. Вооруженные опытом покорения Волги и Днепра, Камы и Дона, вооруженные новой и новейшей техникой, творят они героические дела.

И это будет!

Вдохновенным трудом многотысячной армии строителей преобразуется Средняя Ангара. И преобразуется не по дням, а по часам. Пройдет еще немного времени, и в этом далеком таежном краю возникнет новый экономический район Прибайкалья. Там, где сейчас дыбятся отвесные скалы Пурсей и Журавлиная грудь, реку перегородит пятикилометровая плотина крупнейшей в мире Братской ГЭС. В средней, бетонной, части ее расположатся здание гидроузла и водосливная часть станции. Здесь покоренная река будет отдавать свою исполинскую силу двадцати мощным турбинам, с шумом низвергаясь с головокружительной высоты. Многочисленные линии электропередач, которые к тому времени поднимутся над преображенной тайгой, понесут живительную энергию второй ангарской гидростанции десяткам старых и новых заводов, фабрик, сел и городов Сибири.

Перед плотиной разольется настоящее пресноводное море, равного которому еще не создавали руки человека. Оно разольется чуть ли не до самого Иркутска — на 570 километров — и будет иметь в окружности около восьми тысяч километров. Высокомеханизированные порты Братск, Заярск и десятки других пристаней поменьше смогут принимать большегрузные суда морского типа.

На берегах Братского моря, в непосредственной близости от гидроузла, раскинется Новый Братск и ряд рабочих поселков. В них разместятся десятки новых предприятий, в том числе крупнейшие на востоке страны заводы строительных материалов, деревообрабатывающие комбинаты, ремонтно-механический завод, предприятия по производству картона, бумаги, спирта, древесно-волокнистых и древесно-стружечных плит.

А неподалеку от них, еще больше потеснив сибирскую тайгу, встанут корпуса новых заводов, комбинатов, предприятий. На базе Ангаро-Илимских железных руд и коксующихся углей Приангарья получат развитие новые отрасли производства — черная и цветная металлургия, углехимия и электрохимия, машиностроение и станкостроение.

В новых городах, которые строятся и проектируются на берегах Ангары, будут жить сотни тысяч людей. Они вселятся в новые светлые квартиры двух- и трехэтажных домов с центральным отоплением, электроплитами, ванными и душевыми. В распоряжении горожан будут десятки кинотеатров, стадионов, спортплощадок, клубов, билиотек, парков, купальных бассейнов, магазинов, ресторанов, павильонов. Зелень и асфальт отлично дополнят архитектурные ансамбли.

Таковы перспективы величайших преобразований этого далекого таежного края.

В нарастающем звучании голосов, натужном гуле машин и ярком сиянии огней в Прибайкальской тайге ясно ощущается живое дыхание грядущего.

И. И. Молчанов-Сибирский

Из лирической тетради

(неопубликованные стихи)

* *
*

Когда брожу вдоль хмурых хижин,
Бросаюсь в жесткую траву,
Как будто в мгле туманной вижу
Тебя, родная, наяву.
Мерцают звезды надо мною,
И ярче всех одна звезда —
Она зажглась для нас с тобою,
Чтоб не погаснуть никогда.
Уходит на восток, пылая,
Гремя, последняя гроза...

В синеющих горах Китая
Мне видятся твои глаза.
Нет! Заменить никто не сможет
Величия твоей души,
И ту любовь, что всех дороже,
Не разменяю на гроши.
Не загорюсь минутным жаром
Себя на части раздарить,
Всепоглощающим пожаром
Одной любви огонь горит.

16/X-45 г.

* *
*

Наше счастье с тобой повторится.
Да не медли, не медли, скорей
Посмотри на смущенные лица
Наших вдруг повзрослевших детей.
Мы их помним еще в колыбели,
Нам ведь памятен каждый их слог...
А теперь шепчут сосны и ели
Им с измеренных нами дорог,
С тех тропинок, где первые встречи,
Трепет рук и мерцание глаз,
Наше счастье — любви их предтеча.
Пусть же будут счастливее нас.

Пусть любви разгорается пламя
Ясной, чистой, хорошей, большой.
Мы идем, а они вслед за нами
С нерастраченной, цельной душой.
Пусть познают такие глубины,
Знать которые нам не пришлось...
Ярче вспыхнула осень в осинах,
Ветер по лесу мчится, как лось.
Солнце выйдет, и лес озарится.
Воздух смолью настоен — испей.
Наше счастье с тобой повторится
В добром счастье наших детей.

18/X-57 г.

* *
*

Пронес любовь через года разлук.
Она горит, она не стала меньше,
В походах не искал нечаянных подруг,
Не обнимал встречающихся женщин.
Чужим губам не отдавал тепло —
Велели так душа моя и разум.
Я знал, что и нарядное стекло
Не будет никогда подстать алмазам.

И если мне вернуться суждено,
Свершив, что Родина бойцу велела...
Я буду пить, как доброе вино,
Любовь твою, что долго пламенела.
Дни станут несказанно хороши.
Пусть только месяцы быстрее мчатся!
Всем пылом нерастраченной души
Стремлюсь к тебе, чтоб век не разлучаться.

1945 г.

* *
*

Пусть украсит время сединою,
Пусть суровая пора пришла —
Лишь была бы вечно молодою
Чуждая для старости душа.

Неустанно, с радостью трудиться
Для тебя, великий наш народ,
Ведь нельзя бойцу остановиться —
Нужно вечно двигаться вперед.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

КОГДА СПОРЯТ ДРУЗЬЯ

В последние годы, наполненные героическими делами советской молодежи на стройках Сибири, ознаменовавшиеся решениями XXI съезда партии, принятием величественных цифр семилетки, все активнее включается в жизнь наша творческая молодежь. Разнообразен круг тем, нашедших отражение в стихах и рассказах, в пьесах и повестях, как разнообразна и удивительно наполнена событиями жизнь сибиряков. Вот почему почти при каждой редакции районной газеты, а зачастую и при многотиражках организовано за последнее время немало литературных объединений и групп. С каждым днем все оживленнее их деятельность, с каждым днем все выше качество произведений, опубликованных в газетах, журналах, коллективных сборниках.

Некоторые из молодых авторов уже знакомы широкому кругу читателей области. Силами членов литературного объединения Усть-Ордынского национального округа была создана книга стихов и прозы «Мы выросли вблизи Байкала». На русский язык ее перевели молодые авторы Иркутска, и книга вышла в свет. С первой книгой выступила перед юными читателями ангарчанка Алла Стародубова. Ее книжка с веселым названием «Почему-то» доставит немало приятных минут малышам. Готовится книга стихов геолога Георгия Эдельмана, с первыми рассказами на страницах альманаха «Ангара» выступила Е. Ячменева из Братска, опубликовал стихи Ростислав Киселев из Черемхово.

Большим событием в жизни творческой молодежи было областное совещание молодых авторов, проведенное Иркутским отделением Союза писателей РСФСР совместно с обкомом ВЛКСМ.

Много теоретических вопросов, связанных с работой писателя над произведением, было поднято на семинарах прозы и поэзии. Активное участие в совещании приняли иркутские писатели, критики, работники книжного издательства, представитель Правления Союза писателей РСФСР В. Глущенко. Настоящая дружба завязалась между участниками совещания, и мы уверены, что принесет она настоящие плоды.

В разделе «Голоса молодых» мы публикуем произведения участников совещания. Это люди разных профессий, у них разная степень и способностей и умения. И все же их произведения радуют разнообразием тематики, своеобразным видением мира.

Автор повести «На быстрине» Петр Годлевский — журналист. Эта беспокойная профессия заставляет его находиться всегда на передовой линии жизни, спешить туда, где трудно. Как отклик на большие события, происходящие в Сибири в последние годы, появился цикл очерков П. Годлевского, опубликованный на страницах альманаха «Ангара», а затем и повесть, которую мы предлагаем вниманию читателя.

Стихи — всегда удел молодости. К ним прежде всего обращается человек, если сердце его переполнено. Вот почему в разделе «Голоса молодых» так много стихов. Журналист Станислав Куняев и инженер Валерий Алексеев, библиотекарь Марина Богуславская, работник киностудии Борис Лапин и вчерашний солдат Сергей Иоффе, геолог Георгий Эдельман и другие участники совещания взволнованно рассказывают о том, что их волнует, о любви и наполненной жаждой подвига юности, о суровой солдатской службе, и трудных путях, избираемых их поколением.

Пусть же молодые голоса звучат увереннее и громче, пусть все больше и больше новых увлекательных и взволнованных книг создают наши молодые друзья.

Петр Годлевский

На быстрине

Повесть [1]

Комсомольцам, молодым строителям таежной железной дороги Тайшет — Лена посвящается эта книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

По заезженной, разбитой машинами таежной дороге, то и дело проваливаясь в глубокие рытвины, медленно полз крытый зеленый автомобиль. В кузове на новых, пахнущих смолой некрашеных скамейках десятка полтора пассажиров. Трудная дорога сильно выматывала: люди дремали, прислонясь к высокому, обтянутому брезентом кузову. И только двое парней в шинелях и военных фуражках, пристроившись на скамье у левого окна, бодрствовали. Юноши были схожи — оба смуглолицые, широкогрудые крепыши. И лишь тот, что сидел ближе к окну, выглядел поплотнее, кряжистее и, пожалуй, постарше, потому что его высокий выпуклый лоб перерезали две резкие морщины и коричнево-красная накипь шрама, шедшая от правого виска и терявшаяся в гуще черной широкой брови. Это делало юное, свежее лицо не по годам строгим, суровым. Его товарищ — очень подвижный, совсем мальчишка — по обличью напоминал цыгана. Он никак не мог усидеть на месте, нет-нет да и вскакивал и тянулся к окну, стараясь разглядеть, что творится по другую сторону дребезжащего стекла.

— Красотища-то какая, Николай! — то и дело радостно восклицал паренек, и его широкое кареглазое лицо становилось по-детски восторженным, восхищенным. — Такого не увидишь на нашей Смоленщине!

Николай, откинувшись на спинку скамьи, молча кивал товарищу. Прикусив обветренную нижнюю губу, он серыми блестящими глазами смотрел на сплошную стену деревьев и кустарников, которые поднимались прямо у борта машины, на далекие, затянутые белесой дымкой сопки, что временами проглядывали через лесную чащобу. Ему, жителю степной России, особенно дивным казалось это неоглядное скопище деревьев. Сосны и лиственницы, осины и березы заполонили здесь всю землю, оставив над головой лишь просветы иссиня-лазурного неба.

— Что, опять о своей Катюше размечтался? — толкнул Николая товарищ. — Я ему тут

[1] Печатается с сокращением.

про тайгу прямо соловьем разливаюсь, а он — ни звука... — И, видя, что его слова не производят на друга должного впечатления, он только развел руками. — И что там за Катенька? Чем она такого хлопца приворожила? Увидеть бы ее поскорее.

Но и на этот раз Николай промолчал. Только на секунду оторвался от окна, неодобрительно качнул головой, как бы намекая: «Ну и говорун же ты, дорогой!». И тут же он вдруг вскрикнул от удивления. В каком-нибудь полукилометре, у подножья сопки, оттеснив тайгу, лежала железнодорожная насыпь, двойная полоса рельс.

— Вася, смотри! — потянул к себе товарища Николай. — Железная дорога!

Василий живо пододвинулся к окну.

— Так это ж наша дорога! — решительно высказал он свое предположение.—Ну, конечно! Это второй строительный район отличился. — Василий прижался к стеклу так, что нос побелел и стал походить на картофелину. И только когда дорога затерялась за деревьями, он нехотя опустился на свое место.

— Большое это дело — проложить дорогу через тайгу, — сразу посерьезнев, в раздумье проговорил Василий. — Человек без поклажи и тот с трудом пробивается через это скопище деревьев, сопки. А тут паровозам огромным надо железный путь построить. Через весь Север. До самого океана. Да, трудная это работенка...

— Что, сомневаться начинаешь?

— Нет, Николка, за себя я не боюсь. Я по-солдатски, хоть на брюхе, а доползу до конца. Зачем бы тогда путевку комсомольскую брать?

Автомобиль, в котором находились два друга, направлялся в Загорск, где располагалось управление строительства таежной железной дороги. Путь шел вдоль будущей трассы. И чем ближе они подъезжали к Загорску, тем чаще машина останавливалась. Чуть ли не на каждом километре дороги велись работы. И каждый раз находились желающие попасть по делам службы в управление стройки. Скоро в машине набралось столько народу, что не стало свободных мест. Стиснутые со всех сторон, друзья приумолкли и только нетерпеливо поглядывали в окно.

На одной из таких остановок ребята выбрались наружу подышать свежим воздухом. А когда вернулись, то на их месте сидела маленькая худощавая девушка в сером, сшитом в талию пальто и модной салатного цвета шляпке. Ребята в нерешительности остановились.

— Я ваше место заняла? — приподнимаясь со скамьи, смущенно спросила девушка, вскинув на друзей большие, отдающие синевой глаза.

— Вообще-то, конечно, это... — начал было Василий, но, увидев, что девушка освобождает их место, предостерегающе поднял руку. — Сидите, сидите. Мы и постоять можем.

— А зачем мне вытеснять вас, — возразила девушка. — Скамья просторная, усядемся и втроем.

Несколько минут, пока машина набирала скорость, они молчали, присматриваясь друг к другу. Но вот в окна снова дохнула прохладой тайга, и тут пассажиры, как бы сговорившись, о чем-то заспорили, зашумели. Василий чуть наклонился вперед, чтобы лучше видеть соседку, плутовато прищурился и поинтересовался:

— А вы что, в Загорск?

— В Загорск, — охотно подтвердила девушка и тут же спросила сама: — И вы туда же?

— Нет, мы в Осиновку.

— Работать?

— И работать и не работать, — слукавил Василий, но потом пояснил: — Мы туда за экскаватором едем. Только вчера закончили курсы и сразу выехали за новой машиной. А работать, говорят, будем в первом строительном районе. В Бирюсе.

— Так это ж у нас, — обрадовалась девушка. — Ну, тогда я вас знаю.

— Нас?! — Василий и Николай удивленно переглянулись.

— Конечно. В район должны прибыть два «Уральца». Один уже в пути, а другой стоит. Ждут экскаваторщиков. Вас ждут.

Вера Смирнова — так звали девушку — работала в Бирюсе старшим мастером. Правда, теперь она уже секретарь комсомольской организации района. Ее только вчера избрали.

— Если бы вы знали, как не хочется бросать работу мастера, — пожаловалась Вера своим дорожным попутчикам. Признание вырвалось у нее неожиданно, и она в первую минуту даже пожалела, что заговорила об этом. Но, видно, все так наболело на душе, а ребята с таким вниманием и участием слушали ее, что она доверчиво улыбнулась и продолжала: — Пять лет училась в институте, только начала разбираться в своем деле — и вот приходится бросать. Теперь решила поехать в Загорск, в управление. Может, еще оставят на прежнем месте.

Как-то получилось так, что Вера больше обращалась к Василию, а Николай только присушивался к их разговору, изредка встав-

лял свои замечания. Потом ему это надоело. Он откинулся на спинку скамейки, прикрыл выгоревшими на солнце белесыми ресницами беспокойные глаза и задумался.

Если бы Николаю Черкесову год тому назад сказали, что он скоро будет экскаваторщиком, приедет в Сибирь строить в тайге железную дорогу, парень только бы рассмеялся, принял все за шутку. Двадцатитрехлетний старший лейтенант, летчик-истребитель, он был в то время увлечен освоением новой сверхскоростной машины. Николаю пророчили счастливую звезду на воинском поприще. Но однажды во время учений его самолет был поврежден. Раненый летчик с трудом покинул загоревшуюся машину. От этой аварии осталась метка — шрам на правом виске. Когда Черкесов выписался из госпиталя, медицинская комиссия признала его не годным к полетам.

Дома, в Сталинграде, Николая встретили хорошо. Мать первое время не отходила от него ни на шаг. Но в каждом взгляде родных юноше виделась не только радость, что наконец-то сын рядом, на глазах, но и жалость, боль. Словно он не здоровый, крепкий парень, которому придирчивые врачи запретили на пару-тройку лет подниматься в воздух, а искалеченный жизнью несчастный человек. Сознавать это больно и обидно.

Был у Николая дорогой ему человек — Катюша Прохорова, друг детства, любимая девушка. Катя после окончания техникума уехала на строительство железной дороги в Сибирь, где работала диспетчером автоколонны первого строительного района.

«А почему бы не поехать в далекую Сибирь?» — эта мысль возникла у него сразу же после приезда в Сталинград.

Правда, в последнее время девушка очень редко писала ему.

«Видно, отвыкла»,—думал Черкесов, читая ее скупые, короткие весточки. Иногда в голову приходила мысль, что, пожалуй, этот холодок отчужденности имеет более серьезные причины. Может, уже пришло равнодушие? Нет, нет. Слишком много у них было хорошего, чтобы так скоро все ушло, забылось. Ведь и свои письма Катя по-прежнему подписывала: «Твоя Катюша».

Недолги сборы солдата. Положив в новенький вещевой мешок (чемодан постеснялся брать) пару белья, выходной костюм, бритву, Черкесов сел в первый же поезд, идущий на восток.

Начальник отдела кадров стройки, низенький полнотелый мужчина, несколько минут молча вертел в руках документы Николая, озабоченно морща лоб. Потом неожиданно спросил:

— На административную работу желаете? Ну, скажем, в жилищно-коммунальный отдел или автобазу?

— Нет, нет, — запротестовал Черкесов. — Мне так, чтобы землю вынимать. На экскаваторе или скрепере...

— Это уже сложнее. Тогда нужно подучиться.

— А это долго?

— Три-шесть месяцев.

И Черкесов попал на курсы в учебный комбинат. Там познакомился и подружился с веселым задиристым пареньком Василием Свиридовым. Василий по комсомольской путевке прямо из части приехал на стройку.

Занимались на курсах недолго. Прошло полгода, и вот они уже едут принимать машину. Пройдет какой-нибудь час, и Черкесов увидит свой экскаватор.

Николай выглянул в окно. Машина медленно, как бы на ощупь, спускалась к заросшей осокой и камышом речушке. За речкой будет Осиновка. Черкесов потянул за рукав шинели увлеченного разговором друга и кивнул на выход: кончай, мол, дискуссию, пора собираться. Василий с неохотой поднялся со скамьи. Переехав мостик, автомобиль замедлил ход и остановился.

Захватив мешки, ребята спрыгнули на землю.

— Желаем успеха! — крикнул в раскрытую дверь машины Василий. — Встретимся в Бирюсе!

Свиридов с минуту смотрел вслед ушедшей машине, потом повернулся к Черкесову.

— Вот и познакомились с первым человеком из Бирюсы. Хороша дивчина! — Он прикрыл глаза ладонью, загораживаясь от слепящего солнца, снова глянул вслед машине. — Ух и хороша! — И, довольный, радостно засмеялся.

2

Осиновка — маленькая, затерявшаяся в тайге железнодорожная станция. На отвоеванной у леса небольшой площадке, рядом с замшелыми столетними соснами, разместилось десятка полтора новеньких щитовых домиков и крохотный деревянный вокзальчик. Эта станция была последней, куда строители успели проложить рельсы от великой Транс-

сибирской магистрали. Отсюда поездом можно было уехать на многие тысячи километров на запад, хоть до самой Москвы. А на восток рельсы обрывались сразу за станцией. Дальше лежала тайга.

Монтажную площадку, где собирались механизмы, ребята нашли в самом дальнем конце станции, в тупике, до отказа забитом вагонами. Здесь, рядом с железнодорожным полотном, один возле другого, теснилось несколько экскаваторов.

Они еще издали увидели свой «Уралец». Он стоял, возвышаясь над всеми, — громадный, кряжистый, поблескивая на солнце гладкой поверхностью свежевыкрашенных деталей.

Возле экскаватора никого не видно. Закинув на плечи вещевые мешки, помогая друг другу, они забрались на лесенку, поднатужившись, отодвинули железную дверь и вошли внутрь. В кузове затишье, удушливо пахло краской и маслом. В сизой полутьме тускло поблескивали моторы.

Ребята некоторое время стояли неподвижно, разглядывая электромоторы, тросы, переплетения разных проводов, трубок. Конечно, все это они видели и раньше. Во время практики им приходилось работать на. таком же экскаваторе. Но теперь они все рассматривали как бы заново, словно встретили впервые. Самое главное заключалось в том, что это был уже их экскаватор, это был «Уралец», на котором им придется работать не день-два, а многие месяцы, даже, возможно, и годы.

Осторожно опустив мешок на холодный металлический пол, Василий приоткрыл узкую железную дверь, что вела в кабину управления. Но Свидиров не вошел в кабину, а удивленный повернулся к Николаю, выжидательно стоявшему позади.

— Здесь люди есть, — шепнул он.

В кабине на разостланном возле сиденья черном пальто спиной к двери сидел узкоплечий паренек. Перед ним на толстом, залитом маслом картоне лежал разобранный моторчик, в руках — пухлая, изрядно потрепанная книга в синем коленкоровом переплете.

Василий наклонился над юношей, дотронулся рукой до худенького плеча и, растягивая слова, проговорил:

— Эй, хозяин! Караулишь плохо. Прозеваешь добро.

Паренек, не оборачиваясь, молча отмахнулся рукой.

Василий с Николаем переглянулись. Потом Свиридов снова тронул паренька за плечо.

— Слышь, хозяин!

Юноша неохотно оторвался от книги, повернулся и поднял на экскаваторщиков недоуменные глаза. Некоторое время он молча смотрел то на Николая, то на Василия, потом стал подниматься, стараясь загородить разбросанные детали.

— Вам кого? — почему-то шепотом спросил он.

Николай осторожно взял из его рук книгу и заглянул на корешок.

«Далеко от Москвы» — бросилось в глаза тисненное золотом название. Черкесов ожидал увидеть какую-нибудь техническую книгу, пособие по экскаватору и поэтому, прочитав название, оторопело взглянул на юношу. Разбирать мотор и читать роман — вот это здорово!

«Лентяюга, наверное, несусветнейший!» — с неприязнью подумал Николай. Но стоило только отвести от книги глаза и встретиться с простодушным взглядом паренька, как он невольно улыбнулся. Столько испуга и неподдельного изумления было на его большелобом курносом лице, обильно сдобренном крупными конопатинами, что Николай расхохотался. Чтобы не обидеть паренька, он, глуша смех, примиряюще спросил:

— Подожди-ка, друже. А про что ты сейчас читаешь?

— Алексей Ковшов и Беридзе пропали, — хрипло ответил паренек, и его веснушчатое лицо полыхнуло пунцовой краской. — Их разыскивают. Замерзли, наверное...

— Страшно за них?

— Страшно, — признался юноша.

— И мне тоже было страшно, — одобряюще улыбнулся Николай. — Помню, привезли нам эту книгу в часть, и мы по вечерам целой эскадрильей вместе читали. Вслух. И вот как до этого места дошли, тоже переживали. Хотелось поскорее узнать, что с ними. И все радовались, когда узнали, что они не пропали, спаслись...

— Только не рассказывайте дальше, — запротестовал паренек. — Неинтересно тогда читать.

— Не буду, не буду, — сразу согласился Черкесов и протянул ему книгу. — Сам все узнаешь. — Он покосился на заслоненный юношей разобранный механизм и лукаво подмигнул: — А что это ты там прячешь, друже? Секретную машинку, что ли?

— Это? — живо посторонился юноша и махнул рукой на груду деталей. —Так это я повинность отбываю. Третий раз заставляет меня бригадир разбирать электромотор.

— Зачем?

— Начальство из себя строит, — зло скривил губы паренек и неохотно пояснил: — Не

угодил я ему, сказал напротив, так он теперь и придирается. Я, мол, бригадир, а ты — шавка.

— А чего ты молчишь? Если ему хочется мотор разбирать, так пусть сам и делает, — посоветовал Черкесов. — Может, духу не хватает?

— Если бы не хотелось на «Уральце» поработать — давно бы ушел, — с грустью проговорил маленький экскаваторщик, пряча подозрительно заблестевшие глаза. — Ты не знаешь Горохова. У него авторитет в Бирюсе. Большущий. Если взъестся, то не то что с экскаватора, с района выживет.

— А ты кем на «Уральце» работаешь? — вмешался в разговор Свиридов.

— Я? — паренек повернулся к Василию, на мгновенье задержал на нем взгляд. — Временно за машиниста. А так — первым помощником.

— Куда ж остальные ребята подевались?

— За деньгами в район подались. Сегодня зарплату дают. А вы что, из армии? — окинув оценивающим взглядом одетых в шинели Черкесова и Свидирова, спросил машинист. — Только приехали? Тогда идите в экскаваторщики. Самая, что называется, наикрасивейшая профессия на всем строительстве.

— Смотри-ка, агитатор, — рассмеялся Василий. — Нет, дорогой, опоздал. Мы уже работать приехали.

— А... а... — многозначительно протянул экскаваторщик, присаживаясь на полу и разбирая брошенные в беспорядке детали. Вдруг он поднял голову, насторожился. У входа в экскаватор послышался громкий требовательный голос:

— Мишка! Куда ты девался? Опять в книгу вцепился.

— Бригадир пришел! — вскочил на ноги паренек, бросился к двери, потом повернулся и, приложив к губам палец, прошептал: — Только про «Далеко от Москвы» молчок.

— Принимай хлеб! — послышался снизу тот же властный, требовательный голос, и в дверях показался доверху набитый буханками большой серый мешок. — На всю дорогу припасли.

Мишка цепко схватил обеими руками мешок, с трудом втянул его внутрь кузова и поставил на пол. Потом высунулся наружу и протянул руку. С его помощью на экскаватор взобрался приземистый широколицый парень в синем плаще, перехваченном в талии поясом.

Заметив внутри машины незнакомых людей, он удивленно взглянул на паренька, словно спрашивая, кто это такие, а потом уверенно и размашисто шагнул в их сторону и протянул свою короткую широкопалую руку.

— Горохов. Юрий Яковлевич. Бригадир, — коротко назвался он и вопросительно взглянул на незнакомцев.

Узнав, что Черкесов и Свиридов присланы на экскаватор машинистами, Горохов на мгновенье задержал на них маленькие, в косоватых прорезях хитрые глазки и неопределенно кивнул головой.

— Это хорошо. Мы вас второй день ждем.

Николай случайно повернулся в сторону Мишки и увидел, как у того из-под пушистых белобрысых бровей радостно блеснули озорные глаза. Это открытие обрадовало его. Было приятно, что в экипаже нашелся человек, которому по душе их появление.

3

В дорогу решили трогаться на следующий же день на рассвете. Перед отъездом заранее договорились о сменах, расставили людей. Мишка попал помощником к Николаю.

— Зачитается он у тебя во время смены, — подшучивал Василий. — Все моторы пожжет. Натерпишься ты, Николка, горюшка...

Едва темный небосвод подернулся на востоке бледно-розовой прозрачной пеленой, «Уралец» двинулся в путь. Шел он по обочине дороги неторопливо, словно нехотя взбивая пыль тяжелыми массивными гусеницами.

Первые километры экскаватор вел Горохов. Николай и Василий все время находились позади него. Бригадир сидел неподвижно, лишь иногда отрывал взгляд от земли и поворачивался назад, как бы желая убедиться, там ли машинисты.

Ребята молчали, чувствовали себя стесненно. Даже говорун Василий и тот, косясь на аккуратно подбритый затылок бригадира, угрюмо посапывал и озабоченно хмурил брови. Настороженно вел себя и Горохов.

Когда экскаватор выехал на хребет возвышенности, откуда дома Осиновки казались игрушечными коробочками, бригадир спросил:

— Ну, кто поведет машину?

Николаю очень хотелось самому сесть за рычаги, испытать незнакомую машину, но, встретив отчаянный, просящий взгляд Василия, он посторонился и подтолкнул его к сиденью.

— Иди, Васек, попробуй.

Свидиров с благодарностью взглянул на друга и молча потянулся к рычагам.

А Горохов, глядя на их взволнованные, счастливые лица, с чувством превосходства насмешливо улыбнулся:

«Мальчишки! А еще в армии были».

Отодвинувшись от рычагов в сторону, Юрий прислонился широким плечом к холодной, подрагивающей стенке кабины. Он молча стал следить за лихорадочными, торопливыми движениями Василия. Опытный наметанный взгляд бывалого машиниста сразу заметил неточность в его движениях, нерешительность, боязнь. А когда экскаватор, управляемый не совсем умелой рукой молодого машиниста, дернулся, Горохов вместо выговора, который он, по обычаю, делал своему помощнику за ошибки, промолчал, крепче сжал губы и с неожиданной радостью подумал:

«Эх ты, птенчик! Рычагами-то двигать как следует не умеешь. Тоже мне, экскаваторщик!»

Увлеченный передвижением рычагов, Василий не заметил на пути экскаватора небольшой ямы, которая осталась после соснового пня на обочине дороги. «Уралец», коротко шлепая гусеницами, наехав на край ямы, начал клониться вперед. Свиридов от неожиданности растерялся, потом рванул рычаг, что было сил нажал на тормоза. В ту же секунду рядом с ним очутились Горохов и Николай.

— Шляпа! — сердито выругался Юрий, — это тебе не из автомата строчить. Это ведь машина!

Прикрыв вспотевшими ладонями рычаги и тяжело, с хрипом вдыхая воздух, Василий, опустив голову, застыл на сиденье.

— Чего расселся? Подымайсь! — коротко приказал Горохов. — Сам выведу.

Василий, не поднимая головы, покорно поднялся с места. Но тяжелая рука Черкесова опустилась ему на плечо.

— Пускай сам выводит, если залез, — круто повернулся к бригадиру Николай. — Наука будет. В другой раз умнее поведет. А сейчас пускай поучится.

Горохов хотел было возразить, но, встретив спокойный немигающий взгляд машиниста, с трудом подавил клокочущую в груди ярость и неохотно процедил сквозь зубы:

— Ладно, паря. Пусть выводит...

Пока Василий отводил экскаватор назад, Горохов стоял в сторонке, в углу кабины, и поверх головы Свиридова смотрел прямо перед собой. Он больше не сказал ни слова, и только тугие желваки, судорожно бившиеся на его тщательно, до синевы выбритых скулах, выдавали волнение. А когда вместо Василия за рычаги сел Николай, Горохов потихоньку выбрался из кабины управления.

4

День выдался на редкость ясный, светлый. Слепящие солнечные лучи, врываясь через высокие сводчатые проемы, высвечивали сизые табачные клубы дыма, заставляли щуриться. Трудно усидеть в такую замечательную осеннюю пору в душном кабинетном чаду. Но сейчас Константину Иосифовичу Бородину не до любования природой. Уже третий месяц проходит, как его, Бородина, отстранили от руководства Бирюсинским строительным районом, третий месяц слоняется он в районе. То ему поручают проследить за строительством гаража для автомашин, то заставят проверять состояние механизмов в каком-либо строительно-монтажном поезде. А последнее время, дней двадцать, он отвечает за жилищные дела в Бирюсе. Это он, инженер-строитель! Ему хочется большой, серьезной работы. Он может ее выполнять. Константин Иосифович так и сказал начальнику строительства Федору Петровичу Шиктову. А он? Он внимательно выслушал, даже, кажется, несколько раз утвердительно кивнул головой, а потом сказал осуждающе:

— Об этом раньше надо было думать. Раньше! Бесконечно нянчится с тобой никто не будет. Хватит, Бородин!

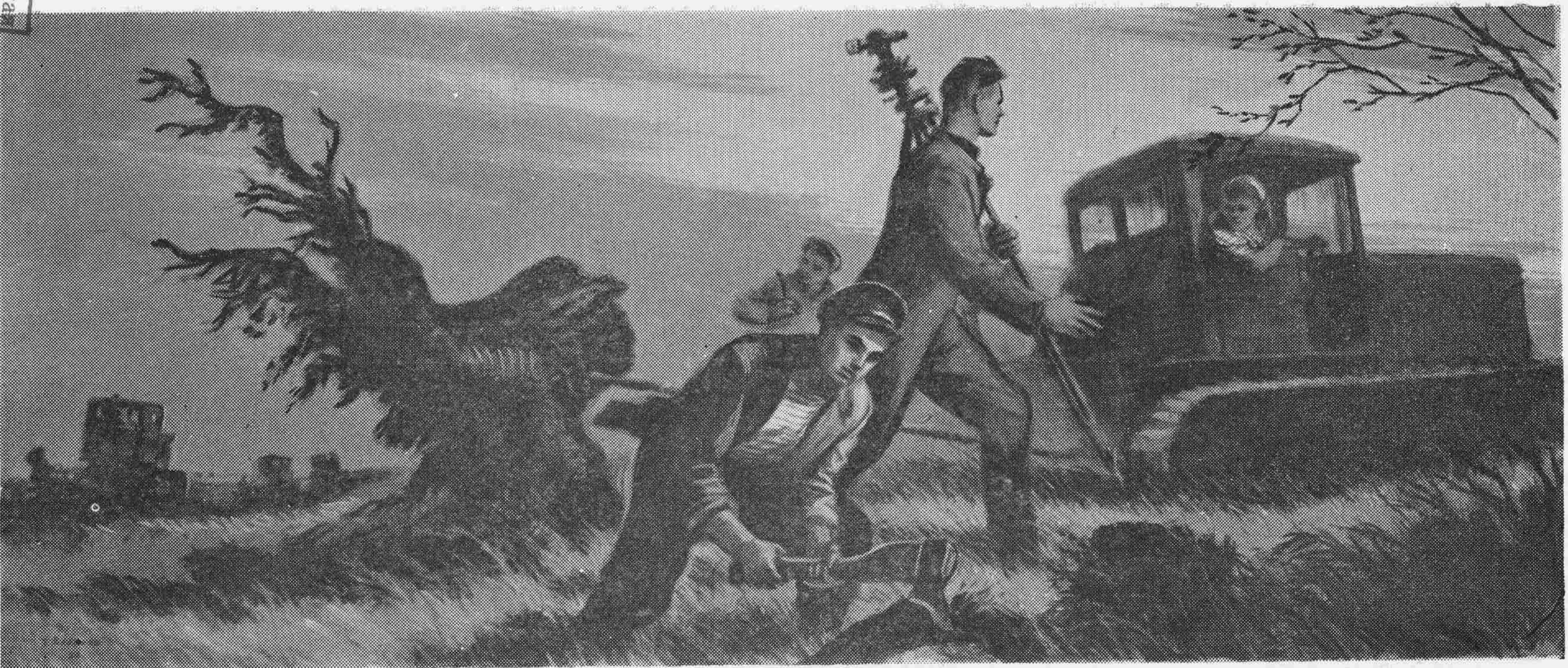
И это сказал Федор Шиктов, его школьный товарищ, человек, с которым вместе кончали институт, не раз спали на одной койке!

Да, это был конец. Если уж Федор сказал «нет!», другой кто едва ли поможет. Федор мог, учитывая прошлое, дружбу, помочь выбраться из проклятой Бирюсы. А для остальных он всего-навсего бывший начальник района, снятый с работы по требованию партийной организации, всего коллектива. С такой характеристикой в другом месте и начальником жилищной конторы не захотят поставить...

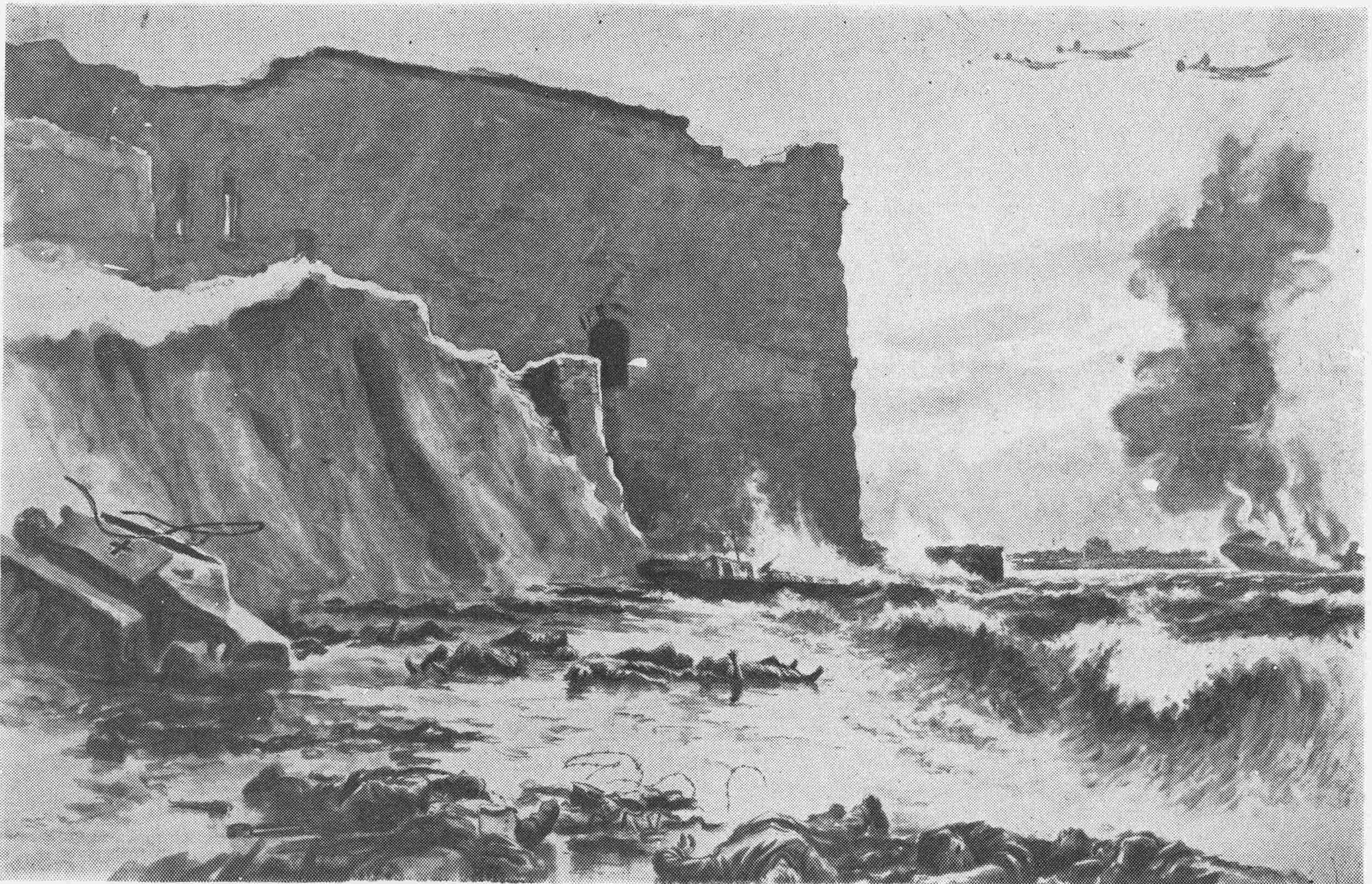
Несколько минут Константин Иосифович стоял неподвижно, не зная, как поступить дальше, что говорить. Чтобы как-то затянуть время, выкроить минуту на размышление, Бородин шагнул к окну и долго глядел на окутанные зыбким маревом далекие сопки.

«Что же делать? Где выход?»

Когда Константин Иосифович снова повернулся к Шиктову, тот уже обложился какими-то бумагами и делал записки в своем блокноте. Крупная гривастая голова, выпирающие бронзовые обветренные скулы, прямой тонкий нос и красиво очерченные полные губы, над которыми щетинилась черная ниточка усиков, — все это было давно и хорошо знакомо



ПОКОРИТЕЛИ ЦЕЛИНЫ. Автолитография худ. П. Баранова, 1959 г.



ВРАГИ СБРОШЕНЫ В МОРЕ. Из серии «Героический Севастополь».
Тушь, худ. П. Баранов, 1959 г.

Бородину. Глядя на лицо своего старого друга, Константин Иосифович подумал, что не может Федор Шиктов хоть чем-нибудь не поддержать его в трудную минуту. И, повинуясь этому вдруг возникшему убеждению, он вплотную подошел к столу начальника строительства и тихо, словно боясь нарушить кабинетную тишь, спросил:

— Как же, Федор? Как же мне быть дальше? А?

Шиктов вздрогнул от неожиданности, поднял голову и удивленно глянул на Бородина.

— Ты еще здесь?

— Да... — Константин Иосифович схватился длинными пальцами за край стола, страдальчески изогнул тонкие черные брови, став в эту минуту удивительно похожим на трагика из старинной драмы, и заговорил горячо, торопясь: — Я прошу. В последний раз. Не могу я в Бирюсе. Каждый пальцем тычет...

Шиктов поднялся из-за стола, смял пальцами угол блокнота и решительно перебил:

— Хватит, Костя! Я в тебя не верю. Понял, не верю. Возвращайся в район. Там решат, что с тобой делать. — И, видя, как отпрянул от его слов Бородин, Шиктов, понизив голос, жалея, добавил: — Я с Брянцевым поговорю. Может, он еще что сделает...

Он долгим взглядом до самого порога кабинета проводил Бородина, тяжело опустился на стул. Полистал рукой лежавшие на столе бумаги, взялся за карандаш, чтобы продолжать работу. Но не мог. Из головы не выходил просящий голос Константина Иосифовича, его дрожащий подбородок, бегающие глаза. Эх, что осталось от прежнего Бородина, недавнего начальника отдела Министерства строительства! Стыдно, мерзко.

Взгляд Федора Петровича упал на стену напротив. Там, заняв весь трехметровый простенок между углом кабинета и дверью, голубела огромная карта. Широко ступая по мягкой дорожке, он прошел к карте. Через весь трехметровый лист пролегла широкая извилистая лента. Это железная дорога. Вернее, будущая дорога. На 700 километров она должна пройти в глубь тайги на северо-восток. Трасса дороги изображена различными красками — черной, красной, синей. Черной краской, которой отмечалась готовая часть дороги, было покрыто лишь два участка, километров по сто каждый. Между ними километров сто пятьдесят красной линии. Это готовое к укладке шпал и рельсов полотно. А дальше, на север, почти сплошная синяя трасса. Это участок Бирюсинского строительного района, бывшее хозяйство Бородина.

Эх, Костя, Костя! Как дорого обошлось стройке твое зазнайство. Когда приехал в Загорск из министерства, получил назначение в Бирюсу, грозился сделать район лучшим, передовым на дороге. И за полгода довел до... последнего места. Вздумал строить железную дорогу без жилья для рабочих, мастерских и гаражей, решил, что обойдется будочками, времяночками. Да продержался только до первых сильных морозов. Потом вся работа стала. Люди мерзли, роптали, машины никак не заводились. Вот и пришлось тогда вмешиваться, снимать с должности. Снять-то сняли, а время было упущено. И теперь придется как следует поработать, чтобы поправить положение. Правда, сейчас район возглавляет совсем другой человек — опытный, умелый строитель Брянцев Иван Сергеевич. Странное совпадение: преемник Бородина тоже вместе с Федором Петровичем кончал институт, был его другом. Только за плечами у Ивана Сергеевича большая трудовая школа. Они вместе начинали свой инженерный путь с мастеров, не один год пробыли прорабами, прежде чем стали начальниками участков и управлений. Нет, на Ивана можно надеяться.

Воспоминание о Брянцеве понемногу развеяло тягостное впечатление от разговора с Бородиным. Федор Петрович отвернул рукав пиджака и глянул на часы. Половина первого. С минуты на минуту сам Иван Сергеевич должен прибыть из Бирюсы. Уже третий день, как Шиктов появился на стройке после поездки в Москву, но все никак не мог увидеться с начальником Бирюсинского района. Тот где-то в тайге пропадает. Целую неделю не появлялся в Бирюсе. Видно, что-то очень важное случилось, коль так долго задержался. По пустяку он не оставит района на такой большой срок.

А Иван Сергеевич нужен. Очень нужен. Сейчас в Москве решается вопрос с их дорогой. Обещают вдвое увеличить ассигнования, добавить техники. И теперь Шиктов ни за кого не беспокоился так, как за бирюсинцев. Смогут ли они ускорить работы? Это важно особенно потому, что на их территории уже раскинулось строительство мощной гидростанции, завершаются изыскательские работы по крупнейшему в Сибири железному руднику. И там сейчас задыхаются от нехватки материалов. Выручить их должна новая железная дорога. Но дороги-то еще нет...

От размышлений Федора Петровича оторвал стук в дверь. Он с любопытством глянул, кто решил к нему пожаловать. В широком дверном проеме показался рослый русоволо-

сый мужчина в офицерском кителе без погон и пыльных кирзовых сапогах. Он на мгновенье задержался на пороге, близоруко щурясь, оглядел кабинет.

— Иван! — Шиктов шагнул навстречу пришельцу, обхватил его за плечи длинными сильными руками. — Ну, здравствуй, здравствуй!

Они минут пять топтались друг против друга, хлопали по плечам, улыбались чему-то, известному только им одним. Что говорить, даже месяц разлуки для настоящих друзей это очень большой срок! Наконец Федор Петрович, придерживая Брянцева за плечо, повел к стоявшему в углу кабинета дивану.

— Давай рассказывай, — нетерпеливо дернул он Ивана Сергеевича за рукав кителя. — Чего в тайге выискал?

Брянцев на мгновенье задумался, как бы примеряясь, с чего лучше начать, потом вдруг встал, подошел к карте.

— Смотри сюда, — Иван Сергеевич плавным движением руки провел по тому месту, где синела трасса Бирюсинского района. — Вот видишь, от Бирюсы линия к Загорску идет не на юго-запад, а ползет круто на север. Дело в том, что на пути дороги встала гряда сопок, и проектировщики решили обойти ее. Идти напрямик, через сопки, всего пятнадцать километров. Обходной вариант увеличивает длину трассы до 68 километров. Разница громадная!

При первых же словах Федор Петрович поднялся с дивана, подошел к Брянцеву и внимательно, словно хотел там найти разгадку всему сказанному, уставился на карту. Он прекрасно знал об этом обходе, не раз пролетал по этому месту на самолете, но сейчас с интересом следил за движением пальцев Ивана Сергеевича, который для большей наглядности водил рукой по бумаге.

— И ты предлагаешь пробить дорогу напрямик, через сопки? — предугадывая дальнейший ход рассуждений Брянцева, высказал свое предположение Федор Петрович.

— Именно так!

— Извини, Иван, неужели проектировщики были дурнее нас?

— Не могу утверждать. Только, по-моему, проектируя дорогу, они искали, главным образом, трассу более удобную для прокладки, старались всячески приспособиться к рельефу местности. Это неплохо. Знаю, порой лучше проложить лишние десять километров, чтобы обойти какой-либо холм. Но у нас в Бирюсе обход сделан неоправданно. Я с группой геологов и геодезистов неделю лазал по тайге. В шести километрах от Бирюсы обнаружили переход через сопки. Правда, там придется покопаться. Зато в четыре раза сократим трассу, почти полтора года выиграем!

— Ну, уж так и полтора года...— недоверчиво протянул Шиктов. — Легко ты больно годами бросаешься.

— Подожди, Федор Петрович. Не торопись с заключениями. — Иван Сергеевич с торжествующим видом вытащил из нагрудного кармана кителя несколько листов бумаги, развернул их и протянул Шиктову. — Вот предварительные расчеты, заключение геологов и геодезистов. — И пока начальник строительства знакомился с записями, он, заложив руки за спину, остановился перед картой и продолжал говорить все так же горячо: — Теперь уж не придется шестьдесят восемь километров прорубаться через тайгу. Все будет на одном «пятачке», на пятнадцати километрах. И люди будут жить в благоустроенных домах, гаражи под боком, карьеры каменные и песчаные рядом. Это, брат, не шутка!

А Федор Петрович, не обращая на него внимания, углубился в чтение. Несколько прядей мягких завитков волос сползли на его выпуклый лоб, нависли над глазами. Но он даже не старался отбросить их назад движением руки, как бы боялся выпустить исписанные разными почерками листочки бумаги. Губы его шевелились, словно он читал по слогам, а на лице проглянула радостная улыбка. Иван Сергеевич, взглянув на него, усмехнулся: «Доволен».

— А как проход через сопки думаешь делать? — вдруг оторвался от бумаг Шиктов. — Взрывчаткой пробивать?

— Нет, у нас другой план. — Брянцев, очевидно, ждал этого вопроса и был готов отвечать. — Сейчас мы получили два новых «Уральца». Один уже прибыл, а другой в пути. Эти машины запланированы для работы в карьерах. Если отказаться от обходной трассы, то один экскаватор вполне обеспечит нас камнем и песком. А второй мы поставим делать прорезь через сопки.

— Вот чертяка, все продумал, — удивленно крутнул головой Федор Петрович.

— Ну, предположим, моей заслуги как раз немного. Я, как говорится, сливки снимаю. А начинали все рядовые инженеры, коммунисты. И особенно много сделал парторг Карпов. Он-то меня на это дело и сагитировал.

— Значит, доволен своим парторгом? — Федор Петрович любил, когда отмечали людей, о которых у него сложилось хорошее мнение. Карпов как раз и принадлежал к

числу тех, кто, по мнению начальника стройки, имел большие права на уважение. И он сам не преминул тепло отозваться об этом человеке.— Хоть ростом мал, да удал. Если бы не он, пожалуй, еще немало месяцев Бородин ходил бы в начальниках, тащил район на последнем месте.

— А мы с Карповым даже не ругнулись как следует,— усмехнулся Брянцев. — Говорит, нравятся ему пока мои новшества. Мы и сейчас в Загорск вместе приехали. Я к тебе, а он в райком к Воловикову.

— Что, пошли в атаку с двух направлений?

— Без партии это дело нам не поднять.

Федор Петрович в раздумье закусил губу и заговорил негромко, как бы про себя:

— Это ты очень верно сказал: без партии это дело не поднять. Я перед вылетом сюда был на докладе в Центральном Комитете. Товарищи просили подумать, как быстрее сдать нашу дорогу путейцам. Я поосторожничал, вспомнил Бирюсинский район. И поэтому сказал, что, мол, это дело нелегкое. И, думаешь, что мне ответили? Сказали, не надо торопиться, у людей, коммунистов стройки следует спросить совета. С народом поговорить. Не может того быть, сказали, чтобы люди на стройке не думали, как быстрее закончить порученное им дело. И правда: разве не народ придумал идею спрямления дороги у Бирюсы? Народ, строители! И кто знает, может, на том же «Уральце», который вы поставите делать прорезь через сопки, такие замечательные ребята подберутся, так здорово поработают, что на три-четыре месяца раньше срока откроют путь поездам.

Взволнованные, они присели на стульях у раскрытого окна поближе к свежему воздуху. Шиктов пошарил в карманах, вынул нераскрытую пачку «Казбека», повертел ее в руках и протянул Брянцеву.

— На вот, возьми. Василиса твоя передала. Чуть было не скурил в дороге. Спасибо попутчики выручили, одолжили.

— Значит, не забыл моих, заехал,— благодарно улыбнулся Иван Сергеевич. Бережно принимая из рук Федора Петровича папиросную коробку, он смущенно пробормотал:— Вот чудачка Василиса. Всегда старается сунуть что-нибудь. Будто здесь «Казбека» нет.

— Завидую тебе, Иван,— вдруг вырвалось у Шиктова. Брянцев удивленно глянул на друга. Но тот с необычной торопливостью отвел глаза и сказал:— Каждый день я ходил к твоей Василисе, играл с Танюшкой и все спрашивал себя, а почему у меня так не получилось. Почему у Ивана семья, у других тоже есть, а я вот один?

— А кто мешает? Фаину все не забудешь?

— Да, брат. Трудно мне теперь выбрать подругу,— согласился Шиктов.— Да разве ее выбирают? Она сама приходит. Без спроса.

— Однолюб ты...

— В юности все так просто было. Жизнь была, как на ладони. И люди казались другими. Помнишь нашу неразлучную тройку — Костю, Ванюшку и Федора? Дружно, весело жили.

— Было нас трое, а теперь вдвоем остались,— вздохнул Брянцев.— Костя Бородин, когда его сняли с начальников района, заявил мне: «Подсиживаете, ироды, выживаете со стройки!». С его слов получается, будто район завалил не он, а мы с тобой. Ты — как начальник стройки, а я — как его преемник.

— Нет, со мной по-иному говорил. Когда я его вызвал в управление, сказал, что убираю с руководства районом, он мне сразу о своей биографии заговорил. Теперь, мол, его биография будет запачкана.

— Биография?

— Знаешь, я подумал о его пути, пути инженера. Очень уж легко давалось ему многое в жизни. Мы с тобой после института строили заводы в Сибири, а он в министерстве подвизался. Мы в армию, на фронт ушли, а он только в Казахстан поехал. Представителем главка, контролером. Он и здесь, на дороге, работал как представитель министерства, а не как начальник района. Думал на лозунгах одних, без жилья и дорог обойтись. И, конечно, срезался.

Он и сейчас работает скверно,— сердито заметил Иван Сергеевич.— Места себе не найдет.

Федор Петрович покосился на Брянцева и проговорил как можно равнодушнее:

— Был Костя у меня сегодня. Просился на инженерную работу его направить.

— Ну, и ты как?

— Посоветовал к тебе обратиться. Как ни говори, неважно у тебя в районе с инженерными кадрами. Не разбросаешься.

— Куда ж я его поставлю?

— А ты подумай. Тебе вон на прокладку дороги через сопки инженер понадобится?

— Думаешь, Бородин подойдет?

— Попробуй.

Иван Сергеевич только озабоченно нахмурился, покачал головой, но ничего не ответил. Видно, это предложение было для него неожиданным, и он не хотел торопиться с ответом. А Шиктов уже заинтересовался другим.

— Слушай, Иван Сергеевич, а когда ты всю документацию по новой трассе представишь? Надо срочно докладывать в министерство. Сам понимаешь, тянуть нельзя.

— Сегодня же сажусь за работу. Сам возьмусь.

— Нет, так не пойдет, — решительно возразил Федор Петрович. — Не забывай, у тебя есть район. Ты в ответе за его работу. А для работы по новой трассе надо создать специальную группу. Проектировщиков я тебе подошлю. А во главе этого дела поставь знающего, свободного от других занятий человека.

— Идея хорошая, — ожесточенно потер затылок Иван Сергеевич и искоса глянул на начальника строительства. — Только где мне такого инженера взять? Может, ты дашь? Заодно с проектировщиками.

Федор Петрович отрицательно качнул головой, на минуту прикрыл глаза рукой, как будто вспоминая что-то, потом повернулся к Брянцеву.

— Скажи, Фаина до сих пор живет в Бирюсе?

— Причем тут Фаина? — пожал плечами Иван Сергеевич и неохотно ответил: — Живет. Дочка у нее немного приболела.

— А чем тебе Фаина не руководитель группы? Она ведь работала над проектом дороги. Забыл?

— Думал я над этим. Только согласится ли? — нерешительно проговорил Брянцев. — Она ведь последнее время все научной работой занималась, диссертацию защищала. Да и за Костю, наверное, обиделась. Женщины ведь такие: тронешь мужа, а она говорит, задел ее.

— Ты как бабка-гадалка! — рассердился Шиктов. — Еще не говорил, а уже строишь разные предположения. Очерствел. Забыл, как в институте втроем бегали за ней?

— Бегали втроем, а досталась одному — Косте, — съязвил Иван Сергеевич. — Только ведь я для азарта бегал. Так сказать, за компанию. Это ты по-серьезному. И все мимо.

— Ну-ну! — вспыхнул Федор Петрович. — Брось! — И тут же примиряюще сказал: — Договорились: руководить группой пригласишь Фаину Бородину. И чтоб через пару месяцев вся документация была у меня.

— Попробуем.

На столе негромко звякнул телефон. Шиктов метнул в его сторону быстрый взгляд и, словно боясь, что его услышат, шепнул:

— Мать, наверное. Ох и будет нам на орехи! Давай-ка быстрей уходить. Отвечать не будем. Пусть думает, что мы уже в пути.

— Федор, отпусти ты меня! — взмолился Брянцев. — Меня Карпов уже ждет в райкоме. Нам еще нужно со снабженцами договориться и к диспетчерской вернуться в Бирюсу.

— Нет уж, — Федор Петрович решительно подхватил под руку Ивана Сергеевича. — Обещался Марфе Федоровне тебя доставить. Пошли, пошли. — И уже в дверях, горячо дохнув Брянцеву в лицо, он попросил: — Слушай, Ваня. Только не прижимай здорово Костю. Не трогай. Может, и поднимется еще. Да и потом я не хочу, чтобы Фаина подумала, будто мы травим ее мужа. Ведь ты мне друг.

— Костя тоже был моим другом, — вздохнул Брянцев. — Только если будет и дальше плохо работать — выгоню. Это точно.

Шиктов крепко сжал его локоть.

— Вот за это спасибо.

5

Как и договаривались, машинисты вели экскаватор попеременке. Часа два-три за рычагами сидел один, затем ему на смену приходил другой, третий. Уже к концу следующего дня половина пути осталась позади. Еще пара-тройка дней — и они будут на месте.

Но, пожалуй, никто так не стремился поскорее добраться до Бирюсы, как Николай Черкесов. Где-то там должна быть Катя. С той поры, как Николай на стройке, он не получил от нее ни одного письма. Его конверты возвращались нераспечатанными. Почему — он не знал. То ли девушка переехала в другое место, то ли уже считала переписку между ними делом лишним, ненужным. И теперь в Бирюсе Черкесов надеялся узнать, где теперь Катя, что с ней.

Когда Николай сидел за рычагами, то как-то забывал о своих тревожных мыслях, занятый одной машиной. Но стоило ему только уступить место сменщику, чтобы передохнуть, расслабить натруженные мышцы, как смутное беспокойство вновь овладевало им.

Вот и теперь, передав смену Василию, он не знал, куда деться от этих мыслей. Спрыг-

нув на ходу с экскаватора, он отошел в сторону, сел на груду сухого валежника и, с наслаждением вытянув гудящие от перенапряжения ноги, задумался.

«А что, если Катя уехала насовсем? — мелькнула в голове тревожная мысль. — Свет велик, податься есть куда. Попробуй тогда найти ее».

Оставляя за собой вмятины от гусениц, далеко вперед ушел экскаватор, и среди других звуков затерялся рокот мотора сопровождающего «Уралец» трактора. Но Николай не замечал ничего, а все думал, не в силах найти отгадку на волновавшие его вопросы.

— Молодой человек! — прямо возле себя услышал Черкесов незнакомый голос. Озадаченный и недовольный, он обернулся и с удивлением увидел рядом запыленный газик. Из машины на него смотрел длиннолицый горбоносый мужчина в застегнутом на все пуговицы сером офицерском плаще.

— Молодой человек, — выпростав ноги из кабины, снова повторил незнакомец. — Скажи, пожалуйста, — он протянул руку в сторону маячившей на самой вершине соседней сопки громады «Уральца», — это не «трехсотка» идет?

— «Трехсотка», — приподнимаясь с земли, подтвердил Николай. Именно такой номер носил его экскаватор.

— Вот спасибо за доброе сообщение, — поблагодарил мужчина и добродушно пояснил: — А мы вот сомневаемся: она или не она.

Незнакомец повернулся назад и сказал несколько слов сидевшему в темноте кабины спутнику. Молоденький белобрысый шофер потихоньку тронул машину с места, и она, грузно переваливаясь на выбоинах, устремилась вслед экскаватору. Мужчина в плаще снова высунулся из кабины и крикнул:

— А вы куда путь держите?

— К «трехсотке», — не сразу смущенно ответил Николай.

— Садитесь, подвезем.

Николаю хотелось еще побыть наедине. Но, подумав, что машина с незнакомцами, очевидно, работниками управления стройки или района, идет к «Уральцу» и, возможно, он там понадобится, Черкесов проворно влез в кабину и осторожно опустился на заднее сиденье рядом с плотным человеком в черном дубленом полушубке. Тот, откинув назад воротник полушубка, протянул Николаю горячую расслабленную руку.

— Брянцев, Иван Сергеевич, — назвался он и, кутаясь в полушубок, добавил: — В тайге малярию подхватил. Знобит. Пришлось не по сезону в зимнее одеться.

О Брянцеве Николай наслышался еще в учебном комбинате. Всего месяца четыре назад Ивана Сергеевича перевели из аппарата управления строительства, где он работал заместителем главного инженера, в Бирюсу начальником района. Дела в Бирюсе шли тогда плохо: жилья не хватало, машины негде было отремонтировать. Поэтому строители были недовольны, старались перевестись в другие районы. А Брянцев за эти четыре месяца сумел поправить положение, вывел коллектив из прорыва.

Чтобы получше разглядеть соседа, Черкесов чуть подался вперед. Крупное, пожалуй, несколько грубоватое обветренное лицо, рыжеватые, почти сросшиеся на переносице брови, темные слегка впалые глаза — сколько таких вот лиц встретишь на Руси. И не сразу признаешь, кто он, этот человек: орловский ли колхозник, кузбасский ли инженер, а может быть, сельский учитель из-под Иркутска?

Заметив изучающий взгляд Николая, Брянцев поднял руку, провел пальцами по влажному лбу, поправил шапку и кивнул на сидевшего впереди мужчину в плаще.

— Это Михаил Михайлович Карпов, парторг Бирюсинского района.

Узнав, что Черкесов машинист с «трехсотки», Карпов живо взглянул на него, сдвинул лохматые брови, нависшие над спокойными серыми глазами, и с интересом спросил:

— Комсомолец?

— Коммунист.

— Из армии?

— Так точно. Летчик.

Теперь уже Брянцев высунулся из воротника. Почти всю войну с фашистами он занимался строительством полевых аэродромов и на всю жизнь сохранил большое уважение к людям трудной профессии летчика. Хотя Николаю и не хотелось, но пришлось рассказать этим незнакомым людям о своей жизни, летной биографии.

— А я в юности тоже мечтал стать летчиком, — признался Иван Сергеевич. — Даже на планере научился летать. А потом вот стройка захватила. — Он повернулся к Николаю и сказал дружелюбно: — И вы тоже не отчаивайтесь. Особенно теперь, когда в руках такая интересная и важная профессия, как экскаваторщик. Экскаваторщик и шофер у нас в районе сейчас самые главные люди. Это то же, что и артиллерист и летчик,

которым перед наступлением войск приказано мощным огнем сломить противника.

Наконец газик настиг медленно ползущий «Уралец». Обогнав экскаватор, шофер остановил машину на обочине дороги. Пассажиры не спеша вылезли и двинулись навстречу.

Заметив их приближение, сидевший за рычагами Горохов выключил мотор. Экскаватор еще по инерции сделал несколько судорожных движений и стих.

Брянцев и Карпов придирчиво осмотрели весь экскаватор, поинтересовались, по сколько километров в день проходят, много ли взяли еды на дорогу, подвозят ли воду. Затем Иван Сергеевич, зябко поеживаясь, спросил у бригадира.

— Горохов, а когда думаете дойти до Бирюсы?

Юрий сосредоточенно нахмурился, с минуту помолчал, прикидывая, как быстро они смогут двигаться.

— Дня так через два, два с половиной.

— А пораньше?

— Пораньше? Трудно. Дальше дорога пойдет сложнее. — Горохов озадаченно глянул на начальника района. Он и так назвал маленький срок. Стараясь оправдать назначенное им время, Юрий торопливо заговорил: — Мы почти не останавливаемся. Самим хочется быстрее прийти, к земле приступиться.

Брянцев исподлобья оглянул «Уралец», на несколько секунд задержал взгляд на темной зубастой пасти ковша. Краска с ковша еще не была содрана землей, и он висел иссиня-черный и поэтому какой-то особенно внушительный, массивный.

— В районе очень нужен этот экскаватор. Отсыпка главного пути задерживается. Песка не хватает, — медленно, словно с трудом ворочая глыбы слов, проговорил Иван Сергеевич. — Вас в Бирюсе уже ждут люди, самосвалы. Понимаете, несколько десятков человек сидят без дела, ждут. — Он с надеждой глянул на сгрудившихся вокруг экскаваторщиков. — Как вы на это смотрите, товарищи? Можно побыстрее прийти?

Зашевелились ребята, зашумели, подталкивая друг друга, поглядывая то на Брянцева, то на ссутулившегося хмурого бригадира. Мишка, беззлобно хмыкнув, стрельнул глазами в сторону Горохова и, робея от собственной решимости, выступил вперед.

— По-моему, можно. Завтра ночью. Идти уже немного. Мы чуть ли не каждый раз останавливаемся — и пообедать, и поспать, и даже перекурить. Ну, а раз нужно, давайте идти без остановок. А отдохнем и в Бирюсе.

Бригадир яростно скосил глаза на Мишку. «Тоже мне, нашелся советчик». Ему хотелось грубо оборвать паренька, чтобы не совался, куда не следует, но при начальнике района и парторге он не решился. А Брянцев, обрадованный таким поворотом дела, схватил и энергично потряс руку растерявшегося паренька.

— Верно говоришь! Так и нужно сделать.

6

Они проехали уже с километр от «трехсотки», когда Брянцев, нарушая молчание, дотронулся до локтя парторга.

— Как тебе бригада Горохова показалась?

Карпов, которому тоже хотелось поделиться своими впечатлениями, сразу повернулся назад.

— Хороший народ подобрался. Особенно по душе новенькие машинисты. Солдаты. Из таких замечательные строители выходят.

Иван Сергеевич удовлетворенно улыбнулся и потом испытывающе глянул на своего собеседника.

— Есть у меня такая мыслишка, Михаил Михайлович: поставить «трехсотку» делать проход через сопки. Справятся?

— А что, дело говоришь! — Карпову пришлось по душе это предложение. — Знаешь, создадим комсомольско-молодежный экскаватор. Народ боевой, горячий, не подведет.

В сгущающихся сумерках серая лента дороги уже в полкилометре сливалась с деревьями, терялась в тайге. Но вот впереди, среди однообразия надвигающейся ночи, ярким светлячком мелькнул огонек, потом еще и еще. И вдруг весь горизонт заискрился множеством огней, словно кто-то взял и щедрою рукой разбросал по лесу добрую сотню южных крупных звезд.

— Бирюса, — коротко выдохнул Карпов и покосился на светящийся циферблат наручных часов. — Половина девятого. До диспетчерской целых полтора часа. Так что успеем еще и домой заскочить.

— А я не смогу, — озабоченно нахмурился Брянцев. — Еще нужно поговорить с Фаиной Ивановной.

— С Фаиной Ивановной? — удивился Карпов.

— Именно. Ведь она один из соавторов проекта дороги.

— Что, хочешь привлечь к делу? — сразу оживился парторг. — Хорошая мысль! Говорил я с ней об этом.

— И как? — изумился Иван Сергеевич.

— Согласится. Я с ней уже раза два был на трассе, по сопкам водил, пока ты пропадал в тайге. Заинтересовалась здорово.

— Не сбавляя хода, газик стремительно въехал в поселок. Брянцев наклонился к шоферу:

— Гена, подбрось-ка меня к Бородиным.

Машина, проскочив почти весь поселок, у крайних домиков завернула влево, к стоящим на отшибе нескольким коттеджам. Эти одноквартирные домики были предназначены для эксплуатационников дороги, но в них пока временно проживали семьи строителей. У домиков, окруженных низеньким узорчатым заборчиком, стоял ряд лиственниц, оставленных после вырубки тайги. Сейчас, в серых сумерках, дома и деревья выглядели особенно внушительно. Сливаясь с темным небосводом, они как бы увеличивались в размерах.

Яркая пара лучей, разорвав темноту, заплясала по домам и деревьям и вдруг выхватила из ночи скамейку возле решетчатого забора, примостившуюся на ней женщину с ребенком. Женщина инстинктивно прикрылась от света ладонью и нагнулась, загораживая личико ребенка.

— Фаина Ивановна, — сразу узнал женщину Карпов.

Облегченно зарокотав отключенным мотором, машина плавно остановилась возле женщины. Брянцев вылез и, буркнув водителю: «Езжай!», шагнул в темноту.

— Иван Сергеевич?! — удивленно воскликнула женщина звучным грудным голосом. — Вот не ожидала. А в Бирюсе все уверены, что вы надолго в Загорск уехали.

В быстрых, пожалуй немного торопливых словах, Брянцев почувствовал нарастающее беспокойство, сменявшее радость встречи. Когда-то он любил бывать в доме Бородиных. Но с тех пор, как четыре месяца назад он прямо из Загорска заехал к ним домой и сказал, что приказом по строительству Костя снят с работы и на его место назначен Брянцев, он сразу почувствовал: здесь стали относиться к нему настороженно. Вот и теперь он чувствовал эту настороженность и, крепко пожав горячую, сухую руку Бородиной, сразу деловито проговорил:

— А я ведь к тебе, Фаина Ивановна. С одним предложением.

Глаза Ивана Сергеевича постепенно привыкли к темноте. И от него не ускользнуло, как при первых же словах его рассказа о разговоре с Шиктовым ее настороженность сменилась заинтересованностью, а потом и волнением.

— А мне это нравится! — сразу, без обиняков, заявила Фаина Ивановна, когда Брянцев, закончив рассказывать, выжидательно взглянул на нее. — Михаил Михайлович уже знакомил меня с новой трассой. Думаю, дело это стоящее. Я даже несколько расчетов сделала. — Вдруг ее брови озабоченно сошлись на переносице, и она растерянно спросила: — А как же с Иринкой?

— С Иринкой? Пока попросим нашу комсомолию взять над ней шефство. А к концу месяца ясли откроются.

— Вот удивится Константин, когда узнает о нашем разговоре! — сказала на прощанье Бородина. — Ему очень нравится, что жена сидит дома. А мне так все надоело! Только Иринка и удерживала.

— Кандидат технических наук и домохозяйка — очень уж несоизмеримые величины, — усмехнулся Брянцев. — Даже не верится, что это совместимо.

— В жизни всякое бывает, — вздохнула Бородина и потом улыбнулась. — Только, видать, домохозяйка из меня хорошая не получится. Мое место на стройке. Там как-то сподручнее.

— А не боишься, что Костя будет возражать? — настороженно заглянул в лицо женщины Иван Сергеевич.

— Костя?.. — Фаина на мгновенье задумалась. — Нет, сейчас меня волнует другое. Я за Костю боюсь. Он стал какой-то странный, будто загнанный. Боится, как бы не сняли с работы...

— Поменьше бы разными глупостями занимался — лучше бы дело пошло, — сердито буркнул Брянцев, но тут же спохватился: зачем он говорит эти неприятные слова жене Бородина?

— Что же с ним делать думаете? — дрогнувшим голосом, почти шепотом спросила Фаина. — Он поехал в Загорск. К Шиктову.

— Одно могу сказать, Фая, — слаб оказался Константин, — устало махнул рукой Иван Сергеевич. Ему не хотелось огорчать Фаину. Ведь она, как и всякая другая женщина, близко принимала к сердцу все неудачи мужа. И чтобы как-то смягчить свою нелестную характеристику Бородина, он сказал: — Правда, есть у нас мнение: дать ему еще возможность проявить себя. Мы договорились поручить ему прокладку дороги через сопки.

— Ой, как хорошо! — Фаина даже не пыталась сдержать своей радости. — Это ж настоящая инженерная работа.

7

К месту первого забоя — в песчаный карьер — «трехсотка» пришла на следующий день, когда солнце зашло за горизонт и землю окутала непроглядная темь. Мишка сразу же подался в Бирюсу за самосвалами, а экскаваторщики взялись за осмотр своего «Уральца».

Ночь была темная, безветренная. Плотные массы низких свинцовых облаков огромной ширмой затянули небо. Чтобы разогнать темноту, экскаваторщики подвесили с полдюжины стоваттных ламп и принялись подтягивать ослабленные за дорогу гайки, проверять тросы, пробовать, как работают моторы.

Обычно такого неповоротливого, степенного бригадира сейчас словно подменили. Стараясь все проверить и убедиться в исправности механизмов своими глазами, не доверяя никому, он метался по экскаватору и поторапливал ребят:

— Живее, живее поворачивайтесь. Машины на подходе.

Наконец все проверено, смазано, и экскаватор, бросая вперед короткие лучи, с силой врезался черным ковшом в землю. Верхний слой был сухой, сыпучий. И лишь «трехсотка», черпанув его, выбрасывала в сторону, как сразу взвихривалось облако едкой солоноватой пыли.

Скоро со стороны Бирюсы послышался стремительно нарастающий рокот моторов. Это шли пятитонные дизельные самосвалы МАЗы. Вот первая машина, вынырнув из-за деревьев, полоснула по экскаваторщикам огненными лучами и резко остановилась. С самосвала спрыгнули двое. Прикрыв глаза рукой, Николай с интересом глянул на них. Первым подскочил Мишка, радостный, сияющий. Второй была девушка. Нет, Николай Черкесов ни с кем бы не спутал ее, ловкую, гибкую, в ладно сшитом костюмчике, с милыми улыбчивыми глазами. За те несколько секунд, пока он стоял, оцепенев от неожиданности, из темноты вышел Горохов. Девушка бросилась ему навстречу.

— Юра! Вот привела к тебе машины. Двенадцать самосвалов, — она метнула недовольный взгляд в сторону глазевших на нее парней, на какое-то мгновенье ласково прижалась к Горохову и прошептала: — Здравствуй, дорогой!

Николай с изумлением следил за каждым движением девушки, потом коротко выкрикнул:

— Катя! Катенька...

Девушка не ожидала этой встречи. Широко раскрыв черные растерянные глаза, она повернулась к Черкесову, узнала его и... попятилась назад, все теснее прижимаясь к Горохову, испуганная, подавленная.

— Коля? Ты... — сдавленным голосом спросила наконец она и растерянно посмотрела на Горохова. Юрий с усмешкой подтолкнул ее к Черкесову. Катя, не отпуская рукава его куртки, словно это было ее спасение, нерешительно протянула Николаю руку. — Здравствуй, Коля...

Сколько было передумано за время их разлуки, сколько несказанных слов роилось в голове. Хотелось так много сказать ей о том, что скучал без нее, без ее родных ласковых глаз, нежных рук. Но как это не вязалось сейчас с их встречей! Перед Николаем стояла испуганная чужая Катя и насмешливо улыбающийся Горохов.

Неизвестно, сколько в нерешительности топтался бы на месте Черкесов, если бы на помощь не пришел Свиридов. Василий решительно шагнул вперед и, загораживая собой товарища, шутливо раскланялся:

— Разрешите представиться, сменный мастер Василий Степанович Свиридов. Или попросту Васька Свирь...

Может, помогло это спасительное вмешательство, но Катя уже пришла в себя. Отодвинувшись от Горохова, она, чуть присев, кокетливо наклонила голову:

— Диспетчер автоколонны Екатерина Владимировна Прохорова.

Николай хотел остановить товарища и с силой дернул его за хлястик шинели. Но Василий даже не оглянулся. Он легко подскочил к девушке, подхватил ее под руку и, весело и вызывающе заглядывая ей в лицо, предложил:

— Приглашаю вас, Екатерина Владимировна, поближе к забою. Посмотрите на нашу крохотную машинку.

И девушка охотно пошла с Василием, оставив Горохова и Черкесова наедине. С минуту Николай молча глядел вслед ушедшим, потом повернулся к Юрию и угрюмо предложил:

— Давай начинать, бригадир. Ждать больше нечего.

Горохов ушел в кабину экскаватора, а Николай, стараясь не глядеть на Катю и Василия, пристроился на земляной глыбе в сторонке. Но тщетно он старался не думать о девушке, о случившемся. Ясный девичий голосок, долетая до него, будоражил, заставлял прислушаться. А как ему хотелось побыть с нею, с Катенькой! Но нет, Черкесов даже не сдвинулся с места, а еще крепче сжал руками ко-

лени, словно боялся, что, помимо своей воли, вскочит и бросится следом. Как стыдно за все, как неприятно на душе!

Сильная рука осторожно опустилась на плечо Черкесова. Николай неохотно оглянулся. Перед ним стоял Василий.

— Недобрые вести, Николка, — опускаясь рядом с ним на землю, невесело проговорил Свиридов.

Черкесов выжидательно посмотрел на него. Он сразу понял, что речь будет идти о Кате.

— Болтали мы с ней вначале, шутили, — Василий неопределенно кивнул в темноту, как бы говоря этим, что человек, о котором идет речь, где-то здесь, недалеко. — А потом я прямо спросил ее: «Что случилось? Сердце занято, что ли, другим?» Она долго молчала, а потом ответила: «Занято». Ну, а кем — это понятно. Горохов парень видный.

— Брось об этом, Вася, — тихо попросил Николай. — Тут, брат, и без слов видно. — Он в раздумье положил руку на колено Свиридову и кивнул в сторону работающего «Уральца». — Давай лучше посмотрим на работу бригадира.

Что-то необычное было в работе экскаватора ночью. Словно сказочный циклоп, раздвигая темноту мощным прожектором, взвихривая облака пыли, трудился «Уралец». И такой он был огромный, что пятитонные самосвалы, сновавшие возле него, казались совсем маленькими. Всего один ковш — и над объемистым кузовом МАЗа гора земли. И самосвал, отчаянно взвывая, уходил в темноту, в сторону полотна железной дороги. Прямо на глазах забой становился шире, просторнее.

Прошло более трех часов, как экскаватор встал в забой, а Горохов не только не снизил ритм работы, наоборот, движения ковша еще убыстрились и будто сплелись в бесконечный круг. Автомашины уже с трудом успевали отвозить грунт. Мощный гул моторов повис над притихшей в ночи тайгой. Лучи фар самосвалов отодвинули ночь, как бы приподняли край черного, затянутого облаками неба.

Но вот «Уралец», уткнувшись в угол ковшом, остановился. Горохов ловко спрыгнул на землю и полез наверх. Навстречу ему первым бросился Василий.

— Здорово ты, Горохов! Молодец! — схватив Юрия за плечи, радостно закричал он. — Аж завидно!

Горохов, польщенный похвалой, оценивающе глянул на развороченную «Уральцем» землю.

— Пожалуй, есть одна норма, — улыбнулся он и добавил снисходительно: — Я пока покурю немного, а пусть кто-нибудь из вас поработает.

Бригадир с хрустом потянулся, присел на ком земли и, попыхивая папиросой, посмотрел вслед машинистам, которые наперегонки понеслись к экскаватору. Вот они почти одновременно вспрыгнули на гладкую гусеницу, энергично подтянулись на руках к входу в кузов и юркнули внутрь.

У раскрытой настежь двери кабины управления ребята, оробев, задержались. Внутри было светло, и высокое мягкое сиденье машиниста выглядело особенно внушительно.

Николай покосился на Василия. Его лицо было серьезным, бледным.

«Волнуется», — подумал Черкесов про товарища.

— Ну как? — подтолкнул он друга. — Начнем?

Василий провел кончиком языка по пересохшим губам.

— Страшновато...

Черкесов отстранил его, протиснулся внутрь кабины, влез на сиденье и осторожно опустил ноги на педали. Крепко схватив руками рычажки, он взглянул вправо. Там, взвихривая выхлопными газами пыль, стоял МАЗ. Шофер, опершись рукой о радиатор, выжидательно смотрел на машиниста.

Уверенным движением педалей и рычагов Николай повернул экскаватор, зачерпнул ковшом глыбу желтого песка и быстро развернул «Уралец» вправо, в сторону машины. Поспешив, машинист немного не рассчитал. Ковш проскочил кузов автомобиля, и несколько крупных комьев гулко застучали по кабине. Испуганный шофер отскочил в сторону и погрозил Черкесову кулаком.

«Не шали!»

Смущенный своей неловкостью, Николай быстро оттянул ковш назад и открыл днище. Пятитонная масса грузно вывалилась точно в кузов. Уже не глядя на загруженную машину, Черкесов повернул экскаватор в сторону забоя, чтобы снова наполнить ковш землей. Но только он ткнул ковш в угол забоя, как на месте прежней машины уже стояла новая, порожняя. А позади выстроилось еще два МАЗа.

Несколько минут Николай работал с быстротой, на которую только был способен. И все-таки он никак не успевал за машинами. Только сумеет загрузить три-четыре самосвала, как сзади них выстраивались еще пять. Он никак не мог работать в ритме, который установил Горохов.

Движения экскаватора становились все медленнее. У Николая скоро онемели ноги и никак не хватало сил заставить их двигаться быстрее. Ступни тупо заныли.

Неизвестно, каким образом сумел вскочить на работающий «Уралец» Горохов. Он подошел к машинисту, наклонился к его уху и, стараясь пересилить грохот лебедок, прокричал:

— Машин много накопил, паря. Недовольны шофера. Медленно, говорят, работает экскаватор, приходится стоять. Так что уж давай я лучше сам доведу первую смену до конца. Неудобно попервоначалу обижать ребят.

Как провинившийся школьник, Николай молча уступил Юрию место у рычагов. Машинально вытерев рукавом спецовки потное лицо, он, стараясь не хромать на занемевшую ногу, пошел к выходу.

Оттолкнув в сторону тяжелую дверь кузова, Черкесов прислонился к холодному железу и, чувствуя мелкую лихорадочную дрожь, охватившую сначала ноги, а потом и все тело, тяжело дыша, замер, стараясь собраться с мыслями, обдумать свою неудачу. Позади него низко гудели электромоторы, с грохотом вращалась громоздкая махина главной лебедки.

Да, в первый же день и такая неудача. Никакой он еще не экскаваторщик! Документы в кармане — это еще далеко не все. Главное испытание там, за рычагами. И это испытание он не выдержал. Может, и впрямь нужно было тогда послушаться начальника отдела кадров строительства и пойти работать в жилищную контору или еще куда-нибудь... Пожалуй, еще не так и поздно переменить решение. Что его держит здесь? Экскаваторщик получается неважный, с Катей все покончено.

Николай коротко с хрипом вздохнул и, будто задыхаясь от удушья, начал торопливо расстегивать ворот гимнастерки. Как нарочно, пуговицы вертелись, выскальзывали из пальцев. Николай сердито, с силой рванул тугой воротник. Верхние две пуговицы с треском отлетели. Свежий ветерок приятно захолодил разгоряченную грудь, плечи.

«Неужели придется уходить?»

Вдруг Черкесов почувствовал легкое прикосновение чьей-то руки. Кто-то нерешительно взял его за локоть. Это был Мишка. Глядя Николаю в лицо испуганными округлыми глазами, паренек прерывисто зашептал:

— Коля, брось ты. Вот пройдет с месяц, и мы будем лучше Горохова работать. В пять раз лучше! Что, не веришь?!

Машинист взял Мишку за плечи и ласково притянул к себе. Сочувствие паренька было приятно и как-то оттеснило горькие мысли. Раз есть люди, которые ему верят, то не все еще кончено.

— Придется попробовать, — криво, краешком рта усмехнулся Николай, — отступать поздно.

Ребят с «трехсотки» поместили в большой, сплошь заставленной койками комнате. Проходы между койками были такие узкие, что по комнате приходилось двигаться только боком. Возле окна, заваленного кусками хлеба, банками из-под консервов, приткнулись две длинные скамьи и грубо сколоченный стол.

Комендант общежития, пожилая бледная женщина в сером коротком пальто, показала на покрытые полосатыми шерстяными одеялами койки возле двери.

— Это будут ваши.

Василий окинул беглым взглядом комнату и поинтересовался:

— А кто здесь еще живет, мамаша?

— Разные люди — шоферня, трактористы, — равнодушно махнула рукой женщина. — Молодые все, озорные. Раньше часа никогда их не уложишь.

Комендантша, позванивая связкой ключей, ушла. Черкесов повесил вещевой мешок на спинку кровати, снял шинель и засучил рукава гимнастерки.

— Давай-ка, Вася, устраиваться. Грязища какая! Надо немного прибраться.

На уборку ушло больше часа. Вдвоем они сдвинули все койки, вымели мусор, застелили стол газетами. А когда был наведен порядок, Николай достал из мешка новенькую гимнастерку, бриджи.

— Ты это куда? — удивился Свиридов.

— В партбюро. На учет встать.

— А мне в комитет комсомола надо. — Василий присел на койку, приподнял ногу и взглянул на сапог. Сбившийся каблук едва держался. — Вот только не знаю, что с сапогом делать?

— Садись, чини. Подожду, — предложил Черкесов.

— Долгая история. Это на час работы. Иди уж.

Проводив Николая, Василий присел на скамейку, прикрыл колени старой рубахой и занялся починкой обуви. Еще в детстве научился он у своего деда сапожничьему ремеслу и, когда обувь сбивалась, не носил ее в мастерскую, а садился чинить сам. Легонько постукивая молотком, Василий уже начал крепить подошву деревянными гвоздиками, как в коридоре кто-то завозился, заскреб, отыски-

вая дверь. Свиридов, не отрываясь от дела, крикнул:

— Сюда! Сюда!

Дверь широко распахнулась, и в комнату гурьбой вошли четыре девушки. Впереди тоненькая, светловолосая. Василий сразу узнал в ней дорожную попутчицу Веру Смирнову. Он растерялся, не зная, куда девать босые ноги и заменявшую фартук рубаху.

— Темнота у вас в коридоре ужасная, — щурясь от яркого солнечного света, сказала Вера. — Хоть бы лампочку заменили. Перегорела.

Пока девушки привыкали к свету и оглядывали комнату, Свиридов успел сунуть под койку немудреный сапожничий инструмент.

Вера тоже узнала машиниста. Она неловко, по-девичьи, подала ему лодочкой руку.

— Как хорошо, что приехали. — Присев рядом со Свиридовым на койку, девушка спросила: — Вы сейчас свободны?

— Я? — Василий нерешительно повел плечами. — Я свободен... — он на мгновение запнулся, вспомнив о недочиненном сапоге, и не совсем твердо добавил: — Ну да... свободен. Мне на смену с двенадцати ночи.

— Тогда мы вас мобилизуем. Мы, — Вера кивнула на девушек, — мы комсомольский женский отряд...

— А я тут причем? — недоуменно пожал плечами машинист и, стараясь удержаться от улыбки, поинтересовался: — Или комсомольский женский отряд комплектуют по какому-то другому принципу?

— Нет, не беспокойтесь, — с вызовом ответила Вера, — мы вас руководить отрядом не попросим. Нам нужны, так сказать, вспомогательные силы. — И, улыбнувшись, уже добродушно пояснила: — Комсомолки взяли шефство над мужскими общежитиями. Наша четверка отвечает за ваше общежитие. С сегодняшнего дня мы будем проверять, какой у вас порядок, чисто ли. И если потребуется — поможем убрать, научим красиво застилать постели. Ну как, нравится?

— Чудно как-то, — признался Василий. — Только чем же я могу вам помочь?

— Воды принести, кровати помочь сдвинуть. Мы сейчас устроим небольшую приборку в комнате.

По правде говоря, Свиридов не видел особой нужды в уборке комнаты. Ведь они с Николаем только что вынесли столько грязи, так тщательно подмели, что после этого и хорошей уборщице здесь нечего делать. Но раз люди хотят потрудиться — пожалуйста. Он не возражает. А воды принести — хоть десять ведер.

Нет, ничего не скажешь, хороши девичьи руки. Через каких-то полчаса пол стал такой чистый, что по нему даже неудобно ходить обутому. К койкам даже боязно прикоснуться — так они аккуратно застелены. А промытые окна с новенькими вышитыми занавесками весело глянули на улицу.

Когда все было закончено, Вера, вытирая порозовевшие от холодной воды руки, с удовлетворением оглянула комнату.

— Кажется, все в порядке. — И тут же озабоченно нахмурилась. — Только одно плохо — теснота страшная. Даже трудно пройти.

— Ничего, — пренебрежительно махнул рукой Василий, — как-нибудь проберемся. По-солдатски.

Но девушка строго глянула на него и сказала сердито:

— Хорошо работать лодырю-хозяйственнику с такими покладистыми людьми. Ни тревог, ни забот. Только я так думаю — жить вам здесь не один месяц и поэтому устраиваться надо по-настоящему. Места здесь человек на шесть. Не больше. Думаю, партком нас в этом поддержит.

Василий ничего не ответил. Девушка все больше нравилась ему. И то, что она, когда нужно, могла быть жесткой и суровой, даже обрадовало его. Ему нравились люди твердые, решительные.

Когда девушки начали собираться домой, Свиридов тоже потянулся к шинели.

— Вы что, уже на работу? — поинтересовалась Вера.

— Нет, почему же. Я с вами в комитет. На учет комсомольский надо стать.

Уже у выхода из общежития они разделились: Василий и Вера повернули к комитету комсомола, а девушки пошли прямо домой.

— Вот и выполнили комсомольцы Бирюсы свое первое поручение, — расстегивая пальто на груди, облегченно вздохнула Вера.

— Почему первое? — удивился Свиридов. — Разве комсомольская организация в районе только создана?

— Это я по-своему считаю, — смутилась девушка. — Я-то второй день всего секретарем работаю. А организация у нас уже давно создана. С первых дней строительства. Тогда во всем районе три коммуниста было и нас девять комсомольцев.

Василий, словно впервые увидев, с любопытством взглянул на Смирнову.

— Ты здесь с самого начала?

— Конечно. Вместе с Брянцевым и Шиктовым приехала. Я тогда только институт закончила. — Вере приятны были воспоминания

о первых дням работы на стройке, и она непрочь была поделиться ими. — Помню, приехали мы в Бирюсу под вечер на двух машинах. Человек двадцать пять. А здесь всего три домика, вокруг тайга шумит. На ночь негде устроиться. Пришлось палатки ставить. Тяжело мне было. Я ведь до этого в городе жила, леса настоящего не видела. А здесь тайга на сотни километров. Бывало, запозднишься на трассе, идешь в поселок, а сама дрожишь. Сосны шумят, ветки трещат под ногами. Идешь, а сама ждешь — вот-вот выскочит из-за деревьев зверь.

— А сейчас как?

— Теперь другое дело. Теперь я одна могу за десяток километров в тайгу уйти.

— Выходит, мы на готовенькое приехали, — невесело усмехнулся Василий.

— Нет, почему же. Самое интересное и большое только начинается. Раньше, можно сказать, черновая работа была — дома делали, базу строили, деревья на трассе дороги рубили. А теперь пришло время мосты через реки строить, отсыпкой насыпей заниматься, рельсы укладывать.

За разговором они не заметили, как пришли в комитет комсомола. Пока Вера заполняла учетную карточку, Василий, оставшись без дела, откинулся на спинку стула и принялся внимательно разглядывать девушку. Пухлые губы, тонкий прямой нос, белое узкое лицо, светлые, выгоревшие на солнце волосы — все в этой дивчине напоминало ему о другой, близкой. Еще тогда, при первой встрече в машине, Вера удивила его своим сходством с Оксаной Величко, односельчанкой Василия. Вместе с Оксаной он учился в школе, занимался в драмкружке при колхозном клубе, ходил в лес по ягоды. У нее были такие же вот губы, волосы, глаза... Только не дождалась Оксана парня из армии, уехала с другим.

Но вот Вера оторвалась от бумаг, отложила ручку и глянула на Свиридова.

— Вот вы и член комсомольской организации Бирюсинского строительного района. Поздравляю. — И, крепко пожав руку Василия, она в раздумье, как бы про себя, проговорила: — Только какую комсомольскую работу поручить? На вашем участке пока нет комсомольской органиации. А нужно, чтобы о комсомольцах знали с первого же дня.

Свиридов с возрастающим беспокойством прислушивался к ее словам. Хорошо, конечно, если тебе с первого же дня дадут поручение. Но какое? А вдруг Смирнова такое ему преподнесет, что никогда не справишься. Отказаться он не осмелится — кому хочется в первый же раз опростоволоситься в глазах такой миловидной девушки-секретаря. Но что будет потом?

А Вера уже приняла решение. Она решительно хлопнула ладонью по лежавшим перед нею бумагам.

— Есть, Вася, предложение организовать у экскаваторщиков контрольный комсомольский пост. И постом будешь руководить ты.

«Эх, так и есть! — тоскливо подумал Свиридов. — Влип в историю. Выдумал же человек какие-то посты!» Он растерянно развел руками, не зная что говорить.

— Что, не нравится?

— А что это за комсомольский контрольный пост? — попытался оправдать свою заминку Василий. — Что он делает?

— Ну, это дело поправимое, — сразу повеселела девушка. Она открыла дверцу письменного стола и выдвинула ящик. В нем толстой кипой лежали ярко разрисованные листы ватманской бумаги. Вера осторожно потянула верхний лист и расстелила его на столе. — Вот посмотри, это один из «Комсомольских сигналов».

Крупные буквы, броский заголовок сразу привлекли внимание.

«Внимание! Комсомольский сигнал!

Тов. Шемерякин! По вашей вине из-за отсутствия геодезических отметок экскаватор «Воронежец» № 521 простоял целых пять часов. На трассе дороги невынутыми остались сотни кубометров грунта. Срочно примите меры! Обеспечьте экскаваторы широким фронтом работ.

Комсомольский контрольный пост пикета № 200».

— Шемерякин — это главный геодезист района, — пояснила Смирнова. — Маленький такой расторопный старичок. Как прочитал он «сигнал», сам отправился на трассу, отмерил экскаватору участок на добрых два месяца работы и заявился в комитет. Стал умолять поскорее снять «сигнал». И уж потом не слышно было жалоб на геодезистов.

Сразу заблестели у Василия глаза. Он попросил у Веры другой «Комсомольский сигнал», потом еще. Скоро весь стол был застлан большими пестро разрисованными ватманскими листами. Откуда только не сообщали контрольные посты о неполадках на производстве. Писали все — от мастера до начальника района. И на каждом в верхнем углу наискосок размашистая надпись: «Меры приняты!»

— Вот здорово! — возбужденно говорил молодой машинист перекладывая листы. — Молодцы, ребятки! Это по-комсомольски!

Вера потянула его за рукав гимнастерки и лукаво спросила:

— Как, Вася, берешься?

Свиридов только на мгновенье оторвался от листа бумаги и торопливо выпалил:

— Хоть завтра!

9

Бородин нехотя открыл ключом высокую, добротно сделанную калитку и в нерешительности остановился. Два дня он пробыл в Загорске, прошел всех — от начальника отдела кадров до секретаря райкома партии и начальника строительства дороги. И все бесполезно. От дома, гремя цепью, бросился навстречу лохматый рослый волкодав. Задирая голову и заглядывая в лицо, он начал тереться о ноги хозяина. Обычно Константин Иосифович любил повозиться с собакой, но на этот раз он даже не обратил на нее внимания.

В маленьком кухонном окне дома желтело неяркое пятно света и смутно маячила женская фигура.

«Фаина ждет. Не ложится, — догадался Бородин и с недовольством поморщился.—Теперь разохается, разохается».

Пнув ногой ласкавшегося пса так, что тот с визгом отпрянул в темноту. Бородин потянул дверь. В глаза бросилась закутанная в пуховой платок Фаина, коляска, в которой спала дочь, заваленный исписанными листами бумаги кухонный стол.

Истомленное тело охватил теплый, пахнущий пеленками воздух. И Константин Иосифович сразу обмяк. Осторожно прикрыв за собой тяжелую дверь, он шагнул в комнату, опустился на стоявший у порога табурет и облегченно вздохнул.

«Наконец-то дома!»

— Что, устал? — неслышно подошла и положила ему на плечи свои тонкие легкие руки Фаина.

Константин Иосифович молча наклонил голову, потом повернулся всем телом, слегка дотронулся запекшимися губами до теплых рук жены. Он был несказанно благодарен ей, благодарен, что она сейчас не спросила о его делах, о результатах поездки в Загорск, не всколыхнула надсадно горькие затаенные мысли.

Его полуприкрытые глаза вдруг остановились на припухших кончиках пальцев рук Фаины.

«А ведь ей, пожалуй, тоже чертовски трудно! — ошеломив своей правдой, мелькнула в голове Бородина неожиданная мысль. — И зачем она приехала сюда! Ведь не звал же ее, не хотел, чтобы она бросила московскую квартиру, работу в институте. Не на всю жизнь я приехал в эту глушь! Так нет, она как услышала, что снят с работы, что мне трудно, бросила все и с дочкой приехала на строительство».

И вдруг ему стало необычайно жалко себя, жалко эту маленькую хрупкую женщину. Он жадно и цепко схватил руки жены и неистово начал целовать потрескавшиеся от стирки ладони, пальцы. Горло словно кто-то сдавил железным обручем. Константин Иосифович уткнулся лицом в ее мягкое, прикрытое пуховым платком плечо. Потом резко вскочил на ноги и, не отпуская Фаину от себя, заглядывая в ее обеспокоенные бездонно-синие глаза, зашептал быстро, боясь, что она перебьет его, не даст высказаться до конца.

— Уедем, уедем отсюда, Фаина... Обратно, в Москву! Не могу я так работать, не могу! Каждый упрекает, лезет, куда его не просят, ковыряется в душе.

— Случилось что-нибудь? — осторожно поглаживая вздрагивающие плечи мужа, спросила Фаина. — Тебя с работы уволили?..

— Нет, — отрицательно мотнул головой Бородин. — Шиктов отказал в переводе из Бирюсы, отослал к Брянцеву. — Захлебываясь от возбуждения, перескакивая с одного на другое, он сбивчиво принялся рассказывать о своих хождениях по Загорску. Постепенно его голос выровнялся, притих. Наконец, выговорившись, он на минуту затих и вдруг со злостью проговорил:

— Этот Брянцев им там всем мозги закрутил в Загорске. Только и говорят о новой трассе через сопки. Тоже мне нашелся искатель!

Осторожно освободившись от рук жены, Константин Иосифович поднялся, прошелся взад и вперед по комнате, постоял над спавшей дочкой. Заметив на столе исписанные крупным почерком жены листы бумаги, он рассеянно взял самый верхний, наполовину чистый.

— Что, по своей работе заскучала? Да? — косясь на исчерченный расчетами лист, спросил он, и, не дожидаясь ответа, со вздохом вымолвил: — И я тоже скучаю. Часто даже во сне вижу наш институтский конструкторский зал, чертежи. Эх, многое бы сейчас отдал, чтобы снова очутиться в Москве! И зачем я приехал в эту Сибирь! Славы захотел, известности.

Фаина молчала. Она все никак не могла прийти в себя от того странного оцепенения,

в котором находилась, слушая несвязную речь мужа, его мольбы. В памяти вдруг всплыли слова Брянцева: «Слаб Костя оказался».

«Неужели это правда? Не может быть! Он просто не нашел здесь себя. Бывает же так. Может, действительно уехать назад, в Москву? Костя поступит на старое место, и дела пойдут на лад».

Вдруг Фаина поймала себя на том, что пытается сговориться с собой, подготовить путь к отступлению. Ей-то никак нельзя уезжать отсюда. Еще тогда, во время разговора с Иваном Сергеевичем, Фаина поняла, что она в районе очень нужный человек. Все эти исписанные, исчерченные расчетами листы — это своеобразные наметки проекта новой трассы. Попробуй теперь откажись от мыслей, заполнивших все уголки мозга.

А Константин Иосифович, видно, принял молчание жены за согласие и деловито заговорил об отъезде:

— Знаешь, завтра я найду подходящий момент, загляну к Карпову и поговорю с ним, заручусь поддержкой, — заметно повеселев, начал он строить планы на следующий день.— Скажу ему, что тебе пора возвращаться в институт. Нагулялась, мол, без дела, хватит. И попрошу помочь мне уехать вместе с тобой. Думаю, уговорю. Он хоть мужик и с характером, а лучше, чем Брянцев. Иван, тот сразу о долге заговорит, о чести инженера. Да, притом, откровенно сказать, этот Карпов обо мне, как инженере, не очень высокого мнения. И держать не будет. А его мнение в Бирюсе много значит.

В комнате было душно. Перехватив рукой горло и с силой вдыхая теплый воздух, Фаина прижалась спиной к стене. Она вдруг с ужасом подумала, что не понимает мужа, не воспринимает его слов. Ей так и хотелось прервать его, но она не решалась и стояла растерянная, смятенная, не замечая, как по щекам прозрачными горошинами скользнули на платок непрошенные слезы. Бородин с улыбкой нагнулся к ней и ласково потрепал по щеке.

— Что загрустила, моя старушка? Неужели так жаль покидать Бирюсу, эту дыру?

Фаина отвела его руку и с укором подняла грустные затуманенные глаза.

— Костя, почему ты так легко решаешь с отъездом? Я сюда приехала не выручать тебя из Бирюсы, а помочь в работе, поддержать. А ты хочешь совсем уехать. Извини, только это очень уж похоже на бегство.

— На бегство? — округлил глаза Константин Иосифович. — Какое это бегство? Я просто в силу сложившихся обстоятельств вынужден уехать отсюда в Москву. Там меня знают, ценят. А здесь? Каждый до смерти рад, что я слетел с начальников района. А бывшие друзья и не думают защищать от таких нападок. Наоборот, топят, не дают ходу. Вон Брянцев, чтобы отделаться, сунул меня на жилищную контору. А я инженер-строитель, путеец.

— Зачем так говоришь, — прижав к груди тонкие руки, протестующе воскликнула Фаина. — Кто тебя здесь ненавидит, притесняет? Зачем ты на людей наговариваешь?

— Как? — опешил от неожиданности Бородин. — И ты, моя жена, можешь говорить такое? Да меня Брянцев так и старается куда-то подальше засунуть. Вон сегодня сказал, что через неделю переведет на другое место, каким-то инженеришкой на новую трассу. Да еще заявил, что это, мол, большая честь для каждого. Хороша честь! Хочет засунуть человека куда-то в сопки, а потом еще говорит, что это честь. У, сволочи, все они сволочи! Ненавижу... — его голос перешел в крик, визгливый и надрывный.

Фаина с испугом распростерла руки над коляской со спящей дочерью и попросила:

— Не надо, не кричи так. Разбудишь Иринку.

Но Константина Иосифовича уже трудно остановить. Бледный, весь взъерошенный, он подскочил к жене вплотную и захрипел яростно:

— Я знаю, почему так ненавидят меня эти вчерашние други. Знаю. Они никак не могут мне простить, что я женился на тебе, отбил красивую женщину. Поэтому-то они и не дают мне ходу, затирают... — Бородин хотел еще что-то добавить, но не успел — разбуженная его криком дочь закатилась в отчаянном плаче. Под гневным взглядом жены он молча попятился из кухни.

...Давно уже заснул Бородин, а Фаина, крепко зажав голову руками, все сидела за столом, бездумно глядя на испещренные записями и расчетами листы. Смутно было у нее на душе. Недавняя встреча и разговор с Иваном Сергеевичем перевернули установившееся в последние дни душевное равновесие, заставили еще серьезнее задуматься о своей жизни, судьбе. Последнее время она жила как бы в полусне, отягощенная заботами о муже и ребенке. Правда, бывали у нее такие минуты, когда нестерпимо хотелось забросить домашнее хозяйство и вернуться к любимому делу. И каждый раз она успокаивала себя тем, что вот-вот муж придет в себя, у него наладится с работой, да и дочурка подправится, окреп-

нет. Тогда можно будет взяться за дело. Но дни проходили, и Фаина все никак не могла оторваться от семейной сутолоки. Ей все казалось, что без ее присмотра с дочкой и с мужем что-то случится.

Иван Сергеевич всколыхнул все ее помыслы, и она с необычайной ясностью поняла: возня с дочерью, стирка пеленок, кухонные хлопоты, забота о муже заслонили от нее все. И вот теперь, когда перед нею вновь легли на стол бумага, чертежи, справочники, она осознала, как скучала по делу, как ей не хватало всего этого. Она поняла, что жить без работы скучно, неинтересно. И вот теперь, когда так все хорошо налаживалось, вдруг эта история с Константином, его решение немедленно уехать из Бирюсы.

Что же делать? За восемь лет их совместной жизни она хорошо узнала мужа: если уж он что решил, то не так просто откажется от своей мысли. Значит, тогда придется уезжать? А судьба дороги, просьба Ивана Сергеевича, строителей? Как же быть с ними? Ведь это уже не ее, Фаины, личное дело. Здесь не скажешь: не желаю, отказываюсь.

Как же быть? Фаина откинулась назад и немигающими глазами уставилась на электрическую лампочку, висевшую прямо над столом. Ведь если уехать, то придется забросить все бирюсинские расчеты, дела, отказаться от дорогих тебе планов, не оправдать надежды людей. Разве это достойный выход?

Лампочка несколько раз предостерегающе моргнула и потухла. Комната погрузилась в чернильную темноту.

«Два часа, — догадалась Фаина. В два часа ночи в поселке по обыкновению выключали свет. — Неужели и я, как лампочка, погорела, погорела, а пришло время, захотел муж — взял и выключил. Даже не поинтересовался, хочу ли я?»

10

Несколько минут Константин Иосифович лежал не двигаясь, припоминая все, что произошло вчера: встречи в Загорске, разговор с женой, его решение уехать в Москву. Что ж, нужно начать действовать с самого утра. Главное, это побывать у Карпова, поговорить с ним.

Подняв голову, он увидел сиротливо прикорнувшую на диване жену. Она лежала в халате и чулках. Видно, как прилегла после кормления дочери, так и заснула. Осторожно, чтобы не разбудить ее, Константин Иосифович поднялся и торопливо натянул на себя прохладную одежду.

Бородин спешил. Он даже не стал завтракать. Только выпил стакан молока, набросил на плечи пальто и вышел на улицу. Через пять минут он уже был у себя в конторе и небрежно листал деловые бумаги. Несколько раз к нему заглядывала Мария Игнатьевна, секретарь-машинистка, пожилая, сухонькая женщина в несуразно больших роговых очках. Она спрашивала, можно ли пускать посетителей. И всякий раз Константин Иосифович отсылал ее назад.

— Некогда, занят. Пусть подождут.

Резкий продолжительный звонок вывел Бородина из раздумья. Проворно схватив с аппарата черную потертую трубку, он приложил ее к оттопыренному красному уху и сразу узнал неторопливый ровный голос Карпова.

«Смотри-ка, на ловца и зверь бежит», — обрадовался Константин Иосифович и, одобрительно крякнув, одним духом выпалил:

— Бородин слушает.

— Я к тебе по поводу машинистов из бригады Горохова, — сразу же заговорил о деле парторг. — Я вчера, Константин Иосифович, просил тебя решить с их общежитием. Как дела?

— Минутку, минутку, — Бородин скользнул взглядом по лежавшим под руками ордерам, для порядка перевернул несколько штук. Он, собственно, и не собирается заниматься экскаваторщиками. Не до них. Но не скажешь же об этом парторгу района. И Константин Иосифович, немного помедлив, воскликнул:

— Как же, Михаил Михайлович, все будет сделано. Сегодня — завтра их переселим. Все готово.

— Зачем же переселять, — возразил Карпов. — Может быть, всю комнату отдать экипажу Горохова?

— А что, идея хорошая, — не раздумывая, согласился Бородин. — Я немедленно сделаю все по твоему указанию.

— Причем тут мое указание, — перебил его парторг. — Ты уж лучше сам посмотри все, взвесь. В общем, прояви человеческую заботу о людях.

Прислушиваясь к глухим перекатам карповского голоса, Константин Иосифович представил его небольшую, аккуратно подтянутую фигуру, недовольную складку у рта. А что тот был недоволен их разговором, чувствовалось по его тону. И едва только парторг умолк, Бородин поспешно пробасил:

— Я это дело беру под личный контроль, Михаил Михайлович. Считайте, дело сдела-

но. — И тут же, не переводя дыхания, боясь, что Карпов положит трубку, выговорил просительно: — Михаил Михайлович, я хочу к тебе прийти на один разговор. По личному вопросу.

Карпов что-то неопределенно хмыкнул в трубку, помолчал, потом негромко выдохнул:

— Давай заходи. После двух.

Закончив разговор с парторгом, Константин Иосифович медленно опустил трубку на рычажки и ткнул пальцем в белую кнопку звонка. И сразу в дверях появилась безмолвная Мария Игнатьевна.

— Я ухожу в общежитие, — не глядя на секретаршу, сказал Бородин. — Пускай люди идут на прием к заместителю. И вообще отсылайте там всяких недовольных, жалобщиков к нему. Не люблю я этого. Есть дела и поважнее.

11

После смены Черкесов не проспал и трех часов. Его разбудил вызывающе громкий смех, сильные голоса. Сдернув с головы тонкое байковое одеяло, он приподнялся и, свесив голые ноги на пол, сел. В комнате, пристроившись кто на кроватях, кто на табуретах, а иные и на окне, оживленно переговариваясь, чаевничали несколько ребят. Все они были в новых, но уже порядком выпачканных в мазуте ватниках и валенках. Первым на Николая обратил внимание сидевший на подоконнике смуглолицый паренек. Черные бусинки его маленьких чуть раскосых глаз лукаво блеснули. Он осторожно поднес ко рту большую алюминиевую кружку с чаем, вытянув в трубочку резко очерченные полные губы, подул на кипяток и вызывающе громко спросил:

— В нашу пересылку надолго прибыл?

— В какую пересылку? — недоуменно спросил Черкесов и насторожился, ожидая подвоха.

— Это мы так нашу комнату называем, — охотно пояснил паренек. — Она у нас вместо пересыльного пункта. В ней больше двух месяцев постоянные не живут. Кого переводят, а кто и сам убегает.

— А я не собираюсь удирать, — сердито отрубил Николай.

Паренек с минуту молча оглядывал машиниста, потом поднес ко рту кружку, пригубил ее, отхлебнул глоток, причмокнул:

— Горячий! Ух, какой горячий!

И непонятно было, то ли он говорит о чае, то ли о Черкесове.

Николай, уже не обращая на него внимания, соскочил на пол, несколько раз, пружиня на ногах, присел. В комнате прохладно. Разомлевшее от сна тело сразу покрылось пупырышками — гусиной кожей. Пока Черкесов одевался и убирал свою койку, его соседи по комнате закончили чаепитие и гурьбой отправились на улицу. Проходя мимо Николая, смуглолицый паренек задержался.

— Ты что, экскаваторщик?

— Николай покосился в его сторону и неохотно ответил:

— Машинист.

— То-то, сразу видно, — сощурившись, широко улыбнулся паренек. Если кто сердитый, знай — экскаваторщик. Не то что мы — шофера.

Черкесов хотел было оборвать незнакомца, но встретился со смелыми смеющимися глазами юноши, качнул головой:

— Языкаст!

— У нас в Сибири все такие.

В раскрытую дверь комнаты заглянул один из товарищей паренька, низкорослый с давно небритым лицом мужчина.

— Сабит, — позвал он. — Давай быстрее. Машина подошла.

Лукаво подмигнув Черкесову, Сабит сдвинул шапку на затылок и направился к выходу. В дверях он столкнулся с Бородиным.

— А, начальство идет, — насмешливо воскликнул паренек, с подчеркнутой торопливостью отступая в сторону. — Давненько не были в нашей лачуге. — И, не дожидаясь ответа на свое приветствие, он выскочил в коридор.

Константин Иосифович проводил Сабита недовольным взглядом и негромко пробубнил:

— Эх, Касенов! Все чем-то недоволен, задирается.

Он деловито осмотрел комнату, провел пальцем по спинке крайней койки. Палец остался чистым. Но Бородин вытащил платок, тщательно вытер руку и повернулся к Николаю, который хозяйничал у стола.

— Вы из бригады Горохова будете?

— Угадали.

Расстегнув пальто, Константин Иосифович грузно опустился на предложенный экскаваторщиком стул.

— А я к вам по серьезному делу пришел, — строго насупив брови, начал Бородин. — Хочу, так сказать, исправить ошибку своих подчиненных. Я хотел бы переселить вас в лучшую комнату.

— Нас? В лучшую комнату? — Черкесов недоуменно пожал плечами. Ему сразу вспомнился Сабит Касенов, его слова об этой ком-

нате, как о пересыльном пункте. Видимо, он был прав. И Николай не без ехидства спросил: — А что это вы так заботитесь о нашей бригаде?

— Такая уж у меня должность — заботиться о людях, — слегка наклонил голову Бородин. Он говорил эти слова так, будто действительно всю жизнь только и занимался тем, что ублажал людей, выполнял их желания. — Это долг службы. — Он еще раз оглянул комнату, тесные ряды коек и снисходительно предложил: — А если желаете здесь остаться — пожалуйста. Мы отсюда лишних людей переведем в другое место, а вашу бригаду поселим здесь. И удобно, и просторно.

Николай задумался, хорошо ли решать этот вопрос без ребят, без бригадира. Но потом решил, что такой удобный случай, когда им всем предлагают поселиться вместе, упускать не стоит.

— Лучше уж оставляйте здесь. Чего таскаться по общежитиям.

Считая, что его миссия закончена, Бородин взглянул на часы. Без четверти двенадцать. К Карпову идти еще рано. А впрочем, чего там ждать. Парторг не министр, можно зайти и пораньше.

12

Михаил Михайлович был один. Бородин еще в дверях весело воскликнул:

— Вовремя я к тебе, парторг. Жуть не люблю вести разговоров при посторонних.

Он пододвинул свой стул поближе к Карпову, прочно уселся и сразу же приступил к делу:

— Я тебе скажу, как коммунист коммунисту, не ладится у меня на стройке с работой. В Москве считался хорошим специалистом, руководил целым отделом, конструкторским бюро, а вот здесь что-то не ладится. Не пойму. — Константин Иосифович пытливо взглянул на парторга, как он относится к его словам, но по сосредоточенному, спокойному лицу ничего нельзя было понять. И он заговорил еще с большим жаром, стараясь вызвать у Карпова хоть немного интереса. — Потом и о жене надо подумать. Ведь она кандидат наук, ей серьезная работа нужна, а где ее найдешь в Бирюсе? В общем, Михаил Михайлович, решил я уехать в Москву. И очень прошу, помоги отсюда сняться и перевестись.

— А причем тут я? — удивился Карпов. — Эти дела начальник района решает. К нему и обращайся.

Бородин, за минуту до этого веселый и решительный, сразу скис и растерянно взглянул на парторга.

— Как же, Михаил Михайлович? Ты ведь парторг, ответственный человек. Если ты подскажешь Брянцеву, он тебя послушает.

— Ты говоришь так, будто я нянька у Ивана Сергеевича, и сам просишь меня быть твоей нянькой, — сказал парторг, и в его глазах появились искорки смеха. — Что вы, дети малые, чтобы я вас сводил вместе, уговаривал. Можно и самим, один на один, поговорить. Ведь вместе учились, дружили, как-нибудь уж найдете общий язык.

Не могу я идти к Брянцеву, — глухо проговорил Константин Иосифович. — Не могу.

— Почему же?

— Не поймет он меня. Обязательно что-нибудь припишет. Он ведь такой — скажет, удираешь со стройки, дезертируешь.

— Скажет, — подтвердил Михаил Михайлович и уже жестче добавил: — И, думаю, прав будет. Тебе такое дело ответственное решили доверить. Каждый счел бы такое поручение за честь. А ты? Нет, Константин Иосифович, не там ты дорогу ищешь.

— Как не там? — насторожился Бородин. Он хорошо понимал, что здесь, в кабинете Карпова, решается его судьба: поедет он в Москву или нет. Если парторг не поддержит его, к Брянцеву нечего и идти. Константин Иосифович почувствовал острый холодок в груди и гулкие, странно редкие удары сердца.

— Знаешь, — не спеша начал Карпов, — есть на реках у бережка тихое место, а в середине реки быстрина, бурливая, шумливая, неспокойная. Наша таежная стройка — это и есть быстрина. Это испытание силы человеческой, стойкости. Кто выдержит его, тот настоящий человек, а кто отстанет, сдаст, тот, извини меня, шваль. Он будет отброшен течением реки в сторону, на берег.

Константин Иосифович тяжело поднялся.

— Ну, товарищ Карпов, это ты перегибаешь! Твои аллегории здесь ни к чему.

— Совсем нет. Просто напоминаю всем известную истину.

Я вижу, мы не сговоримся, — резко отставляя в сторону стул, обиженно сказал Бородин. Надвинув на самые брови кепку, он, не прощаясь, пошел к двери. Уже взявшись за ручку, Константин Иосифович повернулся к парторгу. — Что ж, может, в другом месте меня поймут.

— Не советую этого делать, — поднялся со своего места Карпов и подошел к Бородину

вплотную. — Нельзя тебе уходить со стройки так вот, вдруг. Поработай, оправдай доверие коллектива. А потом можешь и уезжать. Кстати, а как Фаина Ивановна? Ты ей говорил о своем решении уехать со стройки? — В голосе Михаила Михайловича послышалась тревога. Его, видимо, очень интересовало отношение к отъезду Бородина его жены.

Константин Иосифович почувствовал эту настороженность и нехотя сказал:

— Говорил...

— И как же? Она согласна ехать?

— Она? — Бородину вспомнился вчерашний разговор, ссора, и, не решаясь говорить обо всем этом прямо, он буркнул: — Хорошая жена всегда за мужем идет.

— Когда муж правильно поступает — совершенно верно. А вот когда ошибается...

Константин Иосифович ничего не ответил. Он с силой толкнул дверь и шагнул в коридор. Нет, Фаина не из таких. Она в трудную минуту жизни поддержит его. На нее одну сейчас вся надежда. Это только она может уговорить Брянцева. Тот ей не откажет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Еще в Осиновке, разбирая упаковку рабочих углов «Уральца», экскаваторщики «трехсотки» предусмотрительно собрали все доски и сложили их в углу вместительного кузова машины. Когда экскаватор пришел в забой, из этих досок сколотили просторный навес, поставили там столик, несколько скамей. Здесь отсиживались во время дождя и проводили производственные совещания. А когда в скором времени сюда подвели телефонную линию, то прямо от экскаватора можно было позвонить хоть в Загорск. Василий решил, что лучшего места для выпуска «Комсомольских сигналов», чем под этим навесом, и не найти.

По совету Смирновой Василий решил привлечь к работе комсомольского рабочего поста Мишку Зарембу и Сережку Михайлова — долговязого балагура, электрика из смены Горохова. Оба они дежурили в разное время, и Василий мог знать, что произошло в каждой смене.

В первый раз члены поста собрались прямо под навесом. Свиридову в комитете комсомола вручили отпечатанные в типографии большие листы с многозначительным заголовком: «Комсомольский сигнал!»

Василий развернул один из таких листов, разгладил ладонью на столе и залюбовался им.

— С чего начнем? — нетерпеливо спросил Мишка. — Может, с какого-нибудь особенного случая? Давайте поищем как следует, присмотримся, а потом как трахнем в нашем «сигнале» — всем лодырям да прогульщикам тошно станет. Согласны?

— Пока будем разыскивать этот твой «особенный» случай, самим тошно станет, — сразу усомнился Михайлов. — Да и где его найдешь? Всего два дня работаем...

Свиридов крепко потер ладонью затылок. Больших происшествий, и правда, еще не было.

— Ну и шут с ними, — решительно махнул он рукой. — И не обязательно начинать с них, с этих больших происшествий. Нужно попробовать на малом. Кто у нас сегодня в ночь заступает?

— Я, — сразу отозвался Мишка. — А что?

— Тогда тебе задание — проследи сегодня за работой шоферов. Говорят, засыпают они перед рассветом, уезжают с линии. Найдешь, узнаешь фамилии — и материал для «сигнала» будет.

На следующий день Василий работал с шести часов вечера. Но теперь он вместе с Сергеем появился у экскаватора часов в семь утра. Мишка сразу заметил их. Выскочив из «Уральца» и размахивая в воздухе листком бумаги, он бросился навстречу.

— Есть, ребятки! — еще издали победно закричал юноша. — Вот, смотрите! Большинство хлопцев сделали по 60—70 ходок, а этот тип всего 25. Всю ночь проспал. Тут его фамилия есть и номер машины. — И он снова взмахнул листком.

Обрадованный Свиридов бережно взял из рук драгоценную измусоленную бумагу с записями. Там оказались результаты не только сегодняшнего дня, но и двух предыдущих.

«Предусмотрительный парень! — с удовлетворением подумал о Зарембе машинист. Беспокойство за порученное дело, томившее его все эти дни, сразу отошло.

— Давай за работу! — весело скомандовал Свиридов. — Надо до конца смены выпустить первый номер. — Он двинулся к навесу. Но Мишка не пошел следом, а повернулся к подъезжавшей под погрузку машине.

— Это ж Сабит, — определил он. — Хлопцы, я сейчас. — И парень ринулся к машине, размахивая рукой, очевидно, чтобы привлечь внимание водителя.

К ребятам Мишка вернулся вместе с Сабитом. Подтолкнув вперед Касенова, он пояснил:

— Про шофера все выяснил Сабит. Без него я бы не смог...

Сабит был хорошо знаком экскаваторщикам. После того как Бородин побывал в общежитии, из комнаты сразу вынесли шесть кроватей. Пять кроватей заняли экскаваторщики из бригады Горохова, а на шестую по просьбе Николая определили Касенова. Сабит быстро привык, сжился с ребятами, выпросился у своего начальства работать заодно со своими новыми друзьями. И когда в ночную смену Миша попросил его помочь найти какого-нибудь лодыря, он под утро привез не только нужные сведения, но и самого виновника, насмерть перепуганного с опухшим от сна лицом шофера Сашку Соломатина. Шофера Миша отпустил, а записку с необходимыми сведениями припрятал до прихода товарищей.

— Вот вам и четвертый член поста, — сразу определил судьбу Касенова Василий. — Он будет представителем водителей.

— Только сейчас отпустите, — взмолился Сабит, явно смущенный решительностью Свиридова. — Мне еще пару рейсов осталось сделать.

— Добро, езжай! — великодушно разрешил Василий.

Экскаваторщики испортили два листа, перемазались в краске и чернилах, пока их первенец не был готов. «Комсомольский сигнал» накрепко прибили большими гвоздями прямо у навеса на большой новой доске. Василий с минуту придирчиво разглядывал его, потом удовлетворенно усмехнулся и, пригладив руками растрепанные волосы, отошел в сторону, опустился на землю и предложил товарищам:

— Подождем, посмотрим. Интересно, что ребята будут говорить?

Ждать пришлось недолго. Смена заканчивалась, и водители стали подъезжать к навесу отметить путевки у девушки-учетчицы. Сначала к «сигналу» подошел один шофер. Экскаваторщики, приумолкнув, настороженно следили за каждым его движением. Вот он остановился, сунул в боковой карман заполненную путевку, скользнул взглядом по объявлениям и, сдвинув на затылок засаленную кепку, озадаченно уставился в «Комсомольский сигнал». По тому, как он долго стоял возле него, можно было догадаться, что шофер не один раз прочел написанное.

На ходу сворачивая путевки, к товарищу сразу подошло несколько человек. Скоро у «Комсомольского сигнала» собралась целая толпа. Каждый старался протиснуться поближе и прочитать.

Экскаваторщикам интересно было узнать, одобряют ли водители их труд. Несколько минут они в нерешительности поглядывали друг на друга, улавливая лишь обрывки долетавших до них фраз. Но вот Мишка увидел среди толпы шоферов Сабита. Он так же, как и остальные его товарищи, внимательно читал «сигнал».

— Я пошел, — поднялся Заремба с земли. Вслед за ним, словно по команде, устремились Василий и Сергей.

Чернявый плечистый парень, что возвышался над всеми остальными на целую голову, придерживая рукой край листа, начал читать вслух рокочущим густым басом:

— «Шофер Александр Соломатин! Вот уже третью смену ты не выполняешь нормы. В то время как твои товарищи вывозят по 60—70 машин грунта, ты едва успеваешь сделать 25—30 рейсов. А почему? Да потому, что больше стоишь, дремлешь, чем сидишь за рулем. Ты своей плохой работой подводишь и шоферов, и экскаваторщиков. С таким шофером, как ты, и за десять лет не построишь нашу железную дорогу. Контрольный комсомольский пост». — Он повернулся к товарищам, сокрушенно покачал головой и многозначительно хмыкнул: — Вот это я понимаю! Чесанули!

— Давно бы его так! — послышался в толпе голос. — Всегда он стоит, покуривает. Интересно, где он сейчас.

— Куда там. Он давно уже удрал на автобазу, — с презрением проговорил стоящий рядом с экскаваторщиками пожилой шофер. — Как только услышал, что о нем плохое написали, сразу в машину — и пошел.

— А кто это сочинил? — с интересом спросил чернявый парень. — Что за ребята?

— Разве не видишь? — ткнул пальцем в «сигнал» его сосед. — Контрольный комсомольский пост. Комсомольцы значит.

— Комсомолия действует!

Шоферы, прочитав «Комсомольский сигнал», уехали, а ребята все стояли, обрадованные оценкой их деятельности. Значит, они взялись за стоящее дело. Теперь незадачливому водителю не дадут прохода. Ему или придется подтянуться, или уйти. Но, пожалуй, самое главное, что люди узнали о контрольном посте, узнали, что за их работой следят внимательные глаза комсомолии.

2

Как Фаина ни пыталась, она не могла забыть спора с мужем. Память то и дело услужливо подсовывала ей весь, до последнего слова, разговор, который затеял Константин Иосифович, когда вернулся после неудачной беседы от Карпова. Она как раз прополаскивала рубашки дочери и насторожилась, увидев его на пороге, растрепанного, взбудораженного. Иринка, игравшая в коляске, глянув на отца, испуганно вскрикнула и заплакала. Фаина подхватила ее на руки и строгая, невозмутимая повернулась к мужу.

Опираясь плечом о дверной косяк, Бородин с минуту стоял неподвижно, с трудом переводя дыхание. Его взгляд бесцельно скользнул по жене, дочери, корыту с намоченным бельем и остановился на грязных пеленках, валявшихся на забрызганном водой полу. Два стремительных шага — он схватил пеленки и, брезгливо отстранив их от себя, подскочил к жене.

— Разве тебе не надоела эта гадость? — тряхнув в воздухе тряпками, возбужденно заговорил Константин Иосифович. — Неужели ты решила навсегда забросить работу в институте.

— Ты опять за старое? — тихо, как говорят с больными, с упреком сказала Фаина. — Зачем ты так? Зачем? Сам прекрасно знаешь, в Бирюсе нет прачечных, некому отдавать белье.

Спокойный голос жены подействовал на Бородина.

— Я только что от Карпова, — скомкав пеленки и бросив их в угол комнаты, устало проговорил он. — Просил помочь выбраться отсюда. Так куда там — наотрез отказал. Это и понятно. Он всегда был против меня. Нет, мне нужно уезжать, обязательно уезжать...

Константин Иосифович безвольно, будто у него не хватило сил удержаться, плюхнулся на стул, уронил голову на грудь. Фаина глянула на мужа, и ей вдруг стало необыкновенно жалко его — такого вот беспомощного, обиженного и растерянного. Видно, он и впрямь запутался и не знает, что же делать дальше. Она осторожно взяла его за подбородок, заглянула в тоскливые глаза и шепнула:

— Хорошо, Костя. Если тебе так уж невмоготу здесь, нужно ехать.

Бородин даже растерялся от этой нежданной уступки жены. Думая, что ослышался, он недоверчиво спросил:

— Ты... согласна... Правда?

— Правда, — Фаина утвердительно наклонила голову.

Константин Иосифович с неожиданной живостью вскочил, на радостях поцеловал дочку в лобик, выхватил ее у матери и закружился по комнате. Иринка отчаянно вцепилась в отца ручонками и каждый раз, когда он со смехом поднимал ее над головой, слабо вскрикивала. А мать суетилась возле них и все просила:

— Осторожно, Костя, уронишь... Осторожно...

Наконец Бородин выдохся, посадил дочь в коляску и повернулся к жене. Его улыбающееся лицо сразу сделалось серьезным, деловым.

— Вот что, Фая. Придется тебе сегодня же сходить к Брянцеву.

— Зачем?

— Понимаешь, — Константин Иосифович немного замялся. — Если к нему пойду я, он меня не захочет отпустить. А тебя он послушает.

— Нет, нет! — решительно запротестовала Фаина. — Никуда я не пойду. И не думай.

— Как не пойдешь?!

— Не пойду! Мне стыдно идти и просить. Особенно за мужа. Стыдно за тебя. — Фаина вскинула на Константина Иосифовича суровый, осуждающий взгляд. — Что, смелости не хватает идти? Сам понимаешь все.

Бородин почувствовал, что жена готова отказаться. Он подошел к ней, встал лицом к лицу и заговорил с отчаянной решимостью:

— Пойми, другого выхода нет. Не хочу я в эту дыру соваться, лезть в сопки.

— Что ж, делай, как знаешь, — с невозмутимым спокойствием сказала Фаина. — Раз захотел ехать — пожалуйста. Только я не поеду.

— Как? — Константин Иосифович в растерянности опустился на стул и, не сводя глаз с жены, лихорадочно зашептал: — Ты не хочешь ехать... Отказываешься? Почему?

— Я с тобой и не собиралась ехать, — решительно заговорила Фаина, понимая, что объяснение оттянуть дальше уже невозможно да и не нужно. — Поезжай один, устраивайся и работай. А я позже приеду. Понимаешь, Брянцев предложил очень интересное дело.

— Неужели тебе все эти предложения Брянцева дороже нашего семейного благополучия? — с горечью спросил Бородин.

Фаина поморщилась.

— При чем тут благополучие. Ты считаешь, что тебе лучше уехать в Москву, а я считаю, что мне необходимо остаться здесь, помочь строителям с проектом. Тебе не нравится работа на новой трассе, а я считаю это для каждого строителя делом интересным и нужным.

Поэтому и берусь за работу по проекту. Уже есть приказ по району: перевести новый «Уралец» в сопки прорывать проход для дороги. А через месяц на новую трассу выйдут скреперы и бульдозеры. Теперь уже некогда раздумывать, правильно я решила или нет. Работать надо.

Фаина говорила спокойно и неторопливо, как о давно решенном и обдуманном. И это взорвало Бородина.

— И тебя купили! — яростно вскрикнул он, добела сжимая кулаки. — Тоже попалась на удочку Брянцеву. А я, дурак, думал — жена пойдет за мной хоть в огонь... А ты! — Он долго и исступленно бросал ей в лицо самые нелепые обвинения, упрекал чуть ли не в измене, а она стояла перед ним молчаливая, прямая. И только резкая упрямая складка меж бровей подтверждала, что она все слышит и запоминает.

Фаина чувствовала, как с каждым словом Бородина она отдаляется от него, теряет в него веру. Его слова уже не задевали, как это было даже вчера, не вызывали протеста. Ей было все равно.

А Константин Иосифович, выговорившись, умолк и уставился на жену. Он ждал покаяния, протеста, слез, чего угодно, но только не молчания. А она молчала. Молчала и смотрела.

Впервые в жизни Бородин не знал, как ему поступить дальше. Конечно, лучше всего уехать из Бирюсы. Но как это сделать? А Фаина, эта окаменевшая в молчании Фаина? Уезжать без нее? Ему сразу представились удивленные лица московских знакомых, родных, осуждающий взгляд Ивана Дмитриевича Суровцева, отца Фаины. Ведь это был не просто тесть, а профессор, доктор наук, руководитель крупного института. К тому же он очень прямой и резкий человек. Он не будет церемониться, дотошно выспросит обо всем. Попробуй объяснить ему, почему жена с ребенком остались на стройке. А без его поддержки в Москве не устроиться.

3

Конечно, нетрудно сгоряча сказать: «Все кончено, все забыто!» После той встречи у экскаватора Николай, как ему казалось, твердо и бесповоротно решил не видеться больше с Катей. А если где и придется встретиться на улице, то он, глазом не моргнув, пройдет мимо и даже не поздоровается. Раз уж рушить все, то рушить до конца.

Но попробуй вытрави из памяти то, что закрепилось там, выдержало долгие годы разлуки. И нередко он думал: «А может, ему все показалось, может, Катя лишь чуточку увлеклась Гороховым и у нее уже давно все прошло». Эти мысли будоражили его, подавали надежду и отнимали покой. Но стоило Черкесову вспомнить их встречу, растерянность девушки, вспомнить, как она прижималась к Юрию, словно искала у него защиты, и сразу на душе становилось пусто и горько.

Но забыть Катю он не мог. Ему хотелось увидеть ее, посмотреть, изменилась ли она за годы их разлуки. Тогда, у экскаватора, он даже не разглядел ее. Запомнились только необыкновенно большие испуганные глаза, изумленно вздернутые брови. Он так и сказал сам себе: только посмотрю на нее — и все.

Как-то, возвращаясь с работы, Черкесов слез с машины на самом краю Бирюсы и двинулся домой с расчетом, чтобы пройти мимо Катиного дома. Правда, пришлось сделать добрый крюк и обойти почти весь поселок. Зато вполне возможно, что возле дома он встретит девушку. И никто не скажет, будто он выслеживает ее, ищет встречи. Шел мимо, увидел — и все тут.

Еще издали Николай увидел: возле дома никого из жильцов нет. Только у второго подъезда на деревянном крылечке, положив на лапы узкую длинную морду, распростерлась крупная белая собака.

Он двигался уже мимо второго подъезда, но никто так и не появлялся. Чтобы как-то задержаться, Николай остановился, присел на корточки и начал расшнуровывать ботинок, словно в него что-то попало и мешало идти. Собака, сонно глядевшая по сторонам, подняла острую морду и подозрительно посмотрела на Черкесова. А потом она вдруг легко спрыгнула с крыльца.

«Тебя еще тут не хватало!» — сердито подумал машинист и стал торопливо натягивать ботинок.

Несколько прыжков — и собака уже стояла неподалеку. Николай, даже не зашнуровывая ботинка, живо выпрямился. Кто ее знает, возьмет да и прыгнет на спину. Собака низко наклонила голову и сердито заурчала, показав крупные желтые клыки. Не сводя с пса глаз, экскаваторщик попятился назад, готовый в любую минуту отбросить своего противника ударом ноги. Собака не тронулась с места. Присев на задние лапы, она умными зоркими глазами смотрела Черкесову вслед и лишь изредка угрожающе обнажала клыки. Только завернув за угол, Николай примостился на ка-

мне и, посмеиваясь, принялся зашнуровывать обувь.

— Тоже кавалер! Перепугался собаки.

Нет, не такой характер у Черкесова, чтобы при первой же неудаче сникнуть и отойти.

Собираясь в путь на следующий день, Николай сунул в карман большой гаечный ключ. На всякий случай. Кто знает, а вдруг собака бросится на него. Будет хоть, чем отбиваться.

На подходе к дому Черкесов, судорожно ломая спички, закурил и, надвинув на лоб кепку, медленно зашагал по улице. Наметанные глаза сразу увидели собаку на крылечке и группу ребятишек, игравших возле дома в городки. Кати не видно.

И нужно же было бросить кому-то посреди дороги увесистый булыжник. Заглядевшись на окна, Николай зацепился ногой, не удержался и растянулся во весь рост на дороге. От сильного удара грудью о землю он не сразу смог двинуться с места. А когда пришел в себя, то услышал громкое сопение и почувствовал, как кто-то поднимает его за стеганку. Морщась от боли, Черкесов повернул голову и остолбенел. Прямо над ним стояла собака и, прихватив зубами ватник, силилась оторвать его от земли.

— Дамка, назад! Дамка! — донесся до Николая знакомый испуганный голос, и от дома к нему метнулась Катя.

Но собака только повела ушами и с новой силой потянула парня. И только когда тот приподнялся с земли, она отпрянула в сторону и с радостным визгом бросилась к девушке.

— Укусила? — помогая Черкесову встать на ноги, тревожно спросила Катя. — Она у нас никогда на людей не бросалась.

— Нет, она помогала мне, — отряхиваясь от пыли, смущенно проговорил Николай.

Катя только теперь узнала Черкесова и отступила назад.

— Это ты, Коля... — Ее брови, как и во время той встречи у экскаватора, изумленно выгнулись, и она прошептала: — А я так испугалась...

Николай исподлобья окинул девушку быстрым изучающим взглядом. Она почти не изменилась. Те же пышные черные волосы и маленькие, вечно поцарапанные руки, большие улыбчивые глаза и гибкая тоненькая фигурка. Исчезла лишь былая угловатость, но от этого девушка только выиграла, стала милее, женственнее.

После короткого замешательства Катя вскинула глаза на экскаваторщика и нерешительно спросила:

— Ты не торопишься? Может, посидишь со мной на крыльце, расскажешь о Сталинграде. Я два года там не была.

И столько тепла и смущения было в ее голосе, что Черкесов не решился обидеть отказом.

Они сели на крыльце не как раньше, рядом, плечо к плечу, а поодаль, будто мало знакомые, чужие. Разговора о родном городе никак не получалось. На вопросы, которые задавала Катя, Николай отвечал неохотно, коротко. Нет, не до воспоминаний о родных местах было сейчас Николаю. Неспроста позвала его девушка. Он чувствовал: вот-вот начнется то, без чего им нельзя разойтись в жизни. После таких откровенных слов можно лишь уважать или ненавидеть.

Крыльцо дома низенькое, и сидеть на нем неловко — колени едва не упирались в грудь. Чтобы как-то устроиться поудобнее, Николай попытался отодвинуться от края подальше. Но при первом же его движении из кармана вывалился гаечный ключ и гулко стукнулся о доску. Черкесов смущенно поднял его, не зная, что же с ним делать: сунуть обратно в карман или держать в руке.

Катя сразу заметила его замешательство и улыбнулась.

— Ты по-прежнему ключи да гайки в кармане таскаешь.

Николай добродушно признался:

— Это для самообороны.

— От меня что ли думаешь оборонятьcя? — засмеялась девушка.

— От собаки. Я ведь не первый раз прохожу мимо. А она всегда подозрительно посматривает на меня. Будто я ей кровный враг.

— Подожди, ты разве не на карьере работаешь? — озабоченно свела бровки Катя.

— Конечно, там.

— А это же дорога совсем в другую сторону, — кивнула она в том направлении, откуда шел Николай.

— Ну и что ж? — вызывающе спросил Черкесов.

— Ничего... — растерянно прошептала девушка, потом вдруг придвинулась к Николаю. — Коля, ты меня искал?

— Да.

— Не знаю, как это объяснить, — тихо, как будто говоря сама с собой, вымолвила Катя. — Когда дружила с тобой, думала, нет на свете лучше человека. А вот встретила Юрия и поняла, что без него я как листочек

без дерева. Он сильный, твердый. И я люблю только Юру.

Как Николай ни хотел объясниться с Катей, он никогда не думал, что это произойдет именно так, что девушка сама без стеснения откроется перед ним, скажет свое заветное. Он до самой последней минуты не терял затаенной надежды, думал, что Катя будет с ним. Хотя Горохова он знал еще совсем немного, но у него было такое чувство, что совсем другого человека должна полюбить эта девушка, отдать ему все: привязанность, сердце, будущее. И, оказывается, ошибся. Говорят, любовь слепа. Но кто знает, может, Катя увидела в Юрии то, чего никак не мог рассмотреть он.

Черкесов наклонился к девушке, дотронулся до ее локтя.

— Зачем так расстраиваться, Катюша. Если полюбила человека — видно, он заслужил это. — Николай говорил медленно, запинаясь. Нелегко ему было произносить такие слова. А девушка как-то сразу притихла и потом улыбнулась так радостно и доверчиво, как только могут улыбаться счастливые люди.

— Коля! Ты понял меня?! — с жаром воскликнула она, благодарно схватив юношу за его большие в темных мазутных подтеках руки. — А я так боялась, что ты не захочешь понять меня.

Счастливый человек всегда немного эгоист и зачастую не замечает, как остальным бывает тяжело. А Николаю действительно было нелегко слушать безмятежный лепет Кати, видеть ее счастье. Но он не мог оборвать ее, не хотел причинить боль. Наконец он все же не выдержал и поднялся с крыльца.

— Я пойду. Нужно отдохнуть после смены.

Катя нахмурила было брови, но тут же вскочила и, заглядывая Николаю в лицо, спросила:

— Значит, мы по-попрежнему друзья, Коля?

Черкесову не хотелось кривить душой, и он сказал откровенно:

— Нужна будет помощь — зови. А мешаться не буду. У тебя есть с кем поговорить и посоветоваться.

4

Ребята молчаливой гурьбой стояли возле экскаватора. Вправо и влево от них, пересекая сопки, пролегла широкая просека. Она круто спадала в обе стороны, открывая взору бесконечную таежную даль. Где-то там, внизу, остался песчаный карьер, где еще вчера «трехсотка» загружала МАЗы, там лежала Бирюса.

— Как, нравится? — вдруг услышали ребята голос начальника района. Он подошел к экскаватору с группой инженеров, среди которых были Фаина и Бородин, и теперь с улыбкой смотрел на них.

— Больно уж высоко забрались, — признался Горохов. — Подумать только, четыре тягача с трудом втащили сюда нашу «трехсотку».

— Зато дело здесь будет поинтереснее, чем в карьере, — заверил Брянцев. — Вам, хлопцы, надо на этой седловине сделать широкую прорезь. Вот отсюда, где мы стоим, и до самой подошвы.

— А зачем она? — переглянулись между собой экскаваторщики. Откровенно говоря, они смутно представляли, какая работа их ждет.

— Думаем в этом месте до самой Америки докопаться, — пошутил Иван Сергеевич. — И тут же, посерьезнев, добавил: — Дело вы, товарищи, начинаете серьезное. Решено от Бирюсы железнодорожную линию проложить прямо через сопки на Загорск. Вашему экскаватору поручена самая сложная задача — прорубить в сопках проход для дороги.

— Вот здорово! — восхищенно выкрикнул Заремба. Он хотел еще что-то добавить, но Свиридов дернул его за рукав: молчи, не мешай!

— Прорезь пройдет прямо по просеке, — начал пояснять начальник района. — Первый забой у вас будет широкий, стометровый. Второй — поуже на пять метров, третий — еще уже. Так и дойдете до самого низа. А там уж, надеюсь, больше вам не понадобятся тягачи. Своим ходом выведете экскаватор. Ясна задача?

— Ясна! — заулыбались обрадованные ребята. Никто из них даже и не предполагал, что им так здорово повезет, что они со своей «трехсоткой» будут работать на трассе. И не где-нибудь, а на самом ответственном участке.

— Чья смена? — спросил Брянцев.

— Наша, — выступил вперед Черкесов. Рядом встал Миша.

— Садись за рычаги, Николай, — приказал Иван Сергеевич. — Повезло твоей смене — первый ковш на новой трассе за вами.

Вывести экскаватор на трассу к месту первого забоя было делом какого-то десятка минут. Пока Николай маневрировал, к «трехсотке» сразу подкатило полтора десятка самосвалов. Они выстроились цепочкой, готовые в любой момент подъехать под ковш. Вот «Уралец» несколько раз ковырнул землю, расчищая для

себя место, потом подцепил ковшом добрую порцию грунта и вдруг замер.

— Что случилось? — нетерпеливо глянул на часы Брянцев.

Юрий кинулся было к экскаватору, но из двери кузова навстречу ему выскочил Свиридов. В его руках алело большое кумачовое полотнище. Это был флаг.

— Минутку, товарищи! — размахивая кумачом, закричал Василий. Он подбежал к ковшу, приподнялся и воткнул флаг в грунт. Потом отскочил в сторону и снова крикнул: — Коля, давай!

И тотчас взметнулся вверх огромный ковш, поднялся до самых верхушек обложивших просеку деревьев. А над ним, подхваченный свежим ветерком, полыхнул флаг. Прошла секунда, другая, ковш вдруг пошел вниз, и вот в кузов переднего МАЗа ударили крупные комья. Машина сразу же тронулась с места. И флаг, присыпанный землей, запыленный, опять развернулся и затрепетал на ветру.

Первый ковш грунта вынут!

Когда первые самосвалы ушли к отвалу, Брянцев подозвал Горохова.

— Хочу представить ваше начальство, — наклонил Иван Сергеевич голову в сторону стоявшего рядом с ним Бородина. — Константин Иосифович будет руководить работами на вашем участке.

О Бородине бригадир «трехсотки» ничего не мог сказать плохого. Горохов еще до прихода Константина Иосифовича в район имел репутацию умелого и опытного экскаваторщика. А когда тот стал начальником района, то постарался ему славу еще более упрочить. Разве можно — район без знаменитости. Бородин любил, чтобы у него под начальством был лучший экскаваторщик и бульдозерист на стройке, лучший коллектив художественной самодеятельности и лучший повар в столовой. Правда, из-за этого зачастую приходилось в ущерб другим выделять дополнительные материалы, заботиться, чтобы опекаемые «передовики» не простаивали, трудились с полной отдачей. Но зато как приятно, когда хвалят лучшего специалиста строительства, называют район, где он трудится, а бывает, и помянут руководителя. И поэтому, когда Брянцев представлял Константина Иосифовича, каждый из них, Горохов и Бородин, с большим удовольствием отнеслись к этой церемонии. А Юрий, пользуясь благоприятным случаем, тут же обратился к Бородину:

— Вот хорошо! А у меня как раз к начальнику участка был один вопрос. Теперь мы с вами, Константин Иосифович, договоримся.

Брянцев с инженерами пошли смотреть, как лесорубы очищают трассу дороги от деревьев, а Горохов с Бородиным остались у экскаватора. Константин Иосифович окинул изучающим взглядом ровную линию просеки, угрюмо шумевшую тайгу.

— Как думаешь, бригадир, — обратился он к Юрию, — где контору участка лучше поставить?

— Где? — Горохов сразу повернулся к тайге, что начиналась сразу за экскаватором. — Тут вот, прямо под соснами. Затишье, и машинам не помешает.

— Пожалуй, верно, — немного подумав, согласился Константин Иосифович. — Здесь мы ее и поставим. — Прищурясь от светившего прямо в глаза уже по-зимнему низкого полуденного солнца, он с ухмылкой оглядел владения своего участка. Ничего не скажешь — широкое поле деятельности эта очищенная лесорубами плешина сопки! Переплюнуть можно. Если бы этот Горохов знал, как ему, Бородину, «дорога» эта его новая работа, до чего нелеп в его представлении разговор о конторке участка. Подумаешь, мировая проблема. Говорить об этом приходится, чтобы как-то показать свою «заинтересованность» делами участка. А какая тут к черту заинтересованность, если голова занята только одной мыслью — как выбраться из этой проклятой Бирюсы. Хоть бы эту новую трассу запретили строить, что ли! Вон Брянцев говорит, будто еще в министерстве не рассматривали этот вопрос. А что, если б отказали, оставили прежний вариант дороги. Брянцеву бы с Шиктовым всыпали за своевольничанье, за работу на переходе через сопки. А Константин Иосифович, оставшись без своего ненавистного участка, смог бы по-иному перерешить свою судьбу. Бородин от удовольствия даже улыбнулся и потер ладони. Замечательно!

Стоявший рядом с начальником участка Горохов, увидев, как посветлело его лицо, решил, что можно заговорить о своем деле.

— Константин Иосифович, просьба у меня есть.

— Просьба? — Бородин с неохотой оторвался от взволновавших его мыслей и с удивлением взглянул на бригадира. — Какая?

— Понимаете, — Горохов немного замялся, но, увидев ободряющий и доброжелательный взгляд, он заговорил уже более решительно, — вот две недели заканчивается, как я работаю на этом «Уральце». Машина хороша, только вот экипаж подобрался слабенький. Я один даю столько же кубиков, сколько они вдвоем. А деньги получаем равные. Ну, мне там немно-

го доплачивают бригадирские. Так скажите, какой же мне резон из кожи лезть, нормы перевыполнять? А?

— М-да! — озадаченно процедил сквозь зубы Константин Иосифович. По правде говоря, он не знал, что же ответить экскаваторщику. Как поступают в этих случаях другие начальники участков — неизвестно. По всей вероятности, бригадиру недаром доплачивают деньги, он, наверное, должен беспокоиться за весь коллектив, налаживать его работу. А с другой стороны, совершенно очевидная несправедливость. Человек, что называется, за двоих работает, а результатов не ощущает. Но Бородин решил пока воздержаться от высказывания своего мнения и поинтересовался: — А чего же ты предлагаешь?

— Платить за то, кто и сколько кубометров загрузит в самосвалы. У нас учетчицы подсчитывают, сколько машин вывезено из-под экскаватора за каждую смену. Эти данные и брать за основу.

— А как остальные машинисты? — кивнул Константин Иосифович на «Уралец». — Они того... протестовать не будут?

Горохов презрительно махнул рукой.

— А! Чего там! Они ж ежедневные сводки просматривают. У меня две с половиной тысячи, две восемьсот, а у них и по полторы тысячи не набирается, — он выхватил из нагрудного кармана тужурки пачку листов. — Вот, смотрите! Здесь все, как на ладони.

Да, бригадир говорил правду. Почти на каждом листке стояли названные им цифры. И это отогнало сомнения начальника участка.

— Хорошо. Я распоряжусь, — пообещал он. Хотя Константин Иосифович не представлял, кому он будет отдавать распоряжение, — до сих пор еще участок числился только на бумаге, но он знал, что обязательно сделает это. Он был уверен, дружественные отношения с Гороховым у него еще более укрепились. А такими людьми, как бригадир «трехсотки», надо дорожить и поддерживать их.

5

Николай долго не мог оправиться от урока, который он получил, попробовав работать наравне с Гороховым. Когда после того случая он сел за рычаги, то несколько минут не двигался, не решаясь начать работу. Ему казалось, что он не сумеет как следует повернуть машину, зачерпнуть грунт ковшом. Лишь несколько дней спустя к нему понемногу вернулись былые спокойствие и уверенность.

Каждый день прибавлял Николаю знания и навыки в работе. Теперь он, как это бывало раньше, не торопился сразу забраться в кабину и взять в руки рычаги управления. Он вначале осматривал всю машину, добрый десяток минут стоял на краю забоя и, как командир перед боем, обдумывал, как лучше расположить «трехсотку», чтобы самосвалы быстро подъезжали под ковш. Жизнь подсказывала ему много вот таких, на первый взгляд незначительных, вещей, которые в действительности очень помогали в работе.

Несколько раз, закончив смену, Черкесов вместе с Мишкой ездил в соседний строительный район к знатному экскаваторщику стройки Даниле Сливухе. Там, словно в богатой производственной лаборатории, они могли перенять лучшие методы труда. Из своих поездок ребята возвращались с ненасытным желанием работать.

С бригадиром же у экипажа «трехсотки» были очень сложные отношения. Николая очень удивляло, что многие ребята недолюбливают Юрия. Сам Черкесов считал его не таким уж и плохим парнем. Разве Катя могла полюбить дурного человека? Конечно, Горохов был вспыльчивый и самолюбивый, иногда чересчур бахвалился своим мастерством. Но нужно отдать должное, машинистом бригадир был первоклассным. А это самое главное. Не так уж и страшно, если человек хвалится тем, что имеет.

После той встречи у экскаватора и особенно после разговора с Катей Николай старался поменьше сталкиваться с бригадиром. И не потому, что тот был неприятен ему или он поверил рассказам ребят и сторонился его. Просто Черкесову трудно было видеть Юрия. Он напоминал о Кате, будил тревожные воспоминания. Но постепенно эта боль утихла. С девушкой Николай больше не сталкивался, если она и приезжала на «трехсотку» по делам службы, то обычно старалась делать это в смену бригадира. Понемногу он привык к Горохову.

Еще с самого первого дня работы на «трехсотке» Николай обратил внимание на чрезвычайно точное и четкое движение ковша экскаватора, когда за рычагами сидел Горохов. Он долгое время не решался спросить Юрия, как тот добивается такой согласованности. Но однажды не выдержал и попросил бригадира объяснить, в чем секрет.

Юрий вскинул на него удивленные глаза, криво усмехнулся, словно на зубы ему попался камень, и недовольным голосом проговорил:

— А ты что, слепой? Смотри лучше, может, и поймешь...

— Видеть-то я вижу, — не отставал Черке-

сов, — а вот никак не уловлю, каким образом ты это делаешь, как рассчитываешь?

— Я тебе, что, учитель? — отводя глаза в сторону, сердито произнес Горохов. — Тоже мне нашелся нахлебничек. Поработай годика два за рычагами, покрути их — тогда и узнаешь, что и к чему.

— Не хочешь объяснить? — отступил назад от неожиданности Николай, и на его скуластом лице проступили яркие багровые пятна.

— И не собираюсь, — вызывающе ответил бригадир. — Я все это по крошке, по крупиночке пять лет собирал, а ты хочешь сразу, в один момент, все узнать и перенять. Много таких охотников до чужих секретов найдется!

Внимательно, словно впервые, оглянул Черкесов невысокую плотную фигуру Юрия, его круглое полное лицо и сердито блестевшие маленькие глазки. Неужели об этом вот человеке так хорошо говорила Катя? Что же она нашла в нем особенного, за что полюбила?..

С трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться и не натворить глупостей, Николай сдавленным голосом спросил:

— Жил-то ты где эти годы, Горохов?

— Как где? В Черемхово. Уголек рубал.

— Не видно, чтобы ты в Черемхово был, — медленно роняя слова, сказал Николай. — Дух у тебя не тот. Заграничный, старинный какой-то. Довелось мне года два назад в Германии видеть одного старичка, специалиста по гравировке. Он сорок лет хранит свои секреты. Никому не рассказывает. Так и ты. Плесенью, дурным духом от тебя несет!

— Ты, осторожней! — насупился бригадир.

— А я-то думал, большой мастер этот Горохов, — не обращая внимания на слова Юрия, продолжал Черкесов. — А ты паршивенький мастеришко. Только больно хорохоришься, вводишь людей в заблуждение.

— Конечно, куда мне до тебя, — съехидничал Юрий. — Только никак не пойму, почему это ты с Васькой в хвосте плетешься?

— Рано торжествуешь, бригадир!

Черкесов, конечно, не надеялся быстро нагнать Горохова. За месяц-два не узнаешь того, что он накопил за пять лет. Только ведь на строительстве есть машинисты не хуже его, а душой пошире и попросторнее. Они помогут и подскажут. Да и у самого глаза есть и голова работает. Только одно было жаль парню — ошиблась Катя в Горохове, принимает его совсем за другого человека.

6

Уже в первый месяц работы «трехсотка» сняла пятиметровый слой земли. И сразу в забое стало чище и просторнее. А машина снова начала углубляться в землю, загружать в самосвалы пятитонные порции грунта. И когда, казалось, уже ничто не могло задержать успешную работу «Уральца», началось непредвиденное.

Николай проработал всего полсмены, как почувствовал, что с машиной творится что-то неладное. Только он пробовал забирать грунт в забое, как «Уралец» начинал понемногу отходить, отползать в сторону. Несколько минут экскаваторщик тщетно пытался справиться с машиной и войти в нормальный ритм работы. «Трехсотка» неудержимо пятилась назад и скользила гусеницами по земле.

Выключив моторы, Черкесов вылез из кабины, спрыгнул на землю и несколько раз обошел «Уралец». Все рабочие узлы в порядке. Только гусеницы, обычно сухие и отполированные до блеска землей, были влажные и вымазанные в грязи. Грунт под экскаватором потемнел и как бы набух от влаги.

«Вода! — сразу мелькнула в голове мысль. — Грунтовая вода!»

Он снова обошел машину, приглядываясь к земле. Пахло сыростью. Сомнений не было: «трехсотка» попала в зону подпочвенных вод. Николай озабоченно нахмурился. Еще в учебном комбинате он наслышался, с какими трудностями приходится бороться экскаваторщикам, работающим в таких условиях. Нужно быть особенно опытным машинистом, чтобы при этом давать высокую выработку. Придется повозиться с деревянным настилом и частенько «тонуть» в грязи.

Черкесов снова сел за рычаги и осторожно развернул экскаватор. Понемногу приладившись к новым условиям, он успокоился. Моторы гудели ровно, привычно грохотали лебедки, машина послушно двигала ковшом, поворачивалась и почти не скользила.

Выбрав грунт на полную стрелу, машинист приглушил моторы, поднял ковш и включил механизмы передвижения. Нужно было подойти к стенке забоя поближе. Слегка пробуксовав, экскаватор продвинулся вперед. Привычным, почти автоматическим движением рычагов Николай опустил ковш и начал углублять его в высокую стенку забоя. За тонкой железной перегородкой угрожающе загрохотала главная лебедка, взревели электромоторы, и пятитонная масса земли повисла в воздухе. Несколько ковшей — и очередь машин, выстроившихся в ожидании погрузки, намного уменьшилась. Высыпая ковш в очередной МАЗ, Черкесов случайно взглянул на шофера и замер от неожиданности. Тот широко рас-

крытыми, отчаянными глазами испуганно смотрел на экскаватор и, размахивая руками, что-то кричал. За шумом работающих лебедок его голоса не было слышно. Остановив «Уралец», Николай высунулся из окна кабины.

— ...падает! Экскаватор! — сразу же донесся до него голос шофера.

Через несколько секунд Черкесов был внизу. «Трехсотка», несуразно задрав заднюю стенку кузова, по самую ходовую тележку ушла в землю. Из-под гусениц проступила вода.

Из конторки участка прибежал перепуганный Бородин. Еще не хватало, чтобы у него утонул в грязи «Уралец».

— Как же это? — засуетился он возле машиниста. — Чем же его теперь вытянешь? — Константин Иосифович с унылым видом обошел экскаватор, а потом повернулся к конторке — надо докладывать начальству района и просить помощи.

Несколько часов пришлось потратить, пока при помощи пришедших на участок тракторов не вытащили «Уралец». А потом из Бирюсы привезли две машины широких брусьев и устроили из них сплошной настил. Прослышав о случившемся, у экскаватора собралась вся бригада.

— Дай-ка я попробую, — предложил Горохов Николаю, который еще не сдал своей смены.

Черкесов молча уступил ему место за рычагами.

Экскаватор, тяжело шлепая массивными гусеницами и подминая под себя первые брусья, с трудом влез на настил. Юрий осторожно вынул первый ковш, второй, третий. Настил только скрипнул и немного осел в грунт. «Трехсотка» стояла прочно и надежно.

Горохов торжествующе взглянул на стоявшего позади машиниста:

«Все в порядке! Можно работать!»

Но слишком рано обрадовался бригадир, не рассчитал своих сил. Едва только, выбрав впереди грунт, Горохов продвинул экскаватор и взял первый ковш, как настил наклонился под многотонной машиной и «Уралец» ткнулся гусеницами в грязь. Горохов, поняв, что он не доглядел, сказал смущенно:

— Трудно. Никогда не приходилось с настила работать.

И хотя Черкесову было жаль тех нескольких часов, которые придется потерять, чтобы снова прочно установить экскаватор на настил, он с усмешкой взглянул на бригадира.

«Что, задело? Может, поймешь, как нам раньше тяжело было».

Выработка в эту смену у всех машинистов была необычной. Николай, которому удалось немного поработать в нормальных условиях, вынул тысячу кубометров, а Юрий и Василий всего по четыреста.

На участок приехал обеспокоенный Брянцев. Иван Сергеевич с полчаса ходил возле экскаватора и глядел, как перемазанные в глине экскаваторщики устраивали настил. Потом он подошел к бригадиру.

Что нужно для нормальной работы?

Горохов поднял на него усталые воспаленные глаза.

— Побольше брусьев и людей человека четыре. Чтоб они следили за настилом. Сейчас нам самим все приходится делать: и укладывать брусья, и сидеть за рычагами. Двойная работа, а толку! — Юрий вяло махнул рукой. — На одном месте топчемся.

— Хорошо, вы все получите, и людей, и брусья, — пообещал начальник района. Он заглянул бригадиру в глаза и сурово проговорил: — Только не опускайте руки. Отчаяние — плохой помощник в работе.

— Вторые сутки не уходим с экскаватора. Аварийное положение.

— Где отдыхаете?

— В конторке.

— Плохо, — Брянцев в раздумье провел ладонью по лбу, взглянул на экскаватор и на вереницу ожидавших погрузки самосвалов. — Геологи говорят, внизу, метрах в пяти, лежит каменная подушка. В ней, как в чаше, скапливается вся вода. Поэтому грунт здесь торфяной, влажный. С месяц вам придется поработать в таких условиях.

Иван Сергеевич уехал. Спустя час, на участок прибыли рабочие и на самосвалах привезли шпалы. А немного погодя трактор притащил аккуратный деревянный домик. В домике было оборудовано общежитие — шесть коек и стол.

Присланные Брянцевым рабочие помогали хорошо. Экскаватор меньше простаивал. Но случалось, что машинист, хорошо зная, что настил выскальзывает из-под гусениц, поделать с этим ничего не мог. Экскаватор сам въехать на настил не в силах — подъем слишком велик, и передняя часть машины не могла взобраться на брусья. Если же продолжать работу, то настил постепенно выползал из-под гусениц, и «трехсотка» зарывалась в грунт. Машинисты останавливали моторы и ожидали тракторов, чтобы с их помощью взобраться на старое место и выровнять экскаватор.

— Проклятое место! — зло плевал на зыбкую ненадежную почву Василий. — Скоро от злости заикаться начнешь.

7

Это случилось только на шестой день. Работая в ночную смену, Черкесов дал необыкновенную выработку, почти две тысячи кубометров. Горохов вначале даже не поверил. Он долго вертел в руках сводку, словно старался найти там отгадку, потом неопределенно пожал плечами и исподлобья взглянул на оживленно разговаривающих Николая и Василия.

«Наверное, объясняет, как он сумел вынуть столько кубов, — подумал бригадир про Черкесова. Ему очень хотелось подойти к машинисту и узнать, каким это образом он сумел так здорово поработать. Но Юрий тотчас вспомнил свой недавний разговор с ним и с горечью усмехнулся. — Разве он теперь расскажет. Я ему вон как тогда отпел. Вот дурак! А теперь они меня крепко обставят. Везет же людям!»

Не глядя в сторону машинистов, Горохов двинулся к экскаватору. Время не ждет, нужно начинать смену. Его крепкое тело вдруг охватила непонятная усталость, словно он не только что вышел на работу, а отстоял трудную смену.

— Юрий, — окликнул бригадира Черкесов. — Иди-ка сюда.

— Чего еще там? — недовольно оглянулся Горохов, но не отказался, а пошел к машинистам.

— Идем, покажу, что я придумал сегодня ночью, — запросто предложил Николай.

Чего угодно ожидал Юрий, только не этого. Все лицо будто опалило крапивой, даже щея покрылась огненной краской. Смущенный и растерянный, он оторопело уставился на Николая.

— Ты что, как баран на новые ворота, смотришь? — рассмеялся Черкесов. — Пошли, объясню. Не к чему такие секреты таить.

Предложение Черкесова оказалось удивительно простым и доступным каждому. Чтобы предупредить выскальзывание настила из-под гусениц экскаватора и помочь ему взобраться на брусья, он прибегнул к помощи ковша. Как только машинист замечал, что настил начинает выскальзывать, то сразу опускал ковш на грунт против головных блоков стрелы и двигался на него, выбираясь из слабого грунта на вздыбленную часть настила. Разгруженный перед машины сравнительно легко вползал на брусья, и экскаватор становился на прочное основание.

— Ночью темно было, и я даже заметить не сумел, как экскаватор почти соскочил с настила, — принялся рассказывать о своей ночной работе Николай. — Ну, думаю, теперь придется до конца смены простоять. Потом пришла в голову такая вот мысль. Решил попробовать. Как видишь, ничего, удачно получилось. Теперь-то у нас работа пойдет на лад.

Юрий с облегчением шумно вздохнул, как бы освобождаясь от непосильного груза, и поплотнее надвинул на голову шапку.

— Что ж, давайте начинать. У меня прямо-таки руки чешутся от нетерпения.

8

Бородин так и не уехал. Не решился. Но от прежних добрых отношений с женой ничего не осталось. Их последний разговор как бы разорвал, разрушил все дружелюбие, искренность и простоту, заставил усомниться в чувствах. Для постороннего глаза это было, пожалуй, и не заметно. Внешне в их отношениях друг к другу ничто не нарушало семейного покоя. Просто Фаина большую часть времени занималась своими делами: чертила, высчитывала и возилась со справочниками. Когда бы Бородин ни возвращался с участка домой, в ее комнате были люди, слышался разговор. Как хотелось Константину Иосифовичу вмешаться в эту осточертевшую ему разноголосицу и сказать людям, что они надоели ему, мешают отдыхать, жить мирно.

Однажды Бородин не выдержал. Рванув дверную ручку, он вошел в соседнюю комнату. Там, окружив разложенный на столе чертеж, оживленно разговаривали Брянцев, Карпов, Фаина, главный инженер района Корчагин и еще несколько человек. Никто не повернулся на стук двери. И это смутило Константина Иосифовича. Все накопившиеся за эти дни гневные слова душным комом застряли в горле. Несколько мгновений он стоял растерянный и смущенный, потом, стараясь ступать неслышно, попятился назад и вышел из комнаты.

Больше часа он сидел в углу дивана неподвижно, ожидая, пока уйдут из рабочей комнаты жены люди. Ему нужно обязательно поговорить с ней. Нельзя же вот так прятаться, исчезать незаметно, чего-то опасаться в собственном доме.

Наконец входная дверь хлопнула в последний раз, и в доме наступила тишина. Бородин решительно поднялся. Фаина была одна. Об-

локотясь на стол и прикусив кончик карандаша, она сосредоточенно смотрела на чертеж. Константин Иосифович молча опустился на стул.

— А, это ты, — на мгновенье оторвалась от бумаг жена. Она сделала на чертеже несколько пометок карандашом, потом повернулась к мужу. — Знаешь, Костя, мы только что обсуждали интереснейшее предложение одного прораба по ускоренной укладке пути. Если мы сумеем его использовать, то выиграем больше месяца.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — сморщился Бородин.

— Как зачем? — Фаина изумленно повела плечами. — Ты ведь инженер. Строитель. Неужели тебя не интересует, что именно в нашем районе будет сказано новое слово в железнодорожном строительстве?

— Меня сейчас больше всего интересует своя собственная судьба, — процедил сквозь зубы Константин Иосифович. — Меня волнует твое безразличное отношение ко мне, к нашей семейной жизни. Ты теперь только и знаешь одни чертежи, расчеты и совсем забыла, что ты еще и жена, наконец, мать.

— Тебе хочется, чтобы я сидела с тобой рядом и хныкала за компанию: «Ах, как трудно! ах, как несправедливо!», — бросив на стол карандаш, рассердилась Фаина. — Тебе давно пора перестать строить из себя обиженного и как следует взяться за дело. Чего уж кривить душой, Иван Сергеевич намного сильнее тебя и как инженер, и как руководитель. Разве ты мог в условиях стройки решиться, меняя проект, на прокладку новой трассы. Наверняка сказал бы, зачем лишние хлопоты и заботы? А он вместе с Карповым облазил все сопки, пешком прошел всю трассу. А когда убедился, что это дело стоящее, всех поднял на ноги, доказал, что трассу прокладывать нужно обязательно. Так что тебе у него многому надо поучиться.

— Опять ты с этим Брянцевым носишься! — вскипел Бородин. — Надоело! Понимаешь, надоело! Когда я в Москве работал в министерстве, у меня сотни таких Брянцевых было в подчинении. И на кой черт я уехал из столицы. Славы захотелось, известности. Как же, делом чести было получить назначение на Восток. А теперь вот ни места хорошего, ни славы... Прежние сослуживцы, наверное, посиживают сейчас в квартирках с газом, ванной и посмеиваются. А я вон у себя на участке в грязи копаюсь, экскаватор каждый день из трясины выволакиваю.

— Ты бы лучше не о ваннах да газе терзался, а о работе думал.

— Ну, давай не учить. Я давно из школьного возраста вышел.

— Возраст тут не при чем. А вот что ты пасуешь перед трудностями, ноешь — это факт. И если не справишься с работой на участке, не знаю, куда тебя денут. Совсем выгнать могут.

— Неужели тебе приятно говорить эти пакости? — неожиданно переменил тон Бородин. — И зачем так?

— Это совсем не пакости. Это правда, Костя. Уж мне-то лучше других знать, каков ты есть. — Голос Фаины дрогнул, понизился. Ты уже не знаешь, чего тебе надо. Запутался. Может, мне действительно лучше поговорить с Иваном Сергеевичем, чтобы он отпустил тебя?

Какое-то мгновение Бородин стоял неподвижно, прикрыв глаза ладонью. Потом он отнял руку, сделал несколько неуверенных шагов к двери. Уже переступив порог, он остановился, резко повернулся всем корпусом и сказал с затаенной угрозой:

— Ты еще плохо знаешь Бородина.

Фаина проводила его долгим сожалеющим взглядом. А потом устало прошептала:

— Ничего ты так и не понял, Костя...

Неуютно, тревожно стало у нее на душе. Последние разговоры с мужем ничего, кроме горечи и обид, не принесли. Встретилось в жизни первое серьезное испытание — и все прошлое куда-то пропало, словно его вообще-то не было. Неужели все хорошее было у них так непрочно и покоилось только на ее уступках? Стоило ей только возразить мужу, попытаться отстаивать свое мнение — и всему конец. Да, ненадежным было благополучие их семьи.

9

Легко и непринужденно вошел Сабит Касенов в жизнь экскаваторщиков с «трехсотки». Лишь первое время его сторонились, считая, что шоферу незачем да и неинтересно знать скрытые от посторонних глаз «интимные» подробности жизни гороховской бригады. Но вот Сабит перебрался со своим самосвалом на вывозку грунта из-под «трехсотки», стал помогать в выпуске «Комсомольских сигналов» на участке. И скоро не было такого дела у экскаваторщиков, в котором бы он не принимал участия. А когда у ребят «трехсотки» наступили тяжелые дни и они всей бригадой пересе-

лились на участок, поближе к «Уральцу», Сабит тоже перебрался туда.

— Один в общежитии со скуки помру, — пояснил он товарищам. — Да и стыдно сидеть без дела, когда вы в грязюке копаетесь.

В эту смену Сабит работал с большим удовольствием. Наконец-то позади остались трудности борьбы с плывунами, и теперь сидевший за рычагами Горохов, что называется, отводил душу. С каждым рейсом девушка-учетчица все живее и бойчее вскидывала на водителей озорные глаза и подбадривала их веселыми возгласами. Каждый радовался, предчувствуя хорошую выработку. Такое замечательное настроение продержалось бы у ребят до самого конца смены, если бы серьезный разлад в работу шоферов не внесла дюжина новеньких, только вчера полученных МАЗов. Волоча за собой блеклый снежный шлейф, они вихрем подкатили со стороны Бирюсы и длинной цепочкой встали в очередь под погрузку. Будь это два-три самосвала — шут с ними, а тут целая дюжина. И куда их столько, если в каком-то километре одиноко простаивал, ожидая очередную машину, кубовый «Баррикадец». А возле гороховского «Уральца» самосвалов вполне достаточно. У Касенова возникло подозрение, что шоферы вместо того, чтобы ехать в другое место, по назначению, завернули к их «Уральцу». Это и понятно. У «трехсотки» прочнейшая репутация. Что ж, придется вмешаться как члену контрольного поста, завернуть недисциплинированных водителей. А не подчинятся — сразу сообщить в комитет комсомола.

Сабит спрыгнул на прикатанную колесами землю и зашагал к первому МАЗу. За рулем сидел знакомый шофер,—значит, можно вести разговор напрямик.

Касенов запросто протянул пахнущую соляркой руку, поздоровался.

— Чего это вас сразу столько принесло? — поинтересовался он. — Как будто на пир какой-то.

— Мы только утром машины приняли, — пояснил водитель. — Думали, выедем после обеда, а диспетчер ни в какую: езжайте немедленно под «трехсотку», там сегодня Горохов на смене.

Сабит сразу понял, что разговаривать с шофером бесполезно. Он простой исполнитель и с этой линии не имеет права переехать на другую. А работать стольким машинам у одного «Уральца» — зряшное дело. Придется простаивать. Надо поспешить в автобазу. Выругать безмозглого диспетчера и заставить переменить маршрут «обкаточным».

И он решился. Крутой разворот самосвала, пятнадцать минут головокружительной езды через заснеженные лощины, и Касенов в диспетчерской — тесной, жарко натопленной комнатушке с большим, во всю стену, окном. Касенов обычно никогда не ругался, не повышал голоса. Но на этот раз то ли он слишком разозлился на диспетчеров, то ли захотелось сорвать на ком-то зло, только, войдя в комнату, он решительно шагнул к длинному диспетчерскому столу и с силой грохнул кулаком по дерматиновой обивке. Испуганно звякнула стеклянная чернильница, выплеснув на бумагу жирную фиолетовую россыпь, вздрогнула от неожиданности сидевшая за столом пышноволосая девушка.

— Когда у вас кончатся эти игрушки? — зловещим шепотом спросил шофер. — Когда? Почему у нас такой непорядок? Почему?..

Но диспетчер не дала ему договорить. Осторожно, чтобы не испачкаться, она поставила чернильницу на место и спокойно, не повышая своего глуховатого грудного голоса, спросила:

— Вы что, стучать по столу сюда пришли? Или по делу?

— Нет, я плакать сюда пришел. Понимаешь, плакать! — повысил голос до крика Касенов. — Надоели мне всякие штучки. Только за работу примешься, а тебе палки в колеса суют.

Кричи не кричи, а о деле говорить надо. Тем более, что на эту миловидную, с ямочками на щеках девушку повышенный тон не производит должного впечатления. И Сабит, чтобы выиграть время и успокоиться, спросил, заранее предугадывая ответ:

— Значит, это вы диспетчером будете?

— Я, — Катя низко наклонилась над столом и деловито стала рыться в бумагах, чтобы водитель не увидел ее невольной улыбки. Подумаешь, какой незнакомец нашелся. Чуть ли не каждый день у нее путевку подписывает, а вот спрашивает. Дипломат.

Но от Касенова не ускользнула обнадеживающая девичья улыбка. Если улыбается, значит, есть возможность договориться. И он без всяких околичностей стал рассказывать о своем деле. Прохорова слушала вначале внимательно, потом ее лоб пересекла резкая складка. Сабит с тревогой следил за этим меняющимся лицом. Прежний мягкий овал лица стал жестче, как бы заострился, и оно сделалось скуластеньким, не по-девичьи решительным. И, глядя на эти проступившие скулы, Касенов понял, что ему поддержки не будет. Он упрямо стиснул зубы и выжидающе посмотрел в прикрытые длинными черными ресницами

глаза. Они у Кати как-то ушли в глубину, и невозможно было понять, какого они цвета, что выражают.

Прохорова поднялась со стула, сжатыми кулачками уперлась о стол и, растягивая каждое слово, проговорила твердо:

— Слушай, Касенов. Не лезь не в свои дела. Садись-ка за баранку — и давай на трассу. Работать надо, а не разъезжать по диспетчерским.

Нет, эта девчонка не знала, с кем она имеет дело. Сабит так скоро не отступится. Нет, он совсем не будет грубить, не будет шуметь.

Касенов приблизился к диспетчеру и спросил тихо:

— Скажите, товарищ Прохорова, кто персонально дал указание согнать столько машин к «трехсотке»? Кто? Это я как член комсомольского контрольного поста спрашиваю.

Несколько мгновений Катя смотрела на шофера, очевидно, не зная, как вести с ним себя дальше. Она ожидала, что он сейчас на нее снова закричит, начнет ругаться — и это было бы проще. Она бы попросила его выйти. С грубиянами нечего церемониться. Но стоящий перед нею человек совершенно спокойно и без особого нажима требовал ответа. Бусинки его раскосых глаз глядели на нее неотрывно. А что ему ответить? Что она захотела помочь Юрию, выделила ему, как обычно, почти все свободные машины. Чтобы он хорошо поработал. Ну а другие? А этот настойчивый парень?

— Горохов — лучший экскаваторщик района, — примиряюще заговорила Прохорова. — Ему сколько машин ни дай, он все обслужит.

— У него их и так много было. Восемнадцать МАЗов, — продолжал наступать Сабит. — Сами с утра занаряжали, знаете. А под такой экскаватор обычно двенадцать посылаете. Арифметика простая.

— Смотри, какой математик выискался, — усмехнулась девушка. Ей нравился этот паренек и хотелось чем-то выручить его. — Что же мне с тобой делать? Ладно, поедем. Сниму машины.

С бешеной скоростью вел самосвал Сабит. На повороте машину так заносило, что Катя, не в силах удержаться, упиралась плечом в шофера. Но она не сказала ни слова, хотя временами сердце замирало от стремительной езды. Ей нравился и такой неудержимый бег машины, и грозный, как накат бури, рев мотора.

Сколько раз вспоминал впоследствии Касенов бледное напряженное лицо девушки, восхищенный блеск глаз и чуточку растерянную застывшую на губах улыбку. Она была вся такая необычная, сияющая счастьем и радостью. Да, видно, недаром два таких видных парня, как Юрий и Николай, считали ее лучшей девушкой на свете.

А вечером, вернувшись в общежитие, Сабит отозвал Василия в сторону и, будто стыдясь чего-то, шепотом рассказал о случае с «обкаточными» машинами, столкновении с Прохоровой. Свиридов внимательно выслушал его и потом долго и ожесточенно тер пальцами подбородок.

— Н-да, задачка, — проговорил он, наконец. — В «сигнале» об этом не напишешь.

— Не напишешь, — живо подтвердил Касенов. — Нельзя писать. Катя исправила ошибку. И Николая жалко. Будет расстраиваться.

— Дело тут не в Николае, — Василий сердито стукнул кулаком по спинке кровати. — Неужели Катя ради Горохова товарищей способна подводить, работе мешать? — Свиридов в эту минуту вдруг вспомнил Веру и с уверенностью проговорил: — Когда любишь — хочется сделать людям что-то хорошее, доброе, подвиг совершить. А она? Чует мое сердце, запуталась девчонка.

10

Находка Николая Черкесова очень выручила экипаж «трехсотки». Если бы не он, провозились бы ребята на этом злосчастном участке месяца полтора. А тут уже в конце третьей недели «Уралец» вычерпал торфянистое место. Теперь только работай!

И снова вперед вырвался Горохов. Уже в первую смену работы без настила он добился небывалой выработки — загрузил за смену целую тысячу самосвалов. Это был серьезный успех.

О Юрии заговорили на всей стройке. Чуть ли не каждый день его дружно атаковывали корреспонденты, снимали фотографы. Газеты запестрели его портретами, а многотиражка стройки «На верном пути» в одной из своих передовых статей назвала Горохова лучшим экскаваторным мастером строительства дороги. Юрия уже не узнать. Как бы ощутив свою настоящую силу, он ходил степенный и гордый. Теперь на работу бригадир уже являлся не в порыжевшем от времени заштопанном комбинезоне, а в хорошей, ладно сшитой куртке и широких синих шароварах.

Придя на участок, Горохов обычно несколько минут со скучающим видом смотрел на членов экипажа, готовивших машину к сдаче

его смене, потом, скривив губы, интересовался:

— Как, герои, норму сегодня наскребли?

Экскаваторщики, не оборачиваясь, молча продолжали работать, словно не замечая бригадира, не слыша его голоса.

— Маловато, маловато, — просматривая сводку, продолжал подтрунивать Юрий. — А я думаю сегодня три тысячи дать. А то и поболее.

Самое обидное для ребят в этом ежедневном монологе Горохова было то, что он действительно выполнял свое обещание. А Николай, у которого дела шли немного лучше, чем у Василия, лишь в отдельные дни дотягивал до двух с половиной тысяч кубов. Поэтому обычно вызов Юрия оставался без ответа.

Первым не выдержал насмешек бригадира Василий. Бросив осматривать машину, он с бешенством спросил:

— Чего ты бахвалишься, Горохов? «Я дам, я дам!»

А Юрию словно этого и надо было. Сунув руки в карманы своих щегольских шаровар и широко расставив ноги, он, растягивая каждое слово, с издевкой сказал:

— А что, может, это ты, а не Горохов три тысячи в смену даешь? Может, я ослышался? А? Тогда садись, покажи нам, темным, класс работы. Только куда там — кишка тонка. Болтать мастер, а работать... Любишь на разных там листочках писать: Митрохин прогуливает, Соломатин делает мало рейсов. Сам работаешь, как котенок, а замахиваешься на всех. — Бригадир говорил неторопливо, как бы взвешивая каждую фразу: — Ты совесть свою спроси: имеешь ли ты на такую критику право? Тоже мне комсомолец!

В два упругих прыжка Свиридов очутился возле Горохова. Цепкие руки схватили Юрия за отвороты куртки.

— Ты еще издеваться будешь!

Бригадир побледнел, пытаясь вырваться, сделал несколько судорожных движений и проговорил хриплым, сдавленным голосом:

— Пусти... Не дури...

Но нелегко освободиться от железной хватки бывалого солдата-десантника. Василий еще крепче сжал куртку и сильным рывком притянул Горохова к себе вплотную. Экскаваторщики и шофера, стоявшие поблизости, замерли. Сейчас ударит!

Две-три секунды смотрел Свиридов в испуганно бегающие глазки Юрия. Потом брезгливо оттолкнул его от себя.

— Паршивый ты человечишко, Горохов! Добился успеха — и уже нос задрал выше небес. Я, мол, пуп земли. А посмотреть, как бы ты пыхтел, не поделись Николай своим открытием. До сих пор бы в грязи ползал. А что касается меня, то ты с собой не ровняй. Я третий месяц всего рычагами ворочаю, поэтому с тобой тягаться пока не смогу. Но учти, смеяться над собой не позволю! Будь ты трижды рекордсменом...

11

— Вот и закончились наши мытарства по трассе, Фаина Ивановна, — весело проговорил Иван Сергеевич, протягивая Бородиной голубой телеграфный листок. — Познакомься.

Фаина Ивановна бережно приняла телеграмму, быстро прочла текст:

«Новая трасса утверждена тчк Министр одобрил все действия тчк Поздравляю тчк Шиктов».

— Даже грустно как-то, — выходя из-за стола и присаживаясь в кресло напротив Бородиной, улыбнулся Брянцев. — Столько забот, разговоров, шуму было. Не знаю, как благодарить тебя за помощь, Фая. Трудно пришлось бы нам одним.

— Ну, предположим, моя заслуга во всем этом не так уж и велика, — аккуратно сворачивая телеграфный бланк, возразила Фаина Ивановна.—Банально, конечно, говорить друг другу комплименты, но ты, Иван Сергеевич, здорово поддержал меня в тяжелую минуту, — голос женщины дрогнул, перешел почти в шепот: — Если бы не твое предложение о работе над проектом, кто знает, как бы дальше сложилось все. Знаешь, нам, женщинам, очень трудно сохранить принципиальность в семейных делах. Нередко у нас берет верх жалость, желание любыми средствами сохранить семью, не оставить ребятишек без отца. Возможно, и я бы поступилась многим, чтобы поддержать Костю, помочь ему в его делах. А вот твое предложение как-то всколыхнуло меня, обнажило все наши отношения с Костей, повернуло лицом к людям, напомнило о гражданском долге. И хотя с семейными делами у меня неладно, зато людям я имею право честно смотреть в глаза.

— Значит, плохо у вас с Костей. — Иван Сергеевич в раздумье провел несколько раз ладонью по подлокотнику кресла и озабоченно нахмурился. — А я думал, что Константин понял свои ошибки. Изменился. «Трехсотка» работает успешно. Народ там подобрался замечательный. Забот больших не требует. Ну, а раз на работе дела идут хорошо, то и дома все должно наладиться.

А. Твардовский

У ПАДУНА

Река пропела все сначала,
Ярясь на новом рубеже.
Как будто знать она не знала,
Что уступала нам уже.

Всю ночь под пеной волны выли.
К утру, не дав реке вздохнуть,
Мы скальным грузом придавили
Ее бунтующую грудь.

Не устояли в жарком споре
С годами нашими века.
И, очутившись на запоре,
Утихомирилась река.

Недвижны тяжкие ворота,
За ними плес плененных вод.
Умолкла битва, но работа
Вступает в новый свой черед.

19 июня 1959 года.
Братск

БАЙКАЛ

Байкал, чья сила в этом мире
Века веков переживет,
Как он под стать самой Сибири
Бескрайним плесом мощных вод;
Под бурей — рокотом громовым
У скал прибрежной полосы,
В тиши — достоинством суровым
Могучей сказочной красы.
В его блистающем просторе,
В глубинной толще вековой,
В его повадках — облик моря
И отзвук в говоре морской.
И словно тайной первозданной
Овеян для людских сердец
Он — мирового океана
На этой суше посланец.

Пусть далеки на ней селенья
От океанских берегов,
Уже взрастил он поколенья
Отвагой славных моряков.
Байкал! Бегут в тайгу на север
Сквозь ночь сибирскую огни.
На Ангаре и Енисее —
Байкала отблески они!
Не сон лесной, не камень дикий,
Не та медвежья глухомань —
Дела индустрии великой —
Его грядущей славы дань.
Но эти царственные воды,
Но горы в сизой полумгле —
Байкал — бесценный дар природы —
Да будет вечен на земле.

время, он допоздна слонялся по поселку, не зная, чем заняться, то и дело поглядывая на мрачную черноту знакомых окон.

Но теперь Свиридов перестал бывать даже в комитете комсомола, избегая встречи с Верой. Та сама несколько раз приезжала на участок. Заметив ее, Василий старался забраться куда-нибудь подальше. Нет, он пока не мог честно и открыто посмотреть Вере в глаза. Парню хотелось быть сильнее. А сейчас он лишь достоин жалости, как неумелый, слабенький экскаваторщик. И это-то для него было самое страшное.

Как-то в морозную декабрьскую ночь, проходя мимо комитета комсомола, Василий бросил беглый взгляд на припудренные легкой изморозью окна. В комнате, низко склонясь над столом, сидела Вера. Она была одна. Молодой машинист хорошо видел ее узенькие плечи, спадающую на высокий лоб непослушную светлую прядь волос, выпачканные в чернилах длинные тонкие пальцы, крепко державшие тоненькую ученическую ручку. Вот девушка подняла голову, откинула рукой назад волосы, чему-то улыбнулась и глянула прямо перед собой утомленными прищуренными глазами. Юноша живо отпрянул в сторону, в темноту ночи. Ему показалось, что Смирнова видит его. Но Вера лишь с минуту смотрела в окно, затем снова наклонилась над столом и обмакнула перо в синенькую стеклянную чернильницу.

Свиридов долго стоял перед окном, не в силах сдвинуться с места. И не раз его рука нерешительно поднималась, чтобы постучать в удивительно прозрачное стекло, но тут же беспомощно падала. Он так и не постучал.

Грустный и утомленный пришел Василий домой. Ребята уже спали. И только один Николай сидел у столика в углу комнаты. Перед ним лежали кипа книг, чертежи. Настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром бросала мягкий ровный свет.

Друзья теперь виделись редко, обычно во время пересменок. Им удавалось лишь переброситься десятком слов. Каждый из них всегда был чем-то занят, куда-то торопился. Вот и сейчас, увидев Николая за книгами, Василий молча прошел к своей койке и стал раздеваться. Черкесов оторвался от книги и стал следить за ленивыми, медленными движениями Свиридова. Потом он поднялся и, стараясь не шуметь, на цыпочках пересек комнату и грузно опустился рядом с другом на кровать.

— Как дела, Васек?

Прикрыв рот ладонью, Василий зевнул, сладко потянулся.

— Ничего себе... Дышим.

— Какой-то странный ты стал.

— Не ладится у меня, — вздохнул Свиридов, аккуратно складывая брюки. — Как будто головой о стенку бьюсь.

— Понимаю, понимаю, — глядя на грустное лицо Василия, произнес Николай. — У меня тоже такое было. А вот после того случая с настилом как-то сразу все переменилось. Знаешь, я просто силу, что ли, в себе почувствовал, уверенность. И теперь, когда кончишь смену, поглядишь, что сделал, и как-то даже не верится — неужели это я сделал?

— А Горохов еще лучше работает, — вдруг вспомнил Свиридов.

— Этот Горохов тебе на каждом шагу мерещится.

— Мерещится.

— Что говорить — хорошо парень работает. — Николай изучающе глянул на Василия. — Только ты заметь одну важную деталь — везде он старается одной силой брать. Машина у него всегда на пределе работает. Так и кажется, вот-вот развалится. А вот подумать, как бы дальше сократить время цикла без вреда для механизмов и с пользой для дела, — этого у него нет. Считает, что он уже законченный мастер. А на одной силе много не наработаешь. Сейчас, пока машина новая, высокую выработку можно дать. А что будет через полгода?

Черкесов встал, подошел к черному квадрату окна, сел на подоконник, резким движением руки взъерошил гладко причесанные волосы. Его глаза взволнованно заблестели.

— Знаешь, Вася, сегодня я думаю три тысячи кубометров вынуть.

— Три тысячи?! — вскочил со стула Василий.

— Три! — хлопнул ладонью по подоконнику Николай.

Свиридов бросился к другу, крепко схватил его за плечи, радостно и, как показалось Черкесову, с облегчением сказал:

— Николка! Давай! Как это здорово будет.

13

Требовательный звонок прервал мысли Ивана Сергеевича. Он только что вернулся с трассы и, оставшись наедине, обдумывал все, что ему там пришлось услышать и увидеть. Брянцев любил вот так посидеть наедине и еще раз припомнить все, что он сегодня видел, обдумать план на завтрашний день. И сейчас, когда его оторвали от этих дум, он недовольно

сморщился и рывком снял с рычагов трубку. Другой рукой Иван Сергеевич придвинул поближе блокнот. Ему не терпелось подготовить приказ — радиофицировать все участки. Но рука с карандашом замерла, не успев вывести на бумаге и одной буквы. Сквозь сухое потрескивание в трубке он услышал далекий голос Шиктова. И это его обеспокоило. Федор Петрович пользовался телефоном в исключительных случаях, предпочитая разговор с глазу на глаз.

— Как у тебя дела, старина? — поздоровавшись, спросил Шиктов. Иван Сергеевич живо представил его в кабинете за массивным, из мореного дуба, столом. Сидит, наверное, сейчас в кресле и хитро, загадочно улыбается. У него давным-давно принято решение, он его скажет в последнюю минуту, а пока будет расспрашивать, узнавать мнение. И Брянцев, осторожничая, ответил уклончиво:

— Работаем. Уже третий километр новой трассы отсыпаем. — И, стараясь предупредить следующий вопрос, он поинтересовался: — А как там у вас в Загорске? Ничего не произошло?

Федор Петрович громко хмыкнул в трубку.

— Что это сегодня случилось с районным начальством? Куда ни позвоню—везде первый вопрос: как дела в Загорске?

— Необычный звонок уж больно.

— А, может, у меня, как говорят некоторые критически настроенные люди, стиль работы изменился, — пошутил Федор Петрович. — Буду теперь на телефоне сидеть и руководить. — Он добродушно засмеялся, затем его голос выровнялся, окреп, и Шиктов деловито спросил: — Чем нас может порадовать Фаина Ивановна? Есть что-нибудь интересное?

— Сейчас все планы пересматриваем, — скромно ответил Брянцев, но потом не выдержал и похвастался: — Фаина Ивановна высказывает такое мнение: если у нас и дальше дела пойдут так успешно, вся трасса Бирюсинского района уже к концу будущего года сможет принять и пропустить на восток поезда.

— Значит, надежды оправдались?

— Еще бы! Она нам здорово помогает. Специалист она замечательный. Завидная подготовка.

Федор Петрович шумно вздохнул и с минуту сидел молча. Иван Сергеевич обеспокоенно потянулся к аппарату и громко крикнул в трубку:

— Федор Петрович, где ты там запропал?

— Да здесь я, все в порядке, — тихо сказал грустным голосом Шиктов. — Задумался...

— Кого вспомнил? — хитро сощурился Брянцев.

— Как будто не знаешь. Ее, конечно. Никак из головы не выходит, перед глазами стоит. Знаю, это плохо, нельзя, а забыть не могу. Я перед ней, как мальчишка. С нею хоть на край света. — Он умолк, и слышно было, как гулко шлепнула по столу ладонь. Ивану Сергеевичу стало жалко этого большого и сильного человека. Федор не любил жаловаться, как он говорил, «скулить». А сейчас, видно, ему снова стало невмоготу со своими думами.

— А почему бы тебе не приехать к нам в Бирюсу, — предложил Брянцев. — Давненько к нам не заглядывал. Увидишь — и, может, легче станет. И ей приятно будет. Сам понимаешь, лестно человеку, когда его делами интересуется высокое начальство.

— Боюсь я, — нерешительно проговорил Федор Петрович. — А вдруг еще наговорю глупостей. Лет пятнадцать прошло, а я как сейчас помню, что она мне сказала, когда я ей после окончания института решил объясниться в своих чувствах.

— Строгая она — это верно, — усмехнулся Брянцев. — Лишнего не позволит. Да ты и сам не станешь. Уверен. У нее сейчас с Костей неладно. Хандрит Бородин. И ей сейчас нужно не ухаживание, а дружеское участие. А мы с тобой ее друзья, еще институтские друзья.

— Да, друзья, — глухо подтвердил Шиктов. В его голосе были раздумье и растерянность.

Они долго сидели молча, прижав к уху трубки, занятые своими думами. На линии что-то непонятное бормотал мужской голос, слышалась далекая музыка. А они сидели неподвижно — оба серьезные, сосредоточенные.

Первым подал голос Шиктов. Сухо покашливая, как бы прочищая горло, он спросил:

— Ты слушаешь, Иван Сергеевич? — и когда услышал на другом конце провода неторопливый ответ, сказал: — Чувствую, у тебя в районе настроение хорошее, боевое. Значит, все в порядке. Попрошу тебя, проследи за передачами московского радио. Поставь дежурного. Вероятно, скоро будет правительственное сообщение. О нас, строителях дороги. Понял?

— Понял, Федор Петрович!

Давно уже звякнул в трубке отбой, а Иван Сергеевич все сидел неподвижно, сосредоточенно насупив брови. Как это обычно бывает в ответственные минуты, на душе и радостно, и тревожно.

Нет, теперь не усидеть в кабинете. Нужно идти на участки, поглядеть, как идет работа. Ничего, что был там с утра. Лишний раз посмотреть не мешает. Брянцев нажал кнопку, попросил секретаря пригласить к нему главного инженера и парторга, а сам потянулся к пальто. Нечего просиживать стулья, он им все объяснит в машине.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

На участок Николай заявился часа за два до начала своей смены. Тщательно обив с валенок снег, он легко вскарабкался по крутым ступеням внутрь грохочущей громады «Уральца». Его появление нисколько не удивило Горохова. Черкесов нередко приходил даже в середине смены. Хмуро поприветствовав Николая, бригадир крикнул, стараясь пересилить грохот экскаваторных лебедок:

— Морозец крепчает. Тяжело работать. Сегодня у меня смена «неурожайная». Зима поджимает...

Зима, действительно, с каждым днем все больше заявляла о себе. Еще не успела как следует охладеть прихваченная осенними заморозками и пропитанная затяжными дождями земля, а уже повалил снег, занес, укрыл протоптанные зверьем таежные тропинки. И тайга сразу поутихла, закуталась в пышную белую шубу. Только ядреный мороз, крепчая, свободно прогуливался по лесу и гулко потрескивал, как бы перебираясь с ветки на ветку и пересчитывая таежных великанов. Вот и сегодня он уже загулял по тайге, серебря инеем ветки и шапки деревьев.

Первые ковши Черкесов вынул неторопливо, как бы приглядываясь к забою и экскаватору. Затем его движения стали заметно убыстряться. Постепенно все слилось в непрерывную цепь четких, стремительных поворотов, подъемов, где нелегко определить конец или начало каждой отдельной операции.

Несколько минут Миша стоял позади Черкесова, глядя, как проворно ходят взад и вперед рычаги управления под быстрым и умелым напором больших рук машиниста. Пожалуй, только он и Николай знали, сколько труда и терпения вложено в то, чтобы Черкесову можно было сегодня делать все в таком головокружительном темпе, не глядя на рычаги и педали.

Михаилу еще хотелось понаблюдать за работой машиниста, но надо было пойти посмотреть, что с моторами, не перегрелись ли. Он тщательно ощупал подшипники, кожух. Все нормально.

Отодвинув дверь кузова, Заремба высунулся из экскаватора. Его сразу обдало пронизывающим холодным ветром. Металлические стенки кузова снаружи покрылись изморозью.

«Трудненько будет нам сегодня. Морозище!» — подумал юноша, приглядываясь к подъезжающим самосвалам. Обычно шоферы никогда не закрывали боковых стекол. А сегодня все стекла подняты.

Сильно продрогнув на обжигающем морозе, Заремба с силой задвинул дверь. Внутри, у моторов, затишье, тепло.

Когда он вошел в кабину управления, Николай, не отрывая взгляда от ковша, коротко спросил:

— Как в машинном?

— Порядок. Моторы, как часы. — Михаил наклонился над стоящей в углу кабины электропечью и, грея руки, озабоченно проговорил: — А мороз прямо насквозь прохватывает.

— Я это по машине чувствую, — подтвердил Черкесов. — Чуть возьмешь в сторону — сразу моторам труднее. Земля здорово промерзла.

— Мы так, пожалуй, и две не дадим, — с сомненьем покачал головой помощник.— Сейчас земля как бетон делается. Ломом не сразу проковырнешь.

— Вот это ты зря, — ловко орудуя рычагами, возразил Николай. — Тоже мне, сравнил экскаватор с ломом. Мы еще и не знаем настоящей силы «Уральца». Он еще и не такой грунт будет брать!

Под утро температура еще понизилась. Поднятые ковшом экскаватора комья грунта, падая вниз, звонко стучали о железные кузова самосвалов. Мороз быстро схватывал землю, цементировал ее. Но мощные зубья «Уральца» с силой врезались в грунт, вспарывая мерзлую корку глинистой почвы. Машина тонко чувствовала малейшее движение рычагов. И ковш словно был его, Черкесова, руками, частью его тела.

Когда до конца смены осталось часа три, над высоким шестиметровым краем забоя показался растрепанный и взволнованный Василий. Лишь на какое-то мгновенье он неподвижно замер над обрывом, разглядывая, где бы лучше спуститься, потом решительно махнул рукой и шагнул вперед. Увлекая за собой комья мерзлой земли, машинист стремительно съехал вниз.

Приостановив экскаватор, Николай открыл переднюю застекленную раму и высунулся наружу, встревоженный необычным видом друга.

— Что случилось, Васек?

Свиридов, глядя на Черкесова сияющими глазами, выхватил из-за пазухи толстую пачку бумаги и ликующе выкрикнул:

— Правительственное постановление, Николка! О нас, строителях дороги. Замечательное постановление!

Через какой-то десяток секунд Василий был уже на экскаваторе и, суетясь, совал товарищам белые, отпечатанные в типографии листовки.

— Вот вам! Берите! Радуйтесь!

Николай осторожно, чтобы не помять и не запачкать тоненького листика, взял пальцами бумагу и поднес ее поближе к глазам.

— Да ты не с самого начала читай, — вмешался Свиридов. Он ткнул пальцем в середину листа. — Вот здесь о нас говорится: «Считать важнейшей задачей ввести эту семисоткилометровую железнодорожную магистраль уже в пятой пятилетке...».

Как бы не доверяя Василию, Черкесов сам пробежал глазами выделенные другом строки, потом, не довольствуясь этим, прочел всю листовку. Это была большая и серьезная программа действий советских людей на ближайшие годы, приказ народа строителям. И то, что среди других важнейших объектов называлась и их дорога, говорило о ее значимости.

Наконец Николай поднял голову от листовки, окинул счастливым взором взволнованные лица товарищей и протянул руку Василию.

— Спасибо, Васек! Вот это новость! — И уже не слушая рассказа Свиридова, как он, захватив в управлении района листовки, шесть километров бежал по тайге к ним на экскаватор, Черкесов крепко обхватил затылок руками, чуть откинулся назад и, глядя в окно поверх кромки забоя в чистую небесную синь, задумался.

Да, это было то самое постановление, которое подтвердило его, солдата, мысли, подтвердило, что он не ошибся в выборе своей дороги в жизни и теперь находится на самом главном направлении.

Николай встал с сиденья, взял из рук Василия все листовки.

— Идем, порадуем шоферов. Ребята, наверное, еще ничего не знают.

Экскаваторщики вылезли из машины и, переглядываясь, удивленные остановились. Неподалеку от «Уральца», окружив тесной толпой Веру Смирнову, стояли шоферы. Перекрывая глухой рокот работающих на малых оборотах МАЗов, до них доносился высокий девичий голос. Значит, Вера опередила их с известием о постановлении.

— Идем назад, — потянул Василий товарищей. — Зачем мешать.

— Нет уж, друже! Так нельзя! — Николай решительно подхватил Свиридова и Зарембу под руки. — Пошли! Дело-то общее...

Когда они подошли к шоферам, те молчаливо расступились, пропуская их в середину, к Вере. Девушка только что закончила читать и теперь стояла разгоряченная и взволнованная. Увидев ребят, она сразу спросила:

— Читали?

— Еще бы! — тотчас откликнулся Черкесов. — Ответственное дело нам поручили.

— Хорошо-то как! — девушка на мгновение остановила взгляд на Свиридове, улыбнулась ему и сказала тихо-тихо, будто сама себе: — Подумайте только — вот здесь, по тому самому месту, где мы сейчас стоим, уже через год пойдут на восток поезда, поедут люди. И мы тоже поедем. Правда?

Василий плохо помнил, каким образом он очутился прямо возле Смирновой. Но только он услышал ее полувопросительное «правда?», заглянул в ее счастливое улыбающееся лицо, как сразу забыл все свои сомнения и горькие думы. Схватив ее маленькую, затянутую в шерстяную рукавичку руку, он неловко встряхнул ее и с жаром проговорил:

— Правда! Обязательно поедем. На первом же поезде. Всем районом. Построим дорогу — и поедем!

Перед Николаем, обняв товарищей за плечи, стоял Сабит Касенов. Его темно-карие, чуточку раскосые глаза смотрели на Веру внимательно и пытливо, как будто он хотел услышать от нее какую-то необыкновенную правду. И Черкесову вдруг захотелось узнать, о чем думает сейчас этот паренек, что он решил делать дальше. Машинист взял Касенова за плечи и осторожно приблизил к себе.

— Как, друже, будем работать? Теперь мы, так сказать, на самом переднем крае, на самом важном месте.

Сабит вначале озадаченно глянул на Николая, словно не понял, о чем он говорит, потом широко улыбнулся.

— Когда я уезжал на стройку, отец сказал на прощанье: «Правильно делаешь, сын. Поезжай на север, помоги людям пробить через тайгу дорогу. Пускай пойдут через лес

поезда». А не знал отец, что это будет не простое строительство дороги, а большая, великая работа. Стройка коммунизма. Я думаю сейчас так: давайте на ударную вахту станем. Это ж самый лучший наш ответ партии.

— Дело говоришь, Сабит!—Николай оглянул окруживших его людей. — Как, товарищи, принимаем предложение Касенова? — и, увидев одобрение на лицах шоферов, их радостные улыбки, он поднял руку и коротко рубанул воздух: — По машинам!

Все словно ожидали этого сигнала. Несколько мгновений — и уже взревели десятки моторов. Экскаватор ковырнул ковшом край забоя, повернулся и высыпал в первый грузовик добрую толику грунта.

С помощью Василия Вера забралась на «Уралец» и за спиной Николая стала наблюдать за его работой.

Смирнова пробыла на экскаваторе с полчаса. Потом попросила Черкесова остановить машину.

— Почему так быстро? — удивился Николай и подозрительно глянул на Василия: может, опять повздорили?

— Мне еще на другие участки надо, — тут же развеяла его подозрения Вера. — Сегодня по всей стройке митинги проходят.

Черкесов притормозил машину. Вслед за Верой на землю спрыгнул Василий.

— Ты разве уже кончил? — удивилась девушка.

— А это не моя смена. Через два с половиной часа буду заступать,—с деланным равнодушием проговорил Свиридов. И, понизив голос, попросил: — Я провожу тебя немного. Хорошо?

Они вместе выбрались из котлована. У выезда из забоя на толстом пне пристроилась розовощекая девушка-учетчица. Лишь только самосвал загружался и уходил в сторону отвала, учетчица делала отметку в тетради.

— Валюша, сколько? — еще издали поинтересовался Василий.

— Семьсот тринадцать машин, — весело отозвалась девушка.

— Здорово! Уже больше двух тысяч кубов Николай вынул. — Обрадовался за друга Свиридов.

По широкой, накатанной самосвалами проселочной дороге они неторопливо двинулись по направлению к Бирюсе. Резкий ветер дул прямо в лицо. Прикрываясь варежкой, Вера шла немного боком. Идти неловко, из-за варежки под ногами ничего не видно. Несколько раз она споткнулась о кочки, которые еще остались после осенней непогоды. Тяжело ступая большими армейскими сапогами, Василий молча шел рядом, изредка поглядывая на девушку. Ему хотелось поговорить с Верой, но он не знал, с чего лучше начать.

Заметив, что девушке неловко идти, Свиридов нерешительно и неумело взял ее за локоть.

— Давай я тебя буду поддерживать, — несмело предложил он.

Смирнова с благодарностью глянула на юношу, поплотнее прижала локтем его руку и участливо спросила:

— Что с тобой произошло, Вася? Ты стал таким нелюдимым.

— Как это нелюдимым? — насторожился Свиридов.

— Избегаешь всех, даже работу комсомольскую забросил. Скажешь, с Гороховым поругался, с работой на экскаваторе не ладится. — Вера, оказывается, хорошо знала о всех неурядицах на «трехсотке», о делах Василия. — Обидно за тебя, Вася, — огорченно произнесла девушка, страдальчески изогнув свои тонкие четко очерченные брови. — Думала, ты тверже будешь, ждала, что сам придешь ко мне и все расскажешь. А ты, видно, струсил.

— Не струсил я, — горячо запротестовал Свиридов и отвернулся в сторону, пряча лицо. — Просто стыдно было, что плохо у меня с работой выходит. А ты... струсил.

Но Вере не понравилось такое объяснение. Высвободив локоть из рук машиниста, она остановилась и жестко, как никогда раньше с ним не говорила, сказала:

— А ты что, хотел в один день стать хорошим экскаваторщиком? Лавры маститого, заслуженного мастера не дают покоя. Слышала, ты даже условие поставил — если до нового года не догонишь Горохова, то уйдешь с экскаватора. Ты думаешь, что работа — эта игра. Если не получается сразу, то можно бросить. Да так могут рассуждать только безвольные люди, а не бывшие солдаты.

Резкие слова беспощадно хлестали по самолюбию Свиридова. И он, обычно такой несдержанный, вспыльчивый, молча стоял перед нею, не в силах произнести даже слова в свою защиту. С ним никто до сих пор не говорил так откровенно и прямо, и это связывало его, заставляло держать себя в руках, молчать.

А Вера, выговорившись, круто повернулась и быстро зашагала по дороге — прямая и строгая. Василий с минуту растерянно стоял на месте, не зная, что же ему делать дальше, потом рванулся в догонку за девушкой.

Он настиг ее через полсотню метров, забежав вперед и встал на пути, взлохмаченный и красный от бега. Смирнова остановилась, сделала попытку обойти его, но Свиридов тотчас сделал шаг в сторону и снова преградил путь, показывая всем своим видом, что девушке не пройти.

Несколько секунд неподвижно стояли друг против друга: Вера — непроницаемо суровая, Василий — простодушно улыбающийся, доверчивый. И вот лицо девушки дрогнуло и в глазах появились живые, насмешливые искорки. А Свиридову этого лишь и надо было. Он решительно взял Веру за руки, осторожно притянул к себе и тихо, одним движением губ, спросил:

— Верочка, ты мне друг?

На какое-то мгновенье их взгляды встретились, и девушка, смущенно улыбаясь, уткнулась пылающим розовым лицом в пушистый серый воротник пальто и ответила приглушенным, взволнованным голосом:

— Друг...

Василий вдруг сорвал с головы шапку и запустил в сияющее голубизной небо.

— Эх, Верочка!

Он был весь такой радостный, сияющий счастьем и задором, что Вера не удержалась и провела ладонью по его разлохматившимся волосам. А потом выхватила из его рук шапку и заботливо одела на голову парня.

— Вот так лучше, Вася. Простыть можешь...

Взявшись за руки, они снова двинулись по дороге. Но теперь идти им было приятнее и веселее, и, кажется, даже снег под ногами заскрипел по-другому — звонко, бодро. И разговор завязался особенный, понятный только им одним. Они еще стеснялись говорить о своих чувствах и мыслях прямо вслух, но это не мешало понимать друг друга.

2

Черкесов сдержал слово: загрузил больше тысячи самосвалов. Мишка ходил сияющий и довольный, словно он сам был героем дня. А когда Юрий, прослышав об успехе своего машиниста, примчался из Бирюсы, Зарембa еще издали закричал ему:

— Бригадир, гони переходящий красный вымпел! Хватит, покрасовался он в твоей смене.

После Николая на смену заступил Василий. Его руки дрожали от напряжения и возбуждения, когда он осторожно опустился на сиденье и взялся за рычаги, еще теплые от ладоней товарища. Черкесов, обдав машиниста горячим дыханием, ободряюще сказал:

— Давай, Васек! Теперь очередь за тобой.

Успех приходит не сразу. Бывает, человек уже владеет многими важными секретами своей профессии, может какой-то короткий промежуток времени здорово поработать, но вот на всю смену его умения еще не хватает. У него, как у молодого орленка, уже есть сильные и упругие крылья. Но он пока не решается оторваться далеко от родного гнезда — взлетит вверх на мгновенье и тут же садится. И здесь нужен какой-то внушительный толчок, способный разорвать эту скованность и неуверенность. Точно так было и с Василием. Почти четыре месяца работы на экскаваторе рядом с таким опытным мастером, как Горохов, научили его многому. Он уже временами способен был удержать ритм, в котором обычно работал бригадир. Правда, долго выдерживать такой сумасшедший темп Василий раньше не мог, боялся, что ослабнут руки, притупится зрение и он сделает непоправимое — нечаянным движением заденет самосвал, вывалит грунт на голову водителя. Эти нивесть откуда появлявшиеся мысли мешали ему убыстрять движение рычагов, сковывали все тело.

Успех Николая как-то сразу отбросил все сомнения Василия. Он даже не подумал, будет ли у него за эту смену три тысячи кубометров, догонит ли он Горохова. Просто юноша вдруг поверил, что и он может так же споро, уверенно управлять машиной, как Черкесов. Ему хотелось удержать темп, в котором до него работал товарищ.

Черкесов никогда еще не видел своего друга таким ловким, точным в движениях. За рычагами сидел настороженный, зоркий мастер. Он ни разу не обернулся назад, не заговорил, словно забыл, что там стоит друг. Все его внимание — на отшлифованном землей ковше и черных квадратах кузовов самосвалов.

Василий даже не заметил, когда Николай ушел. Работа захватила его, поглотила все внимание. До сих пор Свиридов садился за рычаги с охотой потому, что его привлекала новизна дела, любовь к машине, нравилось открывать самому ее секреты. И в этом, пожалуй, было больше любознательности, чем желания, того неослабного желания, которое помогает неопытному юнцу изучить машину, стать виртуозом, мастером своего дела. Но сейчас с Василием творилось непонятное. Он вдруг поймал себя на том, что разговаривает с экскаватором, да, да, именно разгова-

ривает. Когда ковш взламывал прихваченный морозом пласт земли и моторы работали с низким завыванием, Свиридов тихо шептал сквозь зубы: «Ну еще, еще, дружище! Не подводи, старик!» Он с облегчением вздыхал, когда «Уралец», взломав глыбу земли, победоносно вздымал ковш. И у него невольно вырывалось: «Так, старина! Молодец!» В другое бы время экскаваторщик посмеялся над собой, вот, мол, еще нашел себе друга. А теперь он даже и не подумал об этом, принимая все, как должное.

Василий, пожалуй, сам не остановил бы экскаватора до конца смены, если бы его внимание не привлек Горохов. Он увидел его неподалеку от экскаватора рядом с учетчицей. Юрий, всегда такой подтянутый, солидный, больше похожий на удачливого снабженца, чем на работягу машиниста, теперь стоял какой-то весь поникший и сумрачно поглядывал налево, откуда бесконечной вереницей тянулись порожние грузовики. Обеспокоенный Свиридов выключил моторы и заторопился к выходу. Может, что случилось в районе?! Но только он высунулся наружу, как к нему бросилась учетчица.

— Поздравляю, мастер! Девятьсот первый самосвал пошел на отвал...

Новое, впервые услышанное им обращение «мастер», довольное лицо девушки-учетчицы и переминающийся с ноги на ногу бригадир сказали Василию значительно больше, чем названная цифра. Он сразу понял, что это успех, это признание его как настоящего экскаваторщика, мастера. Что ж, две тысячи семьсот кубов, вынутых и погруженных в самосвалы, говорили сами за себя. Тем более до конца смены еще осталось время. И Свиридов, у которого сердце готово было выскочить от радости, озабоченно нахмурился и, словно ему не впервые, нарочито спокойно процедил сквозь зубы:

— Что ж, добро. Будем продолжать.

И, уже задвигая дверь, он лукаво подмигнул учетчице, не сдержался и широко улыбнулся.

— Эх, и поработаем мы с тобой, Галочка!

Теперь Василия не остановить. Позабыв про свою недавнюю солидность, он бегом бросился в кабину. Уже включив моторы, Свиридов снова посмотрел на бригадира. Тот попрежнему озадаченно топтался на месте, видно не зная, что делать, — лезть на экскаватор поздравлять машиниста или идти в конторку отсиживаться.

— Вот тебе и котенок! — невольно рассмеялся Свиридов, вспомнив их последнюю стычку и злобно брошенные Юрием слова. Их ссора сейчас показалась ему мелкой и никчемной, а собственные сомнения неоправданными и даже глуповатыми.

Василий загрузил еще с полсотни самосвалов, когда на экскаваторе появился Горохов.

— Кончай, время вышло, — сразу заторопил он Свиридова. Юрий ни словом не обмолвился о высокой выработке машиниста, будто ничего не знал об этом. В другое время Василий не вытерпел и обязательно съязвил бы. Но сейчас он был настроен необычно мирно. Неторопливым движением он выключил моторы. Голова немного кружилась, и приятная истома охватывала натруженное тело. Только теперь Свиридов понял, как устал. Ему вдруг захотелось вытянуть ноги и хоть немного полежать. С полчасика. Прогоняя минутную слабость, он живо поднялся с места. Надо передавать смену.

На передачу смены обычно уходил час. За это время обе смены успевали осмотреть всю машину, проверить узлы, которые наиболее подвержены износу. Это в какой-то степени гарантировало работу «трехсотки» от аварий и простоев.

Но сегодня Горохов, видно решил отказаться от этого установившегося правила. Едва успели остановиться выключенные Свиридовым моторы, как он решительно поставил рычаги на старое место и опустился на сиденье машиниста.

«Э, брат! Да ты не на шутку расстроился», — подумал Свиридов, настороженно глядя, с каким ожесточением схватился за рычаги управления Юрий.

— Ты что, работать хочешь? — бросился к Горохову машинист. — А как же с машиной. Ее осмотреть надо...

— Иди ты... — зло бросил Юрий. — Отстоял смену — и убирайся.

— Нельзя так, — попытался было возразить Василий. — У меня что-то главная лебедка начала барахлить. Надо бы проверить...

Но Горохов как будто и не слышал его слов. Он весь как бы сжался в комок и, не отрываясь, двигал и двигал рычагами, все убыстряя их ход. Свиридов несколько минут постоял за его спиной, потом махнул рукой и пошел к выходу.

«Уралец» работал с невиданной быстротой. Наскоро закончив пересмену, шоферы устремили самосвалы под погрузку. Горохов так торопился, что почти не опускал ковша над МАЗами. Земля падала в кузова с такой силой, что грузовики проседали на рессорах до ограничителей.

— Чего он дурака валяет! — разозлился Василий, наблюдая за работой бригадира. — Пьяный, что ли?

Сердито насупясь, Свиридов решительно повернул назад. Надо остановить Горохова. Так недолго и до аварии.

Но машинист не успел сделать и трех шагов. Экскаватор вдруг как-то странно дернулся, сделал один поворот кругом и потом замер. И почти тотчас из кабины выскочил бледный и растерянный Юрий. Вытерев тыльной стороной руки лоб, он устало сказал:

— Вот, дьявол, тормозная система отказала! Чуть самосвал не угробил...

Говоря все это, Горохов, очевидно, рассчитывал, что на экскаваторе, кроме его помощника Сергея Михайлова, никого нет. Нот вот он повернулся к выходу, чтобы проверить, как дела с самосвалом, который чуть не раздавил, и отступил назад, увидев Свиридова.

— Доработался... — презрительно сказал Василий. — На дурнячка хотел выехать. А еще бригадир. — И, высунувшись из экскаватора, он крикнул стоявшим в очередь под погрузку шоферам: — Хлопцы, можете отдыхать. У нас сейчас пересменка.

С ремонтом и осмотром «Уральца» провозились часа полтора. Когда Юрий увидел, что в экскаваторе больших поломок нет, просто нарушилась подача жидкости в тормозную систему, быстро успокоился и даже начал потихоньку ворчать: все, мол, расшатывали машину, не он один, а теперь расхлебывать приходится ему. Но, встретив насмешливый взгляд Свиридова, он тотчас смолк. Ему совсем не хотелось вступать в спор с настырным машинистом.

3

Чуть не половину Бирюсы обегал Василий, разыскивая Николая. Так хотелось поделиться с ним своим успехом, рассказать о случае с Гороховым, а его, как назло, не найти. Уже теряя всякую надежду, он заглянул в читальный зал и обрадовался. Николай сидел у самого входа и сосредоточенно перелистывал журнал в зеленой обложке. Видно, что-то разыскивал. Рядом с ним на стульях пристроились Миша Зарембa и Сабит Касенов.

— Хлопцы! Дела-то какие! — еще от самых дверей заговорил было во весь голос Василий, но библиотекарша так грозно шикнула на него, что он сразу умолк. Стараясь ступать на носки, Свиридов подошел к ребятам и опустился на свободный стул. Николай одобряюще улыбнулся ему и показал обложку журнала. Там во весь лист стояло четко выведенное название: «Автомобилист».

— Зачем он тебе? — удивился Василий, с опаской косясь на библиотекаршу. — Уж не в шоферы ли собрался переходить?

— Чуть не угадал, — засмеялся Николай. — А журнал хороший. Полезный. И мне и тебе.

Василий внимательно посмотрел на Черкесова, потом на ребят — уж не разыгрывают ли они его. Нет, лица у них серьезные, только в глазах веселые искорки.

— А зачем это он нужен нам, экскаваторщикам? — не удержался он от вопроса.

— Скажи, с кем нам приходится работать? С автомобилистами. Так что от шоферов зависит многое. Как хорошо мы с тобой не работали, а вот не будут самосвалы грунт вывозить, экскаватор наш сразу остановится.

— Это все верно, — смущенно согласился Василий. — Только вот я не пойму, к чему ты это клонишь? Не будем же мы на своем «Уральце» вместо шоферов грунт в отвал вывозить.

— Ишь ты — Черкесов глянул в сторону Касенова, словно спрашивая, стоит ли рассказывать, потом притянул Василия за отвороты пиджака поближе к себе. — Вот слушай: решили мы тут с Сабитом организовать единую комплексную смену шоферов и экскаваторщиков. Добьемся, чтобы за моей сменой поставили нужное количество машин и водителей. И чтоб их больше никуда не трогали. Тогда уж никакого у нас разнобоя в работе не будет.

— Верно говоришь, — сразу оживился Свиридов. — Тогда шоферня не будет подводить экскаваторщиков, а те — шоферов. Если работать, то работать вместе, а обедать, то и обедать заодно. Только как же у вас получается, — машинист исподлобья взглянул на ребят, — вы вот тут между собой договорились втихую. А как же моя смена? Я тоже хочу попробовать и в своей смене организовать комплексную работу с шоферами. Нужно это дело на широкую ногу ставить. По-партийному, по-комсомольски.

— Смотри-ка, хитрец! Сразу заговорил о своей смене, — весело рассмеялся Касенов. — А ты думаешь, мы против?

— Вот это дело! — обрадовался Василий и облегченно вздохнул. — Такое я приветствую.

— Значит, полный порядок, — Николай подвинулся на край стола, освобождая место. — Садись поудобнее и слушай, что пишут умные люди о комплексных бригадах.

...Из читального зала они вышли поздно. Ночь стояла темная, морозная. Вероятно потому, что снегу пока мало, а промерзшая земля уже не принимала холода, мороз особенно чувствовался.

— Знаете, что бы сейчас нам сделать, — вдруг остановился Черкесов и сдвинул шапку на затылок. — Зайдем к Карпову и расскажем ему о наших планах. Он нас поймет и поможет. Даст этому делу настоящий, партийный размах.

— Поздно больно, — нерешительно возразил Сабит. — Неудобно. Может, завтра пойдем?

— А чего тут неудобного. Он сейчас у себя, — показывая на освещенные окна партбюро, продолжал настаивать Николай. — Дело наше важное, стоящее.

Несмотря на поздний час, у парторга сидело несколько человек. Карпов поднял на ребят испытывающий взгляд и кивнул на диван.

— Посидите. Сейчас освобожусь.

Скоро действительно все посетители ушли, и ребята остались наедине с Михаилом Михайловичем. Карпов чиркнул спичкой, не спеша, с удовольствием затянулся папиросой и, разгоняя дым рукой, с интересом спросил:

— Ну, что там у вас? Выкладывайте.

Михаил Михайлович слушал не перебивая, не задавая вопросов. Иногда его лицо чуть ли не скрывалось за завесой табачного дыма. Но чувствовалось, что он неотрывно следит за рассказом. А когда ребята все высказали, он сразу же их поддержал:

— Доброе дело затеяли. И медлить с ним нельзя. Завтра же с утра поговорю с Бородиным и начальником автобазы.

Карпов принадлежал к числу людей, которые ничем особенным не отличаются от остальных, как говорится, не бросаются в глаза. Он не обладал ни громким басовитым голосом, ни внушительным ростом. Невысокий, сухопарый, в ладном офицерском кителе, который молодил его, Михаил Михайлович всегда был ровен в отношениях с людьми, не кричал на провинившегося, не ругался. Он не обладал той административной властью, которую имел Брянцев, главный инженер района или даже любой прораб и десятник. Но между тем он был человеком, имевшим в районе непререкаемый авторитет. Его мнение было не менее весомым, чем мнение начальника района. Ведь за ним стояла партия, коммунисты района — он был их доверенным лицом.

Пристроившись рядом с ребятами на диване, Карпов принялся подробно их расспрашивать, как они думают наладить работу — выезды на смену, обеденные перерывы и пересменки. Оказалось, он сам неплохо разбирается в автомобильных делах. И когда никто не мог ответить на его вопрос, он сам, как бы между прочим, высказывал свое предложение. И оно всегда было на редкость уместным.

Провожая до двери своих поздних ночных посетителей, Михаил Михайлович остановил Черкесова:

— Николай, подожди минутку. Дело есть.

Как только за ребятами закрылась дверь, Карпов спросил:

— Ты слышал о случае на «трехсотке»?

Черкесов нахмурился.

— Нет. А в чем дело?

Парторг успокаивающе махнул рукой.

— Особенно страшного ничего не произошло. Тормозная система на экскаваторе отказала. Ковшом чуть самосвал не разбило. Машинист за рекордом погнался, не посмотрел перед сменой экскаватор. Оказывается, товарищи по экипажу дали хорошую выработку, его и заело. Он и поторопился взять реванш.

— Горохов! — сразу догадался Николай.

— Он самый, — подтвердил Карпов. — Конечно, поломки не произошло серьезной, и об этом, может, и не стоило бы говорить. Мало ли разных случаев бывает. То резиновый шланг где-то соскочил, то просто человек недоглядел за машиной. Ну час, два постоял, исправил — снова начал работать. Все как будто обычно, естественно. А оказывается это далеко не так. Это сотни, тысячи кубометров невынутого грунта, срыв плана. А для нас теперь, когда сроки уменьшились наполовину, это непростительная роскошь. Вот мне и хотелось предупредить тебя, Николай, как коммуниста.

— Слушаю, Михаил Михайлович.

— Советую — не больно увлекайтесь на своей машине рекордами. Конечно, рекордная выработка — это высшая ступень мастерства. Она требует и большой подготовки и правильного распределения рабочего времени. Только одними рекордами многого не сделаешь. Обязательно обессилишь от напряжения и надорвешься. Лучшая производительность бывает, когда обычная сменная выработка близка к рекорду, но не забирает всех сил, не иссушает мышцы и мозг. А ведь у молодых машинистов чаще всего бывает так: добился один рекордного результата, и у его товарищей тоже загорелось — «мы, что, хуже его!». И давай «рекорды» ставить! Не обращают внимания ни на состояние техники, ни на профилак-

тику. И быстро выдыхаются. Вон сегодня даже такой опытный машинист, как Горохов, сорвался. Хотел поднажать, обогнать товарищей, да и перестарался...

Ребята изрядно заждались Черкесова. Подталкивая друг друга, чтобы как-то согреться на жгучем, захватывающем дыхание морозе, они с нетерпением поглядывали на дверь управления. Наконец появился Николай.

— Чего там? — всей гурьбой устремились к нему ребята.

Но Николай, ничего не отвечая, остановился перед Василием.

— Что там получилось у Горохова? Почему ты мне не сказал?

Василий сразу насупился.

— Да чего там! Сам знаешь, не больно понравилось ему, что ты дал три тысячи кубиков. А когда пришел на смену и узнал, что я тоже здорово сработал, совсем расстроился. И поднажал...

— Подожди, подожди, — перебил друга Николай, сразу забыв о своем недовольстве. — Сколько ты сегодня дал?

— Две тысячи девятьсот пятьдесят кубов.

Черкесов схватил Василия за плечи.

— Качать его, братцы! Качать!

Ребята, обрадованные такой неожиданно приятной развязкой, бросились к Свиридову, и машинист, беспомощно барахтаясь в руках товарищей, взлетел вверх.

С трудом вырвался Василий из цепких рук друзей. Отряхиваясь от снега, Свиридов вдруг нахмурился.

— А как же с Гороховым? Такому, как он, нельзя прощать, делать поблажку. Сами знаете, еще больше вознесется. Я, мол, рекордсмен, мне все простят и спишут. Бородин вон за него горой стоит.

— А чего с ним церемониться. Завтра же надо в «Комсомольском сигнале» протянуть, — предложил Миша. — Текст сделаем позлее.

4

Это утро не сулило Юрию Горохову ничего особенного. До начала смены далеко, времени уйма. В общежитии скука. Все ребята разошлись по своим делам. Даже не с кем сыграть в шашки, еще с вечера разложенные на столе.

Небрежно набросив на плечи купленное на прошлой неделе темно-синее драповое пальто, Юрий вышел из дому и остановился на крыльце. Над поселком неподвижные низкие тучи. Легко кружит мелкий сухой снежок. На улице ни одного прохожего.

«К Катьке сходить, что ли», — лениво зевнув, подумал Горохов.

С минуту машинист стоял в нерешительности, потом поплотнее запахнул полы пальто и шагнул с крыльца. Настроение было неважное. Из головы никак не выходило вчерашнее — непонятный успех Черкесова и Свиридова и этот нелепый случай с тормозами. Нет, нужно же было, чтобы злосчастная трубка соскочила в его смену. Конечно, нужно было бы заранее осмотреть машину, устранить своевременно неисправность. Но ведь это впервые случилось.

Горохов зло встряхнул головой, словно хотел отделаться от назойливых мыслей, и прибавил шагу. Может, с Катей забудется все это. Она такая ласковая, веселая. Правда, в последнее время он стал бывать у нее реже, занятый делами на «трехсотке». Но разве об этом стоит вспоминать, если на душе тяжело и тоскливо.

Проходя мимо здания управления, Юрий увидел большую группу рабочих, толпившихся у доски объявлений. В другое время любопытный машинист обязательно подошел бы и поинтересовался, в чем дело. Но сейчас не до этого. Еще встретятся знакомые ребята и начнут расспрашивать, как это у него вчера все случилось.

Но едва он приблизился к рабочим и, не поднимая взгляда от дорожных рытвин, заторопился мимо, как услышал громкий оклик:

— Горохов!

Юрий нехотя повернулся на крик. Его звал Голубев, сухощавый, длинный как жердь экскаваторщик с двести второй машины, работавшей поблизости. Ткнув пальцем в сторону прибитого к щиту большого белого листа с надписью «Комсомольский сигнал», он с язвительной усмешкой проговорил:

— Иди, взгляни. Здесь тебя касается.

По привычке слегка покачиваясь и широко расставляя ноги, что в представлении Горохова придавало ему вполне независимый и внушительный вид, Юрий не спеша двинулся к «Комсомольскому сигналу». Он хотел посмотреть на листок издали, но рабочие, пряча улыбки, предусмотрительно расступились, давая дорогу. Это пришлось машинисту по душе. Он приблизился к «сигналу» вплотную и, довольный вниманием, начал громко читать:

— «Комсомольский сигнал. Экскаваторщик Ю. Горохов...» — Юрий сразу осекся и растерянно оглянулся по сторонам. Вокруг него плотной стеной с невозмутимым видом стояли знакомые и незнакомые машинисты, электрики, слесари-ремонтники, бульдозеристы.

«Еще такого позора нехватало!» — мелькнули в голове пугающие мысли, и Горохов вдруг почувствовал, как во рту похолодело и ему вдруг стало не хватать воздуха. Перед глазами промелькнули слова «авария», «погоня за рекордами».

С трудом сдерживаясь, он с подчеркнутым равнодушием молча прочитал весь текст, на несколько мгновений задержался на подписи «комсомольский контрольный пост». Страшным усилием воли преодолев желание сорвать, скомкать в руках этот предательский лист бумаги, Юрий резко повернулся и процедил сквозь зубы:

— Ничего... Мы еще посмотрим. Придется тому, кто повесил эту бумажонку, самому же снять ее...

Не глядя ни на кого, он раздвинул толпу рабочих окаменевшими плечами и решительно зашагал через весь поселок в сторону «трехсотки». Надо поскорее узнать, кто же писал эту бумагу. А что писали ее на их участке, в этом он был уверен.

Спускаясь в забой, Горохов еще издали увидел у домика, где находилась контора участка, большой лист «Комсомольского сигнала».

«И сюда уже успели повесить!» — побледнел он от возмущения.

За рычагами сидел Василий Свиридов. Заметив бригадира, он приостановил экскаватор. Горохов легко вскочил на подножку и сразу двинулся в кабину управления.

— Ты видел, кто вешал обо мне «Комсомольский сигнал»? — еще в дверях спросил он машиниста.

— А что такое? — не отвечая на вопрос, повернулся к нему Василий.

— Развешали везде эти бумажонки! Захотелось кому-то облить человека грязью, он и расстарался, — прохрипел бригадир.— Как бы не так! Горохова не прижать! Нет, ты мне скажи, кто это все написал? Какой гад? Хотел бы я ему посмотреть в глаза.

— А ты что, подписи не видел?

— Видел. Как не видеть! А вот из наших кто?

— Ну, хотя бы и я.

— Ты?! — отпрянул назад Юрий. — Ты! Да кто ты такой есть? Забыл! Тебя что, мало учили? — он поднес к лицу машиниста кулак.

Василий медленно поднялся.

— Слушай, Горохов... Кулаками не размахивать. Нарвешься...

— Чего ты меня стращаешь! — яростно выкрикнул Юрий. — Запомни, ты еще пожалеешь, что написал. Сейчас пойду прямо к Карпову. Он вам всем мозги вправит. Меня вся Сибирь, весь Союз знает, а ты плюешь, грязью мажешь. Ничего, своими руками снимешь «сигнал».

...На первой же попутной машине Горохов добрался до Бирюсы. Спрыгнув на землю, он бегом ринулся к зданию управления. Возле двери по-прежнему висел «Комсомольский сигнал», красовалась выведенная крупными буквами фамилия «Горохов», глазели люди. Глядя прямо перед собой, Юрий быстро проскочил мимо.

Комната партбюро закрыта. Горохов несколько раз нетерпеливо дернул за ручку, потом, тяжело ступая, пошел к выходу.

Осторожно прикрыв за собой дверь управления, экскаваторщик неторопливо стал спускаться по бетонным ступеням, раздумывая, что же предпринять. И тут он увидел Карпова. Парторг стоял прямо возле управления и разговаривал с двумя незнакомыми Юрию мужчинами в полушубках. Вот он пожал им руки и повернулся в сторону Горохова. Экскаваторщик направился навстречу ему.

— Михаил Михайлович, — сразу же начал Юрий. — Это же насмешка, настоящий подрыв авторитета! Меня вся страна знает, а они в своем «Комсомольском сигнале» так расписали. Теперь в меня каждый пацан в районе начнет тыкать пальцем: аварийщик, бьет машины, технику гробит. А ведь такой случай с каждым может быть. Трубка-то сама отсоединилась. Так что я прошу вас, дайте указание этому Свиридову снять «сигнал».

— Подожди, — остановил Горохова жестом руки Карпов. — Не торопись. Давай пройдемся немного, и ты все толком объяснишь.

Они не спеша пересекли площадь и медленно двинулись по поселку. Горохов торопливо начал рассказывать о том, как он вчера работал, потом о «сигнале», выпущенном контрольным постом.

— Значит, нужно дать комсомольцам команду, чтобы сняли «сигнал»? — как бы подводя итог всему сказанному, в раздумье произнес парторг. — Несмотря ни на что.

Горохов утвердительно наклонил голову.

Михаил Михайлович остановился и глянул на экскаваторщика прямо и твердо.

— А я сделать этого не могу. Не хочу. Чего там не говори, а ведь все верно написали комсомольцы.

— Да что там верно! — презрительно, как о самом нестоящем деле, проговорил Юрий. — Просто завидуют. Норму я выполняю? Выполняю! Даже в два-три раза больше плана

грунта вынимаю. А до остального кому какое дело? Для машиниста самое главное — кубики.

— Верно, кубометры ты даешь, выработка у тебя хорошая, — согласился парторг. — Этого у тебя не отнимешь. Но меня удивляет твое отношение к товарищам, к своему труду. Почему ты к себе с другой меркой подходишь, чем к остальным. Если передовик, то, думаешь, все можно делать? Ошибаешься. — Карпов говорил, не повышая голоса, глядя Горохову прямо в глаза. — Нет, Юрий, если кто совершил проступок, то никакие старые заслуги не спасут его от справедливой критики. Наоборот, с передового рабочего спрос бывает строже. Сказать по совести, я удивляюсь, как это ты можешь ходить и упрашивать людей, чтобы тебя защитили от критики.

Горохов растерянно взглянул на парторга, не зная, что ему говорить. Чего, чего, но уж не этого он ждал от Карпова. Ну, пускай бы пожурил, даже устроил самый настоящий разнос за то, что отказался от профилактики в пересменку и чуть не допустил аварию, а потом дал указание снять «Комсомольский сигнал». А он и говорить серьезно не стал на эту тему.

— Что же мне делать? — в недоумении развел Юрий руками.

— А ты лучше поразмысли о своей работе, учти замечания товарищей, — посоветовал Михаил Михайлович.

Юрий ничего не ответил, повернулся и медленно пошел назад. Упругие желваки выступили на его скулах, побелели сжатые в кулак пальцы.

6

Катя собиралась на смену, а сама с беспокойством посматривала в окно. Уже прошла неделя, как Юрий последний раз был у нее. Дня два назад она специально ездила на участок, чтобы встретиться. Тогда он сказал, что все это время был занят, и обещал сегодня обязательно зайти. Но вот все не идет. А она должна с ним поговорить во что бы то ни стало. Дальше откладывать нельзя.

Никогда еще за два года ее дружбы с Гороховым девушка не чувствовала такой потребности поговорить с ним запросто и откровенно, поделиться своими мыслями и сомнениями. Приезд Николая, хотя она и не желала сама себе признаться, многое нарушил в ее жизни, заставил задуматься, правильно ли она делает. Слишком дорогими, памятными были воспоминания о детской дружбе, чтобы отмахнуться и пройти мимо. Временами она боялась этих воспоминаний. Приходили мысли, что она дрянная, вздорная девчонка, недостойна уважения. В такие минуты Кате страшно было одной, хотелось, чтобы Юрий был рядом. А он все не шел...

Девушка беспомощно опустилась на прибранную кровать, уронив из ослабевшей руки пуховый дымчатый платок. Виски словно сжало тисками, и она ясно слышала гулкие удары крови. Что же делать? Плакать, когда нет слез, да и над чем плакать-то? Над тем, что не знаешь, как поступить дальше?

Слабо охнув, Катя откинулась на подушку и прикрыла глаза рукой. Ей не хотелось ничего ни видеть, ни слышать. С минуту девушка лежала неподвижно, занятая своими мыслями. Потом вздрогнула, живо поднялась с подушки и прислушалась. Нет, нет, это не кровь стучит в висках, а кто-то идет по коридору, ступая тяжело и неуверенно. Вот он уже возле ее комнаты, берется за ручку, сейчас войдет... И впрямь, дверь в комнату без стука отворилась, и в просвете показался он — долгожданный, единственный.

— Юра! — радостно, так что зазвенело в ушах, вскрикнула Катя, бросаясь ему навстречу, но осеклась и отступила назад.

Растрепанный, без кепки, Горохов, покачиваясь, шагнул в комнату, привалился спиной к косяку и негнущимися непослушными пальцами стал расстегивать пуговицы пальто. Это ему никак не удавалось, но он с завидным упорством снова и снова нажимал на пуговицу, стараясь выдавить ее из привычного гнезда.

— Зачем ты так? — тихонько выдохнула девушка слова упрека. Она впервые видела его таким, и поэтому он показался ей чужим и непонятным. Но все ее сомнения продолжались несколько мгновений. Затем она рванулась к нему, схватила за рукав пальто.

— Давай помогу...

— Нет, — упрямо нагнул взлохмаченную голову Юрий, вырывая из ее рук пальто. — Я сам!

Он с трудом освободился от одежды, бросил ее прямо возле двери и, широко расставив ноги, остановился посреди комнаты, как бы раздумывая, что же делать дальше. Катя вновь потянулась к нему. Она поняла — Юрий выпил не случайно, с ним что-то случилось. Но Горохов грубо отстранил девушку и, стараясь ступать тверже, направился к туалетному столику, на котором стоял трельяж. Чуть не опираясь лбом о стекло, Юрий несколько мгновений рассматривал свое отобра-

жение, потом зло ткнул пальцем в зеркало, и кривая усмешка изуродовала его лицо.

— Аварийщик! Понял, кто ты? Аварийщик! — выкрикнул он и грузно опустился на стул. Видно, ноги уже плохо держали его.

Катя не без опаски подошла к Горохову и остановилась позади.

— Что случилось? Говори! — потребовала она.

Юрий вздрогнул от ее голоса и резко повернулся. Теперь его взгляд не был таким бессмысленным и тупым.

— Удружили мне товарищи по экипажу! — быстро заговорил он. — И Коленька твой тоже ручку к этому делу приложил. Без него здесь не обошлось. Это я точно знаю.

Девушка укоризненно глянула на него.

— И к чему ты во всякое дело Николая тянешь? Не пойму.

— И чего тут понимать, — Горохов наигранно хохотнул. — Ведь я ему дорогу перешел, из-под носу выхватил дивчину. Он теперь и старается мне досадить. Даже Карпова сумел сагитировать. — Он угрожающе сжал кулаки. — Ничего! Я это еще припомню.

Катя ласково наклонилась над Юрием и провела ладонью по голове, приглаживая волосы. Лицо ее сразу стало озабоченным, каким-то по-особенному чистым, будто засветилось изнутри.

— Хороший мой! — шепнула она, стараясь отвлечь парня от мучивших его мыслей. — Единственный... Я так по тебе соскучилась.

— Ну-ну, — лениво отведя руки девушки, скривил губы Горохов. — Ты, наверное, и этому, как его там, Черкесову, тоже такие вот слова говорила. Знаю я вас.

— Юра! — отшатнулась Катя, прижимая к груди руки. — К чему это ты так...

Горохов, видимо, понял, что так не стоило говорить с девушкой.

— Пошутил я, — признался он и ласково потянул Катю к себе. Но она осторожно освободилась из его рук.

— Мне нужно серьезно с тобой поговорить.

— Поговорить? — удивленно поднял брови Горохов и неопределенно повел плечами — о чем им говорить-то. Он устало откинулся на спинку стула и равнодушно махнул рукой. — Валяй, слушаю.

Девушка нахмурилась и, уязвленная его снисходительным тоном, отстранилась. Но желание поговорить, высказать все свои сомнения, мысли, чтобы все было ясно до конца, пересилили вспыхнувшее раздражение. Она медленно провела пальцами по волосам, мучительно раздумывая, с чего же начать, как говорить то, что было обдумано до последней мелочи, а вот сейчас как-то сразу выскочило из головы, распалось на разрозненные, ничем не связанные мысли. Начать с приезда Николая? Но это произошло совсем не тогда. Наоборот после той встречи у первого забоя с Черкесовым Юрий как бы почувствовал, что может потерять ее, стал особенно внимательным, ласковым и чутким, точно таким, как тогда, в самом начале их дружбы, два года назад. Нет, это случилось позже, месяца полтора-два спустя. Трудно назвать точно тот день, когда Катя вдруг поняла, что Юрий стал отдаляться от нее. Дело ведь не в том, что он теперь реже приходил. Просто он стал относиться грубее, не считался с ее мнением. Вот и сейчас Горохов «проявил» себя — заявился пьяный. Все это не случайность. А он так сейчас нужен ей.

Нет, Катя не могла начинать такой разговор вдали, не видя глаз Юрия, выражения его лица. Легким движением она поставила стул напротив Горохова, нагнулась, положила локти на колени, уперлась подбородком в ладони и заглянула парню прямо в глаза.

— Юра, скажи откровенно — ты любишь меня?

Горохов беспокойно заерзал на стуле.

— Что за вопрос. Конечно!

— А я в этом начинаю сомневаться.

Ну, знаешь! — с необычной резвостью вскочил со своего стула Горохов. Он сделал несколько неуверенных шагов по комнате, потом остановился, повернулся к Кате и погрозил ей пальцем. — Ты меня хочешь купить на слове. Да, да, хочешь. Только ничего не выйдет. Я хоть немножко того, — он коротко и выразительно крутнул пальцем над головой, — но я все разумею. Я, брат, крепкий!

Девушка чувствовала, что разговор никак не получается, но все-таки сделала попытку продолжить его. Она подбежала к Юрию, схватила его за отвороты пиджака и притянула к себе.

— Пойми, меня это очень беспокоит. Ведь я не за себя боюсь.

Горохов весело хохотнул, опалив лицо Кати горячим и душным водочным перегаром.

— Здорово! Значит ты меня жалеешь! Ха! Ха!

Девушка с неожиданной силой дернула его за пиджак и с отчаянной решимостью проговорила:

— Да, боюсь! За ребеночка боюсь...

Горохов сразу притих, и, хотя ему неудобно было стоять нагнувшись, он даже не попытался вырваться и только растерянно пробормотал:

— Какой там еще ребеночек?

Катя выпустила из пальцев отвороты пиджака, руки бессильно упали вниз, и яркая краска полыхнула на ее лицо. Было стыдно, хотелось куда-нибудь спрятаться, не смотреть Юрию в глаза. А Горохов совсем не замечал ее растерянности и смущения. Он сжал худенькие девичьи плечи и с тревогой стал допытываться:

— Что за ребенок? Откуда?

И девушка, стыдливо потупясь, едва слышно прошептала:

— У меня будет ребенок. Наш. Мой и твой...

Юрий тотчас выпустил ее из рук, попятился, наткнулся на постель, тяжело плюхнулся на нее и нерешительно спросил:

— Ты это как? Ты правду говоришь?

— Правду, — еще ниже наклонила голову Катя. Затем она робко взглянула на парня. — А ты не рад?

Но Горохов только неопределенно повел головой и широко раскрытыми глазами устремился куда-то поверх Катиной головы. Или он не хотел говорить, или не знал, что сказать. Девушка только почувствовала, как сразу обмякло, обессилело его тело, словно он перестал чувствовать и соображать.

Катя беспомощно оглянула комнату, не не зная, что делать. Ей сразу стало до боли жалко этого большого вдрут ослабевшего парня, ее единственного, самого близкого. Неожиданно блуждающий взгляд натолкнулся на блестящий циферблат будильника. Без десяти шесть! Время ей идти на работу.

Девушка бросилась к Горохову, чтобы растормошить его, посоветоваться, что делать, но тот лишь удивленно, будто впервые увидев, взглянул на нее и недовольно скривился: зачем она его тревожит? Тогда Катя решила, пусть Юрий пока останется и отдохнет, а она пойдет в автобазу. А потом выберет время и заглянет домой, проведает. Тогда они и закончат разговор. Она торопливо надела пальто, набросила на голову шаль, поцеловала Юрия в щеку и ласково шепнула:

— Ты полежи, отдохни. Хорошо? Я скоро буду.

Против обыкновения, дело у Кати в эту смену никак не ладилось. Ее мысли были заняты Юрием, их недавним разговором. И каждый раз, когда она вспоминала о своем признании, о ребенке, то как-то настораживалась. Ей так и казалось, что об этом знают все-все, и каждую секунду ожидала страшного вопроса. Девушка тщетно старалась переубедить себя, ведь это слышал лишь Горохов, но никак не могла отогнать навязчивые мысли.

И поэтому, когда Катю вызвали на участок, — надо было проверить работу водителей на трассе, — она обрадовалась. Езда на машине, разговоры с шоферами должны отвлечь ее, помочь забыться. Девушка никогда в жизни так не старалась уйти от своих дум, как теперь, чувствуя, что найти ответ, сказать точно, как дальше сложится ее жизнь, она сама не сможет. Она вдруг с ужасом подумала, что Юрий не случайно промолчал на ее вопрос, рад ли он ребенку. Видно, что-то мешало ему ответить на этот вопрос. А может, он был просто сильно пьян и не понял всего до конца.

Дежурная машина, низенький широкозадый газик с несуразной деревянной кабиной, стояла у диспетчерской. Всего два шага с крыльца — и Катя уже в кабине. Шофер легко тронул машину с места, и перед глазами привычно зарябила широкая лента дороги.

Несмотря на выпавший с утра снег, дорога была ровная, разъезженная. Газик уверенно брал крутые подъемы и так лихо скатывался в лощины, что у Кати захватывало дыхание. Она тихонечко вскрикивала и испуганно хваталась за сиденье.

Объехав с десяток экскаваторов и проверив, сколько машин работает на линии, девушка попросила шофера подвезти ее к забою, где находилась гороховская «трехсотка». Хотелось посмотреть, как вынимают грунт экскаваторщики без своего бригадира. Может, стоят?

Но нет, «трехсотка» работала. Это стало понятно, как только они приблизились к ее забою. Навстречу им, грузно приседая на вмятинах дороги, с оглушительным ревом проносились доверху загруженные рыжей землей куцые МАЗы. Водитель опасливо косился в их сторону, стараясь держать машину у самой обочины. Встряхнет самосвал на выбоине, вывалится глыба — и не миновать беды.

Еще издали Катя заметила Николая. Он стоял неподалеку от экскаватора, веселый, улыбающийся и, оживленно жестикулируя, что-то кричал Василию, который по пояс высунулся из кузова и тянулся к нему с листом бумаги. И девушке снова вспомнился Юрий. Он лежит там, дома, один, мучается, а эти

веселятся, чему-то радуются. Ей хотелось убрать с лица Черкесова довольную улыбку, сделать ему неприятное. Она живо повернулась к шоферу и схватила его за руку.

— Подожди. Я сейчас.

Прохорова торопливо спрыгнула на землю и, путаясь в полах длинного пальто, быстро, почти бегом, устремилась к экскаваторщикам.

Николай заметил девушку, когда она находилась от него уже в нескольких шагах. Озадаченный, он удивленно взглянул на Катю и застыл на месте, увидев ее потемневшие от гнева чужие непонятные глаза.

— Доволен? Радуешься, — подходя к Черкесову, сказала Прохорова. — Что, вам Юрий жить мешает? Зачем вы на него нападаете? Дорогу он вам перешел, что ли? Даже на помощь самого Карпова притащили.

При первых словах девушки Черкесов вздрогнул, как от удара, в его глазах мелькнуло смятение. Чего угодно, но только не этого он ждал от Кати. Но его растерянность была недолгой. Высокий смуглый лоб прорезала глубокая морщина, шрам стал еще заметнее, а на скулах проступили пятна. Николай крепко, так что побелели пальцы, смял в кулаках отвороты своей шинели и глухо бросил ей:

— Ты что, ругаться сюда пришла?

Но Катю уже не сдержать, не остановить потока ее тяжелых, запальчивых слов.

— Я знаю, ты Юрия не любишь потому, что я с ним, а не с тобой, — резко продолжала девушка, не замечая, что она повторяет гороховские слова, против которых совсем недавно так бурно протестовала. — Так не он же виноват, что я с тобой не стала дружить. Ты с меня спрашивай, а не с него. Так нет, вы его одного бьете, прямо замордовали. И радуетесь. А чему радоваться? Человеческим обидам, неудачам?

Черкесов стоял, крепко сжав губы. Хотя ему больно было слушать эти обвинения, он сдерживался и молчал. И только неестественный блеск глаз и мелкая дрожь, временами охватывавшая его большое и сильное тело, выдавали волнение. Когда Катя, выложив наболевшее, умолкла, прижав к груди маленькие кулачки, Николай с минуту продолжал стоять молча. Может быть, он ждал, что девушка будет еще говорить, а может, собирался с мыслями, не зная, как начать. А Катя, видимо, подумав, что парню и говорить нечего, зябко повела плечами и, сутулясь, пошла к своей машине. Она уже потянулась за ручкой, чтобы открыть кабину, когда Николай подскочил к ней и с силой сжал ее локоть.

— Слушай, Катя... Ты ничего не понимаешь, — повернул к себе девушку Черкесов. — Ведь мы для пользы самого же Горохова так сделали.

— Для пользы? — рванулась из рук Николая девушка. — Издеваетесь над человеком, выводите его из равновесия — и все для пользы?! А кому?

Нет, ее нельзя переубедить. Она совсем не хотела слушать машиниста. Это была не та беззаботная, ясноглазая девушка-волжанка, которая понимала раньше его малейшие намеки, а человек далекий, непоколебимый, уверенный в своей правоте. Ее любимого обидели, оскорбили, и она пришла на защиту, нисколько не сомневаясь в его непогрешимости.

...Николай долго в смятении глядел вслед уехавшему газику. Было и стыдно, и больно, и грустно. Он понимал, что с Катей кончено навсегда. Больше того, она ненавидит его. А за что? Почему? Попробуй, разберись во всей этой сумятице. Эх, Катенька, Катенька!.. Возмутилась, не разобралась, даже не захотела выслушать. Ушла — и все.

Низко наклонив голову, Черкесов повернулся было, направляясь в сторону экскаватора, и почти наскочил на Василия. Тот стоял бледный, взъерошенный. И столько обиды и горечи было в его взгляде, что Николай, преодолев охватившее его отчаяние, боль невозвратимой утраты, нашел в себе силы положить руку на плечо друга и бросить привычные успокаивающие слова:

— Ничего, Васек. Все перемелется, мука добрая будет.

Сочувствие друга, хотя и не успокоило его, но помогло выйти из состояния оцепенения. Да, он ошибался, думая, что совсем разлюбил Катю. А вот, оказывается, нет, раз так болезненно воспринял ее слова.

— А я-то думал — помиритесь, хорошая пара будет, — как бы про себя, выдохнул Свиридов. — Только вот получилось совсем по другому...

7

Когда Катя ушла, Юрий несколько минут лежал неподвижно, настороженно вслушиваясь. Из коридора донеслись быстрые шаги, потом гулко хлопнула дверь. Он медленно поднял голову от теплой подушки, спустил ноги на пол и снова прислушался. В коридоре тишина, и только за стеной слышны далекие непонятные

голоса — то ли шла радиопередача, то ли выговаривал жене чем-то недовольный сосед-скреперист. А может, еще шумит у него в голове хмель. Но с этим некогда и незачем разбираться. Надо уходить. И не возвращаться. Еще о ребенке вздумала говорить. А о чем раньше думала?

Он торопливо накинул на плечи пальто, шагнул было к двери, но остановился. Пожалуй, так просто нельзя уходить. Еще вздумает разыскивать, бегать по поселку. Юрий скользнул взглядом по комнате, достал с этажерки синюю, в клетку, тетрадь, вырвал лист и размашисто, наискось, написал:

«Больше не жди. Между нами все кончено». — Он хотел поставить привычное «Юрий», но рука задержалась. А зачем? Она ни с кем не спутает, а другим это знать и не обязательно.

Улица дохнула в лицо Горохова резким холодом. Но он даже не запахнул пальто, а только поднял воротник и широко зашагал по поселку. Голову мяли тревожные мысли. Везет же ему. Одна беда тянет другую. Тут дела на работе неважные, а здесь еще эта Катька. Ребенка ей захотелось. Хочет пеленками да тряпками завлечь, хомут на шею одеть. Как бы не так, дорогуша! Жди!

На повороте к общежитию Юрий столкнулся с низеньким большеголовым человеком в белом щегольском полушубке. Он хотел грубо выругаться, но в глаза бросились яркие полные губы, знакомое белое холеное лицо. Бородин. Горохов невольно отступил в сторону, давая дорогу. Ему не хотелось, чтобы начальник участка видел его нетрезвым. Но Константин Иосифович сразу узнал его. Он сунул экскаваторщику теплую пухлую руку.

— Как поживаешь, бригадир? Что, скоро на смену заступать? Только вид у тебя что-то неважный. Заболел?

Юрий хотел было буркнуть Бородину что-нибудь неопределенное, только бы отвязался, но в голосе Константина Иосифовича чувствовалось столько неподдельного интереса, будто он все время только и думал о его жизни, что парень смущенно выдавил:

— Да вот не повезло немного...

— Не повезло? — брови Бородина круто взметнулись вверх. — Тебе, так сказать, гордости нашего района? Удивительно, удивительно... — Константин Иосифович ловко подхватил Горохова под руку, придвинулся к нему вплотную и сочувственно поинтересовался: — Как же это получилось? Может, я в чем могу посодействовать?

Но Юрий совсем не был расположен рассказывать о своих бедах. Да и чем Бородин может помочь, если сам Карпов отказался. Только душу растравит. Да тут еще в любую минуту Катька может наскочить. Горохов опасливо глянул вдоль улицы.

А Бородин и не думал отступать от Горохова. Он подтолкнул его локтем в бок и добродушно предложил:

— Давай-ка, дорогой, заглянем ко мне, посидим за чашкой чая, потолкуем. Приятно с хорошим человеком поговорить.

Юрий хотел было отказаться от приглашения, но тут же подумал, а что ему, собственно, делать-то в общежитии. Терзаться в поисках выхода из затруднительного положения, прятаться от Прохоровой? Ведь до смены еще часа три. А Константин Иосифович хоть и не Карпов, но все-таки начальник участка. Он над всеми экскаваторщиками с «трехсотки» власть имеет. Может, чем и поможет.

Они неторопливо двинулись вдоль по улице. Бородин шел чуточку позади бригадира и не выпускал его локтя, будто боялся, что он уйдет. Заглядывая сбоку на хмурое лицо своего спутника, Константин Иосифович уже более настойчиво стал выспрашивать, что же случилось. Горохов отвечал неохотно, скупо роняя слова. Но равнодушно говорить о своих обидах он не мог. Все больше распаляясь, Юрий повысил голос. И скоро его торопливый, громкий басок властно ворвался в предвечернюю тишь поселка. Временами, когда навстречу попадался случайный прохожий, Бородин осторожно дергал парня за рукав: потише, мол, говори. И Горохов послушно утихал, а через минуту его голос снова крепнул.

Громко разговаривая, они вместе протиснулись в широко распахнутую дверь дома Бородина. Юрий уже почувствовал себя с начальником участка совершенно свободно и готов был рассказывать ему о своих злоключениях без конца.

В гостиной, куда Бородин привел гостя, полутемно. Низкий красный абажур скрадывал весь лишний свет, комната была погружена в приятный таинственный полумрак. Усадив Горохова на новый, отдающий холодом упругий дерматиновый диван, Константин Иосифович минут пять пропадал в соседней комнате. Вернулся он с маленьким отсвечивающим желтизной графином и тарелкой с грудой нарезанных лимонов. Сахарный песок на лимонных ломтиках еще не растаял, и казалось, что они припудрены праздничными блестками.

Когда выпили по первой звонкой рюмке, Бородин, скомкав пальцами жесткую лимонную корочку, повернулся к Горохову.

— Знаешь, Юра, вот слушал я тебя, возмущался вместе с тобой поведением машинистов, Карпова, — медленно заговорил он. — И знаешь, мы как будто люди разные: ты семь классов закончил, я — институт. А судьба у нас, по сути дела, одинаковая. Только под тебя еще начинают подкапываться, а меня уже свалили. И все потому, что завидуют. Эх, и подлый же народ у нас есть! Так и готовы схватить порядочного человека за горло.

Трудно сказать, что здесь сыграло решающую роль — или убеждающая логика рассуждений Константина Иосифовича, обида, или одурманивающий коньяк, только Юрий с восхищением слушал хозяина дома и во всем охотно соглашался с ним.

— Когда меня сняли, скверное было самочувствие, — тяжело вздохнул Бородин. — И я решил: уеду к чертовой бабушке. Куда глаза глядят! Лишь бы не остаться в Бирюсе. А потом подумал — а зачем? Я ведь прав, меня подсидели. Значит, надо остаться. И бороться! Чем только можно! Хочется правды добиться.

— А кому это нужно было, чтобы вы ушли с начальников района? — простодушно поинтересовался Горохов.

— Кому? Есть тут такие. Карпов например. Да и Брянцев.

— Брянцев? Иван Сергеевич? — удивился бригадир.

Константин Иосифович слегка отстранился от своего собутыльника, изучающе взглянул на него, покосился в сторону двери и шепотом пояснил:

— Иван Сергеевич — заяц стреляный. Хитрый. Он сам ничего не делает. За него такие, как Черкесов, Карпов да Свиридов, все выполняют. Он только командует.

— Вот так штука!

— Надо бы ключи под всех подобрать. Да покрепче. Фактов разных побольше собрать, составить материал — и в министерство или в газету. Дело это верное. Там ни с кем не будут церемониться. Раз — и полетят!

— Не может быть, — с сомнением покачал головой Горохов. — Просто уж больно.

— Для этого дела человек авторитетный нужен, — невозмутимо продолжал развивать свою мысль Бородин. — Чтобы ему поверили. Ну, вот, скажем, как ты.

— Я? — Юрий даже привстал с дивана.

— А почему и нет? Человек ты видный, с именем. Тебя прижимают, стараются выжить с машины. Да и не только тебя. Меня, к примеру. Да мало ли таких, неугодных начальству в нашем районе наберется. А от этого общее дело страдает. Стройка хуже идет.

— Эх, я для общего дела! — загорелся Юрий. — Да я ничего не пожалею. Хоть сейчас любую бумагу могу подписать. Пожалуйста. Без всяких там сомнений. — Горохов выхватил из кармана ярко-голубую автоматическую ручку и привычным движением пальцев показал, как бы он просто, без всякого раздумья расписался.

Константин Иосифович внимательно проследил за движением его руки, потом через силу состроил полугримасу, полуулыбку.

— Одобряю, дорогой. Сам такой — на все для людей готов. — Он одобрительно похлопал молодого человека по крутому плечу и тут же озабоченно нахмурился. — Только в таком деле торопиться не полагается. Пусть будет попозже, да получше. Чтобы наверняка. Договорились? Согласен?

— Согласный. Чего там.

8

Зима пришла надолго и напрочно. Это чувствовалось и в сильных снегопадах, и в резком, леденящем ветре, и в морозных белесых ночах. Глухая и безмолвная стояла тайга. И только ветер, налетавший временами из-за сопок, заводил свой извечный разговор, перебираясь по верхушкам деревьев. А потом и он надолго затихал, заплутавшись в какой-нибудь пади. И тогда деревья замирали неподвижно, как бы боясь стронуться и обронить пышный белый наряд.

Для экипажа «трехсотки» наступили трудные дни. Земля оделась в твердый, схваченный крепким морозом, обледенелый панцирь. И тут оказалось, что ковш уже никак не может захватить грунт, скользит по затверделой стене забоя.

Первым с этой неприятностью столкнулся сам бригадир. Минут двадцать он тщетно пытался вспороть ковшом край забоя, но никак не мог. Земля как будто окаменела и не поддавалась. Наконец Юрий не выдержал, бросил рычаги и зло выругался. Вот дьявол, не везет, так не везет. Тут хочется хорошую выработку дать, сгладить неприятное впечатление от того злосчастного случая, а морозище все расчеты спутал.

Застегивая на ходу пуговицы пальто, Горохов спрыгнул с экскаватора и заторопился к конторке участка. Бородин от удивления даже привстал со стула, заметив в дверях своего кабинетика угрюмого бригадира.

— Все, начальник, — тяжело опустился на стул Горохов. — Кончилась наша малина.

— Какая еще малина? — растерянно развел руками Константин Иосифович. Бородин только что кончил довольно неприятный разговор с Карповым. Тот попросил его заняться организацией комплексной бригады шоферов и экскаваторщиков на «трехсотке». Константин Иосифович попробовал было отговориться, сказал, что дела на «Уральце» идут неплохо и нет особой нужды перестраиваться. Но парторг его сразу же разоружил, сказав, что этот вопрос как раз и поднимают сами машинисты из гороховской бригады, и жаль, если начальнику участка неизвестно об этом. И пришлось тогда Бородину оправдываться, обещать, что он сделает все возможное. А теперь еще Горохов пришел с какой-то «малиной».

А Юрий, словно не замечая смятения начальника участка, начал дальше развивать свою мысль.

— Теперь хорошо, если мы втроем будем за сутки тысячи по четыре грунта вынимать. Это будет самый счастливый день у нас.

— Слушай, бригадир, — не выдержал Бородин и вышел из-за стола, — говори, что произошло? Не мытарь ты мне душу.

— Плохо дело, Константин Иосифович. Земля так промерзла, что ковш не берет. Теперь без взрывников не обойтись.

— Ну и что, — наконец узнав, в чем же дело, обрадовался Бородин. — Коль дело упирается во взрывников, нечего тревожиться. Начальство района снимет их с любого другого участка, пришлет к нам. И он сказал твердо: — Не беспокойся, взрывники будут.

— А знаете, сколько возни теперь будет, — Горохов явно не разделял оптимизма начальника участка. — Попомните мое слово, натерпимся мы теперь бед. Больше стоять будем, чем работать.

Но Константин Иосифович уже не слушал его. Схватив трубку, он принялся звонить в управление района, чтобы затребовать оттуда взрывников. Юрий посидел, посидел, послушал, как он разговаривает с главным инженером, махнул рукой и пошел из кабинета.

А скоро на участок заявились взрывники — немногословные, медлительные, знающие себе цену люди, одетые в желтую брезентовую робу. Брезент на морозе твердел, топорщился, и поэтому все пришельцы казались чересчур толстыми и неповоротливыми.

Прав оказался Горохов. Прошел не один час, пока в мерзлой земле были сделаны специальные отверстия — шурфы. Только потом в них стали закладывать взрывчатку. Чтобы экскаватор и самосвалы не повредило, их отвели подальше от забоя. И только когда уже прошла половина бригадирской смены, наконец прогрохотал взрыв и фонтаны земли потянулись вверх. Огорченно глянув на часы, Горохов полез в кабину. Работать надо попроворнее, иначе земля смерзнется в крупные глыбы, не будет влезать в ковш.

Когда кончилась смена, Юрий даже не захотел смотреть сводку. Знал, у него не наберется и тысячи кубометров. Вот тебе и оправдался, показал класс работы... Горохова успокаивало то, что и у других машинистов дела будут не лучше. Сибирские морозы не переспоришь.

9

Когда Николай с Василием пришли на участок, увидели груды вывороченной взрывом земли, посмотрели на хмурого бригадира, — они смутились. Как раз сегодня на участке должна состояться первая пробная смена комплексной работы шоферов и экскаваторщиков. А тут как назло.

— Может, пока отложим, — нерешительно заговорил Василий. — Надорвемся. Вон как дела плохо идут.

— Да, мороз нам подпортил дело, — согласился Николай. — Только вот отступать, пожалуй, поздновато. Может, и хорошо, что с трудного начинаем?

Неизвестно, до чего бы договорились машинисты, если бы из конторы участка к ним не ринулся радостный Мишка Заремба,

— Хлопцы! Айда к шоферам. Там у них все начальство собралось. Они там своего бригадира выбирают. И знаете кого? Сабита! Его сам Карпов предложил. Ребята поддерживают.

Машинисты только переглянулись между собой. А Василий сказал облегченно:

— Вот и гадать нечего! Шофера за нас это дело уже решили.

...Когда Сабита выбрали бригадиром, он и смутился и растерялся. Чего уж чего, а этого он никак не ожидал. Товарищи разошлись по машинам, а Касенов все еще стоял, не зная, с чего же ему начинать работу. Раньше бы он, ни о чем не тревожась, полез в кабину. А теперь? Что будет он делать теперь, Сабит как раз и не знал.

Но раздумывать некогда. «Уралец» ловко поддел ковшом кучу разрыхленной взрывом земли — и к забою поползли первые самосвалы. Касенов подскочил к своему МАЗу, привычным движением распахнул кабину. Те-

перь за работу. А там время покажет, что ему делать как бригадиру.

Вываливая очередную порцию грунта в отвал, Сабит с недовольством заметил, что не вся земля высыпалась из кузова, а лишь половина. Он попробовал встряхнуть машину. С кузова свалилось только несколько комков, а остальная масса грунта не шелохнулась.

«Примерзла, — с беспокойством подумал Касенов. — Опять начались мучения. Кузов чистить надо».

Но не так-то легко сбросить землю. Словно цементом, прикрепило ее к железному днищу, остуженному морозом. И приходится пускать в дело лом.

Минут пятнадцать ушло на очистку кузова у Сабита. А когда он вернулся к отвалу и опять стал выгружать землю, то оказалось, что комья грунта снова приклеились к кузову.

«Теперь вся смена пойдет крахом, — с ожесточением орудуя ломом, подумал Касенов. — Самая первая смена — и такая неудачная».

Не в первый раз шоферам приходилось мучиться с выгрузкой земли. Сабит мазал днище кузова солидолом, протирал соляркой. Но этого хватало, самое большее, на две-три ходки. А потом снова берись за лом и лопату и счищай. Но раньше было потеплее и земля податливее. А сейчас даже воздух так остужен, что захватывает дыхание. Так и хочется поскорее забраться в теплое место и отогреть застывшие руки и лицо.

Зимняя стужа перепутала все расчеты. Получалось так: каждый раз, когда экскаватор начинал вынимать грунт на полную мощность, шоферы не успевали. Их самосвалы подолгу простаивали на месте отвала, с трудом освобождаясь от земли. И, наоборот, пока подрывники готовили для «Уральца» фронт работ, его экипаж простаивал — и нечего было делать шоферам.

10

Первая бригадирская смена Сабита оказалась неудачной. Смущенный и расстроенный возвращался он с трассы. Он хорошо понимал, что в этом нет его вины, но то, что каждый из шоферов сделал вдвое меньше ходок, чем обычно, удручало, не давало покоя. И теперь ему не хотелось встречаться с кем-либо из руководителей автобазы. Начнут еще расспрашивать, сочувствие высказывать. А до этого ли ему сейчас!

И все-таки ему не повезло. Уже на выходе из автобазы он столкнулся с Катей Прохоровой. Увидев ее, он попятился было назад, хотел юркнуть в дежурку к вахтеру, но не успел. Девушка была рядом. Сабит после их спора в диспетчерской и совместной поездки на участок не мог пожаловаться на недоброжелательность Кати. Она при встрече всегда здоровалась приветливо, с шуткой, старалась чем-либо задеть, раздразнить Касенова. Это нравилось шоферу, и он всегда с охотой отвечал ей. А теперь ей представлялась прекрасная возможность подразнить его, пошутить. Уж она-то прекрасно знает об их неудачной работе. Сабит уже приготовился было парировать ее шутки, но Прохорова даже не заметила парня, не взглянула в его сторону, хотя прошла в каком-то метре от него. Была она необычно рассеяна и встревожена.

«Что-то случилось», — подумал шофер, провожая девушку внимательным взглядом. Он сразу забыл про все свои страхи, сомнения и повернул обратно в автобазу. Нужно обязательно узнать, что с ней. Может, помощь понадобится.

В диспетчерской Катя была одна. Она стояла у окна спиной к двери, безучастная и равнодушная ко всему, даже не повернулась на стук.

Сабит, неслышно ступая подшитыми валенками, тихо подошел, встал рядом и сбоку взглянул на девушку. Безвольно опущенная голова, непривычная сутулость снова поразили юношу. Это так не вязалось с прежней Катей — гордой, даже немного высокомерной девушкой.

Он осторожно дотронулся до локтя Прохоровой и нерешительно позвал:

— Катя.

Девушка неохотно повернулась и вскинула на Касенова затуманенные глаза. Тоску — безысходную, леденящую сердце — увидел он в ее взгляде. И сердце как-то сжалось в предчувствии большого несчастья, происшедшего с этой милой дивчиной.

— Что произошло? — спросил Сабит.

«Что произошло...»

Катя зябко повела плечами. Ей на память вновь пришла комната, брошенная второпях на стол записка, страшные слова: «Больше не жди. Между нами все кончено». Разве перечеркнешь всем этим пережитое, разве словами «не жди» отгонишь неумолимые воспоминания. А ребенок? Как с ним? Тоже — «все кончено»?

«Что произошло...»

Губы скривила горькая усмешка. Обыкновеннейшая история. Она любила, он, кажется, вначале тоже. А потом? Потом все оборвалось. Остался только листок ученической тетради

в клетку и размашистое и небрежное: «Между нами все кончено». Так все это просто, буднично и... жутко.

Но она ничего не сказала Сабиту. Только молча повела головой из стороны в сторону, глубоко вздохнула и вновь повернулась к окну. Но по ее напряженному выражению лица, по дрогнувшим губам, юноша понял, сколько усилий ей стоило, сколько потребовалось самообладания, чтобы так вот вдруг не ослабеть и не расплакаться по-женски, во весь голос.

Они долго стояли неподвижно. Катя — лицом к окну, сиротливая и беспомощная, и Сабит — растерянный и смятенный, не зная, что же он должен предпринять, чтобы помочь непонятному горю девушки.

Потом в диспетчерскую пришли люди. Прохорова с усилием сдвинулась с места, медленно, как во сне, подошла к своему столу, инстинктивно, в силу привычки, потянулась к пачке чистых путевок, вытащила одну, машинально, плохо понимая, что делает, заполнила ее, потом вытащила еще одну. Касенов каждую секунду ждал, что она вот-вот выпустит ручку, уткнется лицом в ладони и даст наконец волю своим чувствам. Но нет, девушка не выдала себя ни резким движением, ни голосом. Она только однажды подняла голову от бумаг и, глядя куда-то мимо юноши, вполголоса сказала:

— Ты иди, Сабит, домой. Отдыхай.

Касенов постоял с минуту, а потом послушно повернулся к двери и пошел, даже не успев подумать, правильно ли он делает, что оставляет ее одну. Но не повиноваться Кате он никак бы не смог. Значит, ей лучше пока побыть одной.

11

Низкие клочковатые тучи угрюмо стелились над заснеженной тайгой. Так и казалось, что они вот-вот коснутся верхушек сосен и вся земля оденется в душный серый полумрак. Василий с тревогой вскидывал глаза вверх, стараясь угадать, что сегодня уготовит ему погода. Он только что принял смену от Горохова, а впереди экскаватора чернела лишь небольшая полоса взорванной земли. Ее хватит, самое большее, часа на два работы. А эти мрачные, почти цепляющиеся за стрелу «Уральца» тучи не предвещали ничего утешительного. Того и гляди посыплются тяжелые хлопья и в стекла ударит упругий снежный вихрь.

Уверенно двигая рычагами, Свиридов торопливо загружал самосвалы. Вначале он с беспокойством посматривал в сторону отвала — все ли в порядке у водителей. Вдруг все они примутся за очистку с кузовов мерзлой земли, и тогда придется останавливать экскаватор. Но грузовики подходили без задержек. Временами у забоя их накапливалось по нескольку штук. Такого давно не было.

«Пожалуй, прибавили МАЗов», — с удовлетворением подумал машинист, бросая взгляд на самосвалы. Глаза привычно скользили по кузовам машин, останавливались на лицах шоферов. Нет, все работающие у экскаватора водители из бригады Касенова. Он не нашел среди них ни одного новичка. Его присутствие Василий почувствовал бы сразу. У сабитовских ребят был свой, только им присущий стиль езды. По договоренности с машинистами «трехсотки» они без остановки двигались по забою и только на секунду придерживали машину у экскаватора, подставляя объемистые кузова под ковш. Это далось им только после многодневной тренировки.

Немногим больше часа потребовалось Свиридову, чтобы пройти подготовленный подрывниками забой. На границе нетронутой тротилом земли он остановил машину, выключил моторы. Теперь дело за подрывниками.

Спрыгнув на землю, Василий подошел к самосвалу Сабита Касенова. Ему интересно было узнать, почему так хорошо работали МАЗы.

Несмотря на вынужденную остановку, предстоящее томительное ожидание подрывников, Сабит выглядел довольным, веселым человеком.

— Ты что, меду объелся? — съехидничал машинист.

— Зачем меду, — весело откликнулся Касенов, — это сердце мое поет. Дело одно у нас хорошее получилось. Видишь, как быстро работаем. Земля теперь к кузову не пристает. Полюбуйся!

Василий с интересом принялся разглядывать нехитрое приспособление против примерзания земли, пристроенное на самосвале. Касенов решил для обогрева кузова использовать отработанные газы. Выхлопная труба, упираясь в днище кузова, направляла туда горячие газы, прогревая железо.

— Ты понимаешь, — с удовольствием стал объяснять товарищу Сабит, — корка отогретой земли не дает пристывать, приклеиваться к кузову всей массе. Хитрого, как видишь, здесь ничего нет. Дешево, удобно, просто. — И, не

выдержал, пошутил: — Нам теперь и на обед не за чем ездить. Печка с собой. Взял из дому теста — и в обед испек на кузове десяток — другой блинов.

Василий успел вдоволь наговориться с Касеновым, несколько раз обошел экскаватор, а подрывники все не приезжали. Потом из Бирюсы сообщили, что они выехали на соседний участок. Как только закончат там работу, сразу прибудут на «трехсотку».

Василий присел перед экскаватором на оброненную шоферами большую мерзлую глыбу земли. Из головы никак не выходила мысль о приспособлении, придуманном шоферами. Тоненькая корочка оттаявшей земли защищала у них всю многотонную массу от примерзания к металлу. Как все это здорово и просто!

Машинист в раздумье глянул в сторону забоя. Толстый, почти метровый слой мерзлой земли нависал прямо над головой. Вот злая ирония судьбы: у шоферов корка оттаявшей земли помогала в работе, а у него выемке грунта мешала вот эта толстенная глыба! И вдруг ошеломляющая мысль мелькнула в голове экскаваторщика. А что, если эту корку... взломать ковшом «Уральца»? Сломать, отнести в сторону, обнажив почти пятиметровый слой мягкой, нетронутой морозом земли. Правда, раньше пробовали было, но показалось трудно, и по заведенному издавна обычаю обратились к подрывникам. А если теперь их нет? Значит, сидеть без дела и ждать?

Василий, осененный догадкой, бросился в кабину. Нужно немедленно попробовать отделить эту мерзлую корку, как яичную скорлупу, от основной массы грунта. Пускай на это уйдет время, энергия, но экскаватор не будет стоять, живо забегают МАЗы.

«Уралец» осторожно подцепил ковшом край мерзлой земли. Натужно взвыли моторы. Земля дрогнула, но сдвинуть толстый пласт с места не удалось. Василий отвел ковш назад, потом снова включил моторы. Опять неудача. Только в третий раз земля вдруг треснула, и ледяная глыба вздыбилась над забоем. Следующий ковш был вынут быстрее. Машинист сразу понял — корку земли вначале надо цеплять за самый краешек. А когда в пласту появятся трещины и земля поддастся под напором ковша, тогда можно брать грунт, сколько вздумается. Машина возьмет.

Когда на участок пришли подрывники, весь забой был уже разворочен, корка снята. К отвалу тянулась гулкая вереница груженых самосвалов.

— Идите, хлопцы, домой, — высунулся из экскаватора Свиридов. — Без вас теперь обойдемся.

Бригадир подрывников, высокий сутуловатый мужчина в длинном сером плаще поверх полушубка, обошел весь экскаватор, как бы проверяя, действительно ли он может работать без их помощи, потом махнул рукой.

— Пошли, ребятки.

А Василий, обрадованный первыми обнадеживающими результатами, крикнул вслед:

— Счастливого пути!

12

Трудно складывалась жизнь Кати Прохоровой. Особенно тяжело было по вечерам, когда она приходила с дежурства домой и оставалась одна. В эти часы ее охватывало непонятное оцепенение. Не хотелось ни двигаться, ни готовить ужин, ни заниматься любимым делом — вышиванием. И все чаще у нее появлялось желание собраться и уехать домой, к матери.

В один из таких вечеров, когда уже невмоготу было молчать, к ней пришел Касенов. Он долго в нерешительности топтался у порога, не зная, куда деть свои большие, красные от мороза руки. А Катя сидела на кровати хрупкая, похожая на девочку, и вспыхнувшая было радостная улыбка медленно сходила с ее лица. Когда Сабит постучал, она почему-то подумала, что это пришел Горохов, и не в силах подняться с места только растерянно улыбнулась, неожиданно ощутив, как в груди сильно и гулко застучало сердце. При виде Касенова девушка поняла (уже в который раз), что Юрий потерян, он оказался совсем не тем человеком, каким хотелось видеть и каким она все время представляла его себе. Видно, уж не вскинуть ей, как прежде, гордое лицо, не расправить горестно опущенных плеч.

Сабит оправился от смущения, пододвинул к кровати стул и присел на самый край. Ему хотелось заговорить с девушкой, нарушить тишину комнаты, но он не решался, чувствуя, что пришел не вовремя. Конечно, лучше бы ему уйти, не мешать. Касенов это понимал и все-таки не поднялся с места, а сидел, положив тяжелые руки на колени, и неотрывно глядел на худенькие девичьи плечи, белые, наглухо схваченные пальцы.

Не сразу Сабит решился прийти проведать Катю. Ведь того, что эта девушка нравилась ему, было еще недостаточно. Горохов и даже Николай имели на это больше прав. Но он за-

метил, что теперь Юрий в свободное от смены время никуда не ходил, отсиживался дома. Николай, когда он ему рассказал об угнетенном состоянии девушки, промолчал. А он, Сабит, видел Катю на работе каждый день, замечал, как ей трудно одной со своим горем. И вот тогда, плюнув на все приличия, он и пришел к ней.

В этот вечер они перебросились лишь несколькими словами, несмотря на то, что Сабит и сидел допоздна. И хотя Катя больше не приглашала его заходить в гости, он пришел на другой день, на третий. Вначале юноша находил для этого какой-нибудь повод, а потом стал заявляться запросто, как он говорил, посидеть, проведать. Он не был надоедлив. Если Катя оказывалась чем-то занятой, Сабит садился в сторонке, брал в руки книжку и, листая ее, следил за девушкой, готовый в любую минуту откликнуться.

Он больше не спрашивал Катю, что произошло в ее жизни, почему она стала такая странная. И если его пытливый взгляд и задерживался на девушке, то он старался отвернуться, отвести глаза, когда она поворачивалась в его сторону.

Сначала Кате нравилась такая нетребовательность юноши, его старание не затрагивать затаенного. Ей сейчас нужно было именно такое дружеское участие. Но однажды ей пришла неожиданная мысль рассказать обо всем Сабиту. Пусть знает. Правда, она тут же сама испугалась. Даже стыдливая краска выступила на ее поблекших щеках. Говорить об этом парню? Ни за что!

И все-таки Катя поделилась с Касеновым своим горем. Нет, она не могла промолчать, скрыть правды от этого простодушного, с добрым взглядом парня. И только когда высказала все, то растерянно взглянула на юношу, как бы ожидая от него приговора.

От ее зорких настороженных глаз не ускользнуло, как он на какое-то мгновение словно отпрянул от нее. И поэтому она, предупреждая его дальнейшие шаги, свела на переносице брови и сухо проговорила:

— Тебе пора домой. Иди.

— Но... — Сабит оторопело глянул на девушку.

— Иди!

Касенов тяжело поднялся и, не оглядываясь, шагнул из комнаты.

На следующий вечер Сабит не пришел. И хотя Катя уже не надеялась, что он появится в ее комнате, но как-то невольно, помимо своего желания, чутко прислушивалась к стуку входной двери, шагам в коридоре. А вдруг это он? Но нет, никто не брался за ручку ее двери, и тишину комнаты нарушало лишь невозмутимое, размеренное щелканье ходиков.

«Испугался... — лениво шевельнулась в голове мысль. — Так и должно быть. Кому нужна такая... Страшная... Одинокая...»

Она стала говорить о себе самое плохое, дурное, но это не приносило облегчения. И только тяжким обручем сжимало грудь ощущение тоски и одиночества, все труднее становилось дышать.

Дрожащими пальцами Катя расстегнула кофточку, встала и нерешительно подошла к туалетному столику. Из большого квадрата зеркала на нее глянуло бледное и сосредоточенное лицо, изуродованное страдальческой гримасой. Девушка отшатнулась, прикрылась рукой и, стараясь сдержать рыдания, прошептала:

— Катя, Катя... Что с тобой сталось?

Она забылась, прикорнув на краешке постели. Проснулась от легкого прикосновения чьей-то руки. С трудом открыла глаза. Светло. Уже утро. Чувствуя на плече чьи-то пальцы, обернулась и тотчас вскочила. У койки стоял Сабит.

— Пришел? — почему-то шепотом спросила Катя, словно не доверяя глазам.

— Пришел, — юноша хотел сказать девушке, что он многое передумал за это время, что он не может оставить ее одну, уйти. Но, встретив Катин взгляд, он почувствовал, что она поняла его и без слов, как понимают самого близкого человека.

Вдруг Катя насторожилась, обеспокоенно глянула на Сабита. У него на правом виске кровоточила свежая ссадина.

— Что это? — она бережно провела пальцами по лицу и тут же бросилась к туалетному столику, где у нее хранились лекарства.

— Да так, споткнулся... — равнодушно сказал Касенов. — Темно у вас в коридоре. Убиться можно.

Сабит не мог, не хотел сказать Кате, что произошло с ним, откуда появилась эта ссадина. Зачем ей об этом знать, зря волноваться. Хватит девушке и собственных огорчений.

Катя правильно заметила — Касенова огорошило, изумило ее признание. Хотя он уже давно догадывался, что виной ее несчастья является Горохов, но он не подозревал, насколько далеко они зашли в своих отношениях. Он вначале даже не поверил этому, подумал, что Катя просто наговаривает на себя, испытывает его. Но потом понял — такими делами не шутят. И тогда он решился на шаг,

который бы никогда в жизни не сделал, если бы не понимал, что, кроме него, никто этого не сделает, не поможет попавшей в беду девушке. Во время очередной пересменки Касенов отозвал в сторонку Горохова.

— Вот что, Юрка, — глядя себе под ноги, через силу проговорил он. — Ты зайди к Кате. Проведай. Она ждет тебя...

Горохов от удивления долго не мог прийти в себя, потом наконец удрученно буркнул:

— А зачем это?

— Зайди, говорю, — сжал кулаки Сабит. — Как человека прошу.

Юрий поглядел на шофера долгим изучающим взглядом, словно стараясь отгадать, чего еще можно от него ждать, потом молча повернулся к экскаватору. Но Касенов попридержал его за плечо.

— Ну, пойдешь?

Резким движением Юрий попытался сбросить руку, но Сабит держал крепко. А тут еще от экскаватора к ним шагнул заинтересовавшийся их беседой Свиридов. И Горохов сказал примиряюще:

— Загляну.

Когда он отошел, встревоженный Василий спросил у товарища:

— Что у вас тут?

Но Сабит, против обыкновения, ответил неопределенно и загадочно:

— Хочу узнать — человек он или сволочь?

— Да, загадочка, — усмехнулся Свиридов.

А на следующий день Касенов, таясь, заглянул в диспетчерскую. Катя сидела за столом понурая, невеселая. И он понял — Горохов обманул его. Загадка, как видно, очень просто разгадывалась. Одного только бригадир «трехсотки» не учел — Сабит человек настойчивый, он не простит обмана.

Касенов нашел Горохова в общежитии. Тот забавлялся с Сережкой Михайловым в карты. Сабит прошел прямо к столу, за которым они сидели, и наклонился к Юрию.

— Ты ходил?

Горохов сердито бросил карты на стол.

— Чего ты ко мне вяжешься! Как прокурор.

— Значит, не ходил?

— И не пойду! — зло свел брови на переносице Юрий. И чего этот шоферишка к нему прицепился. Тоже нашелся ходатай! Он не удержался и съехидничал: — У тебя, что, живот за Катьку болит? Или интересик какой заимелся? Баба она, брат, ничего...

Он не успел закончить — удар в подбородок откинул его на стоявшую позади койку.

— Гадина... — брезгливо бросил Сабит.

А Горохов медленно поднялся с койки, прижал к груди огромные, как пудовые гири, кулаки и вдруг ринулся на Касенова. Михайлов попытался было ему помешать, но Юрий локтем отшвырнул его в угол. Трудно пришлось Сабиту, вряд ли этот хлопец устоял бы против кряжистого, налитого силой бригадира «трехсотки». Но вдруг дверь в комнату распахнулась, и на пороге появились Черкесов и Заремба. На какую-то долю секунды они, пораженные, замерли в дверном проеме. А уже через мгновенье Николай втиснулся между дерущимися — спиной к Сабиту, лицом к Юрию. И сразу прекратилась возня. Горохов побоялся связываться с Черкесовым, а Касенов никогда бы не поднял руку на друга. Но сколько Николай ни бился, пробуя установить, из-за чего же произошла драка, ничего не мог узнать. Сабит молчал, считая себя не в праве выдавать чужие секреты, ставить под удар честь Кати, а Юрий опасался, как бы Черкесов не ввязался во всю эту историю.

А когда понемногу страсти улеглись, и каждый в общежитии занялся своим делом, Касенов осторожно оделся и вышел на улицу. Он долго, всю ночь, бродил по Бирюсе, раздумывая, как ему поступить дальше, что делать с Катей. С Юрием теперь все кончено. Сам он не пойдет, а девушка (в этом он был твердо уверен) первой не позовет. Да и вряд ли после всего случившегося между ними она простит Горохова. А он, как же должен поступать он, Сабит? Катя доверила ему свою тайну, свою честь. Он один остался сейчас самым близким и доверенным ее лицом. Эта мысль отмела последние сомнения Сабита, он решительно повернул к Катиному дому. Нет, он сволочью никогда не будет. Не способен.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Несколько дней подряд курились заснеженные вершины сопок. С севера, будто вкладывая остаток сил, свирепо дул холодный порывистый ветер, сметая с холмов высушенный морозом снег, забивая им овраги и распадки. Но уже чувствовалось — теперь зима продержится недолго. Приветливое солнце все дольше задерживалось на небосводе. И в полдень, когда ветер понемногу утихал, над оголенными плешинами сопок колыхалась неустойчивая сизая дымка испарений. Глядя на эту

дымку, экскаваторщики «трехсотки» радостно говорили:

— Весна! Весна идет!

Все они повзрослели, окрепли за эту зиму. Работа на «Уральце» в холода, на твердом как камень мерзлом грунте научила их многому. И сделано за эти месяцы тоже немало. Метка, где Черкесов вынул первый ковш на новой трассе, виднелась высоко, метрах в тридцати над головой. Сопки прорезало широкое ущелье. И хотя им предстояло еще углубиться вниз метров на двадцать, ребята все чаще думали о конце работ, о первом поезде, который должен пройти по прокопанной ими выемке.

А весна с каждым днем все настойчивее напоминала о своем приходе. Она чувствовалась и в неожиданных порывах теплого влажного ветра, и в темных, не по-зимнему коротких ночах, и в звонких девичьих песнях, все чаще тревоживших вечèрнюю тишину поселка.

Как и все бирюсинские парни, Василий теперь любил вечером пройтись по улице. Вера вначале противилась, ссылаясь на вечную свою занятость, но уже на третий вечер вызвалась идти сама. Что-то непонятное, волнующее было в этих ночных прогулках, когда бредешь по снегу, расстегнув пальто, чувствуя в своей руке сильные пальцы друга, или встанешь на самом краю поселка и, замерев так, что ощущаешь толчки своего сердца, прислушиваешься к далеким неясным звукам просыпающейся от зимней спячки тайги, всей грудью вдыхая пьянящий запах оживающего леса. И порой трудно разобрать — ветер ли шумит, путаясь в лесной чащобе, или стучит в висках горячая молодая кровь. И в эти минуты Василию хотелось сказать Вере необыкновенно хорошее, отчего сильнее бы закружилась голова и дрогнуло, учащенно забилось бы сердце. Но слова, самые красивые, цветистые, почему-то уходили из памяти, и он, осторожно сжимая девичью руку, тихонько восклицал:

— Жизнь-то какая хорошая, Веруська! Прямо петь хочется!

И потом вдруг во всю силу легких начинал:

— Ох ты, ноченька...

Молодой, сильный голос широко и свободно врывался в тишину ночи. Вера легонько прижималась к нему плечом, и ее звучный голос умело вплетался в грустную, задумчивую мелодию песни:

— Ночка темная.
Ночка темная,
Ночь осенняя...

Свиридов видел рядом нежный, смягченный темнотой овал ее лица, черные бездонные, как небо, большие глаза.

Девушка необыкновенно похорошела и расцвела. Что-то величавое было в плавном и красивом движении ее рук, в неторопливой походке. И даже вечно озабоченный Иван Сергеевич, приглядываясь к Вере, озадаченно говорил:

— Совсем не узнаю тебя. Какая-то ты вся сияющая. Точно невеста на выданье.

Сам Брянцев, казалось, ни в чем не изменился. Только немного похудел, да лицо его еще больше почернело, обветрилось. По-прежнему он все дни пропадал на участках, а домой приходил, чтобы только заснуть на несколько часов. И, пожалуй, лишь одна Вера знала, как этому большому, сильному человеку трудно, как он тоскует по жене и дочери. Они в Москве. Жена преподает там в университете и заканчивает научную работу. И приедет к нему лишь месяцев через шесть. Тоскуя по ним, Иван Сергеевич все время старается быть на людях. Среди них ему легче, и время проходит не так заметно.

Многих в Бирюсе удивляла дружба Веры и Василия. Казалось, что было общего между девушкой-инженером и машинистом экскаватора, окончившим перед армией десятилетку. Василию нередко приходилось слышать за спиной ехидные реплики. Вначале, в первые дни их дружбы, он не обращал на это внимания. Слишком чисты были их отношения, и чужое вмешательство вызывало лишь усмешку. Поговорят, поговорят и умолкнут. Но пересуды об их отношениях не утихали. И если об этом не говорили в глаза Свиридову, то лишь из опаски — парень он горячий, не стерпит. Василий чувствовал это и однажды, преодолев робость, поделился своими сомнениями с Николаем.

Черкесов озабоченно выслушал его сбивчивый рассказ и после нескольких минут раздумья ответил прямо и откровенно:

— Чувствую, нелегко тебе. Вера девушка умная, образованная. Эта дружба тебе очень многое дает. А ей?

— Так что, — бледнея, поднялся Василий, — не ровня я ей?

— Почему же? Ты человек бывалый, армия тебя многому научила. Ты многое видел, и сейчас любой девушке с тобой интересно, — Николай наклонился к другу, заглянул в его тревожно прищуренные глаза и коротко спросил:

— А дальше?

— Значит, по-твоему, для Веры дружба

со мной — дело временное, на пару дней? Для приятного времяпрепровождения?

— Вот уж об этом ты у нее спроси. Пойми, я о другом говорю. — Черкесов, видя, как болезненно воспринимает Василий его слова, начал и сам сердиться. — Раз подружились сейчас — хорошо. Значит, есть у вас взаимная симпатия, интересы одинаковые. А чтобы у вас это оставалось надолго, на всю жизнь, это дело надо закреплять. И не свадьбой одной, конечно. Нужно тебе равняться по Вере, подтягиваться. А если не сможешь, не хватит пороху — лучше брось все сейчас, не морочь девушке голову...

Озадачили, взволновали Василия слова друга. Раньше такие простые, бесхитростные отношения с девушкой стали вдруг необычно запутанными, непонятными. Он и не задумывался — ровня ему Вера или не ровня, нужно догонять ее в образовании или нет. Ему просто было очень хорошо вместе с Верой, интересно говорить с ней, он не мог оторвать глаз от ее милого приветливого лица. А то, что эта дружба налагает на него большую ответственность,— парень об этом просто не думал.

На следующий день Василий встал с твердым намерением пойти к Вере, рассказать о своих нежданно возникших сомнениях. Время на работе тянулось долго и нудно. Свиридов уже несколько раз обдумал, как и что нужно сказать, несколько раз прошептал под рокот моторов горькие, тяжелые, как свинец, слова обращения к девушке, а конца смены не видно. А когда наконец пришел Николай, он не стал дожидаться дежурной машины, а заторопился к дороге — на попутной скорей доберешься. Василий даже не забежал домой снять спецовку, а двинулся прямо в комитет комсомола.

У Веры было три девушки. Свиридов сел у двери на стул и терпеливо стал ждать. И чем больше он смотрел на приветливое оживленное лицо, знакомое до последней черточки, тем сильнее чувствовал, как его покидает былая решимость. Он вдруг испугался, что обидит, оскорбит ее своими подозрениями. Василий растерялся от таких мыслей и нерешительно поднялся со стула. Пожалуй, лучше уйти.

Смирнова сразу увидела, что Свиридов собирается уходить. Она протянула девушкам кипу журналов, а сама подошла к Василию, взяла его за борт шинели и молча вопросительно заглянула в глаза. Машинисту неожиданно пришла на память афиша у клуба, название нового фильма — «Высота». И он, весь полыхнув краской, смущенно проговорил:

— Я пришел насчет новой картины узнать... Может, сходим?

Как он впоследствии ругал себя за этот надуманный предлог. И девушка, наверное, тоже сразу поняла всю фальшь его слов. Но она не подала виду, а только на мгновенье замешкалась с ответом:

— Хорошо. Жди меня без четверти восемь прямо у клуба.

Свиридов, стоя спиной к двери, на ощупь нашел ручку, попрощался и, неловко пятясь, выскочил в коридор.

«Ничего, поговорю вечером», — вытирая платком влажный лоб, попробовал он утешить сам себя. И тут же озадаченно крутнул головой. А о чем? Как? Вот этого-то он как раз и не знал. Как же рассказать о своих сомнениях той, которая сама явилась их причиной?!

Он так и пришел к началу сеанса в смятении. Вера уже стояла у двери и озабоченно поглядывала по сторонам. Василий сразу забыл о своих сомнениях и заторопился к ней. Вот девушка рядом с ним, он ощущает тепло ее руки.

Вере надо было до начала сеанса зайти в комитет, оставить там сверток бумаги, который она держала в руках. Когда они вернулись обратно, кинофильм уже начался. В чернильной темноте зала долго не могли найти своих мест. У Василия в эти минуты на сердце было необыкновенно хорошо. Крепко сжимая Верины пальцы, он водил ее по залу, и она доверчиво жалась к нему. Он так и не выпускал ее руки до самого конца сеанса.

Взволнованные кинофильмом, вышли они из зала. Ночь была теплая, светлая. Бесчисленная россыпь ярких звезд усыпала весь небосвод. Казалось, протяни руку, и пальцы коснутся ковша Большой Медведицы и ощутят холод ее неземного мерцания. И столько чарующего, сказочного было в этой величавой картине звездной ночи, что не хотелось двигаться. Василий потянул Веру в сторону в надежде, что так они быстрее выйдут из общего потока и останутся одни. Девушка охотно пошла за ним.

И вдруг Свиридов услышал за спиной негромко сказанные слова:

— Смотри, опять этот экскаваторщик. Тоже еще ухажер нашелся. Как репей прилип к нашему комсоргу.

Он быстро оглянулся, стараясь разглядеть лицо говорившего. Но кругом было столько людей, что во мраке трудно было кого-либо узнать.

Настроение было испорчено. Случайно схваченные на лету слова как бы в один миг

отрезвили его. Он машинально, вслед за другими, сделал несколько шагов. Потом как будто очнулся от забытья, крепко сжал Веру за локоть и решительно двинулся вперед. Сгоряча Свиридов так сильно схватил девушку, что она охнула и, стараясь освободиться от цепких пальцев, шепнула:

— Не надо, Вася. Не надо... Больно... Пусти же!

Василий вздрогнул, как от удара. На память пришли разговоры, злые пересуды об их дружбе и эти только что услышанные слова. Теперь и она сама говорит: «Пусти», «Не надо!».

Свиридов разжал пальцы, круто повернулся, раздвинул плечом толпу и ринулся в пустынную темноту ночи. Вера на мгновенье застыла на месте, не понимая, в чем дело, потом рванулась вслед.

— Вася, подожди! Вася!

Но Свиридов даже не обернулся. Он только поднял воротник и широко зашагал вдоль по улице.

Девушка долго, долго стояла растерянная, в сильном смятении. Она никак не могла разобраться в случившемся, в том, почему так неожиданно ушел юноша. Она только поняла — произошло какое-то серьезное недоразумение.

2

Необычно тихая и теплая погода установилась в последние дни. Снег сразу почернел и осел. На дорогах проступили лужи талой воды. Чувствовалось: зима держится последние дни. Работа на «трехсотке» заметно оживилась. Каждый старался наверстать упущенное за зиму. Только теперь уже Горохову трудно было опережать своих сменных машинистов. Лишь в самые удачливые дни он уходил вперед на сотню-полторы кубометров. Да и то ненадолго. Ведь удачливых смен было немало и у Черкесова, и у Свиридова. Может, поэтому каждую смену теперь бригадир работал с ожесточением, не жалел ни себя, ни машины.

Вот и сегодня, приняв смену у Василия, Горохов взялся с азартом за рычаги. «Уралец», натужно взвывая моторами, взламывал толстую корку грунта, стремительно поворачивался и вываливал ломти земли в объемистые кузовы самосвалов. Резкие рывки сотрясали многотонную массу. Несколько раз, захватив чересчур большую порцию грунта, «Уралец», мелко вздрагивая, не мог оторвать ее от промерзшего края забоя. Но Юрий не сдавался. Прикусив нижнюю губу, он упрямо отводил ковш назад, а потом включал мотор на полную мощь и с силой отрывал грунт. Машина с трудом крушила цементированную морозом землю. А Горохов словно не замечал угрожающего подвывания моторов.

Но вот «трехсотка» уже в который раз не в силах оторвать от забоя глыбы мерзлой земли остановилась. Тросы натянулись до отказа. Юрий несколько раз отводил ковш назад и старался ударом всей огромной массы металла взломать грунт. И не мог. Видно, накрепко была прихвачена земля. Правда, стоило только машинисту немного подтянуть к себе ковш и взять меньшую долю грунта, как экскаватор смог бы захватить ее из плотной целины. Но Юрий упорно продолжал двигать рычагами, решив во что бы то ни стало выломать подцепленную ковшом глыбу.

Наконец Горохов в изнеможении откинулся назад, вытер ладонью лоб и остановил экскаватор. С минуту он неподвижно глядел прямо перед собой, потом скользнул взглядом по верхнему краю забоя, посмотрел на стрелу. И вдруг лицо его дрогнуло. Он испуганно пригнулся к рычагам. Коробчатая литая стрела почти у самого края была погнута. Резкие рывки, перегруз машины не прошли даром.

Горохов медленно поднялся с сиденья и, не отрывая глаз от стрелы, попятился из кабины. Осторожно прикрыв дверь, он остановился и привалился плечом к стенке кузова. Юрий почувствовал страшную усталость: болела голова, ныли руки, плечи, хотелось заснуть, забыться хоть на одну секунду.

— Что случилось, бригадир? — вдруг услышал он спокойный голос своего помощника Сергея Михайлова.

Горохов вздрогнул, выпрямился. Сергей стоял перед ним, сжимая в руке разводной ключ. Юрий отвел глаза в сторону и глухо ответил:

— Там стрела... Погнулась...

— Как? — вздрогнул Сергей, и на его юношеском с припухлыми губами лице сразу округлились глаза. Он бросился в кабину.

Юрий устало махнул ему вслед рукой.

Через минуту Михайлов с грохотом выскочил из кабины и, гулко топая по железному полу тяжелыми подкованными ботинками, побежал к машинам. Бригадир постоял немного в раздумье и неторопливо двинулся за ним следом. Теперь ему было все равно.

Он равнодушно смотрел, как Сергей подбежал к МАЗу, пристроившемуся было под ковш, крикнул шоферу несколько слов и рванул на себя ручку кабины. Машина круто развернулась и полезла из забоя по накатанной дороге.

«В Бирюсу подался», — подумал с тоской Горохов, присаживаясь на кучку шпал, валявшихся возле гусениц «Уральца».

Юрий остался в забое один. Шоферы автомашин созвонились с диспетчером автобазы и уехали на соседний участок. Ушла в контору и учетчица. И сразу у «трехсотки» стало непривычно тихо. До слуха лишь временами доносился грохот, лязг железа, приглушенный расстоянием рокот работающих по соседству экскаваторов и самосвалов.

Прошло около часа, а Михайлов все еще не возвращался. Горохову надоело сидеть, он вскарабкался по стене забоя и из-под руки стал глядеть в сторону Бирюсы. Так прошло еще минут двадцать. Наконец из-за дальних холмов вынырнула машина. Вот она завернула в сторону забоя. Зоркие глаза бригадира сразу выхватили из группы людей, заполнивших до отказа кузов, Черкесова, Зарембу и Свиридова.

Словно загнанный зверь, Юрий растерянно глянул по сторонам, отыскивая место, куда бы спрятаться. У него не было никакого желания встречаться с товарищами по экипажу. Прильнув всем телом к земле, Горохов переждал, пока автомашина не съехала вниз, в забой. Затем он немного высунулся и глянул с обрыва туда, где стояла «трехсотка». Ремонтники и экскаваторщики уже повыскакивали из грузовика и теперь стояли перед «Уральцем». Потом сразу несколько человек вскарабкалось на экскаватор, чтобы поближе осмотреть место изгиба.

Юрий в душе надеялся, что его позовут, начнут искать. Но о нем, кажется, совсем забыли, словно его и не существовало. Все были заняты машиной.

Больше часа пролежал на краю забоя Горохов, наблюдая за работой. Скоро из Бирюсы подошел «Январец», а вслед за ним и автофургон походной мастерской. Стрелу опустили, начали возиться с тросами.

А о Юрии так и не вспомнили, будто его никогда не было на экскаваторе. И Горохов почувствовал себя особенно одиноким, забытым. Опираясь руками о снег, он поднялся на ноги, выпрямился и побрел в сторону поселка прямо по припорошенной снегом целине.

Его ноги путались в порослях сухой жесткой травы, в опавших сучьях, проваливались в ямы. Но он ничего не замечал, а все шел и шел вперед. Ветки кустарников нет-нет да и хлестали его по плечам, лицу. А Юрий даже не пытался загородиться.

3

Горохов долго неподвижно лежал на койке в общежитии. Голова пылала и кружилась. Что же будет дальше? Чего ждать? Насмешек, позора? Нет уж! Лучше порвать совсем, уйти и не приходить сюда больше никогда. Никогда!

Юрий вскочил и яростно заметался по комнате, лихорадочно хватая свои вещи. И когда все в беспорядочной куче лежало посреди комнаты, он присел на пол и обхватил колени крепкими жилистыми руками. Ну, а что дальше? Куда ехать? В Черемхово? Да там ребята засмеют его, скажут, удрал, струсил.

Горохов плохо помнил, как он вышел из общежития. Спустя несколько минут, он уже размашисто шагал по черной ленте свободного от снега шоссе. Скоро начало темнеть. По дороге, заметая следы, взметнулся, ошалело захлестал по ногам снежный вихрь. Потом вдруг все стихло, и из темной небесной пучины повалили крупные снежные хлопья. И скоро все вокруг оделось в белую непроницаемую снежную пелену. Лишь на десяток метров впереди неясно темнело незанесенное пока снегом полотно. Но вот уже скрылась и эта узкая черная полоса дороги. Под ногами совсем не чувствовалось твердой почвы. Только одно сплошное податливое месиво. Сугробы, сугробы... Едва перейдешь один, как сразу начинается другой. Впереди ни одного дома, ни одной человеческой фигуры.

Неизвестно, сколько времени Горохов блуждал по тайге. Ночь опускалась на лес, и от этого он казался особенно зловещим, непонятным. Усталость сковывала все движения. Хотелось сесть прямо на снег и передохнуть. Но юноша не садился. Знал, если опустится на землю, то больше никогда не встанет — замерзнет.

Споткнувшись, Юрий сунулся головой прямо в сугроб. Минут пять он лежал неподвижно, не в силах шевельнуть ни ногой, ни рукой. Все тело охватила приятная слабость. Стало необыкновенно тепло.

«Замерзаю! — с ужасом подумал Горохов. — Конец!»

Собрав остаток сил, он перевернулся на спину, помогая себе руками, с трудом поднялся на непослушные ноги и, грузно ступая, пошел вперед, в темноту ночи. А снегопад еще более усилился.

Вдруг ему показалось, что он слышит мычанье коровы. В нос ударил приятный запах печеного хлеба. Он прошел еще несколько сот метров, чувствуя, как с каждым движением у него убывают силы. А впереди ничего, кроме снежного вихря, тоскливого завывания ветра в ветвях деревьев. Пошатываясь, Горохов сделал еще один шаг, другой, третий, потом его ноги подкосились, и он упал во весь рост прямо на снег. И не почувствовал никакой боли.

Лишь появилось странное чувство, будто он провалился в какую-то темноту. И только на мгновенье в сознании промелькнула горькая мысль — зачем он ушел от своих товарищей в тяжелый момент?

4

Когда в тайге ошалело завыл ветер и все вокруг оделось в непроницаемую белесую снежную пелену, на «трехсотке» работа была в полном разгаре. Ремонтники решили чинить стрелу прямо на участке. Из шпал, припасенных для настила, устроили высокий деревянный помост, опустили на него стрелу и, расслабив тросы, принялись за дело. Никто не ушел, не скрылся от пронизывающего ветра.

К концу вторых суток пурга стала стихать. Вначале посветлел небосвод и сквозь угрюмую его черноту проглянула сияющая голубизна, затем, слабея, поулегся ветер, заплутавшись где-то в буераках. Скоро проглянуло приветливое солнце, и все вокруг вспыхнуло, заискрилось.

В полдень электросварщик наложил на стрелу последний шов, неторопливо спустился вниз и бодро сообщил:

— Можно поднимать! Готово!

Свиридов бросился в кабину, опустился на холодное брезентовое сиденье и включил лебедку. Тросы медленно стали натягиваться, дрогнуло массивное тело машины, стрела стронулась и поползла вверх.

Для пробы машинист несколько раз, разгребая ковшом снег, вспорол зубьями край забоя. Комья земли с шумом обрушились на днище ковша. Но выгружать землю было некуда. Самосвалы еще не могли пробиться через снежные заносы. Пришлось выключить моторы и ждать.

Приготовив машину к работе, экскаваторщики собрались в конторе участка. Кроме них, в комнатах никого. Бородин уже третий день в Загорске, куда его вызвал главный инженер стройки, а остальные работники из-за пурги не могли добраться из Бирюсы. С улыбкой вглядываясь в усталые, но радостные лица товарищей, Николай уже хотел было подбодрить их шуткой, но вдруг нахмурился.

— Ребята, а где Горохов?

— Горохов? — экскаваторщики переглянулись. Действительно, куда делся бригадир? Никто не видел его. Ремонтом руководил Черкесов. К нему обращались, его видели везде. А Горохов? Каждый из ребят думал, что он тоже работает где-нибудь: или возится возле стрелы или в экскаваторе. Дел-то у всех много, за всем не уследишь.

— Когда я поехал в Бирюсу, он остался на экскаваторе, — стал припоминать Михайлов. — Испуганный такой. А после с ним както не пришлось сталкиваться. Может, в управлении он?

— Да разве можно в такое время в Бирюсе сидеть! — вскочил Заремба. — Он же бригадир!

— А ты что, за него ручаешься? — вмешался Свиридов, насмешливо глянув на Мишку. — Шут его знает, что у человека в голове. Нужно в район позвонить, узнать. — Юноша решительно протянул руку к черному аппарату на столе Бородина и снял телефонную трубку.

Экскаваторщики сразу притихли, прислушиваясь к разговору Василия с управлением района. Машинист настойчиво звонил в производственный отдел, диспетчерскую района, даже добрался до приемной Брянцева, — и всюду отвечали, что Горохова не видели и не знают, где он. Лица ребят сразу посуровели. А в голосе Свиридова уже не было тех задорных ноток, с которыми он начал телефонный разговор, — он притих, зазвучал взволнованно и торопливо.

— Надо идти на розыски,—не дожидаясь, пока Василий закончит говорить в трубку, поднялся Черкесов. — Время есть.

Для поисков разбились на несколько групп. Каждая должна пойти в определенном направлении. Предстояло обследовать район радиусом в добрых пять-шесть километров.

— Осматривать каждый овраг, каждую поляну, — наказывал товарищам Николай. — Может, он где свалился, ногу вывихнул и не мог подняться. Буран — дело нешуточное. Любого закрутит.

И вот в тайгу, вспарывая девственную чистоту снега, двинулись люди. На участке остался только дежурный — пожилой приземистый со смуглым обветренным лицом мужчина. Он вышагивал взад и вперед по откосу забоя рядом с конторкой и пристально смотрел вслед ребятам, испятнавшим снег четкой строчкой следов.

Лишь к исходу третьего часа люди стали возвращаться. Последними пришли мрачные и неразговорчивые Заремба и Свиридов. Они молча придвинулись к печке, отогревая негнущиеся пальцы. Поиски оказались безрезультатными. Пурга не оставила никаких следов. Никто не решался поднять головы, взглянуть на соседа, словно чувствовал себя виноватым в исчезновении Горохова. Куда-то вдруг ушла былая неприязнь к бригадиру,

будто был он не задиристым, самодовольным человеком, а простецким добрым парнем.

— Надо снова идти на поиски, — предложил, нарушая общее молчание, Мишка. — Захватим пошире, внимательнее посмотрим. Должны же мы его найти. Человек ведь не иголка.

И снова разошлись во все стороны ребята, затерялись среди лесной чащи их маленькие фигуры. Только на этот раз их шаги укоротились, и глубже вспарывался носками сапог снежный покров.

Ночь подкралась незаметно. Сумерки сгустились необычно быстро, и скоро в тайге стало очень трудно ориентироваться. Чтобы ребята не заблудились, на крыше конторы повесили мощную электролампу. Скоро на свет один за другим начали приходить экскаваторщики.

Горохова найти не удалось.

5

Не нашли Юрия и на другое утро. А к обеду небо снова заволокло низкими темно-сизыми тучами. Необыкновенно потеплело. Сначала опасливо и нерешительно закружились в воздухе мохнатые снежинки, потом хлестко стукнула в окно конторки крупная дождевая капля, другая, третья. Затем все перемешалось — и вдруг хлынул бурный, неудержимый поток воды. Будто кто-то невидимый находился поверх облаков и немилосердно поливал землю, стараясь смыть с ее поверхности тяжелый снежный покров.

Долго и нудно шел дождь. Временами, как бы выдыхаясь, он затихал на полчаса, затем возобновлялся с новой неожиданной силой. Снег побурел и постепенно превратился в темную перемешанную с землей водянистую жижу. Уже к исходу дня в низины безудержно хлынули потоки воды. Протекавшая возле поселка маленькая, пересыхающая каждое лето речушка Бирюса словно ожила и на удивление всем вышла из пологих берегов.

Когда начался дождь, «трехсотка» остановилась. Подъезды к экскаватору размыло, самосвалы не могли проехать и десятка метров. Вода, стекая по стенам забоя, начала заливать площадку, где стоял «Уралец».

— Потопит экскаватор, — с опаской косился на мутные потоки талой воды Василий. — Нужно выбираться на высокое место.

— Давайте обсыпем вокруг землей, — предложил Заремба. — Всякое может быть. Половодье.

Так и решили. Свиридов сел за рычаги и, вспарывая шестиметровую стену забоя, быстро насыпал вокруг «Уральца» высокий земляной вал.

Отключив моторы, экскаваторщики собрались в кабину управления. Кабина маленькая, тесная. Ребята жались один к другому, но никто не выходил. Большая электропечь, пристроенная в самом углу, подогревала хорошо, в кабине было тепло и уютно. Затягиваясь крепким папиросным дымом, члены экипажа тихонько переговаривались, вспоминали о первых днях работы на дороге, о пропавшем Юрии Горохове. Дождь дробно и однотонно выстукивал по стеклам и крыше, клонил в сон.

— А как там в районе? — озабоченно глянул в окно Николай. — Дождь все не перестает, снег тает быстро. Вода может беды наделать немало.

— Я пойду в контору и позвоню, — предложил Свиридов. — Может, нам здесь сидеть не нужно. Тогда в Бирюсу подадимся.

— Лучше переждать, — равнодушно махнул рукой вздремнувший было Мишка. — Зачем в такую погоду ходить. Грязь месить захотелось? Сиди уж.

— Нет, я пойду, — потянулся к двери Василий. — Муторная больно погодка.

Спрыгнув с экскаватора, Свиридов перемахнул через земляной вал и зашагал напрямик через лужи к конторке участка, проваливаясь почти по колено в водянистом снегу. Пропитанные жиром солдатские сапоги надежно защищали ноги. С силой толкнув тяжелую влажную дверь, он сразу потянулся к телефону.

Ни начальник экскаваторной конторы, ни главный инженер района, ни Карпов — никто не отвечал. Прислушиваясь к звонкому голосу дежурной телефонистки, Свиридов не выдержал и сердито крикнул:

— Да куда же они все разбежались?

И сразу услышал торопливый ответ телефонистки:

— Наверное, на сооружения ушли. Вода сильно прибывает. Весь народ у моста дежурит.

Василий хотел узнать о положении в районе поподробнее, но ответа не услышал. Дежурная отключилась.

Что делать? Куда еще звонить? Может, в комитете комсомола люди есть? Там должны все знать.

В комитете долго никто не брал трубку. Василий уже хотел бросить звонить, как неожиданно услышал далекий знакомый голос. Это отозвалась Вера. Девушка долго спрашивала, кто звонит. Свиридов совсем забыл, что ему нужно отвечать и, напряженно вслу-

шиваясь в ее голос, молчал. Потом спохватился и торопливо крикнул:

— Говорят с «трехсотки». Алло! Я с «трехсотки»...

Ему не хотелось называть своего имени. Но Вера сразу узнала его сама. Это Василий понял, когда услышал, как дрогнул, изменился голос девушки.

Вера спешила. Она лишь на минуту забежала в комитет, чтобы взять плащ. В районе положение тяжелое. Котлован моста через Бирюсу под угрозой затопления. Туда брошены все силы. И она тоже идет туда. Если они смогут, то пусть торопятся на помощь. Людей нужно.

Свиридов с минуту стоял, крепко сжав руками телефонную трубку, хотя голос девушки давно пропал. Потом он как бы очнулся и стремительно бросился к выходу. Нужно сообщить товарищам.

Когда он, забрызганный грязью, ворвался на экскаватор, все повскакали. Обсуждать положение было некогда. На сборы ушло не больше двух минут. Никто не произнес слова, не возразил, хотя каждый знал — до района все шесть километров придется идти по воде и размокшему снегу.

И скоро на таежной дороге замаячили фигурки экскаваторщиков, спешивших в сторону Бирюсы. А дождь снова перешел в сплошной водяной поток. Он больно бил по лицу и рукам, проникал за воротники пальто. Но люди шли и шли, упрямо наклонив головы и накрепко сжав в руках ломы и лопаты. Они шли на помощь.

6

Юрий очнулся. Несколько минут он лежал неподвижно не в силах повернуться, устремив прямо перед собой недоумевающий взгляд. Было тепло, и над головой вместо хмурого, в темных лоскутах туч неба — чисто побеленый потолок.

«Бредить начинаю, — с тоской подумал Горохов. — Я же в тайге».

И вдруг он ощутил у себя на лбу легкое прикосновение теплой мягкой руки, увидел склонившуюся над ним озабоченную женщину в серой вязаной кофте, с тяжелым венцом кос на голове.

Широко раскрыв глаза, экскаваторщик, не отрываясь, смотрел на незнакомое чернобровое лицо. Заметив его взгляд, женщина ласково и сдержанно улыбнулась.

— Наконец-то, — облегченно вздохнула она.

— Где я? — тихо спросил Юрий, с трудом приподнимаясь на локте.

Незнакомка осторожно положила руки на его плечи.

— Лежи, лежи. Тебе нельзя вставать. Теперь с недельку отлеживаться придется. Обморозился сильно. Приляг, дорогой. Не беспокойся.

Горохов устало откинулся на мягкую пуховую подушку. И тут только он заметил, что его руки обмотанные бинтами, сильно ноют и поламывают. С ногами тоже было не совсем в порядке. Хотя они и не болели, но у Юрия было такое чувство, будто на них надели свинцовые башмаки, прижимавшие их к постели.

Оказывается, Юрий ушел от Бирюсы за пятнадцать километров и долгое время плутал возле небольшого таежного селения Варваровки. Потом, обессилев, упал у самых ворот крайнего дома села. Хозяин дома, обеспокоенный снегопадом, решил проверить, что с коровой. Сквозь снежный вихрь он увидел у дома какой-то черный предмет. Настороженный, подошел ближе. Это был человек. С большим трудом он втащил в сени грузное тело. Вместе с женой с полчаса оттирал обмороженные руки, ноги и лицо незнакомца, стараясь привести его в сознание. Но, видно, немало времени провел на холоде юноша. Хотя его тело, докрасна растертое снегом, потеплело, но он так и не приходил в чувство. В бессознательном состоянии его внесли в комнату и уложили в постель. И только спустя пять часов он очнулся.

— Спасибо вам, — с благодарностью прошептал Юрий, когда женщина кончила рассказывать. — А где же хозяин?

— Побежал на ферму. Беспокоится. В такую ночь волки могут наскочить. Голодно им сейчас. Зима на исходе, живности мало. Вот они теперь и бродят возле сел. В эту пору, бывает, и на людей нападают.

«И я, как волк, бродил по тайге, — с горечью подумал Горохов. — Никак не мог найти себе пристанища».

Мысли, беспокойные, суматошные, носились в его голове. Юрию хотелось забыться хоть на мгновенье. Но все окружающее давило невыносимой тяжестью, не давая ни одной минуты забвения. И эта вот молодка, ни о чем не догадываясь, напомнила о прошлом, терзала его своим ласковым отношением. Она не могла и предположить, что Горохову было легче, если бы его сейчас ругали самыми последними словами, стыдили за бегство со стройки, от товарищей.

Входная дверь натужно заскрипела и сильно хлопнула. В сенях послышалась тяжелая уверенная поступь.

— Идет мой Иван Кириллович, — безошибочно определила хозяйка.

Дверь в комнату широко распахнулась, и на пороге появился высокий длиннолицый мужчина в белом дубленом полушубке. Заметив на себе любопытный взгляд Горохова, Иван Кириллович дружелюбно улыбнулся, обнажив белые зубы, и радостно воскликнул:

— Ага! Значит, очнулся наш экскаваторщик!

Юрий, удивленный, приподнялся. Откуда ему известно, что он экскаваторщик? А хозяин, словно и не замечая замешательства Горохова, подошел к нему и осторожно положил руку на плечо.

— Давай знакомиться. Травников Иван Кириллович. Заведующий фермой колхоза «Красный партизан».

Когда Юрий назвал себя, Травников слегка приподнял широкие густые брови и сказал многозначительно:

— Слыхал, слыхал. Как же. И в газетах писали и по радио передавали. — Он повернулся в сторону жены и попросил: — Ксеня, принеси-ка мне подшивку газеты. Ту, что я из читальни принес для доклада.

Неторопливо листая газеты, Иван Кириллович то и дело поглядывал на Юрия и, удивленно покачивая головой, приговаривал:

— А я-то все смотрел: личность больно знакомая, а где видел — не припомню. Когда ты в беспамятстве бредил, говорил об экскаваторе, какой-то поломанной стреле, о начальнике Бирюсинского района Брянцеве, я сразу понял — со стройки человек. А вот припомнить, кто такой, не припомнил. Чую, видел раньше, а где — совсем из памяти вышибло. А, оказывается, вот где — Травников бережно развернул номер газеты и поднес его Горохову. С газетной страницы на Юрия глянуло знакомое лицо. Это был он, заснятый фоторепортером на фоне огромного ковша «Уральца», доверху наполненного землей.

Травников оказался разговорчивым, общительным человеком. Он принадлежал к типу людей, которые никогда не унывают, не знают, что такое грусть, плохое настроение. Такие быстро свыкаются с людьми, находят с ними что-то общее, близкое. Юрий скоро почувствовал себя с ним так свободно, будто знал Ивана Кирилловича много лет.

Скоро Травников перебрался с табурета на край койки, где лежал больной, и, оживленно жестикулируя, рассказывал, как идет жизнь в селе. Горохов, преодолевая слабость, слушал его внимательно. Рассказ Ивана Кирилловича заинтересовал, захватил экскаваторщика.

— Варваровка наша давненько стоит, — прищурившись, в раздумье говорил Травников. — Мой прадед и тот не помнил, сколько лет село простояло. Много лихих бед натерпелись. Тайга кругом на сотни верст. Хлеб за пятьсот-шестьсот километров возили, молока не видели.

— Так что ж вы не ушли отсюда? — не выдержал Юрий. — Земли мало?

— А зачем нам уходить?—удивился Травников. — По правде говоря, землица наша не так уж и плоха. Я бы сказал, даже ядреная. Белки, соболя в тайге полно, уголек есть, золотишко. Сам подумай, разве настоящий хозяин от такого добра бежит?

— Видел я это добро, — скривил в усмешке губы Горохов. — Как выйдешь за поселок — одни деревья. Аж муторно на душе становится.

— Вот это ты зря, — обидчиво нахмурился Иван Кириллович. — Тайгу понимать нужно. Для праздного человека в ней, конечно, нет интереса. Скукота одна. А для таежника в наших краях не жизнь, а малина. А скоро и того лучше будет. Вот проложат дорогу — заживем. — Травников молодецки тряхнул порыжелым на солнце чубом и, подперев кулаком подбородок, мечтательно глянул прямо перед собой, словно уже в эту минуту увидел ту счастливую жизнь, которая скоро придет в этот край. Покачиваясь крепко сбитым гибким телом, он несколько минут молчал. Потом снова повернулся к Горохову и спросил:

— Ты знаешь, что нашим краям даст стройка?

— Ну что, дорогу железную, — буркнул Юрий.

— Нет, дорогуша, не только дорогу, — словно заранее ожидал этот ответ, быстро возразил Иван Кириллович. — Лет так через пять-десять наше село не узнаешь. Думаю, город здесь большой вырастет. Уголь, золото тут добывать будем. Лесопильные заводы построим. К коммунизму подойдем.

Порывистый ветер с силой бросал в окна комья снега, гулко и надсадно завывал в трубе. Сквозь шум вьюги слышно было, как где-то во дворе хлопала незакрытая дверь. Но в разговоре никто не замечал этого. В эти минуты для Юрия его жизнь, работа открылись с новой, неизведанной раньше стороны. Он даже не думал, не подозревал, как много делал вместе с товарищами для таких вот людей, как Травников.

7

На следующий день Юрий проснулся рано. За окном все так же натужно завывала вьюга. В комнате была лишь одна Ксения. Иван Кириллович еще на рассвете ушел на ферму.

Горохов, опершись локтем о мягкую подушку, не отрываясь, смотрел сквозь прихваченное морозом окно на злые снежные вихри, носившиеся по просторному двору Травниковых. На душе неприятно и тоскливо. Хотелось сейчас быть у экскаватора рядом с ребятами.

Будь у Юрия возможность двигаться, он бы немедленно, не раздумывая, пошел обратно в Бирюсу. Пускай его там будут нещадно ругать, стыдить, он перетерпит все, лишь бы только остаться на стройке. Горохов почти с ненавистью думал о своих зудящих и ноющих ногах и руках.

Когда ему надоело смотреть в окно, он взял со стула оставленную Иваном Кирилловичем газетную подшивку и осторожно начал перелистывать ее больными перевязанными руками. То и дело со страниц газеты на него смотрели знакомые лица строителей. Нередко среди них попадались ребята из его экипажа и он сам. Странное чувство охватило парня. Вся его прошлая жизнь, работа вставали перед ним как-то по-иному. Только теперь он вполне трезво мог оценить все происшедшее за последнее время, его отношения к товарищам по экскаватору, разрыв с Катей. И как он будет теперь смотреть им в глаза?

Подошло двенадцать. Ксения, закончив уборку по дому, стала с беспокойством поглядывать на часы. Потом, накинув на плечи черный полушубок и накрыв голову шерстяным полушалком, предупредила Юрия.

— Я сбегаю на ферму. Что-то мой Иван Кириллович задерживается. Может, что случилось с коровами?

Она вернулась через полчаса. Одна. Травников, оказывается, еще с самого утра уехал в соседний колхоз.

— Говорят, не скоро вернется. У них там сразу два теленка пало. А почему — неизвестно.

Поправляя сбившиеся под платком волосы, Ксения с сожалением проговорила:

— Вижу, хочется вам побыстрее домой попасть. Да ничего не поделаешь. Придется задержаться. Позднее Иван Кириллович отвезет.

Горохов почувствовал в ее голосе столько сочувствия, что, несмотря на все свое желание поскорее попасть в Бирюсу, торопливо ответил:

— Вы не беспокойтесь. Я подожду. Мне ведь пока все равно нечего будет делать на работе. А здесь я немного подлечусь.

Но хотя Юрий и постарался успокоить хозяйку, а приезд Ивана Кирилловича он ждал с нетерпением. Настораживался при каждом стуке, то и дело поглядывал в окно.

Травников приехал лишь на второй день. Обрадованный его появлением, Горохов приподнялся ему навстречу. Иван Кириллович с порога подмигнул ему, потом обернулся и крикнул в полутьму сеней:

— Михалыч, да брось ты с веником возиться. Заходи. Нечего церемониться.

Юрий быстро взглянул в лицо появившегося в дверях мужчины и сразу потянулся к нему. Это был Карпов. Торопливо сняв полушубок, парторг подошел к Горохову и склонился над ним.

— Как чувствуешь себя, пропавший без вести? — попробовал он пошутить. — Температура есть?

— Все хорошо, Михаил Михайлович, — ответил Юрий, смущенный вниманием, которое ему оказал парторг, приехав в село. — Спасибо. Прямо сейчас могу ехать домой.

— Да ты у нас настоящий герой, — улыбнулся Карпов. — А я, признаться, испугался за тебя. Думаю, пропал парень. Спасибо Ивану Кирилловичу. Прибежал ко мне и говорит: идем к нам в колхоз, там ваш Горохов лежит. — Он повернулся в сторону хозяина.— Выручил он нас.

— Э! Чего уж там говорить! — махнул рукой Травников. — Не впервой нам друг друга выручать.

Едва отогревшись, Карпов стал собираться в обратный путь.

— Погода что-то снова начинает шалить. Надо ехать, — решительно проговорил он в ответ на просьбу Травниковых посидеть еще с часок. — Как бы дождь не начался. Потеплело здорово, пасмурно стало.

Юрия тщательно укутали в тулуп и посадили на солому в легкие сани. На прощанье Ксения сунула ему перетянутый шпагатом бумажный сверток.

— Вот, возьми гусиное сало. Мазать будешь руки и ноги.

Долгое время ехали молча. Карпов все время был занят лошадью. Дорога была тяжелая, и он боялся запалить кобылу.

— Как там наши? — отвернув воротник тулупа, прервал молчание Горохов. — Начали работать?

— Нет еще. Машины никак не могут пробиться. Дороги занесло.

— А как со стрелой?

— Со стрелой? Всю пургу провозились. Исправили.

— Исправили! Вот хорошо! — облегченно вздохнул Юрий, и радостная улыбка озарила его широкоскулое, обожженное морозом лицо. Он через силу, преодолевая острую боль, повернулся к парторгу, взглянул на его усталое лицо и с неожиданной для самого себя решительностью и откровенностью быстро произнес: — А ведь виноват во всем я. Я согнул стрелу. Погорячился, не рассчитал.

Горохов начал рассказывать Карпову о поломке экскаватора, о своем решении уйти со стройки, о разговоре с Травниковым. И чем больше он говорил, тем легче становилось на душе. Словно освобождался он от тяжкого, непомерного груза. Высказавшись, бригадир откинулся назад, не сводя напряженного взгляда с парторга.

Забытая седоками лошадь сбавила шаг и медленно побрела по дороге. Заморосил холодный мелкий дождь. Было так тихо, что ясно слышался стук капель.

Несколько минут Карпов молчал, не отрывая глаз от кромки горизонта, где уже были видны домики Бирюсы. Ему вспомнился сын Алексей, погибший под Варшавой. Сколько мыслей и дерзаний было в его юношеской горячей голове, как много хотел он достичь, добиться. И Карпову — отцу — поэтому было близко и понятно стремление Юрия, простого рабочего парня из Черемхово, добиться права называться лучшим экскаваторщиком стройки, стать известным человеком, хотя и шел он к этому по неправильному пути. Михаила Михайловича радовало, что Горохов теперь по-настоящему осознал свои ошибки.

— Ты помнишь наш последний разговор? — спросил Карпов.

— Помню, хорошо помню.

— Да, Юрий, — вздохнул Михаил Михайлович, — в этой тайге мы не только строим дорогу. Здесь переделываются человеческие характеры, воспитываются люди сильные, честные. А это ведь тоже важная и очень, очень трудная задача... — Карпов торопливо задергал вожжами. Длинногривая лошадь резво взяла с места, тяжелые, набухшие водой комья снега ударили из-под копыт в передок саней — и они стремительно понеслись вперед.

До самой Бирюсы Михаил Михайлович молчал, то и дело дергая за вожжи и покрикивая на лошадь. Он словно забыл о Юрии. Лишь когда они въехали в поселок, Карпов повернулся к нему.

— А за поломку придется отвечать. И очень серьезно с тебя спросят.

В его голосе не было ни сочувствия, ни поддержки. Это было суровое предупреждение старшего товарища. И Юрий был рад этому. К нему обращались, как к равному, без скидки, без сожаления. Этого теперь он и желал. И только в глубине души в нем что-то сжалось от суровых слов парторга, и по телу пробежали колючие мурашки.

8

Когда экскаваторщики прибежали на строительство моста, вода уже начала заливать первые забетонированные блоки. На дне глубокого котлована образовалось небольшое озеро. И хотя работало несколько насосов, вода прибывала. Она бесчисленными ручьями стекала по откосам котлована и прямо на глазах поднималась все выше и выше. Казалось, никакая сила не может остановить ее.

Но особую опасность таила в себе отгороженная невысоким валом таежная речушка Бирюса. Она сейчас наполнилась, вышла из берегов. Ее мутно-серые пенистые воды вплотную подошли к котловану, каждую минуту грозя туда прорваться. Чтобы преградить речке путь, строители спешно наращивали земляную перемычку. Однако они никак не успевали. Волны то и дело перекатывались через насыпь, размывали кое-как набросанную податливую землю.

Создавалась угроза затопления всех сооружений и механизмов, находившихся в котловане. Вот-вот вода смоет перемычку и неудержимым потоком устремится вниз.

Экскаваторщики прибыли как раз вовремя. Они цепочкой встали у подножья перемычки и принялись бросать на насыпь комковатую землю.

Вместе с товарищами Василий начал орудовать лопатой. Стоя по колено в вязком месиве, он разравнивал насыпь. С удивительным проворством и быстротой, словно всю жизнь держал лопату в руках, Свиридов разбрасывал землю. Как бы играючи, он поднимал лопатой увесистые комья еще мерзлой земли и с силой бросал их навстречу пенистым волнам Бирюсы. Юноша даже не чувствовал, как начали промокать сапоги. Не разгибаясь, он все бросал и бросал землю.

И только когда воды Бирюсы перестали перекатываться через насыпь, Василий на секунду оторвался от работы, оглянулся вокруг и замер. Рядом с ним, не обращая внимания на выбившиеся из-под шляпки золотистые пряди волос, то и дело закрывавшие ей глаза, бросала лопатой землю Вера Смирнова. Де-

вушка повернула голову в его сторону и негромко позвала:

— Иди, Вася, помоги...

Растерянно улыбаясь, Свиридов бросился к Вере. Дружно, в две лопаты, они быстро закончили отсыпку перемычки. Девушка сильно утомилась. Василию хотелось взять ее на руки, поднять и, крепко прижимая к груди, унести подальше от людей, от этого грозного неумолчного шума разбушевавшейся стихии.

Но еще рано думать об отдыхе. Налетевший из-за сопок резкий ветер вдруг взбил на Бирюсе воду — и загуляли по реке огромные, почти в метр, белесые волны, наскочили на перемычку. И вот под их напором дрогнула насыпь в самой середине перемычки и осела. Через образовавшуюся двухметровую брешь хлынула в котлован вода. И с каждым мгновением промоина угрожающе росла.

Ближе всех к месту прорыва оказались Черкесов и Заремба. Первым туда подскочил Мишка. Он с ходу вонзил лопату в землю, бросил несколько комков в промоину, но сразу же понял всю бесполезность такой работы. Вода безудержно рвалась в котлован, уносила целые глыбы грунта. И чтобы преградить ей путь, нужны какие-то другие средства. Лихорадочным взглядом он окинул окружающую местность. Метрах в пятнадцати лежало десятка три шпал. Вот оно — спасение!

— Коля, давай шпалы! Скорее!

Откуда у паренька взялась сила. Он подскочил к штабелю, легко вскинул просмоленный брус на плечо и, пригибаясь под его тяжестью, бросился к перемычке. А за ним, нагоняя, устремился Николай.

Брошенная Мишкой шпала, обдав ребят брызгами, легла поперек промоины. Но в следующее же мгновение ударом волны ее повернуло вдоль стремнины и потащило в котлован.

— Ой! — жалобно вскрикнул Заремба и потянулся за шпалой. Но тщетно! Течение сразу отбило брус от перемычки, и уже через несколько секунд он тяжело рухнул вниз, к торчавшим из воды бычкам моста.

Николай еще издали увидел неудачную попытку товарища преградить поток. Он лишь на какую-то долю секунды задержался на краю перемычки, поудобнее схватил шпалу и прыгнул на самую середину промоины. Подкатившая к перемычке ледяная волна ударила в грудь, толкнула в чернеющую пасть котлована.

— Коля! — захлебнулся в ужасе Мишка.

Но Черкесов твердо стоял на ногах. Подперев плечом перегородившую брешь шпалу, он повернул к Зарембе красное от напряжения лицо.

— Шпалы! Быстро!

А им на помощь уже спешили ребята, несли шпалы, носилки с землей.

Мишка выхватил у первого же парня шпалу и тяжело плюхнулся в воду к Николаю. Ноги и грудь сразу онемели от холода, течение потянуло к котловану. Но сильные руки Черкесова уже подхватили тяжеленный брус. Вдвоем они легко положили его поперек течения, прикрылись им от набегавших волн. А с перемычки им уже совали новые и новые шпалы, валили под ноги землю. И вот понемногу воды стало прорываться все меньше, волнам уже не под силу перекатываться через деревянную загородку.

Перемычка выдержала натиск, устояла под сокрушительными ударами пенистых волн. Приток воды в котлован начал уменьшаться. Теперь, пожалуй, можно немного передохнуть и привести себя в порядок.

Вера и Василий сели прямо над краем котлована на мокрое скользкое бревно. Свиридов, будто впервые видел, не отрываясь смотрел на девушку. Ему ни о чем не хотелось говорить, а сидеть вот так молча, чувствуя, как ноют натруженные руки и ноги, и смотреть, смотреть. А Вера, осторожно счищая с пальто мокрой перчаткой песок, исподлобья поглядывала на юношу. И на ее влажных ярких губах то и дело вспыхивала улыбка.

Дождь, неумолимо хлеставший с самого утра, понемногу поутих и лишь изредка вспенивал воду. Когда строители, оставив у перемычки для присмотра несколько человек, решили отправиться по домам, чтобы хоть немного подсушить промоченную насквозь одежду, вдруг с водопуска, что находился в километрах двух от моста, прибежал посыльный — худенький, перемазанный грязью паренек. Еще издали он закричал звонко и испуганно:

— На водоспуске рвет перемычки! Прораб просит помочь.

И, словно волной, слизало сложенный в кучу инструмент. Люди, позабыв усталость, напрямик по насыпи бросились к водоспуску. Впереди всех, с отчаянной решимостью расплескивая грязь, спешил Василий. Рядом он чувствовал горячее прерывистое дыхание Веры.

Экипаж экскаватора вернулся домой к исходу вторых суток. Измученные мокрые парни входили в комнату, сбрасывали у порога грязную одежду, словно хотели поскорее избавиться от усталости и одуряющего желания

лечь, не раздеваясь, прямо на пол и хоть полчаса поспать.

Вид лежавшего на постели забинтованного Юрия Горохова подействовал на ребят отрезвляюще. Несколько секунд они ошеломленные стояли неподвижно, не зная, стоит ли им радоваться такому появлению товарища или приумолкнуть, не причинять боли своими расспросами. Но вот Юрий приподнялся, растерянно улыбаясь, и ребята, забыв про свою усталость, обступили его койку.

Когда улеглось первое возбуждение, Горохов решительно проговорил:

— Мне, ребята, нужно сказать вам все об аварии с нашим экскаватором. Во всем виноват один я.

Все молча переглянулись, Черкесов озабоченно склонился над бригадиром и попросил:

— Не надо, Юрий. Об этом после.

— Нет, — упрямо нахмурил брови Горохов. — У меня все в душе перегорело за эти дни. Я знаю — за поломку мне придется ответить. Может, с меня снимут не только бригадирство, но и звание машиниста. Со всем буду согласен — значит, заслужил такое. Только об одном прошу, — губы Юрия задрожали и он, стараясь скрыть свою слабость, низко склонил голову и едва слышно прошептал: — Очень прошу, ребята, не гоните меня с экскаватора, с экипажа нашего.

10

Вечером в общежитие к экскаваторщикам явился неожиданный посетитель — корреспондент. Сухопарый, в массивных роговых очках и потертом кожаном пальто, он на какую-то секунду задержался в дверях, скользнул беглым взглядом по лицам и шагнул к койке Горохова. Юрий неловко приподнялся ему навстречу. Он не раз виделся с этим журналистом, пожалуй, чересчур стеснительным, ненавязчивым для своей бойкой, живой профессии. И то, что он пришел в общежитие в такую непогоду, не перебросился с ребятами шуткой, а сразу заспешил к Горохову, настораживало. Значит, у него какое-то серьезное дело.

Корреспондент слегка, чтобы не растревожить, дотронулся до забинтованной руки Юрия, которую тот протянул ему. Щуря прикрытые стеклами подслеповатые глаза, он поинтересовался, что с руками, как все произошло. Слушая неторопливый рассказ бригадира, он то и дело косился в сторону готовившихся к ужину ребят. Наконец Юрий умолк. Корреспондент с минуту сидел неподвижно, затем, путаясь в отворотах пальто, полез в карман пиджака и разложил перед глазами Горохова на одеяло убористо напечатанные на машинке листы.

— Вам это знакомо?

Юрий сразу почувствовал в этом вопросе странную отчужденность и натянутость. Он озадаченно скользнул глазами по невозмутимому лицу своего собеседника и нехотя уткнулся в бумагу.

Бригадир «трехсотки» не сразу понял, о чем пишется в этих листах, помеченных сверху коротким словом «копия». Удивительно только одно — он где-то слышал все это, читал. Он прикрыл ресницами глаза, стараясь припомнить все до мельчайших подробностей.

Это произошло полмесяца назад в один из пасмурных теплых вечеров уходящей зимы. Возвращаясь с работы, Юрий у самого крыльца общежития столкнулся с Константином Иосифовичем. Тот, видно, поджидал Горохова, так как сразу подхватил его под локоть.

— Зайдем ко мне, — предложил он. — Скучно одному стало. Посидим, поболтаем. Глядишь, и грусть-то пройдет, хандра развеется.

У Бородина дома все было приготовлено. Аккуратный розовый графинчик, тарелочка желтеющих ломтиков лимона, раскрытая банка шпрот, рюмки. Только садись и глотай леденящую горло жидкость.

Молча выпили по одной. Константин Иосифович, сузив глаза, привычным движением потянулся к графину и безошибочно плеснул в рюмки новую порцию. Одинокая желтая капля медленно, словно нехотя, скользнула по узкому горлышку графина. Провожая ее взглядом, Юрий прихватил негнущимися пальцами тоненькую ножку рюмки.

Сейчас бы немногое вспомнил Юрий из разговора, который произошел у него с Бородиным. Вернее, это был не разговор — Юрий только сидел и согласно кивал отягощенной винными парами головой, а Константин Иосифович мерил комнату широкими шагами и безостановочно бросал отрывистые фразы. Горохов плохо разбирал отдельные слова, схватывал только общий смысл жалоб своего собутыльника на всяких там бюрократов и столоначальников, которые плюют в душу, стараются унизить его достоинство и даже восстанавливают против него самого дорогого человека — жену.

Потом хозяин дома принес стопку убористо напечатанных на машинке листов и бросил их на стол перед Юрием. Видя, что тот не спешит углубиться в чтение, Бородин наклонился к его уху и заговорщически прошептал:

— Помнишь, ты мне письмо свое принес про экскаваторщиков. Я его поправил немного, фактиков подбавил. Знаешь, здорово получилось. За сердце берет. Это письмо — их гибель.

Юрий оторопело глянул на Константина Иосифовича.

— Чья?

— Спрашиваешь... В этой бумажице Брянцев с Карповым и вкупе с ними эти самые... — он озабоченно сморщился. — Ну, твои... Эти самые. Как их там... Машинисты, в общем. Это гроб для них.

Как во сне, Горохов пробежал глазами страницы. То и дело попадались фамилии Брянцева, Карпова, изредка Шиктова, а в самом конце Черкесова и Свиридова. Если это гроб для них — шут их подери! Он был не против. Посмотрим, как теперь этот Карпов заговорит! Вспомнив о своем разговоре с парторгом района, его отказе, Юрий с удовлетворением хлопнул по бумаге ладонью и отпихнул ее в сторону. Так ему и надо!

Но Бородин вновь сунул листки Горохову.

— Подпиши, дорогуша. От твоего имени пошлем, — тихо, но настойчиво сказал он. — Я бы и сам рад. Только подумают еще — из-за мести послал. Сняли, мол, с района, он скорей жаловаться. А ты человек известный, с именем. Тебе лучше поверят. А когда понадобится, мы тебя поддержим. Можешь полагаться.

Подписать? Ему лучше поверят? Юрий думал несколько секунд. Конечно, от его письма здесь осталось всего несколько строк. Остальное сделал Бородин. Ну, а почему не подписать, если факты верные. Можно! Пожалуйста! Хоть двадцать раз. Горохов привычным движением пальцев двинул ручкой по бумаге, потом старательно поставил заветную точку, ту самую, по которой он мог отличить свою подпись. И хотя перед ним лежала копия письма и вместо его росписи стояла лишь фамилия Горохов, он не мог отказаться. Но как, какими словами объяснить корреспонденту, что эти листки с его фамилией он не писал, что это роковая ошибка?

Юрий опустил глаза и сразу уперся в начало письма.

«Моя рабочая совесть обязывает сказать людям всю горькую правду о тревожном положении в нашем Бирюсинском строительном районе»... Легкий озноб охватил Горохова. Совесть. Правда. Слова-то какие строгие, серьезные. А за ними что: боль, борьба, переживания?

— Дрянь это, — комкая пальцами листки бумаги, жестко произнес Горохов, решительно отрезая себе все пути отступления. — Дрянь! Самая настоящая.

Брови корреспондента круто полезли вверх. Видно, не такого исхода он ожидал. А Юрий даже не дал ему собраться с мыслями, задать вопрос. Без утайки, не щадя ни себя, ни Бородина, он рассказал все, начиная с того памятного вечера у Кати и кончая их последней пирушкой, когда на столе появилось это письмо. Что ж, если рубить, то рубить до конца. И это не была отчаянная решимость потерявшего последнюю надежду человека, обессиленного в неравной борьбе. Он знал, если не выскажется до конца, струсит, то перестанет верить в свои силы, уважать себя. А это, он был твердо уверен, самое страшное, невосполнимое.

— А вы можете это все еще раз повторить? При самом Бородине? — выслушав до конца Горохова, спросил корреспондент. — Это очень важно.

Раздумье Юрия было коротким.

— Могу. Хоть сейчас. Зовите. Чего тянуть.

11

Константин Иосифович появился в комнате через полчаса. Видно, его не на шутку встревожило сообщение о болезни Горохова и просьба прийти к нему в общежитие немедленно. Он только на секунду задержался в дверях, чтобы перевести дыхание, и сразу же ринулся к кровати бригадира.

— Горохов? Что с тобой? Избили? — обрушил он на Юрия поток вопросов. — Как же получилось?

Но Юрий молчал, молчали и находившиеся в комнате ребята. И тут корреспондент протянул Бородину листки:

— Посмотрите это, пожалуйста.

Константин Иосифович осторожно принял бумагу, развернул, пробежал глазами первую страницу, вторую, третью — так до самого конца. А потом снял пенсне и сказал многозначительно:

— Серьезные вещи. Я бы сказал, потрясающие. Товарищ Горохов очень смело написал. По-рабочему!

— Вы так думаете?

— Безусловно. А об одном могу сказать вполне определенно — все, что здесь написано обо мне, — сущая правда.

— Чего вы там мелете! — побледнев от гнева, поднялся с койки Горохов. — Бросьте свои штучки!

Корреспондент вскочил, осторожно взял Юрия за плечи.

— Лежите, лежите...

— Слушайте, — растерянно прошептал Константин Иосифович, отступая к двери. — Что здесь происходит? — Бородин уже потянулся было к ручке, но на его пути встал Свиридов. Он оттеснил его плечом от двери.

— Минуточку, минуточку. Давайте сперва разберемся.

Убедившись, что мимо Василия ему не пройти, Константин Иосифович повернулся к корреспонденту.

— Объясните, что это такое? Что за произвол?

— Почему же? Просто нам хочется выяснить одну существенную деталь...

Но тут вмешался Юрий.

— А чего разбираться?! Такого письма я не писал, это его, Бородина, работа.

— Ложь!

— Ложь? Это я лгу? — Горохов растерянно развел руками. — Как же это, ребята? Я же у него в доме был, он мне эту бумагу сам давал подписывать. Коньяком напоил, а потом сунул подписать.

— Ложь! Ложь! — сжав кулаки, двинулся на Горохова Константин Иосифович. — Таких подлецов у меня в доме не бывает. — Он еще что-то хотел добавить, но тут его с двух сторон крепко взяли под руки Черкесов и Заремба. Николай твердо сказал:

— Нечего шуметь, гражданин Бородин. Пройдемте лучше вместе с корреспондентом в партийный комитет. И там во всем разберемся.

Константин Иосифович хотел было возразить, но Миша нетерпеливо дернул его за рукав. И Бородин покорно двинулся из комнаты. Он понял, если сам не пойдет, то эти парни поведут силой.

12

Особенно красивой и величественной сибирская тайга бывает весной. Каждое дерево в эти дни наряжается, как на праздник. Даже вечнозеленые сосны и ели как бы обновляются, обрастают молодыми побегами. Выйдешь весной за поселок — и перед глазами, куда ни глянь, до самого горизонта распростерся зеленый ковер, и тебя всего охватывает густым душисто-пряным настоем деревьев и трав, от которого приятно кружится голова и радостно бьется сердце.

Вместе с весной пришли в Бирюсу и добрые вести. От Осиновки в сторону Бирюсинского района вышел поезд. Путеукладочные машины уже в каком-то десятке километров от гор, где прорывала проход «трехсотка». Если взобраться на верхушку сопки, то можно было увидеть кран путеукладчика.

Как раз в эти дни из Загорска приехал Горохов. Он больше месяца лечился и отдыхал после болезни. На следующий день после его приезда на участок «трехсотки» позвонили из управления и предложили всем членам экипажа явиться к начальнику района. Ребята поняли — там будет решаться судьба Юрия.

К их удивлению, в кабинете Ивана Сергеевича, кроме Брянцева и Карпова, собралось еще десятка два экскаваторщиков с других участков трассы. Это сразу озадачило. К чему много народу?

Юрий пришел в кабинет начальника района одним из последних. Его широкоскулое лицо было бледным, сосредоточенным, точно шел он на тяжелую смертельную схватку. На мгновенье он задержал тревожный растерянный взгляд на товарищах по экипажу, опустил голову и сел на дальнем конце стола, у коричневой массивной двери.

Брянцев долго не начинал совещания. Вот уже стихли разговоры, и все в ожидании смотрели на него, а он все молчал, словно не решался прервать тишину кабинета.

Нелегко было Ивану Сергеевичу согласиться на это совещание. Когда ему впервые рассказали о случае с Гороховым, он сначала усомнился, так ли все было. Юрий был одним из тех немногих строителей, что приехали в таежное село Бирюсу четыре года назад. Он первым начал вынимать грунт на трассе и сразу прослыл опытным, умелым мастером. С легким сердцем доверил начальник района Горохову бригадирство на «Уральце» № 300. Гордился его успехами, помогал. А вот теперь Карпов, рассказав о поломке, о бегстве Юрия со стройки, доказывал, что с бригадиром «трехсотки» надо серьезно разбираться.

Брянцев долго раздумывал над словами Михаила Михайловича. Ему было жаль Горохова.

— А как ты думаешь, — остановился начальник района напротив парторга, — что нужно сделать с Гороховым?

— Мне кажется, здесь дело не только в Горохове, — начал после короткого молчания Михаил Михайлович. — Стройка сейчас вступила в самый ответственный период. Через месяц-полтора поезда придут в Бирюсу, двинутся дальше на восток. А сколько еще у нас недоделанного. И теперь от механизаторов зависит, справимся мы за эти сроки, сможем принять поезда или нет. И, пожалуй, в первую очередь это зависит от экипажа «трехсотки». Ведь они стоят, так сказать, у ворот Бирюсы. Поэтому и надо сейчас поднять вопрос

о безаварийных работах, бережливости. Вот на примере Горохова мы и покажем, как нельзя по-варварски относиться к машине. Созовем людей и поговорим. И сами послушаем, что народ скажет.

Да, но Горохов — это наш лучший экскаваторщик, — вырвалось у Брянцева. — Можно сказать, наша надежда. Это ж самих себя по рукам будем бить. Потом еще это письмо... Скажут, одного наказали, из партии исключили, теперь и за другого взялись.

— Насчет того пасквиля ты брось. Райком партии без нас разобрался. Думаю, атмосфера в районе очистилась после отъезда Бородина. Вопрос о бригадире «трехсотки» — дело иное. Не спорю, Горохов был хорошим экскаваторщиком. Но мы с тобой просмотрели растущее в нем зазнайство. Даже наоборот, поддерживали премиями, поощрительными приказами, в президиумы разных собраний предлагали. А теперь за свое легкомыслие и приходится расплачиваться.

— Так что же, по-твоему, делать с Гороховым? — еще раз спросил Брянцев.

— Наказать. Самым суровым образом. Может, стоит на месяц-два перевести в разнорабочие.

— Это ты уж слишком. Нам как раз сейчас опытные механизаторы особенно нужны.

— А чего нам спорить? — не стал настаивать на своем мнении парторг. — Послушаем, что люди скажут.

Весь этот разговор с Карповым встал в сознании Брянцева, когда он сидел в нерешительности, не зная, с чего начать, как лучше повести совещание. Да, Юрия Горохова придется наказать за аварию. А как — пусть скажут его товарищи, сами экскаваторщики. Начальник района решительно поднялся, обвел взглядом собравшихся, задержался на бледном лице Юрия, потом заговорил:

— Товарищи, мы собрали вас, чтобы вместе обсудить поведение бригадира «трехсотки» Горохова. На его примере можно наглядно убедиться, какие бывают последствия, когда ценный, хороший работник зазнается, порвачески относится к технике.

Слова Брянцева о Юрии многие встретили настороженно. Вот уже месяца четыре подряд экипаж «трехсотки» держал первенство стройки, и у всех о Горохове было самое хорошее мнение. И поэтому, когда Иван Сергеевич подробно рассказал о поломке стрелы, как после этого Юрий, удирая со стройки, заблудился в тайге и едва не замерз, долгое время в кабинете было тихо. Все это было так неожиданно, что никто не решался заговорить первым.

Потом наконец один из экскаваторщиков вспомнил, что у Горохова еще раньше была авария, об этом комсомольцы выпустили специальный номер «Комсомольского сигнала». И понемногу заговорили, заспорили, потянули руки с просьбой дать слово. Стали говорить не только о Горохове. Называли и других машинистов, которые начали кичиться своим положением передовиков, перестали ухаживать за машинами, считая это уделом одних лишь помощников. Но и эти выступления Юрий Горохов принимал, как укор себе. Он сидел неподвижно, крепко подперев подбородок кулаками.

Слушая ребят, Юрий все время поглядывал в сторону сидевших в другом конце кабинета товарищей по экипажу. Со смятением он ожидал их слова. Ведь оттого, как поведут они себя, будет во многом зависеть его судьба.

Горохов замер и сжался, когда слова попросил Свиридов. А Василий, даже не глянув в сторону бригадира, заговорил быстро, горячо:

— Мы тебя, Горохов, еще давно несколько раз предупреждали: брось ты свой гонор, не гонись за процентами. Ведь когда ты работал, экскаватор просто жалко становилось. А ты? Ты только махал руками — не лезьте, молокососы. Думал, ничего, все сойдет. А что получилось? Из-за твоего бахвальства двое суток стоял экскаватор, двое суток без роздыху работали десятки людей. В самую лютую пургу работали. Да и себя ты чуть не сгубил.

Свиридов напомнил бригадиру, как тот отказывался помогать им осваивать специальность, грубил, как ругал за «Комсомольский сигнал». А когда машинист наконец выговорился, то устало опустился на диван, точно отработал целую смену.

Все время молчавший Брянцев повернулся к машинисту.

— А как ты думаешь, Свиридов, что нужно сделать с Гороховым за аварию? Дать выговор, снять с экскаватора? Или в назидание другим совсем выгнать из района?

— Нет, зачем выгонять, — снова поднялся с места Василий. — Экскаваторщик он опытный, в районе пригодится. Только, по-моему, его нужно от бригадирства освободить, снять с «Уральца» и послать на полукубовый «Воронежец» или «Костромич». Для исправления.

Предложение Свиридова понравилось. Оно было, пожалуй, самым правильным решением судьбы Горохова. Если Юрий действительно все осознал, он своим трудом докажет это, докажет, что все происшедшее с ним — его серьезная ошибка. И не больше.

Начальник района, уже почти не слушая выступлений, достал несколько листков чистой бумаги и торопливо, разбрызгивая чернила, начал писать. Буква за буквой ровными рядами ложились на бумагу: «...Горохова Ю. Я. освободить от занимаемой должности... Бригадиром «Уральца» № 300 назначить Черкесова...»

Закончив писать, Брянцев подождал, пока сядет на место последний выступающий, и потом поднялся сам.

— Кажется, у всех одно мнение — снять Горохова с «Уральца», — как бы подводя итоги всем высказываниям, проговорил Иван Сергеевич. — И я тоже с этим согласен. Думаю, вместо Горохова бригадиром «трехсотки» назначить товарища Черкесова. А Горохова переведем на «Воронежец». У нас там как раз нехватает одного машиниста. Я вот тут же набросал проект приказа. — Брянцев поднес было листок поближе к глазам, но задержался.

— Иван Сергеевич! — это говорил Черкесов. — Иван Сергеевич, разрешите мне несколько слов.

Брянцев одобрительно наклонил голову.

— Слушаю. Пожалуйста. — И опустился на стул.

А Николай уже устремил свой взгляд в сторону Горохова.

— Юрий, скажи, а куда бы ты хотел пойти? Только откровенно.

Все сразу повернулись к Горохову. Юрий, оказавшись в центре внимания, смутился, побледнел еще больше. А потом сказал медленно:

— Я бы очень просил, оставьте, пожалуйста, меня в экипаже «трехсотки». Кем угодно.

— Иван Сергеевич! — снова обратился к начальнику района Черкесов. — Я тоже прошу оставить Горохова у нас. В проступке Юрия есть и доля нашей вины. А раз виноваты, раз допустили товарища до крупной ошибки, то сами и должны исправлять положение, помочь парню встать на ноги.

Брянцев ответил не сразу. Он с ухмылкой покосился на Карпова, глянул в сторону Горохова. А потом хлопнул ладонью по столу.

— Добро! Пусть будет по-твоему. — И тут же обратился к Горохову. — Скажу тебе, Юрий, при всех. Добрые, надежные ребята на «трехсотке». Смотри, не подведи их!

13

Рельсы — две стальные полосы — уткнулись прямо в забой «трехсотки». Каждый раз, когда машинист поворачивал экскаватор на выгрузку, он видел их. Рельсы змеились по высокой, отсыпанной самосвалами насыпи и обрывались почти у самого экскаватора. Эта пара стальных полос напоминала о себе чуть ли не каждую секунду. И поэтому каждый машинист, закончив смену, отмеривал шагами, сколько метров забоя им еще оставалось пройти.

И вот наконец они, последние метры забоя. Двадцать ковшей отсчитал Юрий Горохов, сдавая смену Свиридову. Но он не ушел домой, а влез в кабину. Там не протиснуться. Вся бригада собралась. Никто не хотел пропустить ответственного момента.

С каждым ковшом все ближе заветный рубеж — красный флажок. За ним кончается забой. Дальше идет широкая насыпь прямо до самой Бирюсы. Как только «трехсотка» закончит работу, сразу подойдет путеукладчик. И потянутся по этой насыпи рельсы, открывая дорогу поездам.

До флажка осталось метров пять. В забое празднично разодетая толпа. Кажется, вся Бирюса пришла сюда, чтобы посмотреть на работу экскаваторщиков. Только для самосвалов осталась полоска дороги.

Каждому машинисту хочется в последний раз посидеть за рычагами, снять ковшом заветный флажок. Поэтому работали попеременно. Вот сидевшего за рычагами Василия сменил Юрий. Он с радостной улыбкой следил, как флажок становился все ближе и ближе. Осталось вынуть каких-то полтора десятка ковшей. Но тут Мишка вмешивается в размеренное движение рычагов.

— Двадцать ковшей, Юра. Хватит. Теперь очередь бригадира.

Юрий с сожалением глянул на край забоя. До куска кумача рукой подать. Но делать нечего — уговор есть уговор. Он неохотно поднялся с сиденья. Но Николай не двинулся с места.

— Давай теперь садись ты, Миша,— предложил он своему помощнику.

— Я? — паренек растерянно затоптался на месте, не зная, всерьез ли говорит бригадир. Но упрашивать себя он не заставил. Он бросился к сиденью и схватился за рычаги. Один ковш, другой... Вот уже перед экскаватором зыбкая полоса земли. Михаил ковырнул ковшом, стараясь подхватить флажок. И вдруг шестиметровая стена расползлась. В образовавшемся проеме показались небо и крутая стена леса. Заремба попытался было продолжать работу, но экскаватор со всех сторон окружили люди, бесстрашно полезли к ковшу с флагом.

— Кончай! Пошли докладывать, — предложил Черкесов.

Едва экскаваторщики появились на лесенке, как всколыхнулась людская масса, окружившая «Уралец». Всюду радостные лица, улыбки. И руки невольно потянулись к кепкам.

А когда отзвучали речи и народ стал понемногу расходиться с участка, Василий вдруг схватился за карман комбинезона.

— Николка! Да тебе ж письмо пришло. Шел на смену еще вчера, захватил для тебя, а вот передать забыл. Замотался.

Черкесов бережно принял голубенький конверт, испятнанный штампами, и сразу на его лице появилась улыбка.

— От полковника Селиванова, командира дивизии...

Видно, очень интересным было письмо, если Николай, пробежав первые строчки, не отложил, как бывало прежде, до более свободного времени, а углубился в чтение. Но вот его лоб перерезала резкая морщина, и лицо стало строгое и настороженное. И это сразу заметили его друзья.

— Чего там? — потянулся к нему Василий.

Черкесов сунул ему исписанный листок бумаги и ткнул пальцем в самый конец.

— Вот, посмотри.

Под любопытными взглядами экскаваторщиков Свиридов начал читать. И как-то потемнели его глаза, сузились. Не отдавая Николаю письма, он повернулся к ребятам.

— Плохо дело, хлопцы. Николая от нас забрать хотят...

— Ну, ты уж сразу — забрать, — вмешался Черкесов. — Просто Селиванов назначен начальником авиационного училища и предлагает работу. Хочет, чтобы я в авиацию вернулся. Готовить летчиков.

И потянулись к письму руки экскаваторщиков. Словно не доверяя словам, они хотели убедиться, что письмо говорит именно об этом.

Большой неожиданностью было для Николая предложение его бывшего командира. С Сергеем Харитоновичем Селивановым у него был связан весь путь летчика-истребителя. Это он в свое время приметил молодого лейтенанта, много помогал ему, старался передать весь свой богатый опыт. Они вместе провели немало воздушных «сражений», стерегли небо над Берлином и Владивостоком. А теперь Сергей Харитонович снова вспомнил о нем. Значит, верит и надеется. Да, нелегкую задачу поставила перед Черкесовым жизнь. Если бы это случилось хотя бы месяца четыре назад, когда еще трудно было сказать, получится ли из бывшего летчика настоящий экскаваторщик, он без раздумья согласился бы. Но как быть сейчас? Как поступить, если ты уже сердцем прирос к новому делу, что делать, если чувствуешь, что тут ты теперь очень нужен?

А ребята, прочитав письмо, стояли встревоженные. Как же поступит их бригадир, их друг? Здесь едва ли поможешь советом, не сразу разберешься, как поступить.

К экскаваторщикам подошли начальник района и парторг. Брянцев сразу заметил мрачное, угнетенное состояние ребят.

— Что у вас тут?

— Вот, посмотрите, — протянул ему письмо Василий.

Пока Брянцев и Карпов читали, экскаваторщики внимательно смотрели на них. Было интересно, что скажут они о письме.

— Да, заманчивое предложение, — испытующе глянув на Черкесова, произнес наконец Иван Сергеевич. — Здесь тебе нужно выбирать — или авиация, или строительство. Серединки нет. И небо важно охранять, и строить тоже очень нужно. Так что решай, Николай, куда пойдешь.

— Вот достроим дорогу — тогда и буду думать, — твердо сказал Черкесов. — Хочется одно дело закончить.

Карпов ласково обнял парня за плечи.

— Ну, тогда считай наверняка себя строителем, — улыбнулся он. — Закончим эту дорогу, поедем на другую. И ты с нами. Строитель — самая красивая должность на свете. Ведь это здорово — делать жизнь людям счастливее, удобнее.

— Вы меня окончательно решили сагитировать, Михаил Михайлович, — сразу повеселев, сказал Николай. — Чего скрывать, нравится мне такая красивая должность. Очень.

14

Кто из строителей не мечтает о дне, когда будет уложен в сооружения последний бетон, вынут последний кубометр земли, положено на насыпь и закреплено последнее звено со шпалами и рельсами? Об этом строители говорят с первых дней стройки и до самого ее завершения. Этого дня ждут с нетерпением, как встречи с любимой, отмечают сначала годы, затем месяцы, дни, а потом даже часы и минуты. А вот приходит этот день — долгожданный, единственный, — и немного грустно становится на сердце. Будто теряешь что-то особенно дорогое, невозвратимое.

Известие, что ровно в двенадцать дня из Загорска в Бирюсу прибудет первый поезд,

всполошило весь поселок. Чуть ли не с самого утра у нового, еще не обжитого здания вокзала стал собираться народ. Шли семьями, целыми коллективами, подъезжали с дальних участков на грузовиках. Экипаж «трехсотки» тоже пришел полностью.

Куда ни посмотри — знакомые лица. У левого крыла вокзала, под соснами, сгрудились бульдозеристы, у самого входа, на ступеньках, пристроились парни с путеукладчиков, а у правого крыла здания, прямо на рельсах, расселись шоферы. Когда экскаваторщики «трехсотки» проходили мимо, оттуда раздался крик:

— Эй, ребятки! Присоединяйтесь к нам!

Это был Касенов, шоферы из его бригады. И с ними Катя — располневшая, неторопливая в движениях.

— Присоединяемся? — повернулся к товарищам Черкесов.

— Что за вопрос! — сразу откликнулся Горохов. Он подхватил Николая под локоть.— Это ж свои хлопцы, Коля.

С шутками, смехом стали размещаться на рельсах.

— Слышал, разгоняют вашу «трехсотку»? — освобождая место рядом, поинтересовался Сабит у Черкесова.

Николай улыбнулся.

— Злые языки говорят.

— Значит, вранье?

— Да нет. Василия бригадиром на другую машину переводят. Он с собой берет Сережку Михайлова машинистом.

— А кто же у вас третьим машинистом останется?

Черкесов глянул на Зарембу.

— Вот этого молодца поставим.

— Жалко ребят отпускать?

— Отпускать? Их выгонять приходится. Василию вон чуть выговор комсомольцы не вынесли. Не хочет, мол, доверие коллектива оправдывать, отказывается от бригадирства.

Сабит еще что-то хотел спросить у Черкесова, но с путей донеслось торжествующее:

— Идет! Идет, товарищи!

И сразу все смешалось. Толпа хлынула навстречу появившемуся вдали черному пятну, которое вырастало с каждой секундой.

— Идет! Поезд идет!

Подхваченные общим потоком, экскаваторщики и шоферы двинулись к приближающемуся поезду. И только двое остались у вокзала — Катя и Юрий. Девушка хотела броситься вслед товарищам, но Горохов удержал ее. И теперь они стояли рядом настороженные и взволнованные.

— Катя, скажи, — Юрий взял Прохорову за руку и попытался притянуть к себе. — Ты же обещала: пойдет по нашей дороге первый поезд — и ты скажешь свое последнее слово.

— Пусти, — освободила свои пальцы девушка. — Не понимаю, чего ты от меня хочешь? И так все ясно.

— Подумай лучше. Ребенок у нас будет. Мой и твой.

— Ребенок?! — лицо Кати дрогнуло. — А ты подумал о нем тогда? Подумал?

— Ошибся я, — покорно склонил голову Горохов. — Понимаешь, ошибся. Не подумал серьезно.

— Нет, Юрий, — твердо сказала Прохорова, — не будет у тебя ребенка.

— Значит, Сабит тебе больше по сердцу?

— Что Сабит. Сабит мой большой и верный друг. И ты его не трогай. Одно тебе, Горохов, могу сказать: если уж у моей малышки и будет отец, за него не придется краснеть.

Катя исподлобья оглянула как-то сразу сгорбившегося Юрия, круто повернулась и устремилась вслед спешащей к поезду толпе.

А паровоз, не доехав до вокзала метров четыреста, остановился. Толпа строителей окружила его, не давая возможности двигаться дальше. На тендер, в будку машинистов полетели цветы.

И тут на передней площадке паровоза выросла крупная фигура Шиктова. Он поднял над головой руки и сомкнул их в рукопожатии.

— Товарищи бирюсинцы! С трудовой победой вас! Бирюсинцам ура!

— Ура! — радостно откликнулись запрудившие все пути строители. — Ура!

Федор Петрович, наклонившись, подал руку потянувшемуся снизу Брянцеву, помог взобраться на паровоз. А когда Иван Сергеевич встал рядом, он обнял его и крепко поцеловал. И тут же снова нагнулся вниз. Там, у самых колес, стояла Фаина Ивановна с Иринкой на руках. Несколько секунд — и они обе тоже были наверху.

— С приездом, Федор Петрович, — придерживая рукой развевающийся на ветру подол платья, сказала Бородина.

— Скудное приветствие, — заулыбался Шиктов. — С победой, Фая! Ведь прямо из Загорска по нашей дороге сюда прикатил. За двести километров. Шутка ли!

— А вот были люди, которые не верили в это, — вдруг вспомнила Фаина Ивановна. — И даже мешали этому...

— Где он теперь? — сразу поняв, о ком идет речь, поинтересовался Федор Петрович.

— Под Москвой. Слышала, дачи строит.

— Дачи, говоришь? — Шиктов наклонился к Брянцеву. — А ты, Ваня, куда теперь собираешься? Может, тоже на дачки перейдешь?

— Нет уж, мы работу поинтереснее найдем. Думаем всем районом на новую дорогу перейти — Тайшет — Абакан.

— Значит, опять вместе?

— Вместе!

Резкий продолжительный гудок заставил всех насторожиться. Это машинист давал сигнал к отправлению. Паровоз чуть дернулся и медленно покатил вперед. И сразу по всем вагонам, перекрывая грохот дышащего паром локомотива, прокатился радостный вскрик:

— Поехали! Поехали!

И вдруг паровоз вновь замедлил движение и начал останавливаться. Это на обочине дороги, прижав к груди кулачки, стояла Катя, и машинист, видимо, считая, что в такой радостный день каждый строитеть должен проехать хоть сотню метров по сооруженной им дороге, решил посадить девушку. А с переднего вагона, где пристроились ребята с «трехсотки», к Кате уже тянулись дружеские руки. Мгновенье — и девушка уже на ступеньках вагона.

И запел паровоз, застучали колеса «впе-ред! впе-ред!».

1952—1959 гг.

Борис Лапин

ИРКУТСКОЕ МОРЕ

Пока оно совсем не море —
До берегов рукой подать.
Пока оно еще немое,
Не буйствует его вода.
Но моря верные приметы
Уже владычествуют здесь:

На палубе — смолевый ветер,
Морская нудная болезнь,
И чайка ловко небо чертит,
Ловя в воде от солнца блик,
И на байкальской судоверфи
Для моря строят корабли.

Валерий Алексеев

В ТАЙГЕ

Тайга и горы —
в первозданном виде,
прозрачней неба
воды Тойсука.
Я по тропе спускался
и увидел
убитого лавиной
смельчака.
На ворона,
кружащегося низко,
глядело дуло
ржавого ствола,
врезаясь ввысь
граненым обелиском,
над головой погибшего —
скала.
Плечом раздвинув
сомкнутые ветки,
Я
под кустом продрогнувшей ольхи
нашел полуистлевшую планшетку,
а в ней —
трехверстку,
компас
и... стихи.
В них билась жизнь,
гудела кровь поэта,
и я,
смахнув дождинку со щеки,
в дорогу
взял с собой,
как эстафету,
зачитанные ливнями
листки.
Пусть
в чистом небе
кружит черный ворон,
закутывает пади синий дым,
от диких скал,
где смертью след оборван,
теперь
идут вперед
мои следы.

г. Ангарск

Дмитрий Сергеев

В конце войны

Рассказ

1

В последний день 1944 года старший сержант Лубенко неожиданно занемог и слег в лазарет. В пылу подготовки к встрече нового года помощник начальника штаба старший лейтенант Быков забыл назначить кого-нибудь взамен больного. Хватился он уже в конце дня, когда нужно было отправлять почту. Собственно, напомнил старшина Гришук.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился он к Быкову, запечатывая последний пакет сургучной печатью, — кто сегодня почту повезет? Петро в лазарете.

Быков хлопнул себя по лбу свертком бумаги, который до этого вертел в руках, и непроизвольно потянулся к телефонной трубке, а сам тем временем оглядел всех находившихся в штабе.

— Да вот же он! — вслух обрадовался Быков, заметив в дверях старшину роты связи.— Слушай, Печков! — окликнул он и, машинально сняв трубку, крутнул ручку телефона.— Выручай, старшина: назначь человека вместо Лубенко.

В телефон послышался девичий голос.

— Что? — спросил старший лейтенант в трубку.

— Звонил? Кто звонил? Ах да, не надо: он здесь. Быков повесил трубку и снова посмотрел на старшину. Пожилой невысокий старшина с худощавым лицом, на котором чересчур выделялись широкий мясистый нос и плутовато бегающие маленькие глазки, почти скрытые под мохнатыми золотистыми бровями, с искусственно слезливыми нотками в голосе протянул:

— Ох, старшой, так негоже: и дежурный из нашей роты, и....

— Ладно, хватит. Уже слышал, — остановил его Быков. — Говори, кого даешь.

Печков задумался.

— Быстрее!

— Ну, нехай сержант Галкин поедет.

— Нехай так нехай, — согласился Быков. — Звони ему: чтобы через минуту здесь был.

Сержант Борис Галкин, самый молодой в роте, на вид почти мальчик, несказанно обрадовался неожиданному поручению. Во всем батальоне аэродромного обслуживания не нашлось бы, пожалуй, другого человека, кто бы возликовал, получив приказ ехать с почтой в ночь под новый год. Галкин недавно прибыл из горьковского училища связи — у него даже волосы еще не отрасли и выглядывали из-под пилотки щетинистым ершиком. То, что он получил назначение не на передовую, а во второй эшелон, в этот батальон, Галкин воспринял с горечью, посчитал обидой. Юноше, мечтающему о подвигах, казалось, что война не сегодня-завтра кончится и служить сейчас в тыловой части просто позор. За двадцать дней, проведенных в БАО, разочарование его только усилилось: здесь все было обыденным и будничным, и жизнь от курсантской службы в училище отличалась только отсутствием строгостей. Поездка с поч-

той в штаб района авиационного базирования вносила какое-то разнообразие в монотонную жизнь.

Пока старшина Гришук вручал сержанту пакеты, разносную книгу и поучал, кому что вручить, Галкин, не слушая его, рисовал себе всевозможные дорожные приключения.

— Галкин, — позвал его дежурный по штабу, — тебя подполковник, срочно к себе.

Сунув пакеты в полевую сумку, Галкин выбежал из штаба. Подполковник Степанов, командир батальона, занимал пятистенный дом на противоположной стороне деревенской улицы. В первой половине дома находилась кухня и жили старики — хозяева поляки. Сержант, гулко стуча каблуками сапог по полу, прошел к двери во вторую половину дома.

— Войдите, — услышал он голос Степанова.

Борис Галкин четко по-уставному отрапортовал:

— Сержант Галкин по вашему приказанию прибыл.

Подполковник сидел за столом, листая какую-то книгу; не поднимая глаз на сержанта, он указал рукой в угол. Борис удивленно повел взглядом туда же: около стены, в промежутке между стулом и домашним цветком, стояла большая картонная коробка. Галкин нерешительно мялся у порога. Наконец подполковник поднял голову и, захлопнув книгу, пояснил:

— Вот это, — он снова ткнул пальцем в угол, — завезешь генералу Рачкову в Луков. Отдашь лично в руки. Будь осторожен, вези в кабине. Понял?

— Есть заехать в Луков к генералу... — начал сержант повторять приказ, как того требует устав, но подполковник нетерпеливо махнул рукой и перебил его:

— Понял?

— Понял.

А где найдешь генерала?

«Генерал не иголка — отыщу», — подумал Галкин про себя.

— Спроси у Гришука адрес Рачкова и запиши, — приказал Степанов. — Передай от меня на словах поздравление с новым годом. Впрочем, в коробке письмо: можешь ничего не передавать. Только отдай лично в руки, а не адъютанту. Понял?

— Понял!

Через несколько минут Галкин сидел в кабине, и полуторка, буксуя на обледеневшей колее, разворачивалась посередине улицы. Подполковник Степанов, придерживая пальцами полы шинели, внакидку наброшенной на плечи, шел в штаб. Он жестом остановил машину и снова напомнил сержанту:

— С коробкой осторожнее — это новый китель для генерала. Он шил у нашего портного. — Степанов даже заглянул в кабину, чтобы удостовериться в сохранности коробки.

— Кому это? — спросил шофер у Галкина, когда полуторка отъехала от штаба.

— Генералу Рачкову.

— Значит, в Луков заедем. Наш Степанов с генералом дружки — до войны в одном городе жили, — информировал он сержанта. В Луков приехали в сумерках. Штаб дивизии размещался в центре города, но в помещении никого не оказалось, кроме дежурного телефониста. Шофер Сидорчук знал, где находится квартира Рачкова.

На крыльце под навесом, у входа в дом с улицы, сержанта остановил часовой:

— Куда нужно?

— К генералу Рачкову.

Часовой повернулся к Галкину спиной и, открыв дверь в сени, громко спросил в темноту:

— К хозяину можно?

В глубине дома гулко хлопнула дверь. Минута прошла в ожидании. Часовой поинтересовался:

— Откуда?

— Из БАО.

— Кто там? — спросил голос из сеней.

— Из БАО... — часовой вопросительно посмотрел на сержанта.

— От подполковника Степанова, — продолжил Галкин.

— Впусти.

Борис вступил в темные сени и, вытянув перед лицом руку, осторожно продвигался вперед короткими шагами, придерживая второй рукой коробку, зажатую под мышкой.

— Сюда, сюда, — произнес тот же голос, и Галкин увидел тусклый свет, тонкой полосой упавший на пол через щель приоткрытой двери. Войдя в слабо освещенную комнату, сержант разглядел своего провожатого. Он оказался молодым лейтенантом, одетым с тем фронтовым щегольством, какое во все времена отличало адъютантов.

— Что у вас? — спросил он у Галкина.

— Вот эта коробка от подполковника Степанова. Приказано вручить лично, — поспешил добавить сержант, заметив намерение лейтенанта забрать коробку.

— Хорошо, подождите, — решил адъютант и скрылся за одной из дверей. Через секунду он появился снова со словами:

— Пройдите, генерал ждет.

Галкин переложил коробку под левую руку, прижал ее локтем, поправил ремень поверх шинели. Ему впервые приходилось обращаться к генералу. Огромная коробка стесняла движения, и это усиливало робость сержанта. К немалому изумлению Галкина, в ответ на его робкий стук в дверь послышался приятный женский голос.

— Войдите.

Комната, ярко освещенная электричеством, была просторной, но казалась тесной от обилия неудобно расставленной мебели. Генерал сидел за столом в белой сорочке и, надувая щеки, брился перед круглым зеркалом, поставленным на кипу беспорядочно набросанных книг. Тут же на столе лежали баночки, коробки, флаконы, ножницы, утюг, вязаная кофта, гимнастерка с погонами лейтенанта медицинской службы и китель с генеральскими погонами.

— Разрешите обратиться, — произнес Галкин, неловко вытянувшись возле двери. Коробка с новым кителем грозила вот-вот выкатиться из-под мышки.

— Как поживает Илья Петрович? — спросил генерал, поднимая взгляд на сержанта и перекладывая бритву из руки в руку.

Галкин недоуменно похлопал глазами, не зная, что ответить.

— Подполковник Степанов как поживает? — пояснил Рачков, разгадав причину удивления сержанта, который вряд ли и слышал имя своего комбата.

— Да ты садись, — предложил генерал.— Сбрось со стула хлам и садись. Галкин присел на край стула, поставил коробку к себе на колени и с чувством все возрастающего смущения смотрел на то, как генерал священнодействовал бритвой. Никакой женщины в комнате не было видно. Кто же отвечал на стук? Борис не успел задаться вопросом, где скрывается хозяйка флаконов и вязаной кофты, как услышал в стороне, за зеркальным шкафом, легкий шум и вслед за тем увидел вышедшую на середину комнаты стройную и высокую девушку в темном длинном платье. Она кивнула головой и улыбнулась сержанту, сразу вызвав ответную улыбку. У нее было одно из тех редких лиц, которые врезаются в память даже с мимолетного взгляда. Можно не заметить цвета глаз, бровей, не разглядеть прически и формы носа, но общий рисунок лица надолго запечатлится, поразив воображение одновременным сочетанием горделивой красоты и детской миловидности. Яркий свет лампы, падающий на ее лицо, подвижными искрами отражался в глазах, и невольно казалось, что эти блестки огня вспыхивают сами собой в глубине зрачков, вызванные одною силой ее жизнерадостности.

Борис поспешил подняться со стула, попрежнему неловко держа коробку в руках, и при этом подумал, что ей, наверное, кажется смешным и его наивный курсантский ежик и мешковатая фигура в не подогнанной по росту шинели.

— Сидите, сидите, — остановила его девушка. — У нас тут хаос, как до сотворения мира. Вот подожди, напишу я обо всем тете Ане, — пристращала она генерала.

— Только посмей, — шутя огрызнулся генерал, — здесь я тебе, Сашенька, не просто дядя, а еще и командир. К тому же хаос дело твоих рук: не успела приехать, как взялась порядки наводить, да еще дядю родного учить вздумала. Полотенца вот не могу найти, а прежде оно у меня всегда на месте лежало.

— А я его не трогала, оно и сейчас на том же месте, — сказала Сашенька и, едва сдерживая смех, указала под кровать.

Рачков поднял полотенце, дважды тряхнул его с силой и, набросив на плечо, вышел из комнаты. По его лицу видно было, что шутливая перебранка затеяна им с целью скрыть от посторонних и от себя, как ему радостно и хорошо и как он безмерно счастлив сегодня.

Племянница проводила его взглядом и подошла к сержанту.

— Что у вас здесь?

Галкин с радостью передал ей надоевшую коробку, хоть и подумал: «Наказ Степанова вручить лично нарушаю».

— О, какой чудесный китель и как кстати! — воскликнула девушка, развертывая обнову. — Дядя Миша будет в нем настоящий орел. Никогда не думала, что у меня такой боевой дядя.

Она повесила новый китель на спинку стула, убрала со стола одежду, переложила книги в угол на этажерку и остановилась возле гардероба, рассматривая себя в большое зеркало; поправила на себе платье и прическу. Галкин, не отрываясь, следил за каждым ее движением; сейчас ему был виден ее затылок, гладкий, матово-белый, словно точеный, прикрытый наполовину двумя косами: в зеркале Борис видел серьезное внимательное и сосредоточенное лицо — должно быть, на предстоящем вечере девушке хотелось блеснуть. Борис не знал, что ему делать: уходить или ждать возвращения генерала.

— Как, хорошо? — неожиданно спросила Сашенька, повернувшись лицом к сержанту. Борис оглянулся — в комнате никого нет, значит, вопрос к нему.

— Очень хорошо! — согласился он, вложив в голос всю силу искренности.

В ответ она наградила его благодарной улыбкой.

— Ну, вот и я готов. Здравствуй, дорогой. — Генерал стоял позади Галкина и протягивал сержанту руку. Борис пожал широкую, как лопата, красную и влажную ладонь генерала.

— Милости прошу, — сказал Рачков, отходя от Галкина к дивану и на ходу вытирая мохнатым полотенцем мощную в две складки шею. — Милости прошу, — повторил он, — остаться с нами встречать новый год.

— Правильно, оставайтесь, — присоединилась к приглашению генерала племянница, поглядев на сержанта, как смотрят на давно знакомого хорошего друга. — Я никогошеньки не знаю здесь. Вечер будет в столовой, все офицеры соберутся. — Томно зажмурив глаза, она привстала на цыпочки и мечтательно пропела: — Танцы будут...

Галкин растерялся, не зная, что отвечать на приглашения.

— Не могу, — заговорил он наконец, — еду по заданию в штаб.

— Гм, — неопределенно произнес Рачков и, отчего-то смутившись, добавил: — Ну, коли так,—конечно, служба прежде всего.—Должно быть, генералу стало не по себе от встречи с человеком, хотя еще и мальчиком и только сержантом, но выполняющим какое-то задание, в то время как он сам был занят подготовкой к праздничному веселью и чувствовал себя непростительно счастливым от неожиданного приезда племянницы, и он, генерал, командир гвардейской дивизии, на радостях совсем позабыл, что война еще не закончилась и многие другие в эти минуты только мечтают о будущих новогодних балах.

— Большое спасибо Степанову и портному, — сказал он вслед Галкину.

Шофера в машине не было. Галкин посигналил, и Сидорчук неожиданно для сержанта появился из генеральского дома.

— Дальше едем? — спросил он.

Сидорчук был разрумяненный и повеселевший, от него припахивало спиртом.

— Дружок тут у меня, шофером у Рачкова, — пояснил он.

Полуторка, подскакивая на выбоинах асфальта, катилась по шоссе. Навстречу неслись фанерные стрелки — указатели и щиты с лозунгами, укрепленные на придорожных липах. В расхлябанное окошко дверцы через широкую щель врывался холодный воздух. Борис, запрятав руки в просторные рукава шинели, старался не видеть ничего впереди, сосредоточить мысли только на недавней встрече с незнакомой девушкой в квартире генерала Рачкова. Вначале он отчетливо представлял ее лицо. И видел перед собой девичьи глаза, наполненные мягким светом. Цвета их он не разглядел, так же как не приметил и цвета волос. В одном лишь он был уверен твердо: если и есть на свете другие красивые девушки, то улыбаться так, как улыбается Сашенька, никто из них не умеет. Немного спустя, Галкин уже не мог вызвать в памяти ее лицо и улыбку — оно как бы таяло в тумане, плывущем из болотистой низины на шоссе. Но от этого мечты сержанта о будущих встречах с Сашенькой не гасли. Главная тема грез была: удивительный, непременно героический подвиг, совершенный им на ее глазах.

Навстречу изредка попадались автомашины, и Сидорчук, ослепленный ярким светом, прижимал тарахтящую полуторку к самому кювету. Галкин заметил, что шофер поклевывает носом.

— Дай мне, я поведу, — попросил он.

— Умеешь?

— Приходилось.

Галкин сел за руль и, почувствовав в руках послушную, хотя и скрипучую машину, не жалея газу, погнал ее на полной скорости. Сидорчук вначале внимательно следил за действиями своего временного заместителя, но потом, должно быть, уверившись в умении сержанта, привалился на спинку сидения и задремал. Далеко впереди мелькнул шлагбаум. Борис затормозил машину и разбудил шофера.

— Впереди КПП, — сказал он Седорчуку.

На контрольно-пропускном пункте проверять документы подошел старший лейтенант, он предупредил:

— Дальше поезжай без света.

Вскоре навстречу попалась механизированная колонна: шли транспортеры, орудия на прицепах, автомашины, набитые солдатами, мотоциклисты... Много километров подряд тянулся нескончаемый поток войск — в холодном воздухе звездной ночи явственно ощущалось дыхание близких боев. В этом безостановочном движении огромного количества людей и техники под покровом темноты угадывались скорые перемены на фронте.

2

В новом году сержант Галкин еще неделю выполнял обязанности связного, Сидорчук и он посменно водили машину: Борис любил сидеть за рулем, а Сидорчук непрочь был не-

много отдохнуть. Дважды Галкину выпадало поручение заехать в дивизию Рачкова. Въезжая в Луков, Борис всякий раз невольно испытывал волнение: он рассчитывал снова хоть мельком увидеть девушку — лейтенанта медицинской службы. Но напрасно: Сашеньки в штабе не было, а расспрашивать о ней он не решался. И все же улицы небольшого уютного польского городка тревожили его сердце напоминанием о ясных глазах девушки, о ее трепетно счастливой улыбке.

Восьмого января вместо Бориса назначили другого. Сержант Галкин получил рацию. В батальоне смутно ощущалась близость больших перемен.

— Засиделись, пора уже, — услышал как-то мельком Галкин слова, сказанные командиром роты в разговоре со старшиной.

Дни проходили в томительно тревожном ожидании. Больше обычного были заняты солдаты автороты. Весь транспорт постоянно на ходу: подвозили горючее, боеприпасы, продовольствие...

Наконец еще через неделю в ясную январскую ночь перед рассветом застывший воздух огласился яростным ревом моторов, и земля задрожала от далекого орудийного гула. Устоявшаяся за несколько месяцев размеренная жизнь батальона забурлила на новой, еще невиданной для Галкина скорости. Борис по двенадцать часов в сутки дежурил на рации, принимал телеграммы и непрерывно выстукивал ключом пискливые точки и тире.

А через три дня батальон получил приказ перебазироваться на новый аэродром. Замелькали дни, совершенно не похожие один на другой. А о том, что началось наступление, что освобождены десятки городов и сотни сел, в роте по-прежнему узнавали из сводок информбюро, как будто не сами они наступали, двигаясь с войсками фронта все дальше и дальше за Вислу, к границе Германии.

...Уже далеко позади была разрушенная Варшава, в стороне осталась окруженная, окутанная дымом пожарищ Познань, а батальон вместе с лавиной войск катился на Запад. На ум Галкину нет-нет да и приходила мысль о Сашеньке: где-то она сейчас в этом вихре наступления?

И вдруг неожиданно он снова увидел ее.

Ехали по польской земле. Борис сидел в фанерной будке рации и смотрел назад в открытую дверцу на стремительно выскакивающее из-под колес шоссе. Оно выкатывалось широкой, чуть вспыленной колеей и уносилось прочь в равнинную даль. По сторонам от шоссе вместе с кузовом автомашины покачивались однообразные холмистые поля, перелески, сиротливо разбросанные хутора...

Иногда обочины шоссе запруживались людскими потоками; старики, женщины, дети с колясками и велосипедами уныло брели: одни на Восток, другие — на Запад. Война перемешала, беспорядочно расшвыряла людей, и теперь, когда ее кровавый грохот миновал, каждый устремлялся на свое место, к своим гнездам.

Вдалеке из-за поворота шоссе показалась кабина машины, смотровые стекла которой несли на себе дрожащие отблески солнечного света. Расстояние между рацией и автомашиной постепенно сокращалось. «Хоть бы прибавил газку», подумал Галкин про своего шофера. Никогда не бывает приятно видеть, как другие обгоняют.

«О, да это, никак, Сидорчук нажимает!» — про себя воскликнул Галкин, узнав старенькую полуторку. Скоро можно было уже разглядеть лицо шофера. Сидорчук лишь изредка отрывал глаза от шоссе, взглядывая на идущую впереди машину. Борис в знак приветствия помахал ему рукой, но Сидорчук не ответил.

«Он же не видит меня в темной будке», — сообразил сержант и высунулся в открытую дверцу. Сидорчук узнал его, осклабился и козырнул левой рукой. Полуторка прижалась почти вплотную к задку рации, и Галкин неожиданно заметил в кабине, рядом с водителем, девушку в форме лейтенанта медицинской службы. Сашенька сидела, устремив задумчивый взгляд вперед, мимо рации, мимо Галкина, мимо приколоченных на деревьях плакатов и указателей. Сидорчук что-то сказал ей, кивнув головой вперед, и Сашенька, оторвавшись от своих мыслей, взглянула на Галкина, узнала в нем новогоднего знакомого и приветливо улыбнулась.

Борис почти высунулся наружу, вцепившись руками в доски. К его огорчению, Сидорчук крутнул руль, и штабная полуторка, на этот раз груженная имуществом амбулатории, легко обогнала рацию.

— Славная девчонка, — сказал позади сержанта старшина Печков.

— Откуда она? — спросил Галкин, оборачиваясь.

— Недавно прислали новенькую вместо Маши Файзулиной, та по женским причинам демобилизована. А ты бы поосторожней, браток, высовывался из дверей, — меняя интонацию голоса, строго предупредил он сержанта. — Хотя на такую девчонку не грех и заглядеться. Не ты один засматриваешься. Из

истребительного полка все офицеры за ней ударяют.

— А она? — стараясь не показать смущения, спросил Галкин.

— Вот уж, браток, чего не ведаю, того не ведаю. Ты у нее спроси.

Но, немного помолчав, Печков сказал:

— А вообще с летчиками она не крутит. Ее с танцев всегда капитан Максимов провожает. Я их несколько раз видел в клубе. Придут вместе. Максимов сядет в угол и сидит чурбаном, а она весь вечер танцует. Кое-кто из-за нее чуть не в драку готов, да, видно, зря. Уходит она всегда с Максимовым. Некоторые пытались отшить его, да с капитаном шутки плохи.

Капитана медицинской службы Максимова Галкин немного знал. Это был рослый и плечистый человек лет двадцати пяти, невероятной, почти медвежьей силы, добродушный и застенчивый, как ребенок.

«Неужели Сашенька влюбилась в него?» — подумал Галкин.

Через несколько дней — батальон стоял в небольшой польской деревушке — сержант Галкин в свободный от дежурства вечер отправился в клуб, где ежедневно устраивались танцы под баян. Сашенька кружилась в вальсе со старшим лейтенантом, летчиком; капитан Максимов смотрел на танцующих из полутемного угла. Галкин дождался, когда кончился танец. Сашенька оставила летчика, подбежала к Максимову и что-то сказала ему. Лицо капитана сразу засветилось необыкновенно доброй и радушной улыбкой. Сержант подошел к ним.

— Здравствуйте, — громко сказал он.

Сашенька обернулась с выражением недовольства на лице, но, узнав Галкина, улыбнулась.

— А, это вы, — сказала она и пояснила Максимову: — Вот с ним я встретилась у дяди Миши в новогоднюю ночь.

Капитан ничего не сказал, только приветливо улыбнулся сержанту, но даже по одной этой улыбке Борис сразу заключил, что Саша раньше упоминала о сержанте Галкине в разговоре с Максимовым и что Максимов удивительно славный человек.

Баянист начал играть.

— Разрешите пригласить, — сказал Галкин.

Сашенька молча подала ему руки. На плечо сержанта тяжело легла чья-то рука. Галкин обернулся. Перед ним стоял старший лейтенант, с которым только что танцевала Саша.

— Может, ты отдохнешь, — предложил офицер, чуть изогнув в улыбку тонкие губы.

Галкин покраснел и сжал кулаки.

— Нет, лучше вы отдохните, — сказала Саша офицеру, сразу остановив вспыхнувшую было ссору. — Я пойду танцевать с сержантом.

Сашенька танцевала удивительно легко. Галкин молчал, только улыбался ей да искоса ловил прямой сердитый взгляд старшего лейтенанта, который стоял около стены, сложив руки на груди.

— Какие неожиданности бывают на войне, — сказала Сашенька, — я в первый день, как приехала на фронт, встретила вас, а теперь мы в одном батальоне.

— Очень приятная неожиданность, — ответил Галкин, улыбаясь, — я ничуть не против войны, если она вся будет из таких неожиданностей.

— Теперь-то, наверно, скоро конец ей, — возразила Сашенька.

— Да. Мы, пожалуй, на последний тайм попали, — согласился Галкин. И в тоне, каким были сказаны эти слова, Сашенька могла бы услышать и мальчишеское сожаление о близком конце войны, и опасение остаться до конца ее сторонним наблюдателем, и насмешку над своим ребячеством, и боязнь показаться хвастливым перед девушкой — все это могла услышать Сашенька, если бы не была целиком поглощена музыкой и танцем.

Когда вальс закончился, она снова убежала к Максимову и после весь вечер кружилась то с одним, то с другим, никому не отдавая предпочтения. Она танцевала с каким-то особенным упоением. Было приятно и радостно смотреть на нее, и Галкину казалось, что все в зале смотрят только на Сашеньку.

Покидала клуб она раньше других. На крыльцо вслед за нею высыпало несколько офицеров, но Саша взяла под руку громадного и неуклюжего капитана Максимова и ушла с ним.

Больше Борису не приходилось попадать в клуб: либо не было свободных от дежурства вечеров, либо старшина не отпускал из роты. Но теперь он не переставал думать о Сашеньке и при всякой возможности норовил пройти мимо батальонной амбулатории в надежде хоть мельком увидеть девушку. Он заочно ревновал ее ко всем летчикам, но к Максимову, который постоянно находился вместе с нею в санчасти, не ревновал, хотя у Галкина не было ни малейшего сомнения в том, что капитан влюблен в Сашеньку.

3

Граница Германии осталась позади. Галкин даже не заметил ее: переезжали ночью, и он проспал. Заснул в Польше — проснулся еще в темноте, но уже в Германии.

Все остальные, так же как и он, с нетерпением ждали рассвета: хотелось скорее взглянуть, что она представляет собой, эта Германия.

Нового ничего не оказалось. Тянулись те же асфальтированные шоссе с липами и яблонями вдоль обочин. Местами, как и раньше, на польской земле, дороги были запружены бесконечными вереницами людей всех национальностей: одни толпы уныло брели на Запад, другие — на Восток. Только на пути чаще стали попадаться населенные пункты, развалины каменных домов, недействующие заправочные колонки... На стенах домов и заборах всюду мелькал один и тот же рисунок: детективная личность в пальто с поднятым воротником и глубоко надвинутой на глаза шляпе. Особенность рисунка заключалась в черной угловатой тени, отбрасываемой шпиком. Под рисунком один и тот же назойливый призыв: «Осторожно, враг подслушивает». Лихо, должно быть, приходилось гитлеровцам, если им и у себя на родине, в Германии, повсюду мерещилась зловещая тень предателя. Вот он, символ фашизма — черная тень шпика на заборах.

У дороги то и дело встречались худосочные немецкие мальчишки. Протягивая к машине руки, они заученно твердили по-русски:

— Дядя, дай хлеба.

...В конце марта батальон получил приказ спешно доставить комендантское подразделение на аэродром, только что занятый нашими войсками.

Сержант Галкин на этот раз ехал не в будке рации, а в кабине бензовоза, рядом с шофером Ивановым. В головной машине колонны сидел командир батальона подполковник Степанов. Часть выполняла ответственное задание: с рассвета на новом аэродроме нужно принимать боевые самолеты. Автомашины шли на полной скорости: приходилось дорожить каждой минутой. Опоздай автоколонна — сорвутся вылеты самолетов.

Мост через небольшую речушку был взорван, и наспех установленные фанерные стрелки показывали одна на юг — 30 километров, другая на север — 25 километров. Колонна повернула на север — разницей в пять километров не стоило пренебрегать.

Галкина всю дорогу не покидала мысль о Саше: она ехала где-то в середине колонны с имуществом амбулатории на полуторке Сидорчука. Вскоре колонна переехала через реку по новому понтонному мосту. Теперь автомашины мчались по шоссе к югу, наверстывая потерянное время.

Вдруг впереди идущие машины одна за другой начали останавливаться на повороте около разрушенной бензоколонки. Заскрипели тормоза, и их бензовоз остановился, едва не затронув радиатором кузов передней машины. Галкин вышел из кабины и увидел в голове колонны несколько танков и подполковника Степанова с командиром автороты, разговаривающих с танкистами. Все они показывали руками в одну сторону, на северо-запад, на что-то не видимое Галкину из-за построек.

— Водители машин, бегом в голову колонны! — передали по цепи команду.

Галкин остался один, гадая про себя, что бы это могло значить. Он отошел в сторону от дороги, выискивая взглядом в ряду автомашин знакомую полуторку Сидорчука. Она стояла впереди через десять машин, и Борис собрался уже пройти туда, как увидел разбегающихся по местам шоферов. На передних машинах заработали моторы.

— Сзади немцы прорвались, приближаются сюда. Впереди город в огне, объезда нет, — сообщил запыхавшийся Иванов, садясь за руль.

Галкин хотел спросить, что решил Степанов, но через несколько секунд это стало ясно и так: машины выжимали все возможное, мчась навстречу горящему городу.

Пока еще трудно было поверить, что им угрожает опасность, хотя Борис уже ощутил в груди невольное волнение. Оно передалось через торопливость в действиях шофера, через предельную скорость машины, через необыденность сознания близости передовой. Неожиданно сбоку от шоссе, метрах в ста впереди, поднялся столб дыма и пыли, рядом с ним второй, и вслед за этим раздались резкие и поразительно звонкие взрывы, слившиеся в один звук. Немцы обстреливали колонну машин беглым орудийным огнем.

Галкин посмотрел вправо: там, далеко на склоне желто-зеленого холма, черными дымными точками пыхали стреляющие орудия и наискосок по нежной озими ползли крохотные танки. А ближе к шоссе, на равнине, виднелся другой ломаный ряд из дымных вспышек — это наши стреляли по наступающим танкам. Можно было различить даже орудия и возле них совсем маленьких людей-букашек. Галкин отчего-то сразу вспомнил нескончаемый поток

движущейся по дорогам техники и людей в ночь под новый год.

Издали картина боя казалась не настоящей, словно там на поле были не танки, не орудия, не люди, а детские игрушки и оловянные солдатики, беспорядочно разбросанные между холмами чьей-то невидимой рукой. И только гулкие разрывы снарядов то с одной, то с другой стороны шоссе вносили реальную ясность в общую картину боя.

Шофер, стиснув руль, казалось, застыл, видя перед собой только номер идущего впереди бензовоза. Но даже по каменно неподвижному выражению его лица Галкин каким-то чутьем угадывал, что и он тоже замечает частые разрывы снарядов неподалеку. Свиста осколков не было слышно, хотя один из них вскользь задел смотровое стекло кабины с правой стороны, и теперь в выбитую дыру тугой струей ударял прохладный воздух.

Город, окутанный огнем и дымом, приближался и рос на глазах.

По обе стороны прямого и ровного шоссе тесно стояли четырехэтажные дома. Дым и пламя, вырываясь из окон, на высоте образовывали огненно-черную завесу. Передние машины одна за другой ныряли под нее, скрываясь из виду, словно охваченные пламенем. Только сейчас до сознания дошла опасность, угрожающая им: за спиной несколько тонн бензина, способного вспыхнуть от одной искры, а впереди не искры — целое море огня. От первой волны страха Галкин даже зажмурил глаза, чувствуя, как в горле у него перехватило дыхание, а в голове пронеслась мысль о Сидорчуке и Саше: «Хорошо, что у них нет бензина».

Борис застыдился своего страха, открыл глаза и посмотрел на Иванова. Тот на въезде в город чуть подался вперед и застыл, полные неистовства и жизни глаза его смотрели как будто в одну точку, сухие потрескавшиеся губы сжались плотно, словно срослись вместе.

Но вот проехали сто метров, двести, а по-прежнему под колесами мягко шуршит асфальт и так же на пределе гудит мотор — только в лицо бьет не прохладный воздух, а знойный, раскаленный, с дымом и копотью. Стало трудно дышать; временами густой дым облаком застилал дорогу, и тогда Иванов и Галкин оба на миг закрывали глаза. Иногда из окон или с крыш домов летели на дорогу горящие балки, словно кто-то нарочно с силой швырял их. Несколько таких костров попалось на пути: машина с разбегу перескакивала их огненные языки — слышался тупой удар где-то под сиденьем, и снова машина катилась по нагретому липкому асфальту.

Впереди половину шоссе загородил объятый бушующим пламенем немецкий тягач, а перед ним, почти уткнувшись в пламя, стоял маленький зеленый грузовичок. Галкин сразу не понял, что заставило вдруг сжаться его сердце, и только тогда, когда их бензовоз промчался мимо горящей автомашины, задев кабиной край пламени, он разглядел, что зеленый грузовик был полуторкой Сидорчука. И хотя Борис видел кабину полуторки всего только одну секунду, он все же успел заметить знакомый затылок и пилотку на голове Саши.

Иванов мельком глянул на полуторку, но по изменившемуся выражению его лица, по морщинам, возникшим на лбу, Галкин понял, что и шоферу тоже ясна опасность, в какой находится Сидорчук, но он, Иванов, бессилен сейчас чем-либо помочь товарищу.

Галкин отворил дверцу кабины. Иванов посмотрел на него и мотнул головой, словно сказав: прыгай! Он даже притормозить не мог: следом на полной скорости мчались другие автомашины.

Галкин с силой оттолкнулся от подножки, и, попав ногами на обочину дороги, некоторое время успевал переставлять их с нужной скоростью, но потом сбился с взятого темпа и далеко покатился по твердому шоссе. Не чувствуя боли от ушиба, вскочил на ноги. Мимо со свистом промчались последние три автомашины, и Галкин остался один, задыхаясь от жары и чадного воздуха. Он побежал назад к полуторке Сидорчука, на ходу вытирая рукавом гимнастерки слезящиеся глаза, взахлеб глотая воздух. Каблуки сапог прилипали к асфальту, и на каждом шагу приходилось энергично поднимать ноги.

На кабину полуторки из горящего здания с высоты четвертого этажа обрушился деревянный брус, он проломил крышу, разворотил дверцу, ранил и оглушил шофера; Сидорчук сумел только отвернуть в сторону и затормозить. Все это Борис понял, едва увидел поломанную кабину и Сашу, наспех бинтующую окровавленную голову Сидорчука.

Для разговоров и расспросов не было времени: Галкин и Саша обменялись только взглядами. Вблизи пылающего грузовика жар был еще нестерпимее, казалось, вот-вот затлеет одежда и начнет лопаться кожа на лице. Вдвоем с Сашей они отодвинули расслабленное тело Сидорчука вправо, освободив место за рулем. Девушке пришлось сжаться и руками обхватить за плечи раненого. Галкин заметил кровь и черную полоску сажи на щеке и гимнастерке Саши. Должно быть, упавшая балка задела и ее.

Галкин руками оторвал и отшвырнул ненужную теперь дверцу кабины, сел на шоферское место, включил мотор и начал потихоньку пятить машину, чтобы можно было объехать грузовик. Выехав на правую сторону дороги, переключил скорость и добавил газу — полуторка резко рванулась вперед. Галкин видел несущееся навстречу шоссе, израненное следами гусениц да кое-где пересеченное полосками дымящихся досок и брусьев. Он старался объезжать их, но это не всегда удавалось.

В одном месте он едва не раздавил труп немецкого офицера. Над мертвецом поднимались тихие розоватые и синие языки пламени — он горел. Несмотря на то, что Галкин видел труп всего лишь одно мгновение, в память он врезался четким отпечатком фотографии, словно лежал перед глазами много часов подряд. Позже сержант вспомнил, что истлевший мундир офицера выглядел почти как новый и сохранял все свои складки, можно было различить петлицы и нашивки — не было только лица: его закрывало густое синеватое пламя. Галкин также запомнил, что колеса его полуторки точно повторили след всех прошедших впереди автомашин: видимо, и другие водители замечали труп, почти наезжая на него.

Наконец огонь остался позади. Влево от дороги удивительно ярко блестела на солнце река, направо, чуть поднимаясь к горизонту, зеленела равнина. Навстречу, освежая прохладой, рвался тугой ветер. Галкин сбросил газ, и напор воздуха ослаб — теперь он легкими прикосновениями ласкал лицо и обнаженную грудь. Издалека доносились звуки разрывов, но они казались совсем безобидными.

Размазав ладонью пот и сажу на лице, Галкин улыбнулся Саше.

В километре за городом их ожидала вся колонна. Навстречу подъезжающей полуторке бежало несколько человек. Галкин узнал подполковника Степанова и капитана Максимова с большой санитарной сумкой на боку.

Борис нажал на тормоз — визгливо заскрипели остатки кабины, и машина остановилась.

Первым, намного обогнав других, подбежал Максимов. Увидев Сашеньку живой, он облегченно вздохнул, и в светлой глубине его широко открытых встревоженных глаз вспыхнула радость. Заметив раненого Сидорчука, он легко взял его на руки, перешагнул через кювет и опустил на свежую зеленую траву.

Подполковник Степанов показался вовсе не похожим на того строгого, нетерпеливого и властного командира, каким Галкин привык видеть его раньше. Сейчас у Степанова так же, как и у сержанта Галкина и у водителей, которые прибежали вместе с подполковником, был расстегнут ворот, на щеках и лбу размазаны сажа и пот, а на лице одно, общее для всех, выражение радости и счастья видеть весеннюю зелень, голубое небо, речную прохладу и чувствовать свое помолодевшее бодрое сильное тело, радость за благополучный исход только что миновавших опасностей.

В числе других оказался Иванов. И хотя Галкин был мало знаком с ним, водитель бензовоза крепко стиснул сержанта, обняв за плечи, отстранил дружеским толчком и, счастливо улыбаясь, оглядел с ног до головы. И Борис тоже улыбался ему и другим.

Саша вышла из кабины и помогала Максимову. Но вдруг она отошла в сторону, схватилась рукой за плечо и с тихим стоном села на землю. Галкин подскочил к ней.

— Что с тобой, Сашенька?

Она, закусив нижнюю губу, смотрела на него, не отвечая, а из ее голубых глаз по замазанным щекам катились крупные и прозрачные слезы.

— Воды, — попросила она.

У Сидорчука под сиденьем всегда лежала помятая фляга. Галкин отыскал ее и бегом спустился к реке. Он погрузил фляжку в воду, и пока она наполнялась, выпуская пузыри воздуха и булькая, дважды окунул свою разгоряченную голову и, торопясь, сделал несколько глотков необыкновенно вкусной и освежающей воды.

4

Над Германией висело подернутое дымкой пожарищ голубое небо. На севере клубы дыма поднимались, образуя черную завесу — город на шоссе продолжал гореть. Ночью над ним стояло зарево, но сейчас — ясным днем — к небу поднимался один чад.

Линия фронта отодвинулась на запад, и орудийный гул доносился сюда только в предрассветной тишине.

Сидорчука в первый же день отвезли в госпиталь, и о нем пока ничего не было известно. Саша почти совсем поправилась. Упавшая балка лишь слегка ударила ее по плечу. Галкин ежедневно улучал время забежать в лазарет справиться о здоровье девушки.

Сегодня она встала на ноги. Борис приехал в санчасть на велосипеде вскоре после завтрака. Максимов разрешил Сашеньке выйти гулять, и пока она с сержантом поднималась вверх к опушке сосновой рощи за окраиной города, он провожал их взглядом.

Правой рукой Борис вел велосипед, левой осторожно придерживал девушку за локоть. Они шли медленно, часто останавливались и смотрели на лежащий внизу немецкий городок, обнесенный полуразрушенной каменной стеной, которая сохранилась еще со времен средневековья.

Город вырос из каменной ограды, и дачные домики прямыми улицами разбегались за нею во все стороны. Много домов в городе было разрушено, некоторые из них горели, но издали ничего этого не было видно. На востоке подле каменной ограды текла серебристо-голубая речка. На обоих берегах ее зеленели луга.

Глядя сверху на дачный городок, невозможно было представить себе, что где-то совсем неподалеку проходит линия фронта, всего несколько дней назад огненной змеей пересекавшая и этот город, оставившая за собой щербатые остовы зданий, пробоины в стенах и огненно дымные заплаты пожарищ. От недавней поездки через горящий город в памяти все время оставался труп немца, дотлевающий синим огнем на середине улицы. Борис посмотрел на север, туда, где остался пылающий город, и снова перевел взгляд вниз, на городок, где разместился батальон.

— Наш город издали такой же, — сказала Саша, показав рукой вниз, так же речка огибает его и всюду сады, сады, крыши — смотришь на него с горы и кажется: кроме крыш и яблонь ничего нет.

— У тебя там родные? — спросил Борис.

— Мама и сестренка Валя. Папа погиб в сорок первом, — ответила Саша, вздохнув, и, чуть улыбнувшись, добавила: — Валя маленькая, пятиклассница. Или нет, сейчас она в седьмом уже. Я давно из дому.

Борис как-то по-новому посмотрел на Сашеньку, такую близкую, чудесную и милую. Сегодня она в новой летней гимнастерке, темно-синей форменной юбке и хромовых сапогах; широкий желто-коричневый ремень сильно перетянул узкую талию. Только сейчас Борис заметил, что Саша много ниже его ростом и худенькая, как девочка. Две верхних пуговицы на воротнике гимнастерки у нее расстегнуты, и впереди у шеи виднеется ямка, которая вздрагивает, когда девушка говорит. Темно-русые волосы двумя тяжелыми косами упали из-под пилотки за спину, и пушистые кончики их вместе с синими ленточками колышутся на слабом ветру. Когда девушка говорит, ее внимательные глаза смотрят в лицо Борису, и от ее взгляда в груди становится сладко и тревожно, словно кто-то нежно щекочет внутри.

Налетел порыв ветра, Галкин сдернул с головы пилотку, и длинные волосы его разметались, упали на лоб и глаза. У него уже давно нет того ершика, с каким он приехал из училища.

— Тебя как по имени звать? — вдруг спросила Саша. — А то все Галкин да сержант, сержант да Галкин, будто в казарме.

— Борис, — ответил он.

— Боря, значит. А я почему-то всегда думала — Андрей.

«Она сказала Боря», — подумал Галкин и про себя пытался повторить ее голосом: «Боря».

Никогда ему не приходило на ум, что его имя может звучать так приятно.

«А ведь я люблю ее, — сказал он самому себе. — Люблю, люблю!»

Он непроизвольно покраснел и отвел глаза, словно испугался, что она может услышать его мысли. Ему казалось, что сейчас это самое главное, что нужно непременно сказать ей о своей любви, вот сейчас, сию же минуту.

— Ты любила кого-нибудь, Саша? — неожиданно для себя спросил он и опять покраснел и подумал: — «Какой же я ужасный болван. Разве так спрашивают».

Но Саша не удивилась вопросу.

— В школе мы всем классом были влюблены в одного артиста, — ответила она и тихо рассмеялась своим воспоминаниям. — Все девочки нашего класса в одного, — пояснила она, посмотрев на Бориса с веселой и немного грустной улыбкой. — Он играл первые роли в городском театре. Мы его ревновали к девочкам из других классов. Фотографии его доставали, портреты из газет вырезали.

Сержант и девушка не спеша подвигались к роще. Саша, не замечая того, шла пританцовывая: чуть задерживалась на каждом шагу, слегка выгибала спину и плавно выносила ногу вперед, ставила ее на всю ступню сразу и вновь повторяла это движение с другой ноги.

— А ведь любили мы не его, — продолжала она задумчиво. — Совсем не его, а тех благородных, великодушных и смелых героев, которых он играл в пьесах. Теперь бы он, наверно, показался мне смешным. Настоящие люди никогда не бывают так картинны, как он на сцене, не говорят так громко и красиво и глазами не сверкают. Он был посредственный актер. Кто-то написал про него в газетной рецензии, что он умеет только закатывать глаза, но всякий раз делает это неподражаемо. Если бы сейчас посмотреть пьесу, где он

играет, я бы, наверно, стала смеяться в тех местах, над которыми прежде плакала.

— Ты в школе мечтала стать врачом? — спросил Галкин.

— Нет, медичкой я стала случайно. Если бы не война... У меня совсем-совсем другие планы были. Да я и не врач вовсе.

Они уже приблизились к опушке, свернули с дороги и остановились под крайними соснами. Галкин прислонил велосипед к дереву.

Неподалеку от рощи на отшибе стоял одноэтажный кирпичный домик, вокруг которого несколько деревцев только-только распустили нежную и пока редкую зелень. На крыше солдат-пехотинец устанавливал антенну. Оттого, что железная ограда вокруг палисадника была поломана, а окна наполовину закрыты опущенными жалюзи и в одном из них выбиты стекла, дом производил впечатление нежилого, хотя внутри него кто-то крутил ручку настройки приемника: в рощу, где стояли Саша и Борис, доносились то голоса дикторов на разных языках, то разнузданно-плаксивые звуки джаза с судорожными всхлипываниями саксофона, то отрывки песенных мелодий, то снова джаз. Невидимый человек отыскивал в эфире что-то другое. Но вот он задержался на одной волне. Послышались тихие звуки оркестра, заглушаемые визгом и треском. Но скоро помех не стало, и оркестр зазвучал чисто: видимо, любитель музыки настроил громкость и частоту. Над рощей поплыла тревожная и какая-то удивительно человеческая мелодия, музыка говорила о чем-то самом важном и сокровенном.

Саша ухватилась руками за ствол и, широко раскрыв ставшие вдруг влажными глаза, впилась взглядом в дом, откуда лились звуки.

— Шестая симфония Чайковского, — сказала она. Галкин не знал музыки, да и слушал ее внимательно, пожалуй, первый раз в жизни. Он смотрел на Сашу и видел, как сильно ее волнует музыка. Девушка, подняв одну руку в воздух, шевелила длинными пальцами с ровно подстриженными ногтями. Борис подумал, что мечтала она, наверное, поступить в консерваторию, раз так любит музыку.

Мелодия лилась над зеленым лугом и рощей, на опушке которой желтыми ртами зияли щели для укрытия и окопы.

Галкин думал о том близком времени, когда война закончится, и в его мечтах о будущем была Сашенька. Она студентка консерватории, он студент университета. Все свободное время они проводят вдвоем: вместе гуляют, ходят в кино, читают книги, вспоминают войну и, может быть, даже сегодняшний день.

Он скажет ей:

— Помнишь, Сашенька, тот день, когда мы стояли у рощи и слушали Чайковского?

Ну, конечно же, помню, — ответит она.

— Вот тогда я полюбил музыку и... тебя.

К тому времени он будет знать и Чайковского, и Бетховена, и Моцарта, и многих других, чья музыка умеет тревожить и радовать человеческие сердца.

Борис вслушивался в тихую и задумчивую мелодию, от которой веяло неосознанной грустью, как от смутных воспоминаний, и рисовал перед собой другую картинку из их будущего.

Он сидит среди тысячи слушателей в огромном зале. На сцене конферансье в черном фраке четко объявляет:

— Выступает студентка музыкальной консерватории Александра Смирнова!

Робкая и смущенная Сашенька выходит из-за кулис под редкие аплодисменты (ее имя еще никому не известно), пересекает сцену и садится за рояль. Прежде чем ударить по клавишам, она бросает взгляд в зал, находит его, он улыбкой ободряет ее. И вот...

Но тут мечты его оборвались.

Неожиданно в звуки оркестра ворвался гул моторов. Борис заметил, как резко и сердито дрогнули брови на лице Саши и счастливый блеск в ее глазах потух.

В дымчато-голубом небе над городом кружились самолеты. Гулко заухали зенитки, но скоро умолкли: навстречу немецким штурмовикам поднялись наши истребители. Невозможно было различить, где кружатся свои и где чужие самолеты, и даже когда один из них оторвался от строя и, оставляя позади себя огненно-дымный хвост, упал куда-то за город, они не знали, свой это был самолет или вражеский.

Гул моторов так же внезапно удалился и затих, и снова зазвучала музыка. Солдат, устанавливающий антенну на крыше, смотрел вверх, заслонив ладонью глаза от солнца. Из дому вышла девочка лет десяти, ведя за руку маленького мальчика, который едва-едва переставлял ноги и улыбался от счастья своим первым, еще не вполне самостоятельным шагам. Худенькая девочка большими глазами сердито посмотрела на незнакомых сержанта и девушку в офицерской форме. Саша, не замечая их, запрокинув голову вверх, слушала музыку. Девочка немного отошла от дома и села на траву, взяв на колени маленького братишку.

Снова где-то в стороне послышалось быстро нарастающее тарахтение мотора. Можно было подумать, что через рощу двигаются

танки, но вскоре над вершинами сосен показался самолет. Полосатый черно-белый немецкий штурмовик шел на бреющем полете, держа направление на дом. Он пронесся низко, едва не задев фюзеляжем верхушку антенны. Солдат, стоявший на крыше, вскинул руки, упал навзничь и покатился по круто уложенному шиферу. Он так бы и упал на землю вниз головой, если бы не зацепился за что-то. Половина туловища его свесилась с края крыши и равномерно раскачивалась.

«Да он же убит!» — догадался Галкин.

Руки солдата висели безжизненно, как плети, а на голове чудом удерживалась пилотка — она вот-вот должна была упасть.

Вышедшая гулять девочка подхватила малыша на руки и кинулась бежать к дому, однако ноша была тяжела для нее, и, сделав два шага, девочка споткнулась и упала. Ребенок высвободился из ее рук и, плача, пополз в сторону. Из дверей дома выбежала женщина, видимо, мать малыша и девочки, схватила мальчика на руки, что-то крикнула девочке и заторопилась назад.

«Вон туда надо, — подумал Галкин, — до щели ближе». Но женщина, видимо, не сообразила этого, или же дом показался ей более надежным укрытием.

В это время из дому выбежал молодой лейтенант-пехотинец с автоматом на поясе. Он на ходу зачем-то поправлял ремень поверх гимнастерки. Лейтенант, видимо, хотел помочь женщине, но, услышав приближающийся самолет, раздумал, припал на колено, изготовил автомат и приготовился стрелять.

Штурмовик успел сделать круг и снова показался над соснами. По земле скользила распластанная крылатая тень, и рядом с нею бежала цепочка мелких взрывов — это пули, ударяясь в землю, взметывали фонтанчики пыли. Темная тень накрыла молодую немку-мать с ребенком на руках, и в тот же миг женщина остановилась и села на землю, прижав к груди мальчика. Потом она поставила малыша на ноги, а сама упала рядом, ударившись лицом о твердую землю. Неподалеку от нее, не шевелясь, лежал лейтенант.

Все произошло почти мгновенно, и Галкин не сразу понял, что они, русский лейтенант и немка, тоже убиты, как и тот солдат, чье тело все еще свешивалось с крыши.

В наступившей тишине слышались только плач ребенка и музыка. Теперь она звучала скорбно, словно прощалась с чем-то дорогим и прекрасным, как мечта.

Фашистский самолет делал новый разворот. Саша оттолкнулась руками от дерева и побежала вниз, легко и мягко ступая на носки и прижав руки к груди, словно бежала по дорожке стадиона. Борис несся следом за нею, перескакивая на пути через щели-укрытия. Вначале они оба пытались поймать перепуганную девочку, которая смотрела на незнакомцев глазами дикого затравленного зверька и ухитрялась выскользать из-под самых рук у них. Со стороны могло показаться, что двое взрослых и один ребенок играют в пятнашки.

Самолет в третий раз вылетел из-за рощи. Саша и Борис, не сговариваясь, оставили девочку в покое. Саша подхватила на руки малыша, хотела бежать с ним, но, увидев, что фашистский штурмовик близко, упала на землю, прикрыв телом ребенка. Галкин взял из рук неподвижного лейтенанта автомат. Тень самолета неслась навстречу — Борис вскинул автомат. Девочка, видимо, одумалась и бежала назад, к людям. Штурмовщик скользнул над нею. Галкин, выпуская в фашиста короткую очередь, только краем глаза увидел, как маленькая девочка вдруг словно споткнулась и на лице ее изобразилось недоумение — по запачканной в пыли коленке из разодранного бедра бежала кровь. Девочка, видимо, не успела еще ощутить боли. Но в следующий миг бледное лицо ее исказила гримаса ужаса — вторая пуля ударила ее в голову. Последним всплеском жизни в худеньком тельце ребенка были взброшенные над головой тонкие прозрачные ручонки — девочка резко упала на землю, придавив свою тень.

Сержант почувствовал острый ожог в левом плече. Он круто поворотился на каблуках и, провожая пролетевший самолет стволом автомата, с силой давил на спусковой крючок, не замечая, что в обойме кончились патроны и автомат не вздрагивает у него в руках.

Пролетев метров триста, самолет вдруг взметнулся вверх, словно подброшенный с трамплина, и тут же нырнул носом, шаркнул по земле и плавно, как в замедленной киносъемке, повалился на бок, дважды перевернулся, обламывая плоскости, и вспыхнул ярким пламенем.

В ушах все еще слышался оглушающий грохот мотора. Галкин, крепко зажав в руках нагретый ствол автомата, подбежал к лежащему ничком лейтенанту, вынул у него из сумки запасную обойму, перезарядил автомат и только тут сообразил, что вражеский самолет сбит.

Борис вдруг ощутил острую боль в плече и почувствовал прильнувшую к телу мокрую гимнастерку.

Саша лежала на прежнем месте, не поднимая головы. Из-под нее, яростно болтая босыми ножонками, пытался выбраться спасенный мальчик.

— Сашенька! — крикнул Галкин и не услышал своего голоса: грохот мотора все еще оставался в ушах.

Он подошел ближе и еще раз закричал:

— Сашенька!

Девушка не отвечала, не шевелилась. Галкин наклонился и увидел отброшенную в сторону руку с длинными пальцами, полусжатыми в кулак, из-за обшлага новой гимнастерки тихо выползала алая полоска крови, ее край в форме змеиной головы уже достиг ямочки между большим и указательным пальцем. Борис отбросил автомат и, превозмогая боль в плече, осторожно перевернул тело девушки на спину. В лице Сашеньки еще теплилась жизнь: можно было подумать, что она задумалась и прикрыла глаза, но на левой стороне груди на гимнастерке расползалось густое темно-кровавое пятно.

Мальчик, высвободив голову от прижимавшей его руки Сашеньки, поднял лицо, залитое кровью, и улыбнулся незнакомому солдату.

«Я с ума схожу!» — подумал Галкин, схватил малыша и рукавом вытер ему щеки и лоб — кровь на мальчике была Сашенькина.

Руки и все мышцы Галкина сковала внезапно разлившаяся по телу тяжесть. Он отпустил ребенка и сел на землю, пытаясь опереться на здоровую руку. Малыш пополз в сторону, шлепая по молодой травке перепачканными в крови ладошками, и, задрав глаза кверху, улыбался голубому небу и яркому солнцу.

Галкин еще раз окинул взглядом поле, где только что просвистел ярый ураган смерти, увидел трупы девочки-ребенка, матери немки, Сашеньки, лейтенанта и солдата, тело которого по-прежнему свисало с крыши — только уже не раскачивалось и на голове не было пилотки; в другой стороне догорал сбитый самолет.

И Галкин снова услышал ту же торжественную и скорбную музыку, она говорила все о том же на языке звуков, понятных только сердцу.

По дороге к дому на полной скорости подкатил санитарный автобус. Галкин удивился, что не слышал гула, мотора и догадался: он контужен, оглох, а симфония, которая звучит у него в ушах, отпечаталась глубоко в сознании как раз на том месте, где ее оборвал рев самолета.

М. Богуславская

Я ЗАВИДУЮ ЛЮДЯМ

Я завидую людям, которые могут молчать,
Зубы стиснут от боли — ни слова не скажут,
Я завидую тем, кто обиды не станет прощать
Никому, никогда и любимому даже.
Я слабее таких. Все жестокие помню слова,
Каждый жест равнодушный, но снова и снова
Жду тебя и зову среди ночи и дня,
Жду тебя, нелюбящего, хмурого, злого.

Назови сумасшедшей. Скажи мне хоть тысячу раз,
Что нам вместе не быть, что ты любишь другую навеки.
Что я сделать смогу, раз вселенная клином сошлась
На тебе, равнодушном ко мне человеке?

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Ходят тени по дну, ходят тени по дну —
То плывут облака, отражаясь в реке,
И барашек волны догоняет волну
И смывает следы на прибрежном песке.
Горько пахнет нагретая солнцем вода,

Дремлют рыбы-мальки в теплой глуби реки,
И во сне удивленно таращат глаза.
Только изредка баржу протянет буксир,
Только изредка слышится стук молотка —
И спокойно опять, тих и ясен весь мир.
Ходят тени по дну, волны катит река.

Сергей Иоффе

СОЛДАТСКАЯ БАНЯ

Обычно у солдат в большом почете
Тот день, что банным исстари зовут.
Но хорошо, коль в баню вы идете
Каких-то двадцать — двадцать пять минут.
А если — строем,
с песней,
через город,
За девять километров от казарм,

Сперва — с горы,
потом все время в гору —
Пришлось бы по душе такое вам?
А нас еженедельно, аккуратно
Водили каждый вторник поутру
Пешком — туда,
пешком же и обратно
И в дождь, и в снег, и в холод, и в жару.

И не было б обидно, если б рядом
(Рукой подать, буквально — два шага)
Такая ж точно баня за оградой
Не красовалась возле городка!
Не раз, признаться, это положенье
Казалось странным, удивляло нас...
Но служба — не прогулка в воскресенье.
Мы знали: обсуждать нельзя приказ.
И мы привыкли.
...А когда однажды
Стремительным, внезапным марш-броском
Мы вышли в тыл «противнику» леском
И выиграли «бой», то понял каждый:
Не зря водили в баню нас пешком!

* *
*

Мы в пушке разбирались —
что к чему,
И знали,
что нам делать по тревоге...
А он
не мог привыкнуть и к тому,
Чтоб на ночь
сапоги поставить в ноги.
Он был гражданским
с головы до пят,
И, как пальто,
на нем шинель висела...
Немало
провозился с ним комбат,
И все-таки его
солдатом сделал.
Окончил службу он
давным-давно,
Но, спать ложась,
ботинки ставит в ноги,
Чтоб все готово было у него
На случай
боевой ночной тревоги.

Георгий Эдельман

Лег на палатки первый иней.
Осенний день глядит сычом,
И гроздья жимолости синей
Склонились ниже над ключом.
Звериная ржавеет тропка
В листвянной прели под ногой,
И в небе утки с грустью робкой
Уже прощаются с тайгой.
Все стало нынче по-другому.
Не те заботы, что вчера,
И каждый день поближе к дому
Мы ставим наши табора.

Виктория Ярмицкая

В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ

Из-за окон сонные босые
На дорогу женщины глядят.
А по всей, по всей большой России
В эту ночь спокойно жены спят.
Никому нигде не снятся войны,
Тишина задумчиво плывет.
А у нас детишки беспокойно
Повторяют: «Мама, самолет!»
А у нас тревоги боевые,
И идут, прощаясь второпях,
На такой обычный мирный вылет
Строгие, серьезные мужья.
Ты готов к полету, ты спокоен.
Я не волноваться не могу...
Слышу: проплывает надо мною
Равномерный и знакомый гул,
Вижу, как за окнами босые
На дорогу женщины глядят.
А по всей, по всей большой России
В эту ночь спокойно жены спят.

ЭПИГРАММЫ И КАРИКАТУРЫ

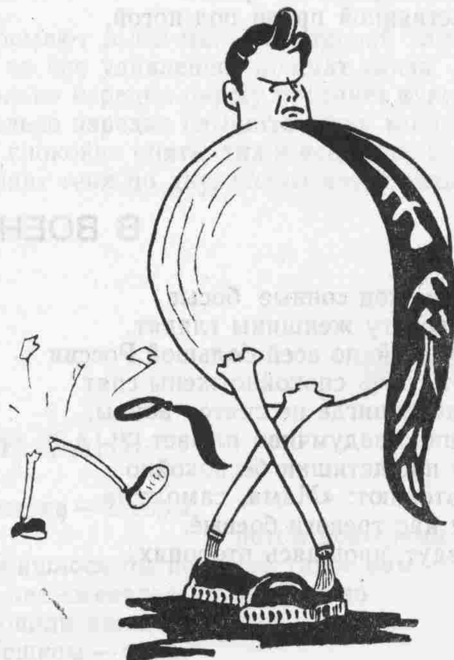
НЕ ОШИБСЯ...

В. Вронский, С. Никитин, Л. Могилев

У него на пьяной роже
Удивленье и вопрос:
— Правый боже!
До чего же,
До чего же
Я оброс!!!

ОДНОМУ СТИЛЯГЕ

Ему мы сходство подберем
И очень точное к тому же:
Он сходен с мыльным пузырем:
Пустой внутри,
блестит снаружи!



ПОДРЫВНИК

Ему плевать
На строгости закона:
Поймать рыбешек пять,
И пусть погибнет тонна.
Не дрогнет пусть твоя рука
За ворот взять «подрывника»!

Десять лет Китайской Народной Республики

Линь Шуй-цин

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ ВНОВЬ

Рассказ

1

В гавани Дальнего прямо на берегу морского залива расположен большой завод. Однажды заведующий лабораторией этого завода знакомил в кабинете директора одного советского специалиста с работой. При этом он особенно обстоятельно рассказывал об одной лаборантке, которая была назначена специалисту в помощники. Он отозвался о ней как о внимательной и серьезной комсомолке.

— А, товарищ Линь Линь-ли! — сказал он при виде вошедшей в кабинет девушки. — Очень хорошо, что вы пришли. Знакомьтесь!

Услышав имя и фамилию лаборантки, советский специалист вдруг насторожился и внимательно посмотрел на нее. Это была красивая девушка с двумя толстыми косами, слегка выдающимся лбом и живыми одухотворенными глазами. По всему было видно, что это умная, сообразительная девушка. Она была одета в белый халат, что показывало, что она только что оторвалась от работы.

Девушка, в свою очередь, внимательно посмотрела на специалиста, который показался ей знакомым. Однако ни время, ни место не позволили ей погрузиться в воспоминания.

— Очень приятно, — радостно сказал советский специалист, протягивая ей руку. — Будем работать вместе.

— Сначала, — сказал заведующий, обращаясь к Линь Линь-ли, — проводите советского товарища в лабораторию и покажите ему, как мы работаем, а я потом приду.

Выйдя из кабинета директора, они отправились в лабораторию по аллее, с обеих сторон обсаженной молодыми деревьями, а затем через лужайку, покрытую свежей зеленой травой. Специалист и переводчик все время беседовали между собой о работе, но Линь Линь-ли не вмешивалась в их разговор. Она шла молча, низко опустив залитое румянцем лицо. Было нетрудно заметить, что она охвачена волнением и радостью. Время от времени она бросала на специалиста пытливые взгляды, то присматривалась к его левой щеке, то к палке, на которую он опирался. Когда она замечала на себе недовольный взгляд переводчика, растерянно отворачивалась и опускала глаза. Однако через некоторое время она опять устремляла взор на специалиста, посматривая то на его лицо, то на ногу, на которую он слегка прихрамывал.

Повернув за угол, они подошли к лаборатории.

— Специалист говорит, — сказал переводчик, — что сегодня много анализов делать не будем. Он интересуется, умеете ли вы определять содержание парафина в нефти методом горячей перегонки?

— Уметь-то умею, но только не очень хорошо, — ответила девушка. — Боюсь, что я не сумею как следует контролировать степень нагрева. В результате часть парафина растворяется, и анализ получается не вполне точный.

— Ну, ничего, — сказал специалист, — сегодня мы сделаем лишь предварительный анализ. Приготовьте, что нужно, а я посмотрю, как вы это делаете.

Лаборантка стала быстро готовиться к проведению анализа, а специалист внимательно наблюдал за ее приемами и время от времени давал указания, высказывал одобрение. При этом он не замечал, что в ходе работы лаборантка по-прежнему часто поворачивала голову в его сторону и пристально рассматривала.

В лабораторию пришел заведующий. Прищуривая глаза и улыбаясь, он как бы спрашивал специалиста: «Ну, как? Прав ли я был, когда хвалил лаборантку?» Перебросившись несколькими фразами, заведующий и специалист вышли из лаборатории. После их ухода в лаборатории наступила обычная для этого помещения тишина. Там осталась лишь одна Линь Линь-ли, которая, склонившись над аппаратурой, продолжала работать.

Она начала анализ весьма сосредоточенно, но постепенно погрузилась в глубокие воспоминания и задумалась.

— Ой! — вдруг раздался возглас советского специалиста. Он не мог удержаться от этого возгласа, когда, вернувшись в лабораторию, увидел в сосуде кипящую нефть. — Парафин у вас уже весь растворился, и вы не сможете получить точные данные о его содержании в нефти, — добавил он.

Когда Линь Линь-ли поняла, что в результате ее ошибки анализ не удался, она огорчилась.

— Ничего, не расстраивайтесь, — стал успокаивать ее специалист. — Это ведь первый анализ. Наша настоящая работа не началась. В будущем надо быть немного более внимательной, и все будет в порядке.

Заведующий лабораторией хотел было сделать девушке замечание, но, видя ее растроенное лицо, решил этого не делать и промолчал.

У Линь Линь-ли несколько раз дрогнули губы, но она тоже ничего не сказала.

2

Наступили сумерки. На заводе продолжала кипеть обычная трудовая жизнь. Линь Линь-ли быстрым шагом направлялась к кабинету специалиста, когда оттуда вышел переводчик. Увидев, что девушка собирается войти к специалисту сама, он остановил ее и спросил:

— По какому делу вы хотели видеть специалиста?

— Я... я... товарищ переводчик... — начала говорить Линь Линь-ли, но так ничего и не могла сказать.

— Не надо мешать специалисту, он только что приготовился отдохнуть.

— Тогда вы скажите мне, отчего этот специалист хромает?

— Зачем вам нужно это знать?

— Мне... мне необходимо это знать!

В красивых глазах девушки сквозило столько чистосердечного волнения, что переводчик не смог больше отказывать ей в ее просьбе и сказал:

— Специалист был ранен на войне. Впрочем, это никак не отразилось на работе, которую он выполняет блестяще...

— Постойте! постойте! — нетерпеливо перебила его девушка. — Скажите мне, когда этот специалист получил ранение? Не во время ли освобождения нашего Северо-Востока?

— Я слыхал, что он был ранен, когда спасал какого-то ребенка, но где именно это было, я не знаю, — ответил переводчик.

— Ах! Ну, тогда это непременно он! — сказала девушка и запрыгала от радости.

В это время дверь кабинета вдруг раскрылась, и оттуда вышел специалист, которому понадобились услуги переводчика. Он решил, что девушка, огорченная неудачей первого анализа, захотела побеседовать с ним. Приветливо кивнув головой, он поздоровался с ней, а затем жестом пригласил ее войти в кабинет.

При виде специалиста девушка хотела уйти, но было уже поздно. Она испытывала одновременно и радость и страх. Ей хотелось войти в кабинет, но в то же время она не решалась этого сделать. Переводчик был недоволен и собирался было что-то сказать, но специалист остановил его и провел ее в кабинет.

— Вы по какому делу пришли? — спросил девушку переводчик.

Линь Линь-ли смутилась и ничего не отвечала.

Специалист тоже погрузился в какое-то непонятное раздумье.

— Товарищ специалист! — начала вдруг Линь Линь-ли. — Не случалось ли вам во время освобождения Северо-Востока спасти на околице одной деревушки китайскую девочку?

Она говорила запинаясь, с трудом, а последние слова сказала так тихо, что не расслышала их сама. Дело в том, что ей не верилось, что может быть такое счастливое совпадение.

Когда переводчик передал ее слова, специалист взволнованно поднялся, и у него вырвался глубокий, протяжный вздох. Казалось, что в груди у него что-то кипело и мешало ему говорить. Внимательно посмотрев на де-

вушку, он с некоторым сомнением подумал: «Неужели это и есть та самая девочка?»

Затем, словно что-то припомнив, он обрадовался и вопросительно сказал:

— А... Ли Ли-ли?..

Не выслушав переводчика, девушка высоко подняла брови и встала, а затем тихонько сказала:

— Цай-ли-кан-фу?

— Чернов! Чернов! — поправил ее специалист. — А вы будете Ли Ли-ли?

— Линь Линь-ли! — в свою очередь уточнила девушка. Она стояла. Ее глаза были полны слез.

Немного помедлив, специалист подошел к ней и крепко взял ее руки в свои. Девушка тоже сжала его руки. По щекам Линь Линьли двумя ручейками потекли слезы. Советский специалист был необычайно обрадован, и его глаза тоже подернулись влажной пеленой.

Переводчик остолбенел и не понимал, что происходит.

3

Это случилось десять лет назад, в августе 1945 года.

После объявления Советским Союзом войны Японии советские войска вступили на территорию Северо-Востока Китая.

В одной деревушке, расположенной недалеко от границы, можно было видеть немало следов отступления битых японских вояк. На западе уже появилась золотая вечерняя заря, когда через эту деревню с грохотом, подняв облако пыли, проехал отряд советской мотопехоты.

Как только в деревню въехал первый мотоцикл, из одной фанзы, стоявшей на краю деревни, выбежала девочка с двумя маленькими косичками, болтавшимися с обеих сторон головы. Хлопая в ладоши, она радостно что-то кричала и беззаботно бежала вслед за мотоциклом. Ее обгоняли одна за другой автомашины с солдатами. Воины были в грозном, боевом походе, но тем не менее они приветливо улыбались девочке и махали ей руками, а некоторые бойцы показывали жестами, чтобы она возвращалась домой.

Девочке этой тогда только что исполнилось десять лет. Ее старший брат партизанил в горных районах и был убит врагом накануне контрнаступления. Гибель любимого брата заставила эту девочку проникнуться глубокой ненавистью к японским захватчикам.

За несколько дней до этого памятного события она слыхала, как ее родители и бабушка в разговорах между собой обсуждали вступление Советского Союза в войну. Она не представляла себе, что такое Советская Армия, но в своей детской душе была убеждена, что люди, которые прогоняли с ее родной земли японских захватчиков, непременно должны были быть хорошими людьми. Когда первый советский мотоцикл промчался мимо их дома, она воспользовалась тем, что ее не видит мать, и выскочила на улицу.

Когда мать обнаружила исчезновение дочери, она тотчас же выбежала на порог и стала громко звать ее. С побелевшим от страха лицом и трясущимися посиневшими губами она изо всех сил кричала:

— Линь-ли! Линь-ли!

Но девочка была охвачена радостью и продолжала бежать. Советские войска проехали через деревню, но девочка не слышала криков своей матери и выбежала за околицу. И вот в этот момент из одной фанзы, крадучись, вылез японский солдат. Держа в руках винтовку с примкнутым штыком, он неслышно следовал за девочкой.

Мать девочки издалека заметила этого выползшего получеловека-полузверя. От волнения у нее закололо в сердце и подкосились ноги. Желая спасти свою дочь, она что было силы крикнула ей еще раз.

Услыхав голос матери и скрип сапог японского солдата, девочка остановилась и обернулась назад.

— А-а!.. — закричала она в ужасе при виде направленного на нее сверкающего острия штыка. Ее всю вдруг обдало жаром. Она хотела плакать, но не могла. Сделав в смятении несколько шагов назад, она не могла удержать равновесия и упала на землю...

— О небо! — крикнула мать и, забыв о грозящей ей самой опасности, бросилась к своей дочери.

— Стой! — вдруг откуда-то послышался громкий голос на незнакомом языке. Этот окрик привел японского солдата в замешательство. Неожиданно, словно с неба, около японца появился советский мотоциклист. Он хотел ударить японского солдата прикладом, но тот стремительно повернулся и бросился на него с винтовкой наперевес. Советский воин, защищая девочку, готовился отразить нападение, но, к несчастью, не успел, и японский бандит сильно рассадил штыком ему левую щеку. Из раны сразу же хлынула кровь. Вслед за этим японец хотел повторить удар и направил свой штык в живот советского бойца. Тот постарался увернуться, но не смог, и штык вонзился в его левую ногу. В этот напряженный момент советский воин приподнял

свой автомат и пустил в японского солдата очередь. Сделав несколько неверных шагов, японец упал. Советский боец, потерявший много крови, обессилел и тоже свалился.

Все это произошло на глазах у девочки и ее матери. Девочка от страха остолбенела, а ее мать смотрела вокруг широко открытыми от ужаса и страха глазами. То, что она увидела, заставило ее забыть о своей дочери и проникнуться беспокойством за жизнь советского воина, пострадавшего в жестоком поединке с японским захватчиком. Напрягая все свое самообладание, она поспешно достала у советского солдата индивидуальный пакет и, наклонившись над ним, перевязала рану. Она плакала, и ее слезы падали на землю, смешиваясь с кровью раненого. Девочка тоже подошла к раненому, встала на колени перед ним и стала с плачем звать его: «Шушу! Шушу!» (Шушу — дядя). Превозмогая страшную боль, раненый улыбнулся, погладил девочку по голове, и на его лице появилось выражение счастья и радости.

На звуки выстрелов вскоре подоспели другие советские бойцы и забрали с собой раненого товарища. Перед тем, как они его увезли, девочка сказала ему свою фамилию и имя, которые он запомнил как «Ли Ли-ли». В свою очередь он назвал свою фамилию, которую мать дочери запомнила как «Цай-ли-кан-фу».

4

Прошло десять лет.

После окончания войны товарищ Чернов возвратился на Родину и стал работать по своей прежней специальности инженера. Рана на ноге и шрам на лице часто напоминали ему о девочке, которую он спас от смерти.

Когда недавно он получил командировку в Китай для оказания китайскому народу помощи в строительстве, он очень обрадовался. В свое время он пролил кровь, освобождая Китай, и, таким образом, у него с этой страной установились подлинно кровные связи.

И вот сейчас перед ним стоит «Ли Лили»... Кто бы мог думать, что она за это время так вырастет! Они не только встретились, но должны будут работать вместе!

— Как ты живешь, Линь? — спросил специалист, прилагая огромнейшие усилия, чтобы сдержать охватившее его волнение. Он не знал, с чего начать разговор. Наконец после длительной паузы он тихо и взволнованно сказал с улыбкой:

— Почему же ты плачешь?

— От радости, — ответила девушка, но почувствовала комок в горле и не могла продолжать.

Немного помолчав, девушка успокоилась и стала рассказывать о своей жизни за несколько прошедших лет. После освобождения Северо-Востока она получила возможность учиться. В августе 1953 года она окончила техникум химической промышленности и была направлена работать лаборанткой на этот завод.

— Почему же, Линь, ты не зовешь меня «шушу»? — сказал Чернов, стараясь шуткой разрядить напряженную атмосферу.

Девушка залилась румянцем, но тотчас же пришла в себя и стала говорить о том, что произошло в ее жизни со времени их первой встречи. Было похоже, что она беседует с родным человеком, с которым не виделась много лет. Она рассказала, что ее старая мать постоянно с благодарностью вспоминает о неизвестном советском воине и до сих пор каждый день молится о его благополучии и желает многих лет жизни «Цай-ли-кан-фу».

В этом месте ее рассказа девушка, советский специалист и переводчик дружно рассмеялись.

— Шушу! — вдруг взволнованно сказала девушка, беря Чернова за руку. — Вы непременно должны побывать у нас в гостях. Моя мама так будет рада!..

Чернов еще не успел ничего ответить, как девушка по-детски наивно сказала:

— Шушу! Ну, вы придете?.. Вы обязательно должны прийти!

— Обязательно придет, обязательно! — сказал от себя переводчик, который тоже был растроган этой сценой.

Советский специалист радостно поднялся и подошел к окну, из которого была видна широкая гладь моря. Дул морской бриз, приносивший свежую прохладу. Как и во время первой встречи, специалист погладил девушку по голове, поправил волосы.

Со стороны заводских цехов доносился мощный трудовой гул.

Е. Горский

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА СЛУЖБЕ НАРОДА

Современная литература Китая родилась вместе с народной революцией в процессе «Движения 4 мая» — этой грандиозной антиимпериалистической и антифеодальной демонстрации, состоявшейся в Пекине весной 1919 года. Эта демонстрация послужила началом народно-демократической революции в Китае, победившей в 1949 г.

«Движение 4 мая, — писал товарищ Мао Цзэ-дун, — родилось в ответ на призыв мировой революции, на призыв русской революции, призыв Ленина... Культурная революция, начатая движением 4 мая, была направлена полностью против старой феодальной культуры. За всю историю Китая у нас еще не было такой великой и последовательной культурной революции».

У колыбели современной литературы Китая стоял великий китайский писатель «китайский Горький» — Лу Синь. Лу Синь выступал как основоположник новой, реалистической китайской литературы. Лу Синь активно участвовал в борьбе за отказ от старого, мертвого книжного языка «вэньянь» и внедрение в литературу современного разговорного языка «байхуа», доступного широким массам читателей.

Лу Синь первый из китайских писателей стал писать свои произведения на разговорном языке. В его рассказах появились новые герои — крестьяне, интеллигенты-неудачники, революционеры. Его произведения реалистически изображали жизнь Китая, показывали разложение и упадок несправедливого общественного строя, призывали к борьбе с ним.

Великая Октябрьская революция в России открыла Лу Синю, что творцом нового общества является пролетариат. И он восторженно приветствовал выступивший на историческую арену революционной борьбы молодой китайский рабочий класс и его авангард — Коммунистическую партию. «Будущее, — говорил Лу Синь, — принадлежит лишь возрождающемуся пролетариату».

Лу Синь так же, как и великий китайский революционер-демократ Сун Ят-сен, горячо верил в светлое будущее китайского народа, в его освобождение. «В скором будущем, — говорил он, — ныне еще окруженный высокой стеной китайский народ очнется, вырвется на свободу и заговорит во весь голос». Мао Цзэ-дун высоко ценил Лу Синя. «Лу Синь — полководец культурной революции в Китае, — писал он, — он был не только великим литератором, но и великим мыслителем и великим революционером».

Выдающимся произведением Лу Синя явилась повесть «Правдивое жизнеописание А Кью», не раз издававшаяся на русском языке. Это едкая бичующая сатира на феодальные порядки и мораль. Герой повести А Кью — человек без имени и фамилии (А Кью — английское слово, здесь выполняющее роль клички), без семьи, без постоянного пристанища и работы, человек, в чертах которого собрано все уродливое, что присуще феодальным порядкам и конфуцианской морали старого Китая, и прежде всего, рабская покорность «судьбе», сильным мира сего. А Кью до того привык к унижениям, что, когда его били, он утешал себя самообманом, говоря себе, что «это недостойный сын побил его». Он даже готов был сам дать себе пощечину, чтоб «наказать обидчика». Будучи совершенно безвинно осужденным на казнь якобы за участие в

разграблении дома Чжао, он уже по дороге к месту казни еще утешал себя тем, что в этой жизни все заранее предопределено небом и от судьбы не уйдешь...

Но даже у А Кью, у этого полураба с рабской психологией, когда его вели на казнь, вспыхнул проблеск сознания. Он понял, что так продолжаться не может, и возбужденно выкрикнул единственную незаконченную фразу: «Пройдет двадцать лет, и придет другой, такой же, как я...». Он раньше никогда не произносил этих слов, они родились сами собой...

— Верно! Хорошо!—донеслось из толпы...»

И Лу Синь оказался прав в своих пророчествах. Уже через 10 лет после А Кью (1921 г.) в Китае появились новые борцы за народ — коммунисты, которые не только подняли таких обездоленных, как А Кью, на борьбу с врагом, но и победили в этой борьбе и в наши дни успешно строят новую жизнь, социализм.

В собирательном образе А Кью Лу Синь показал все пороки полуколониального, полуфеодального Китая. Его сатира направлена не против самого А Кью — жертвы общественного строя Китая того времени, а против угнетателей народов и всей прогнившей феодальной системы. Повесть «Правдивое жизнеописание А Кью» обладает огромной силой воздействия на читателей. Она вызывает ненависть к той общественной системе, которая породила «акьюизм», дает понять, что для его уничтожения есть только один путь — путь борьбы за уничтожение всех полуколониальных, полуфеодальных общественных отношений с их реакционной конфуцианской идеологией.

Недаром по произведениям Лу Синя и в первую очередь по этой повести китайские коммунисты учились классовой ненависти к помещикам, к феодальным порядкам.

В многочисленных рассказах о деревне Лу Синь правдиво изобразил жизнь крестьян в условиях феодального и империалистического гнета, их забитость и бесправие, их все большее обнищание. Его произведения имеют огромное революционное и воспитательное значение.

В статье «Как я начал писать рассказы» Лу Синь, подчеркивая, что писать надо во имя жизни человека и для улучшения этой жизни, говорит: «Всеми силами ненавижу я тех, кто прежде относил художественную прозу к «праздным книгам», и считаю лозунг «искусство для искусства» лишь новейшим названием развлекательной литературы».

Большую роль в рождении и развитии новой реалистической литературы в Китае сыграл друг Лу Синя, талантливый журналист, писатель и переводчик, пламенный коммунист Цюй Цю-бо, погибший смертью героя от рук чанкайшистских палачей в 1935 году. Цюй Цю-бо был первым китайским журналистом, побывавшим в Советском Союзе в первые годы его существования и, как Джон Рид, будучи влюбленным в нашу революцию, старался как можно лучше ознакомить китайский народ с рождением нового, социалистического общества на одной шестой части земного шара. За два года пребывания в СССР он хорошо изучил русский язык и написал десятки корреспонденций и два сборника очерков — «Путешествие по новой России» и «О столице красного государства». Его корреспонденции и очерки были первыми произведениями, рассказывающими китайскому народу правду о Советской России.

Цюй Цю-бо с увлечением переводил на китайский язык с русского многие произведения русской классической и советской литературы: Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького, Фадеева («Разгром») и других писателей. Он редактировал перевод и ряда трудов Ленина: «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Две тактики» и другие. Он сделал также новый перевод на китайский язык гимна «Интернационал».

Цюй Цю-бо болел туберкулезом и даже во время обострения болезни не прекращал работы, он хотел успеть сделать как можно больше. Член ЦК Коммунистической партии Китая с 1923 года, Цюй Цю-бо в период первой гражданской революционной войны 1924—1927 гг. возглавлял печатные органы партии «Новая молодежь», «Авангард», «Проводник». В 1935 г. чанкайшистские палачи схватили его и предали суду. «Я всю жизнь отдал революции, — заявил он на суде, — а теперь арестован и меня ждет только смерть. Я погибну, но миллионы людей поднимутся на борьбу и будут идти вперед». Его расстреляли 18 июня 1935 года. Перед расстрелом он громко пел «Интернационал» и бесстрашно бросил в лицо своих палачей: «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!»

Не менее известным зачинателем современной китайской литературы, борцом за ее развитие на протяжении более чем тридцати лет является крупнейший современный поэт Китая, он же прозаик, драматург, критик и публицист, ученый-археолог и крупный общественный деятель, нынешний президент Академии наук Китая Го Мо-жо. Как и Лу Синь, он получил медицинское образование в Японии, но не стал заниматься врачебной

практикой, а целиком ушел в литературу, в общественную деятельность, отдав себя на службу народу, революции.

В двадцатых годах Го Мо-жо возглавляет литературную группу «Творчество», выдвинувшую лозунг: «От литературной революции к революционной литературе» и призывавшую к созданию лиги левых писателей. В развернувшейся по инициативе этой группы литературной дискуссии, которая сыграла важную роль в развитии революционной литературы в Китае, Го Мо-жо выступил с рядом статей — «Революция и литература», «Наше новое литературное движение», «Общественная миссия искусства», «Сознание художника» и другими. После контрреволюционного переворота Чан Кай-ши в апреле 1927 года Го Мо-жо выступил с брошюрой «Взгляните на сегодняшнего Чан Кай-ши», в которой разоблачил предательство этого ставленника империалистов. Приказ об аресте Го Мо-жо, отданный гоминдановскими властями в 1927 году, заставил поэта эмигрировать в Японию, где он пробыл десять лет — до нападения Японии на Китай летом 1937 года.

В годы эмиграции Го Мо-жо много работает, и не только как поэт, но и как прозаик, драматург, критик, публицист и как ученый-историк.

В 1937 году после нападения японских империалистов на Китай Го Мо-жо возвращается в Китай и принимает активное участие в обороне страны от японских захватчиков.

Однако Чан Кай-ши, заключив соглашение с компартией о совместной борьбе с врагом, фактически не вел этой борьбы, впоследствии все внимание переключил на борьбу не с японскими империалистами, а... с китайскими коммунистами. В этой затхлой обстановке гоминдановской диктатуры, которая срывала усилия народа на объединенный отпор врагу, Го Мо-жо написал историческую трагедию «Цюй-Юань». Цюй-Юань — великий поэт-патриот древнего Китая болел за простой народ, за судьбы своей страны и старался повлиять на политику Чуского князя, но был изгнан из страны и позднее покончил с собой.

Пьеса «Цюй-Юань», месяцами не сходившая со сцены театра Чунцина, а затем и других городов Китая в самые напряженные годы войны с Японией не означала, конечно, что драматург ушел от современности в глубокую древность. Наоборот, Го Мо-жо использовал эту тему для обхода цензурных рогаток Гоминьдана, для пропаганды патриотических идей, для разоблачения продажной правящей тогда чанкайшистской клики. И когда оклеветанный Цюй Юань обращается к царской чете со словами: «Вы погубили царство Чу и всю нашу священную землю!», когда он, затравленный врагами, обращается к силам природы: «О гроза! Унеси меня на острова, где нет коварства и подлости, алчности и себялюбия... А вы, вершители людских судеб, обманывающие народ! Вон из лодки, прочь с облаков, всех вас надо сжечь, сжечь, сжечь!» — тогда зрители легко узнают в вершителях судеб не царскую чету Чуского периода, а современную им чанкайшистскую клику. Так поэт ожил через две с лишним тысячи лет и снова начал служить своему народу, который он так любил при жизни.

Го Мо-жо так же, как и Лу Синь, Цюй Цю-бо всегда с надеждой и любовью смотрел на великую страну Советов — оплот всего человечества. В разгар второй мировой войны в стихотворении «Братский привет», посвященном 26-й годовщине Октября, Го Мо-жо писал:

Знай, мы гордимся тобою, страна,
Правда твоя через горы видна.
Видны сквозь снежный Тянь-Шаня хребет:
Счастье народа, сила народа, слава
народа в тебе.

Крупнейший прозаик современного Китая министр культуры КНР Мао Дунь (настоящее имя Шэнь Янь-бин) также принадлежит к славной плеяде зачинателей и борцов за новую литературу Китая. Еще в детстве от высокообразованного отца и матери будущему писателю привилась любовь к родному народу, литературе и искусству.

Мао Дунь восторженно приветствовал наш Октябрь. «...Я всеми силами старался учиться у Октябрьской революции, — писал он, — и знакомиться с достижениями ее литературы. Октябрьская революция научила китайскую молодежь осознать свои задачи и свою роль, а богатейший урожай на литературной ниве Советского Союза указал нам направление в литературной работе».

И так же, как и у Лу Синя, Цюй Цю-бо, Го Мо-жо, творчество Мао Дуня формируется под влиянием лучших образцов русской классической и советской литературы. Он мастер и небольших рассказов, и больших полотен — романов и повестей. Писатель тепло и душевно нарисовал ряд образов простых людей, задавленных милитаристской и гоминдановской диктатурой. Таковы старик Тун-бао и его сыновья из рассказа «Весенние шелкопряды». Мао Дунь остро бичует лицемерие, подхалимство, продажность гоминдановских чиновников («Первая половина рабочего дня» и др.), дает образы никчемных и пустых женщин («Летней ночью»), ярко показывает

жизнь революционеров («Сын пошел на митинг»). Лирик и бытописатель в лучшем смысле этого слова Мао Дунь в своих монументальных произведениях — в трилогии «Затмение», в романах «Радуга», «Разложение», «Багряные листья в инее, точно цветы в феврале», «Перед рассветом» и др., дает яркую картину жизни всех слоев общества Китая периода 20-х—30-х годов. Писатель-реалист в своих произведениях сумел так отобразить китайскую действительность двадцатых-тридцатых годов, что по ним с успехом можно изучать историю Китая того периода, так же как по произведениям Бальзака — историю Франции.

В годы черной гоминдановской реакции Мао Дунь написал роман «Перед рассветом», «Мне хотелось, — говорит Мао Дунь, — этим романом зажечь огонек надежды... в сумрачной жизни людей...» И продолжает уже словами одного из героев романа: «Перед самым рассветом всегда наступает такая минута, когда тьма кажется особенно глубокой»... И Мао Дунь как бы говорит своим романом, что хотя над Китаем и сгустилась тьма, но рассвет близок и он придет.

А рассвет над Китаем наступал не ясной и тихой зорькой, а красными огнями взрывов и черными тучами пожарищ... И в полуторагодичных боях за освобождение Дунбэя, в двухмесячной Хуайхайской битве, в пятинедельных боях за освобождение долины Янцзы, в боях за свою родину активное участие принимали и китайские писатели.

Когда в годы тяжелой борьбы с японской агрессией прогнившая чанкайшистская клика грабила и предавала народ, прогрессивные китайские писатели шли к солдатам, к крестьянам и рабочим, обращались к трудящимся. Поэт Тянь Цзянь в поэме «Тем, кто сражается» писал:

Лети,
мой стих,
в сырой окоп солдатский,
И говори ему, что он светлей,
Чем государство,
скованное рабством...

Большую роль в мобилизации писательских сил (и не только писательских, но и сил художников), всей интеллигенции на службу революции сыграло выступление Мао Цзэ-дуна в мае 1942 года на Яньаньском совещании по вопросам литературы и искусства, в котором он призывал китайских писателей и работников искусства активно включиться в общую борьбу китайского народа за свое национальное и социальное освобождение. «Мы хотим, — говорил он, — чтобы литература и искусство были составной частью революционной машины, чтобы они были сильным оружием, объединяющим народ, воспитывающим народ, бьющим врага, чтобы они помогали народу в его единодушной борьбе с врагом».

Прямым результатом выступления Мао Цзэ-дуна явилось то, что китайские писатели в большинстве своем встали на службу революции, посвятили свое творчество народу, его борьбе за светлое будущее.

В июле 1949 года, когда была освобождена почти вся страна, в Пекине был созван первый Всекитайский съезд деятелей литературы и искусства. Председательствующий на съезде Го Мо-жо заявил, что главными задачами, стоящими теперь перед работниками литературы и искусства, являются использование литературы и искусства для мобилизации сил народа на построение нового народно-демократического государства, на подъем трудового энтузиазма, на борьбу с феодальной, компрадорской и фашистской идеологией, на борьбу за мир.

И писатели, и работники искусства, воодушевленные исторической победой китайского народа и образованием Китайской Народной Республики, целиком отдаются служению своему народу, любовно показывают ростки новой жизни, бичуют все косное, мешающее этой жизни, обобщают положительный опыт, зовут народ на быстрейшее решение задач народно-демократической, а затем и социалистической революции.

Так появляется в первые годы народной власти ряд значительных произведений, отражающих жизнь и борьбу китайского народа. К ним надо отнести в первую очередь такие замечательные произведения китайской литературы, как «Ураган» — Чжоу Ли-бо и «Седая девушка» — Ха Цзин-чжи и Дин-И.

Роман Чжоу Ли-бо «Ураган» посвящен великим переменам в жизни китайского крестьянства и изображению передовой роли коммунистов.

Значительным произведением о китайской деревне, несомненно, является повесть Чжао Шу-ли «Перемены в Лицзячжуане». В этих переменах, происшедших в маленькой деревушке, как в капле воды, талантливо показаны огромные преобразования в жизни китайских крестьян.

В 1955 году Чжао Шу-ли выпустил новый роман о деревне под названием «В деревне Саньливань». В этом романе автор делает новый шаг вперед как в более глубоком отображении борьбы за кооперирование и подъем китайской деревни, так и в своем писательском росте, в художественном мастерстве.

Книги «Ураган», «Перемены в Лицзячжуане», «В деревне Саньливань» и другие сыграли и продолжают играть огромную роль в воспитании крестьянства в духе коллективизма, учат жить по-новому, показывают руководящую роль Коммунистической партии.

Наряду с темами о крестьянстве, китайскими писателями поднимаются темы и о рабочем классе, о его героизме в период гражданской войны, в годы восстановления промышленности и теперь, когда развернулась борьба за индустриализацию страны. За последние годы тема индустриализации страны и показ рабочего класса становятся главной темой многих китайских писателей.

В произведениях о рабочем классе показываются не только трудности восстановления промышленности, что было характерным для 1950—1952 годов, но и борьба с косностью, зазнайством, вопросы перевоспитания рабочих. Так, в рассказе Вэй Вэя «Старая труба» показан типичный для современного Китая рабочий, еще тесно связанный с деревней. Писатель правдиво описывает, как этот труженик, пришедший на завод из деревни, постепенно преодолевает свои мелкобуржуазные пережитки. Он отдает свою землю в сельскохозяйственный кооператив и находит постоянное место в рядах рабочего класса.

Драматург Ся Янь в пьесе «Испытание» резко осуждает зазнайство, самоуспокоенность, косность. В пьесе показана деятельность двух руководителей завода. Когда-то они вместе боролись за победу революции, но на хозяйственной работе показали себя поразному. Один из них оказался на высоте положения — сделался передовым руководителем, второй же почил на лаврах, успокоился, перестал расти. Писатель глубоко и правдиво рассказал о том, как зазнайство ведет к отставанию и разложению.

Велики успехи современной китайской литературы в области пропаганды ростков нового быта, особенно в деревне.

Вот маленький рассказ одного из популярных современных писателей Китая Ма Фына под названием «Бракосочетание». В «Бракосочетании» Ма Фына — все новое. Здесь показаны новые люди, новая обстановка, новые отношения не только друг к другу, но и к своим родителям, к своим общественным обязанностям, ко всей окружающей жизни.

Китайский народ строит социализм в обстановке острой классовой борьбы. Идет она и на идеологическом фронте. Ярким показателем этого было разоблачение в среде писательской организации контрреволюционной группы Ху Фына. Прикрывающийся маской революционного писателя, критика и литературоведа, Ху Фын сначала был разоблачен как проповедник буржуазной идеологии в литературе и искусстве, как ярый враг марксизма, боровшийся за отрыв работников литературы и искусства от народных масс. Дальнейшее разоблачение Ху Фына и его группы доказало, что эти отщепенцы не ограничивались проповедью антимарксистских взглядов в области литературы и искусства, а давно уже занимались прямой контрреволюционной и шпионской деятельностью, направленной на подрыв народно-демократического строя. Ху Фын и его сообщники были разоблачены и обезврежены, китайский народ и Коммунистическая партия извлекли из этого необходимые уроки.

Пламенными патриотами показали себя китайские писатели, когда американские и иные империалисты развязали одну из самых гнусных войн, замышляя не только ликвидировать народные завоевания в Северной Корее, но и вторгнуться через нее в Китай. Китайский народ не мог быть к этому безучастным. По зову народного правительства на помощь корейским братьям устремились тысячи китайских народных добровольцев. Вместе с ними поехали на фронт и многие писатели. Некоторые из них пробыли в Корее по два и более года. Они делили с солдатами все лишения, подвергались бомбежкам, участвовали в боях, были свидетелями неслыханных зверств, совершаемых над населением империалистами. Многочисленные корреспонденции и фельетоны, рассказы и стихи, пьесы и повести китайских писателей показали всему миру звериный облик империалистических агрессоров, разоблачили их гнусные замыслы и продемонстрировали честность, мужество и героизм корейского народа и китайских народных добровольцев, боровшихся за свою жизнь, за родину, за мир.

Писатель Ян Со в результате двухлетнего пребывания на корейском фронте написал роман «Три тысячи ли по горам и рекам», показывающий братскую боевую дружбу китайского и корейского народов против американской агрессии, за мир во всем мире.

Писатель Лу Чжу-гэ в повести «Хребет Сангань» и писатель Ба Цзинь в своих очерках описали благородные качества китайских народных добровольцев — их высокий патриотизм и интернационализм, воспели подлинных героев нашего времени, самоотверженных борцов за мир.

Теплый прием читателей встретил сборник стихов поэта Вэй Вэя «Самые любимые»,

также посвященный борьбе с американскими агрессорами.

За последние два-три года в Китае появился ряд произведений о недавнем прошлом — о годах героических революционных войн в Китае. Таков замечательный роман Ду Пин-чэна «Оборона Яньани», посвященный одной из героических страниц борьбы китайского народа за свое освобождение.

Писатель Лю Чжи-ся создал популярное сейчас среди читателей произведение «Партизанский отряд железнодорожников». Известный писатель Лю Бай-юй в повести «Боевое счастье» описывает свою новую встречу со «старыми боевыми друзьями» по корейскому фронту — с бойцами и офицерами Народно-освободительной армии Китая.

В 1954 г. в Пекине была показана пьеса Цао Юя «Гроза», разоблачающая реакционные устои феодального строя, продажность компрадорской буржуазии. В декабре 1954 г. на сцене появляется «Светлый день», пьеса, написанная на основе личного опыта автора по работе в медицинском институте «Сехэ», основанного когда-то американскими империалистами с целью идеологической агрессии в Китае. Пьеса ярко повествует о перевоспитании интеллигенции Китая, ранее находившейся в идеологическом плену у империалистов. И теперь пьесы «Светлый день» и «Гроза» пользуются неизменным успехом у зрителей.

Основной темой и содержанием китайской литературы в наши дни естественно являются мирные вопросы — «большого скачка» в народном хозяйстве, лозунг «догнать Англию», организация и работа народных коммун, индустриализация страны и подъем деревни, обуздание рек и преобразование природы, подъем культурного уровня и перевоспитание населения и т. д.

В 1958 году вышел целый ряд произведений китайской литературы, посвященных современности. Так, автор известного нам романа «Весна пришла на Ялуцзян» Лэй Цзя закончил роман «На переднем крае» — вторую часть (после «Весны») трилогии «Скрытые силы». Автор «Урагана» Чжоу Ли-бо написал новый роман «Великий перелом», писатель Чжоу Эр-фу — «Утро Шанхая», автор известной нам «Битвы за Яньань» Ду Пэн-чэн — повесть «В мирные дни». Эти произведения показывают человека-современника, активного строителя социализма в Китае, человека вдохновенного труда.

Значительным явлением китайской литературы прошлого года является новый роман о рабочем классе писателя Ай У — «Сто раз закаляется сталь». В этом романе хорошо показана целая галерея передовых рабочих, руководителей завода. Таковы энергичные энтузиасты труда сталевар Цинь Дэ-гуй, парторг Лян Цзин-чун, мастер Юань Ти-фа и другие.

Интересна повесть Ду Пэн-чэна «В мирные дни», действие которой происходит на строительстве одной из крупнейших железнодорожных магистралей Чэнду — Баоцзи. На строительстве этой дороги побывали многие писатели, и повесть Ду Пэн-чэна, написанная на свежем интересном материале, по словам самого автора, прямо «разит правых элементов».

Прошлый год ознаменовался также выходом ряда романов на историко-революционные темы. Среди последних следует отметить первую часть многотомного романа старого революционера писателя Ли Лю-жу «Перемены за 60 лет». Работу над этим романом он начал еще при коптилке в пещерах Яньаня перед второй мировой войной. Первая его часть посвящена крушению монархии и революции 1911 года. Этот роман в скором времени выйдет на русском языке.

К популярным историко-революционным романам относятся также такие, как «Через тайгу и степные равнины» Цюй Бо, «Песня молодости» Ян Мо, «Красное солнце» У Цяна, «Цветы латука» Фэн Дэ-ина, «История Красного знамени» Лян Биня и другие.

Роман Цюй Бо написан на основе лично пережитых автором событий. Он имеет захватывающий сюжет, много приключений, рисует бесстрашных бойцов и командиров Народно-освободительной армии Китая.

В романе молодого писателя Фэн Дэ-ина «Цветы латука» описывается война против японских агрессоров. Роман оставляет глубокое впечатление, в нем много захватывающих картин борьбы. Роман этот пользуется большой популярностью у китайского читателя.

В этом году оба романа выйдут на русском языке.

Современная китайская литература родилась под влиянием нашего Октября, нашей советской литературы и с самого начала она восприняла наше социалистическое направление.

Китайская литература наших дней — это литература социалистического реализма, правдиво, художественно отображающая жизнь великого народа, его борьбу за свое счастливое настоящее и будущее, за социализм,

Евг. Березовский

ИСКУССТВО ДРУЗЕЙ

(О передвижной выставке китайского изобразительного искусства)

Два исполина, два народа, два друга! Русская пословица гласит: самый верный способ иметь друга — это быть другом. Такими узами дружбы связан наш народ со своим великим соседом — с китайским народом. Не на время, не на сегодня — навсегда. И не по советам, не по подсказке — по велению сердец.

И что бы ни рассказывалось о великом соседе и друге, о его стране, о природных богатствах и быстром росте промышленности, о достижениях в науке и искусстве, о высоких урожаях риса и яблок — наши люди от школьников до стариков всегда слушают с большим интересом. А закончишь — просят рассказать еще.

Мне, как внештатному научному сотруднику Иркутского художественного музея, пришлось побывать во многих клубах и домах культуры крупнейших предприятий нашей области с передвижной выставкой китайского изобразительного искусства. За четыре с лишним года эту выставку посетило около 100 тысяч человек: строители ГЭС и железнодорожники, лесорубы и машиностроители, шахтеры и градостроители, колхозники, служащие различных учреждений, студенты и школьники, работницы фабрик и домохозяйки, пенсионеры. За это время было прочитано около 400 лекций о строительстве социализма в Китае и лекций-экскурсий по выставке китайского изобразительного искусства.

И мне трудно передать то чувство огромного интереса, с каким слушались лекции, чувство интереса и восторга, с какими осматривались экспонаты выставки. В книгах отзывов об этом ярко говорят многочисленные записи наших земляков.

«Осмотрев выставку китайского искусства, — пишут рабочие чаепрессовочной фабрики, — и прослушав беседу о ней, мы узнали много интересного, увидели, что китайский народ идет к новой жизни, имеет много достижений в экономике, культуре. Нам очень понравились картины художника Сюй Бэй-хуна, гравюра Гу Юаня «Письмо Мао Цзэ-дуну» и многие другие».

«Мы многое узнали о жизни Китая до революции и о жизни нового Китая. Мы очень приветствуем организацию такой выставки», — заканчивают свою запись спортсмены ДСО «Строитель» тт. Сафронов, Шураев, Томихина и другие.

Около двух месяцев экспонаты выставки находились в Иркутском Дворце пионеров. С блестящими от восхищения глазами осматривали наши школьники образцы китайского изобразительного искусства, задавали множество вопросов, правда, касающихся больше жизни и быта китайского народа, китайских детей, просили прочесть китайские надписи и т. д.

«Посетив выставку китайского изобразительного искусства, мы много узнали о жизни и творчестве китайского народа»... — пишут ученики 26-й Черемховской школы. «...Мы хотим написать китайским ребятам и хотим завязать с ними дружбу», — добавляют пионеры города Иркутска Галя Тигунова, Светлана Галькова, Неля Ефимова, Тома Главинская.

Подобных записей в книге очень много.

* *
*

Наша передвижная выставка знакомит с новыми этапами развития китайского изобразительного искусства с древнейших времен до наших дней.

Самые древние образцы этого искусства относятся к периоду «Чжань-го» (борющихся царств), то есть к периоду 5—3 веков до нашей эры. Они найдены в провинции Хунань уже при народной власти и характеризуют высокий уровень культуры того времени в древнем Чусском княжестве. К этим образцам относится бронзовое зеркало с художественной рельефной отделкой с оборотной стороны, картина на шелке с очень тонким изображением женщины и мифической птицы-феникса, а также деревянные изделия, покрытые лаком. Среди последних — щит, поднос, блюдо, музыкальный инструмент, статуэтки и др. Все это работа искусных китайских мастеров.

Эпоха Хань (206 год до нашей эры) была длительным и важным периодом в истории Китая. В этот период проходило образование единого централизованного сильного китайского государства. Эпоха характеризуется также проникновением в Китай буддизма, изобретением бумаги, значительным развитием культуры и, в частности, развитием изобразительного искусства. В произведениях искусства этой эпохи появляются черты реализма, конкретизуется образ человека; высоким изяществом отличаются изделия из бронзы, нефрита, лака, а также керамика.

Эпохи Тан (618—907 гг.) и Сун (960—1279 гг.) представлены на выставке первыми прекрасными образцами китайской живописи на бумаге. Из них можно упомянуть такие шедевры национальной живописи, называемой «го-хуа», как «Ночная пирушка у Хань Си-цая» художника Гу Хун-чжуна и «На реке в день праздника Цинмин»—Чжан Цзе-дуаня.

«Ночная пирушка» — это выдающееся произведение средневекового искусства Китая. Картина отличается особенно яркой поэтической выразительностью, хорошо показывает быт и нравы феодальной знати Китая 10-го столетия, воспроизводит различные детали быта того времени: одежду, мебель, посуду и т. д. На картине Чжан Цзе-дуаня — «На реке в день праздника Цинмин» — изображен вид города Кайфына, бывшей столицы династии Северная Сун. На этом свитке длиною 525 см показано множество людей различных слоев общества, а также улицы города, пригородные деревни, мост через реку. На картине с особой выразительностью отображена жизнь народа того времени во всем своем многообразии. Эта картина послужила образцом для многих художников последующих поколений.

Китайская национальная живопись «го-хуа» — это очень своеобразная живопись. Картины пишутся на бумаге или на шелке, тушью или акварелью и по форме представляют собою горизонтальные (картины-рассказы) или вертикальные (пейзажи) длинные свитки. В отличие от европейской так называемой линейной перспективы китайские художники используют перспективу сверху, как бы с птичьего полета. Поэтому экспозиционная площадь пейзажа здесь увеличивается и усложняется, а своеобразное построение пространства через деление всей композиции картины на несколько планов представляет изображение в движении, в развитии. Отсутствие светотени и как бы замена ее особой выразительностью контурных линий придает картинам своеобразное опоэтизирование природы, изображаемых предметов.

В китайском изобразительном искусстве большое значение имеет также символика. Любимыми символическими сюжетами китайских художников являются такие, как лотос— идея честности и благородства человека («растет из грязи, сам не загрязняясь»), бамбук— олицетворение прямого и стойкого человека, две птички или две рыбки — супружеское счастье, красные розы — пожелание радости, дракон — символ народной силы и мощи и т. д. Все это наделяет картины глубоким содержанием, как бы говорящим на втором (не видимом на картине), условном, языке.

Все эти принципы и условности в изобразительном искусстве сыграли свою положительную роль в изображении природы, в ее опоэтизировании, в развитии техники живописи и т. д. Но с течением времени этот догматизм в искусстве, эта ограниченность, стали тормозом на пути дальнейшего развития искусства. Если в изображении цветов, птиц, животных, пейзажей китайские мастера достигли большого мастерства, то в изображении человека их живопись становится условной: она не показывает чувств человека, не считается со строением его тела. На старых картинах человек выступает как маленький затерявшийся среди гор и деревьев придаток природы, а не как активный покоритель и преобразователь. Искусство стало отрываться от жизни, терять народность, реализм.

Современное реалистическое изобразительное искусство в Китае родилось и крепло вместе с революционным движением китайского народа. Прогрессивные художники так же, как и писатели, выступили вместе с наро-

дом в борьбе за победу социализма. В годы гражданской революционной войны 1946—1949 гг. передовые художники Гу Юань, Янь Хань, Ван Ши-кэ, Ли Цзюнь, Шао Юй, Цай Жо-хун и другие принимали непосредственное участие в этой войне, находясь в рядах Народно-освободительной армии Китая. В своих произведениях они отобразили героизм и победы китайских войск, боевые дела партизан, работу по проведению земельной реформы и другие революционные подвиги китайского народа.

Победа революции и образование в 1949 г. КНР создали небывало благоприятные условия для развития всей китайской культуры. Впервые в истории Китая изобразительное искусство поставлено на службу народу в общегосударственном масштабе, превратилось в могучее средство идейного воспитания трудящихся. Критически осваивая старое художественное наследие, овладевая методом социалистического реализма в искусстве, учась у советских мастеров, китайские художники создают произведения, ярко отображающие жизнь и борьбу китайского народа за построение социализма, за мир во всем мире.

На выставке представлена большая серия гравюр на дереве, новогодних картин — лубков, акварелей, плакатов, посвященных трудовым подвигам китайского народа.

Массовое, наиболее доходчивое средство агитационно-разъяснительной работы в руках китайской коммунистической партии — плакат. Китайские художники создают разнообразные по содержанию и по манере письма плакаты. Они настолько выразительны, что становятся понятными даже для неграмотных, не умеющих прочитать надписи текста под плакатным рисунком. Таковы представленные на выставке плакаты Чжан Би-у «Мы все за мир», Цзян Чжао-хэ «Письмо китайским народным добровольцам в Корею», Тао Моу-ци «Капитальное строительство нужно вести хорошо, экономно и быстро», Цай Чжан-хуа «С помощью Советского Союза проведем индустриализацию страны» и многие другие работы.

Гравюра и новогодняя картина (лубок), как и плакат, тоже оперативная и доходчивая форма печатной пропаганды. Новогодние картины («нянь-хуа»), которые исстари любит и которыми украшает свои жилища простой народ, за годы войны и народной власти претерпели значительные изменения. Они стали ближе к жизни. Вместо религиозных тем и различных новогодних пожеланий в них теперь освещаются актуальные вопросы текущей жизни народа. Вот некоторые из серии лубочных картин, представленных на выставке: Дэн Шу «Радушная встреча советских друзей», Дин Юй «Да здравствует единение народов Китая», Янь Хань «Новый, свободный и счастливый брак» и другие.

Большие успехи имеет в Китае гравюра на дереве. За годы народной власти ведущие граверы Китая добились замечательных успехов в технике гравирования, выразительности рисунка и актуальности тем гравюр. На выставке представлена большая серия одноцветных и многоцветных гравюр, охватывающих по тематике все основные вопросы жизни китайского народа. Наиболее интересными являются гравюры Янь Ханя «Строительство плотины на реке Хуай-хэ», Ли Кэ-жаня «Организованный отдых отличников труда в парке Бэйхай», Гу Юаня «Рабочие идут в вечернюю школу», Сао Су «Остановите войну, спасите мир!» и другие.

Большие успехи в Китае имеет молодая, но быстро растущая современная живопись маслом. На выставке имеется серия хороших репродукций с этих картин. По содержанию они составляют своеобразную летопись китайской народно-демократической революции. Первая картина из этой серии Чжоу Линчжао «Движение 4 мая» отобразила грандиозную пекинскую демонстрацию 4 мая 1919 года, положившую начало великой китайской революции. «Движение 4 мая родилось в ответ на призыв мировой революции, призыв русской революции, призыв Ленина», — говорил тов. Мао Цзэ-дун.

Картина Мо Пу и Ли Чжен-цзяна «Восстание в Наньчане» фиксирует другую важную революционную дату — восстание в Наньчане 1 августа 1927 года против Чан Кай-ши. Восстание было проведено под руководством Чжу Дэ, Чжоу Энь-лая, Хэ Луна и Е Тина. Годовщину восстания наши друзья празднуют как день Народно-освободительной армии Китая. Картина Цзинь Лана и Цао Сы-мина «Победа над японцами в Пинсингуане» и картина Вал Лю-Цю «Хуайхайская битва» также являются картинами-документами, показывающими две победы революции. Победа в Пинсингуане была в сентябре 1937 года, а Хуайхайская битва в январе—феврале 1949 года. В этой битве революционная армия Китая разбила почти миллионную армию Чан Кай-ши и вышла к берегам Янцзы.

На выставке представлено несколько репродукций с картин маслом, отображающих жизнь уже свободного Китая. Такова картина Ли Цзу-зиня «Приветствуем открытие железной дороги Чэнду—Чунцин». Эта картина, написанная художником с некоторой данью традиционной живописи «го-хуа» (перспектива

сверху), ярко показывает богатую Сычуаньскую природу и радость людей, приветствующих первый поезд на новой дороге. Интересен также пейзаж молодого талантливого художника Дун Си-веня «Утро в горах Цилянь». В районе величественных скалистых Циляньских гор, неоднократно воспетых поэтами, уже прошла Дорога дружбы Алма-Ата—Ланьчжоу. Пейзаж Дун Си-вэня, показывающий утро в горах и разведчиков, снявшихся со своего ночного пристанища, напоминает то время, когда трасса дороги здесь только намечалась.

На передвижной выставке представлена также коллекция вырезок из бумаги («чуанхуа»). Этот вид искусства любим китайским народом, особенно крестьянами, и имеет длительную историю. В различных районах Китая он имеет свои особенности и отличается по стилю, по технике выполнения, отчасти по содержанию. Обычно это изображения цветов, птиц, зверей. Но в современных вырезках все чаще встречаются сюжеты на общественно-политические и производственные темы, а также на темы нового быта. Нередки также вырезки на очень сложные сюжеты, взятые из популярных романов, опер и легенд.

Материалом для вырезок служит обычно тонкая рисовая или шелковая цветная бумага, реже применяется белая, а иногда вырезка раскрашивается в несколько цветов.

Китайское народное искусство вырезок из бумаги имеет важное воспитательное значение, и было бы очень полезно привить это искусство нашим детям. Оно приучает к трудолюбию и терпению, воспитывает художественный вкус.

В заключение хочется сказать, что передвижная выставка в Иркутской области сыграла огромную роль в ознакомлении трудящихся с большим искусством наших друзей, с их достижениями в строительстве социализма, способствовала упрочению дружбы наших великих народов.

В. Д. Кудрявцев

«БЫТЬ И КРАСНЫМИ И СПЕЦИАЛИСТАМИ»

С каждым годом теснее становятся связи, крепнет дружба трудящихся Иркутской области с трудящимися провинции Ляонин Китайской Народной Республики. Иркутск и Шэньян стали городами-братьями.

Кафедра русского языка Иркутского государственного педагогического института уже давно установила тесную дружескую связь с факультетом русского языка Шэньянского педагогического института. Преподаватели обмениваются научными трудами, учебниками, пособиями по русскому и китайскому языкам, делятся своими успехами, планами, консультируют друг друга. Стали переписываться друг с другом и студенты.

Недавно наши друзья из Шэньянского пединститута прислали нам свой многотиражный факультетский журнал «Помощник», издающийся на русском языке на правах рукописи.

Цель журнала, как это видно из предисловия, — помогать студентам усваивать русский язык, воспитывать их в духе коммунизма.

В журнале печатаются на русском языке небольшие статьи, рассказы, стихи, песни, пословицы, поговорки, загадки, диалоги; ведется уголок юмора.

Рядом с русским приводится текст на китайском языке, в конце статей и рассказов дается перевод некоторых русских слов и выражений.

Содержание первых шести номеров (журнал стал издаваться с сентября 1958 года) позволяет ясно представить, как учатся, живут, о чем думают студенты факультета русского языка Шэньянского пединститута. В работе этого факультета есть много интересного и поучительного.

Все номера журнала говорят о том, что китайские студенты стремятся «быть и красными и специалистами», то есть стремятся глубоко усвоить марксистско-ленинскую теорию, применять ее положения в своей общественной деятельности и в то же время хорошо знать русский язык, умело преподавать его в школе, быть хорошими учителями — воспитателями подрастающих поколений.

Высокому званию педагога посвящена в первом номере специальная статья «Учитель», в которой говорится, что учитель — это инженер человеческих душ. Он сообщает детям знания, воспитывает в них самые благородные качества: честность, любовь к родине и труду, упорную борьбу с ошибками. Вся работа учителя должна способствовать формированию нового человека, строителя коммунизма. И дальше говорится, что учитель должен отдать все свои силы, всю свою страсть делу воспитания и образования подрастающего поколения.

Во втором номере журнала (19 октября 1958 года) помещена интересная статья «Сочетание теоретической учебы с производственной работой». В ней рассказывается, как один из ведущих политехнических институтов Китая перестраивает свою работу, увязывая теорию с практикой. «Из центра теоретической учебы этот институт превратился в центр теоретической учебы, производства и научных иследований». Такая постановка обучения позволяет готовить специалистов, которые одновременно могут быть и рабочими, и инженерами, и научными работниками.

Идея сочетания учебы в вузе с производительным и общественно полезным трудом нашла свое отражение в ряде стихотворений. В стихотворении «Закаляемся в труде» говорится, что студенты, участвуя в сельскохозяйственных работах, закаляют свой характер, волю; они вкладывают свою лепту в строительство коммунизма.

Тепло и с большим искренним чувством написано студентами 1 группы стихотворение в прозе «Здравствует труд!»

Наша эпоха —
это эпоха, в которую ветер
с востока одолевает ветер
с запада;
это эпоха, в которую один
день равен 20 годам.
Это эпоха, в которую Родина
идет к коммунизму;
это эпоха, в которую ум
народа невиданно развивается.
В эту великую эпоху видишь
везде и повсюду
счастливую радость,
новую обстановку,
живое творчество!

В педагогическую историю наша партия вписала блестящую страницу:

«Образование служит политике,
образование сочетается с производством».
Этот великий курс просвещения
указывает нам путь, как быть
красными и квалифицированными,
и ведет нас по дороге труда.
Труд закаляет нас и делает нас
такими твердыми, как сталь.
Труд меняет нашу идеологию.
Труд дает нам огромные силы.

. . . .

Заканчивается этот гимн труду словами:

Кто дает нам огромные силы?
— Великая партия!
Кто дает нам счастье?
— Опять великая партия!
Высоко поднимая красное знамя,
Мы идем
вперед,
вперед,
вперед!

В журнале «Помощник» много откликов на важнейшие события научной и политической жизни в Советском Союзе.

В четвертом номере журнала (10 января 1959 года) напечатана беседа в форме диалога о запуске Советским Союзом космической ракеты. Этот факт трактуется как потрясающее событие в науке, из него делается правильный вывод, что «запуск космической ракеты показывает беспримерные преимущества социалистического строя перед капиталистическим; что советская наука служит мирному делу, ее целью является благо и счастье всего человечества».

В пятом номере (20 января 1959 года) напечатан рассказ «Чан Э идет навстречу новому гостю». Согласно древней китайской легенде жена знаменитого стрелка из лука Хоу И красавица Чан Э, приняв эликсир бессмертия, превратилась в фею и поселилась жить на Луне во дворце Гуанхайгун, в обществе Юй-Ту доброго белого зайца. И вот потянулась скучная жизнь Чэн Э на Луне. И так было много-много лет...

Но вот случилось событие — «с земли послали ей курьера — советскую ракету, и скоро сам человек придет к ней в гости». И фея увидела, до какой степени могуча сила мира и социализма. Так древняя легенда оказалась связанной с мечтой человечества, которую осуществляют советские люди.

Проникновенно написана статья «Горячо приветствуем XXI съезд КПСС» (30 ноября 1958 года). «Словно утреннее солнце, несущее людям надежду, неисчислимые радости и вдохновение, озаряют сегодня весь мир тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС» — так начинает свою статью Лю Байюй. Автор говорит, что впервые он услышал о семилетнем плане, будучи на Фуцзяньском фронте: «Гремели орудия, свистели артиллерийские снаряды, земля содрогалась от разрывов. Но мы с бойцами слышали только волнующие слова тезисов. Я видел, как вспыхивали радостные огоньки в глазах товарищей...».

В заключение Лю Бай-юй пишет: «Семилетний план Советского Союза подобно локомотиву поведет за собой могучий состав свободолюбивых народов к вершинам осуществления человеческих идеалов. Эти рубежи все ближе и ближе. Пламя коммунизма пылает на всех горизонтах земли».

В журнале имеется ряд статей, рассказывающих об успехах Китайской Народной Республики в области промышленности, сельского хозяйства и культуры.

В каждом номере напечатаны слова и ноты популярных китайских и советских песен: «Сердца народов мира едины» (слова Чжао Сэ, музыка Цюй Ши-сян), «Песня о красном знамени» (слова Си Ян, музыка Ли Хуаньчжи); «Если бы парни всей земли», «Подмосковные вечера» и другие.

В журнале напечатаны сатирические сценки и юмористические миниатюрки: «Больная», «У Сун убивал тигра, но не убил», «Вино бессмертия» и другие. Высмеивая недостатки отдельных студентов, журнал помогает им исправлять ошибки.

Журнал этот, несомненно, полезен: он помогает студентам овладевать русским языком, воспитывает их. Он принесет еще больше пользы, если язык и стиль статей, диалогов, рассказов будет более тщательно отшлифован. Некоторые статьи, рассказы и диалоги написаны сухо и очень трудно читаются. А в учебном пособии, каким является этот журнал, язык должен быть простым, легким и понятным, чтобы каждый студент мог читать его самостоятельно. Техническое оформление журнала тоже надо усовершенствовать.

Несомненно, полезны переводы русских текстов и постатейные переводные словарики, приводимые во всех номерах журнала.

Отрадно отметить то, что русский язык в Китае является основным иностранным языком не только в вузах, но и в средних школах и техникумах. Везде он изучается с любовью и усердием. Это одно из свидетельств глубокого уважения наших китайских друзей к советскому народу.

Созданы специальные учебники русского языка для средних общеобразовательных школ и для вузов. В них учитываются особенности изучения русского языка китайцами, разработаны приемы преодоления специфических трудностей, обусловленных фонетическими, морфологическими и синтаксическими различиями этих языков. Все это способствует более успешному изучению русского языка в Китае. Уже сейчас многие китайцы, особенно из молодежи, в той или иной мере владеют русским языком. Пройдет 5—7 лет, и русский язык получит широкое распространение в Китае. А это еще более сблизит наши народы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Кунгуров

ВОСПИТЫВАТЬ НА ВЫСОКИХ ПРИМЕРАХ

(Записки делегата третьего съезда писателей СССР)

Весна в Кремле

Мы идем по гладкой асфальтированной дорожке Кремля. Липы и клены в густой зелени, листья шумят на ветру; ровные квадраты полян в раннем весеннем наряде, на клумбы еще только высаживают красные и белые тюльпаны, а на кудрявых кустах уже красуются тяжелые кисти сирени.

Тихие храмы и дворцы, толстые стены, крепкие ворота, сторожевые башни... Таким всегда рисовался нам Кремль — древний, строгий, недоступный. Но и сюда ворвалась всесильная весна, распахнулись ворота, и мы видим—у царь-пушки играют дети; маленькая девочка скачет на одной ножке; у царь-колокола группа колхозников фотографируется; из храма Ивана Великого вышли женщины и долго стоят на паперти, разглядывая тяжелое великолепие резных дверей.

...Зал большого Кремлевского Дворца быстро наполняется. Нам предстоит обсудить решающие вопросы нашего литературного дела, которое надо понимать не как сокровенное, только писательское. Литература у нас—богатство всенародное, государственное, общенациональное. Писатель и читатель неотделимы: приветствия съезду нескончаемым потоком идут со всех сторон нашей необъятной Родины. Трогательные слова пионеров и школьников сменяются полными размышления и забот о советской литературе сердечными строчками приветствий воинов, рабочих, колхозников, деятелей науки, искусства, культуры, просвещения. Эти приветствия слышатся на десятках языков народов мира.

В зале водворяется то деловое сосредоточие, в котором разум тысяч сливается в непоборимую волю дружного коллектива; съезд с первых и до последних дней работы проходит как символ дальнейшего единения и консолидации всех прогрессивных литературных сил. Уже во вступительной речи старейшего и любимого народами Союза писателя К. А. Федина прозвучали слова глубокого революционного накала, истинной взволнованности за ту великую роль, которая выпала на долю советской литературы в движении человечества за лучезарное завтра — коммунизм, за мир народов на земле, за благополучие трудящихся всего земного шара. Слова его звучат и светятся:

— Мы не можем обойти современных идей призвания писателя в международном плане. Среди этих идей возвышается интернациональная проблема войны и мира. Добиться устранения угрозы войны, прекращения преступных кровопролитий навсегда и повсюду—это долг писателей всего мира независимо от различия верований, идеологий, эстетических кредо.

Коммунистическая партия и Советское правительство, проявляя заботу о процветании литературы, считают писателей своими действенными рычагами в борьбе за мир, правду, дружбу трудящихся независимо от рас, национальностей, цвета кожи. Вот почему появление руководителей партии и прави-

тельства в президиуме съезда от души приветствовали и делегаты и гости. Долго не смолкали восторженные овации.

Хотя не так давно состоялся Первый съезд писателей Российской Федерации, в нашем сложном и ответственном литературном деле еще немало насущных проблем, по которым необходимо обменяться мнениями, открыть сердцу и разуму нашему новые горизонты. Вот почему с большим нетерпением и надеждами ожидали мы открытия третьего съезда писателей СССР. Это — событие большого общественного звучания, символ солидарности и укрепления наших литературных сил.

Уже заслушаны доклады. На трибуне сменяются оратор за оратором. Проходит день за днем, один другого интереснее, насыщеннее. Весна с новой силой врывается, раздвигает беломраморные стены дворца, и повсюду слышен ее вдохновенный голос. На Красной площади полыхают пурпурные знамена, бьют барабаны, играют горны, разноцветные шары взвиваются в поднебесье, двигаются живым потоком пионеры. Сегодня знаменательная дата — начало пионерского движения в стране Советов. Тридцать семь лет тому назад родился первый пионерский отряд. Писатели растроганы; пионеры идут, идут, песня льется над Москвой, и в этой песне сердца наши слышат голос весны человечества, голос тех, кому суждено жить в коммунистическом обществе, своими руками строить это солнечное будущее. Радостно оглядываем ряды пионеров, ровная линия красных галстуков кажется ярким огоньком, бегущим в бесконечную даль. Александр Твардовский говорит:

— Хорошо, что мы вышли на Красную площадь. Разве можно было пропустить такой парад...

Немного цифр

В перерыв между заседаниями съезда мы встретились с представителем писательской общественности Монгольской Народной Республики, нашим давнишним другом, драматургом Оюун. Ей предстояло скоро выступать, она заметно волновалась. Съезд ее очаровал, и она не находила слов выразить свое восхищение:

— Какой интерес к литературе... Огромный зал каждый день переполнен...

— Да. Писатели в Советском Союзе пользуются всеобщей любовью.

— Побывала на книжном базаре — уйма хороших книг, глаза разбегаются...

— Взгляните, немного цифр, и перед вами откроется картина невиданного размаха издательского дела в СССР.

Мы углубляемся в цифры.

После Второго съезда писателей СССР вновь создано 28 журналов, 7 альманахов, 4 газеты. Только издательство «Советский писатель» за четыре года дало читателям 1440 книг тиражом 41,7 миллиона экземпляров; из них 967 произведений — новинки. Со своими первыми книгами выступили в печати около ста начинающих литераторов...

Неотразимо влияние и популярность книг советских писателей за рубежом. Об этом с трибуны съезда говорили зарубежные гости: Мао Дунь (Китай), Ярослав Ивашкевич (Польша), Пак Уа Гер (Корея), Александр Пена (Израиль), Юбара Люба (Индонезия), Данг Тхай Май (Демократическая республика Вьетнам), Банараси Дас Чатурведи (Индия), Георгий Караславов (Болгария), Эвин Штриттматтер (Германская демократическая республика), Татудзо Исикава (Япония) и многие другие. Запомнились разительные цифры, приведенные на съезде Мао Дунем: со времени образования Китайской Народной Республики произведения советской художественной литературы были изданы там общим тиражом в 81965000 экземпляров. Может быть, это случайный исключительный и не характерный. Но неотразим язык цифр: только за три последних года за рубежом издано 17 000 названий книг 1226 советских писателей.

Выступления ораторов на съезде убедительно подтвердили животворную мысль о том благородном влиянии, которое оказывают на прогрессивные силы мира произведения советских авторов. Это влияние крепнет, наступает, ширится подобно алому зареву, охватывающему утреннее небо. Вспоминаются проникновенные слова гостя из Южной Индии Тхакажи. Он говорил, что в советской литературе столько солнца, оптимизма, веры в человеческое сердце, что даже тургеневский нигилист Базаров сегодня стал бы оптимистом.

В фойе мы встретились с известным писателем Болгарии Г. Караславовым, автором чудесных рассказов и повестей о жизни и борьбе простых болгарских людей за свое счастье. Мы обменялись книгами. Вечером, читая книгу Г. Караславова «Рассказы и повести», мы обратили внимание на автобиографический отрывок «Как я учился писать». Здесь говорилось, что из иностранных писателей наиболее сильное влияние оказал на Г. Караславова Максим Горький, который произвел целый переворот в сознании автора, открыл перед ним окно в неведомый мир.

С книгой не хотелось расставаться. Приметный след оставили строчки из автобиографии Г. Караславова.

«Писатель, который не любит своего народа и родины, не может любить и других людей и другие народы, он вообще не может быть писателем, так как не может существовать художественное произведение, в котором не жила бы глубокая любовь к человеку, к народу, к трудовому и прогрессивному человечеству. Пожелаем молодым писателям учиться у всех классиков и у всех прогрессивных писателей и прежде всего учиться у великой, непревзойденной и занявшей ведущее место в мире советской литературы».

Сокровенные мысли болгарского друга разделяют наши друзья во всем мире.

Мастерство и еще раз мастерство

Прослушав обширный доклад А. Суркова «Задача советской литературы в коммунистическом строительстве», мы, писатели-сибиряки и дальневосточники, не дожидаясь открытия прений, обменялись мнениями. В докладе нет проблем, которые бы не обсуждались писателями на местах, которые не волновали бы сердце каждого, кто работает в литературе. И все-таки вся сложность и ответственность писательского дела вновь заставила каждого из нас внимательно и чутко вникнуть в суть поставленных в докладе вопросов. Вновь во всей остроте и весомости была выдвинута проблема современности — основа основ нашей литературной жизни. Каждый писатель убежден, что отражение современности, изображение героев наших дней — столбовая дорога советской литературы, ее генеральная линия, ведущая к высотам великого искусства слова. Но каждый раз проблема современности раскрывается в новом и новом свете, как проблема политическая, этическая и эстетическая. Идет ли разговор об использовании славных традиций русской классики, или о новаторстве, ключом к разрешению этих вопросов является проблема современности. Выдающиеся классические произведения родились, как отражение жгучих явлений современной писателю общественной жизни и борьбы, то же можно сказать и о лучших созданиях советской литературы. Не отраженное в литературе решающее явление современности немедленно превращается в прошлое, и попытки зафиксировать, отразить его задним числом всегда чреваты осложнениями. Даже поборники так называемых «вечных» тем в литературе (любовь, ревность, зависть, материнское чувство и пр.) должны запомнить, что, строго говоря, «вечных» тем нет. Любое из «вечных» чувств и характеров, не воплощенное в конкретный образ, оторванное от национальной и классовой среды, от типической обстановки, не имеет никакого отношения к подлинной художественной литературе. Отсюда и те резкие и трезвые голоса, которые прозвучали на съезде как упрек, как осуждение тех, кто стремится подменить актуальностью художественность. Смешными и немощными кажутся утверждения: произведение прекрасно по теме, оно злободневно, современно, актуально, хоть слабо по художественному выполнению. Произведения, прекрасные по содержанию и никудышные по форме, не могут считаться истинно литературными творениями. Наивны рассуждения о том, что произведение быстро умерло, забылось только потому, что умерла и забылась самая тема, которая когда-то была актуальной, а теперь, отслужив свой срок, выпала из памяти общества. В докладе А. Суркова убедительно подчеркнута неправомерность этой мысли:

— Короткая жизнь написанных на животрепещущие темы и на современном материале литературных произведений обусловлена не актуальностью, а их художественной беспомощностью.

Немало мы говорили и говорим о герое нашей современности. Не подтвердила творческая практика правомерность «идеального героя», героя «с червоточинкой», но неопровержима истина — силой положительных образов, истинных героев созидания, через реалистические светлые картины советская литература утверждает победу нового над отжившим, гневно отметает пережитки старого.

Буржуазные пропагандисты, ревизионисты всех видов бешено атакуют наше стремление бороться за новое силой воздействия положительного героя, образом, достойным подражания. В своей человеконенавистнической «философии» заклятые враги социализма зашли в тупик, заблудились в глухих дебрях. Они тщатся доказать, что положительный человек на земле это такой же миф и несбыточное, как живые розы на луне. Человек человеку искони враг, каждая человеческая особь отчаянно бьется за место под солнцем. Вот, мол, закон жизни, двигатель всего...

На съезде К. Чуковский привел ужасающие факты «расцвета» в США литературы «роскошных смертей», «сногсшибательных, причудливых, виртуозных убийств». Такая литература должна убеждать читателя, что «убийство тоже имеет всю прелесть новизны и пикантности».

И чем развязнее это глумление над человечеством и человеком, тем ответственнее роль литературы социалистического лагеря в борь-

бе за человечество и человека, утверждение гуманизма, пропаганду положительного, веру в светлое, лучезарное утро мира...

Обсуждая разделы доклада и споря по отдельным его положениям, один из нас сказал:

— Вы только вдумайтесь — стать первыми в мире по художественному мастерству... Уж не слишком ли?

И все пришли к единому: нет, не слишком... Только в подъеме уровня мастерства, в повышении требований к художникам слова заложена та сила, которая способна обеспечить невиданный расцвет советской литературе — передовому отряду прогрессивной литературы всего мира.

Невольно водворилась тишина, и мысли каждого обратились к практике, к нашим конкретным литературным делам. Все ли у нас благополучно? Когда думаешь о нашей роли и месте во всенародном движении за преобразование Сибири, невольно удивляешься неисчерпаемым возможностям, необъятным горизонтам. Есть где приложить писательские руки, развернуть творческие возможности. Иркутские писатели пришли к Третьему съезду не с пустыми руками. Немало произведений завоевали симпатии читателей, решительно перешагнули не только областные границы, но и границы нашей страны. Нет нужды перечислять книги и их авторов, это неоднократно делалось. Волнует и неотступно беспокоит другое. В свете Третьего съезда писателей СССР многие, казалось бы уже известные проблемы, выступают в новом разрезе. Углубление в жизнь, всестороннее ее осмысление — творческий закон писателя, это живая потребность, без которой нельзя двинуться ни шагу вперед. Наши писатели и литературный актив часто бывают на крупнейших стройках: Иркутской и Братской ГЭС, строительствах железнодорожной магистрали Тайшет—Абакан, линии высоковольтной передачи Иркутск — Братск, алюминиевого комбината, Коршунихинского железорудного бассейна, почти во всех городах и районах области. Расширилась база для роста писательской организации; в ее ряды вливаются свежие силы непосредственно с боевых участков строительства, переднего края борьбы за выполнение великого семилетнего плана. Убедительным подтверждением является недавно прошедшее областное совещание молодых авторов, на котором активно участвовало более ста начинающих литераторов. Кажутся необъяснимыми и странными некоторые факты. Каждый возвратившийся со стройки крупного предприятия, колхоза, совхоза восторженно рассказывает о виденном и пережитом, об интересных самобытных натурах, о вдохновенном размахе народной инициативы. Но нередко случаются неожиданности: напишет этот товарищ очерк, рассказ, повесть на свежем, им же открытом материале, получается серо, безжизненно, схематично. И сам автор соглашается, что вышло не то, плохо, неубедительно, неинтересно. Одного знания фактического материала для искусства мало. Причина просчетов и неудач единственная — недостаток художественного мастерства; оно в умении взять из действительности решающее, отобрать коренное и существенное, суметь перевоплотить правду жизни в правду искусства. Суть не только в умении выбрать актуальную тему, но и в том, чтобы увлекательно развернуть сюжет, соблюсти композиционные пропорции, выписать живые характеры, отточить стиль и язык.

Доклад А. Суркова и прения наполнены искренней творческой тревогой — писать надо и только на высоком уровне, о тех, кто самозабвенно трудится на переднем крае фронта коммунистического строительства.

Нельзя забыть то место из доклада, где говорилось о дальнейшей консолидации писательских сил, о решительной борьбе за чистоту идейного знамени советской литературы, о неустанном разоблачении наших идейных противников, всех этих неистовых хулителей метода социалистического реализма, отрицателей партийности и народности литературы, — ревизионистов всех оттенков и мастей. И прав А. Сурков, утверждая:

— Н. С. Хрущев преподал нам великолепный урок партийного отношения к вопросам идейной борьбы и заботливого ленинского отношения к творческим кадрам искусства и литературы.

Когда нас спрашивают, что проходило солнечной нитью через весь съезд, через все речи ораторов, какие высоты стоят перед писателями, которые они обязаны взять, мы отвечаем: мастерство и еще раз мастерство!

Это главное

И в зале съезда, и в кулуарах необычное возбуждение, оживленные разговоры не смолкают целый день. Только что с исключительным вниманием была выслушана речь Н. С. Хрущева: «Служение народу — высокое призвание советских писателей». Для многих зарубежных гостей все казалось необычным и неожиданным. Буржуазные пропагандисты навязчиво внедряют в сознание людей самые ядовитые и лживые понятия о советской литературе и советских писателях. «Несчастных

советских писателей» якобы насильно гонят на стройки, в колхозы, в шахты, на заводы и фабрики, им диктуют «директивы», приказывают, о чем писать и о чем не писать и т. д. И вот на трибуне съезда Первый секретарь ЦК КПСС и глава Советского правительства, улыбаясь, запросто, по-дружески повел задушевную беседу с огромным, до краев переполненным залом. Он не давал никаких директив, не делал безапелляционных утверждений — он делился своим жизненным и государственным опытом, вводил писателей в бурно насыщенную событиями внутреннюю и международную жизнь страны. Беседа его, наполненная и расцвеченная житейскими примерами и фактами, является неопровержимым доказательством беспредельной любви и забот партии и правительства о процветании советской литературы, о сердечном отношении ко всей писательской организации в целом и к каждому писателю в отдельности. Даже в случае тяжких ошибок, которые допустил тот или иной писатель; если он их осознал, разобрался в их ошибочности, «надо, по моему мнению, — говорил Н. С. Хрущев, — облегчить этим товарищам переход от ошибочных взглядов на правильные, принципиальные позиции. Не следует поминать их злым словом, подчеркивать их былые ошибки, не надо постоянно указывать на них пальцем. Только польза будет для общего дела. Напоминать об этом не надо, но и забывать тоже не следует». Н. С. Хрущев поднял важнейшие творческие вопросы, связанные с отражением современности в литературе, с изображением истинного героя наших дней — строителя коммунизма. Его речь — блестящий пример внедрения в жизнь бессмертных заветов Ленина в области литературы и искусства. Какими жалкими и нелепыми кажутся потуги буржуазных пропагандистов очернить советскую литературу, выступить на «защиту» свободы советских писателей. Как дым рассеялись лживые утверждения наших врагов, что советское правительство якобы печатает только те произведения писателей, которые считает нужными, и запрещает неугодные ему. Об этом красочно и убедительно говорил Н. С. Хрущев:

— Вы можете сказать: критикуйте нас, контролируйте и, если произведение ошибочное, не печатайте его. Но вы знаете, нелегко сразу разобраться в том, что печатать и что не печатать. Самый легкий путь — ничего не печатать, тогда не будет никаких ошибок, а человек, запретивший печатать то или иное произведение, будет выглядеть умным человеком. Но это было бы глупостью.

При общем одобрении и сочувствии всего зала Н. С. Хрущев легко и неопровержимо уничтожил бред буржуазных крикунов о том, что в Советской России будто бы критика — это правительственный меч, уничтожающий любого, кто попытается возвысить голос и бросить тень на руководство. Рассуждая о критике художественных произведений, Н. С. Хрущев неоднократно оговаривался, что он не литературный критик и не берет на себя подобные функции, он убедительно разъяснил суть критики, как общественной силы. Говоря о разоблачении ошибочных взглядов литераторов, недостатках их произведений, он сказал:

— Товарищи, не взваливайте на плечи правительства решение таких вопросов, решайте их сами по-товарищески. По-нашему, это будет критика и критика настоящая.

Большие, отеческие заботы проявил он и в таком трудном деле, как литературная смена. Справедливо им было указано на то, что в подготовке молодых литераторов допускались непростительные упущения и нередко вместо истинной заботы о молодых кадрах писательские организации занимались тепличным их выращиванием, создавали искусственные условия и по существу часто губили отдельные таланты.

Речь Н. С. Хрущева, прерываемая бурными овациями, была закончена принципиально важным утверждением о том, что нет неисправимых людей, что воспитательная функция литературы—одна из драгоценных ее сторон, что «в духовной деятельности предпочтительнее «лучше», чем «больше». Дайте одну книгу, но хорошую».

И делегаты, и гости почувствовали необычную близость, тот невидимый, но ощутимый контакт, ту искренность и человечность, с которыми обратился к ним руководитель партии и правительства. Заканчивая выступление, он выразил благодарность за внимание, подчеркнул, что не застрахован от оговорок, поэтому просит не быть строгими судьями.

Что же главное, к чему по долгу своего сердца обязан стремиться писатель? Н. С. Хрущев указал:

— В наших условиях надо подходить к людям чутко, верить в человека, видеть свою конечную цель — борьбу за коммунизм. Надо воспитывать и перевоспитывать людей. Путем принципиальной критики, идейной борьбы надо стремиться к сплочению коммунистических сил, которые идут за нашей партией в борьбе за построение коммунизма. Это — главное.

Съезд не принимал никаких резолюций. В этом не было и надобности. Надежным компасом на годы послужат писателям документы

неотразимой силы — Приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и речь Н. С. Хрущева «Служение народу — высокое призвание советских писателей».

Партия призывает писателей жить и творить для народа и во имя народа. Это — благородная цель, высшее назначение писателей.

Советская литература уходит своими корнями в толщи народные, такая литература, как могучий дуб, твердо укоренившись в земле, живет в веках. В приветствии ЦК КПСС съезду ясно определены ее задачи на новом историческом этапе, как литературы коммунизма. Она должна быть великой не только по богатству идейного содержания, но и по художественному совершенству. Незыблем творческий закон: большие идеи требуют высокого мастерства, героические характеры — достойного художественного воплощения. Совершенствование мастерства, серьезное повышение требовательности к художественному качеству произведений являются в современных условиях одной из самых важных задач. Эти мысли отражены и в Уставе союза писателей СССР и в ответном послании съезда Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. Комиссия по Уставу тщательно отработала основополагающий раздел Устава, где отражается то новое, что принес современный этап движения нашего общества к коммунизму; съезд требовательно обсуждал и принимал каждый пункт Устава. Социализм победил в СССР полностью и окончательно, и страна вступила в период развернутого строительства коммунизма. Литература неотделима от этого исторического преобразования, и путь писателей ясен и тверд; в Уставе записано: «Писатели нашей страны призваны на основе неразрывной связи с жизнью народа отображать всю полноту созидательной деятельности советских людей, их общественного и личного бытия, показывать новое, коммунистическое, уже сейчас раскрывающееся в их труде и характере, утверждать идеи социалистического патриотизма и интернационализма, действенно бороться с пережитками капитализма и чуждыми влияниями, смело вскрывать реальные противоречия и конфликты, всемерно помогая победе нового, передового».

23 мая съезд закончил свою работу; активность и заинтересованность делегатов и гостей показательна — в прениях выступило 87 человек. Подвел итоги съезда старейший поэт, неутомимый борец за мир Н. С. Тихонов. Слово его, как отражение мнения всех присутствующих на съезде, прозвучало по-писательски искренно и призывно:

Лишь после того, как улягутся волнения, связанные с пребыванием на съезде, начнутся у нас волнения другого порядка — творческие, вдохновенные, захватывающие писательский труд.

Так с новыми силами за работу, товарищи писатели!

Вячеслав Тычинин

В ГОСТЯХ У ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Пасмурный, не по-летнему прохладный день. Выбравшись из толчеи московских улиц, наша «Победа» обрадованно мчится по широкой бетонированной глади Минского шоссе. Убегают назад зеленокудрые подмосковные перелески, геометрически прямые линии электропередач, красные крыши дачных поселков.

На двадцать шестом километре машина сворачивает на узенькую дорожку. Пробираемся переулками писательского поселка Переделкино. И вот нужная нам дача. В ней живет автор «Русского леса», крупнейший писатель современности, недавнее шестидесятилетие которого отметила вся страна, лауреат Ленинской и Сталинской премий, депутат Верховного Совета СССР — Леонид Максимович Леонов.

Народ называет советских писателей инженерами человеческих душ. Это определение дышит глубоким уважением к писательскому труду, доверием к тем, кто призван своим словом воспитывать современников, «глаголом жечь сердца людей». И как же радостно, когда облик, увлечения, поступки, вся жизнь писателя гармонично сочетаются с его творениями, ни на иоту не противоречат ни им, ни тому высокому представлению, которое издавна сложилось в нашем сознании о самом писателе.

Именно так обстоит дело с Леоновым.

С волнением входим в калитку. Вокруг — разросшийся сад. Тот, кто с такой страстной любовью писал о русском лесе, окружил себя им, чтоб всегда видеть милого друга, слышать неумолчный шепот листьев над рабочим столом.

Хозяин радушно встречает нас на пороге застекленной веранды. На Леонове просторный серый костюм, свободно облегающий его плечистую крупную фигуру. Зачесанные назад волосы с редкой проседью открывают высокий лоб. Из-под густых бровей смотрят внимательные серые глаза.

Хочется предельно использовать драгоценные минуты встречи с прославленным мастером художественного слова, узнать его суждения о литературе, книгах, писателях. Придерживая на коленях блокноты, жадно вслушиваясь в неторопливую речь писателя, заносим на бумагу его мысли, которыми он щедро делится с нами.

— Книги имеют свою судьбу — хабэнт суа фата либелли — приводит Леонид Максимович латинскую поговорку. — Это так. История пропускает всех нас через громадное сито. Она пробует писателей, наши книги «на зуб», испытывает временем. И только тогда определяется, кто из писателей по-настоящему дорог народу, кто запал в его сердце. Хочу надеяться, что хоть несколько лучших страниц из моих книг запали в сердце народа, остались в нем. Нет выше радости чести художнику, нежели признание его народом!

Глубокое волнение сквозит в проникновенных словах писателя. Народ! Вот высший су-

дия творчества. Радостно сознавать, что давно уже в сердце каждого из нас нетленно хранятся могучие леоновские образы, выплавленные в его творческом тигле: подвижник Вихров, советская девочка Поля, древний старец Калина, прозорливец Курилов, видевший впереди океан — коммунизм.

Раздумье над судьбой книг, естественно, приводит к мыслям о личной скромности писателя, его назначении в жизни.

— Мировая культура подобна коралловому атоллу, она тоже обрастает мириадами крупинок. Каждый несет свой вклад в общую родительскую суму поколений. Поэтому всегда полезно помнить о тех, кто сидел до нас в литературных креслах, — говорит Леонид Максимович, — какие художники слова предшествовали нам. Это учит смирению. Помните, как Васька Буслаев набирал свою дружину? Подходит человек к бочке, ему черпают чашу браги, он пьет. А Васька в это время его сзади оглоблей — р-раз по шее! И смотрит: устоял на ногах, — значит, — гож в дружину, нет — долой его. Способ, понятно, устарелый. Но есть другой — пробовать начинающего литератора «на успех». Ежели поддается человек похвале, маслятся глаза от дифирамбов— значит, крест на нем можно ставить. Не будет из него толку в литературе. Это не исключает другого. Вовремя сказанное слово похвалы стóящему человеку очень важно, оно окрыляет его, придает ему новые силы. Вот Горький никогда не боялся похвалить кого-нибудь, не опасался за свой авторитет. Он знал, что если и окажется в будущем слаб литератор, так он все равно не войдет в литературу, даже с горьковским напутствием. Конечно, авторитет у Горького был громадный. Он складывался у него в течение полувека...

Писатель говорит, а я вспоминаю слова Горького о нем самом: «В Леонове предчувствуется большой русский писатель, очень большой». Это сказано было после появления в свет первого романа Леонова «Барсуки». Не изменила зоркость взгляда основоположнику русской советской лутературы! Оправдалось его вещее слово. «Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел». Оправдались и эти горьковские слова. Каким блестящим созвездием одарил нас писатель земли русской! «Русский лес», «Соть», «Дорога на океан», «Скутаревский»... А глубинная, масштабная драматургия, а громокипящая публицистика Леонова!..

— Главное назначение писателя в жизни— делать человека лучше! — убежденно продолжает Леонид Максимович. — Хороший человек не ударит негра, не оскорбит женщину. Хорошему человеку его душевная гордость не позволит обмануть, предать.

Заговариваем о требовательности художника к себе, и снова Леонид Максимович возвращается мыслями к своему другу, с которым впервые познакомился в 1927 году в Сорренто:

— Горький сказал как-то, что если б ему дали еще лет этак с десяток жизни, он бы изо всего написанного им отобрал томов восемьдесять. Вот пример взыскательности большого художника. Ему же принадлежат известные, очень верные слова, что писатель прежде всего мастеровой литературного цеха. Не знаю другого, большего звания, чем мастер. Помоему, писатель должен уметь писать все: роман, пьесу, рассказ, передовицу, публицистическую статью, вплоть до листовки. А для этого нужно много работать. Ныне же, что греха таить, иные из наших мастеровых работают не в полную силу, чеканят алюминиевые полтинники на потребу дня. Где уж тягаться с ними в производительности тем, кто шлифует каждую строчку, подолгу гранит свое произведение, прежде чем отдать его на читательский суд!

Говоря о шлифовке строчек, Леонид Максимович поясняет свою мысль выразительными движениями пальцев, и мне вспоминается первая встреча с писателем в Центральном доме литераторов в декабре 1952 года на семинаре молодых авторов. Тогда, беседуя с нами, совсем еще «зелеными» юнцами, Леонид Максимович очень тепло рассказал о старом рабочем, коренном пролетарии, который обходил только что отстроенную станцию московского метрополитена и пробовал на ощупь — все ли ладно, добротно пригнано в подземном дворце.

Теперь, глядя на руки Леонова, я думаю о том, что они сродни рукам того самого старого рабочего. Да и мудрено ли! Писатель так же искусно выпиливает и строгает изделия из дерева, обрабатывает землю, выхаживает растения, как создает свои литературные произведения.

— Я очень люблю смотреть в окно на человека, занятого каким-нибудь делом и не подозревающего, что за ним наблюдают, — признается Леонов. — Такой естественности, правдоподобия каждого движения вы не увидите у лучшего артиста, признанного мастера сцены. Вот женщина шьет. Вот она опустила шитье на колени, улыбнулась своим мыслям, нахмурилась... Попробуйте воспроизвести эти движения на сцене так же безыскусно. Не получится!

Леонид Максимович развивает свои мысли об искусстве.

— Искусство прежде всего состоит из рассмотрения механики явлений. Как из маленького человека вырастает герой? Как зарождается любовь? Как человек создает шедевр? Очень важно с молекулярной точностью отразить гистологию душевных движений человека. Посмотрите, как великолепно описана Достоевским, например, сцена кражи бумажника генералом Иволгиным. Какой карандашный, точный, рельефный рисунок душевных движений у этого писателя.

Снова мне вспоминается та, декабрьская, встреча с Леоновым. Мысли, которые он сейчас высказывает нам, давно выношены. Это не торопливые фразы, только что пришедшие на ум. Помню, как тогда, семь лет назад, Леонид Максимович говорил нам о рельефности характеров, проникновении в душу героя.

— Иные персонажи словно вырезаны из бумаги. Смотришь в лицо — герой как герой, а повернешь его иначе, ребром, — плоский! То же с произведениями. Иной построит танк, все на месте: и звезда впереди, и пушку видно. Вокруг ахи восторгов. А через год спрашивают друг у друга: «Вы не помните, за что он премию получил?» Танк-то оказался фанерным! Мы все научились романы конструировать. Вот как-то ко мне пришел столяр. «Я, — говорит, — роман написал» — «О чем же?» — «О филенчатых дверях». Научились мы разнимать механизм золотой рыбки дотла. А соберут такую рыбку, пустят ее в воду, она не плавает. Не плавает!

От ремесленничества, поделок в литературе разговор переходит к нашим дням, событиям последних лет.

— Не думаете ли, Леонид Максимович, побывать у нас в Сибири? — задаю я вопрос, который давно уже вертится у меня на кончике языка.

— Не знаю, право. Как позволят время и здоровье. Ведь я только что закончил работу над новой редакцией «Вора»; в этом году роман выходит в «Советском писателе». Перенес недавно операцию. Надо набраться сил.

— Кто из молодых писателей кажется вам наиболее обещающим? — спрашивает критик Михаил Лобанов, автор недавно вышедшего исследования «Роман Леонида Леонова «Русский лес».

— Интересен и своеобразен Солоухин. Мне и выступление его на Третьем съезде писателей понравилось. Но неизвестно, куда он пойдет от своих «Владимирских проселков». Посмотрим, посмотрим...

— Какие книги вы собираете для своей библиотеки? — любопытствую я.

— Знаете ли, книгу надо выбирать, как невесту, с большим разбором. У меня на полках стоят любимые книги, в том числе редкие. А те, что служили для разных справок, нужны были временно, те уходят из библиотеки.

Хочется спрашивать еще и еще, задать Леонову десятки вопросов. Но мы и так отняли у писателя много драгоценного времени. Пора прощаться. Просим надписать на память привезенные с собой томики «Русского леса» и сфотографироваться вместе с нами.

Выходим в сад. В отдалении золотятся стволы рослых сосен. В окна дачи, срубленной из яично-желтых гладко оструганных бревен, заглядывает листва берез. Яблони, клен, туя, сирень... Мы знаем, что писатель сам ухаживает за своим садом. И не только ухаживает, но и выращивает новые породы. Вот у самой дорожки тщательно укутанный рогожей стоит куст с труднопроизносимым названием. Он привезен со склонов Гималаев. Редкий теплолюбивый гость хворает, с трудом привыкает к климату и почве Подмосковья.

Сад, видимо, напоминает Леонову о недавней встрече с румынским писателем академиком Захария Станку.

— Я ему сказал, — усмехается Леонид Максимович, — что писатели бывают разные. Один словно бы живет в тесной комнате. Войдешь к нему — весь его обиход сразу виден. Другой живет в квартире. У такого в первой комнате одна обстановка, в следующей иная. А есть такие писатели, у которых уже целый участок, его надо осмотреть, чтоб увидеть все. У Льва же Толстого настоящие окрестности. Там ходи да ходи, и все новое будешь открывать. Так же и книги. У иной на обложке 20 рублей стоит, а всего-то материалу в ней на семь гривен. А у Толстого книга и на 1000 рублей потянет...

Фотограф снимает нашу группу в леоновском саду. Дорогой реликвией будут для нас эти снимки, память о встрече с любимым писателем. Горячо пожимаем руку, знакомую с горьковскими рукопожатиями, создавшую прекрасные творения, от всего сердца желаем Леониду Максимовичу многих лет жизни, здоровья, новых творческих свершений.

Критика и библиография

В. Трушкин

ВЕТЕР ЮНОСТИ

Впервые имя Преловского привлекло внимание любителей поэзии года два назад, когда в витринах книжных магазинов появилась зелененькая, в карманный блокнот величиной, книжечка его стихов с веточкой багульника на обложке. Многое в этих стихах было еще наивным и незрелым. Чувствовалось, что автору не хватает жизненного опыта, богатства впечатлений, хорошего знания людей и окружающего мира. Поэтический кругозор его был необычайно узок. Молодой поэт писал о зарождении светлого и радостного чувства первой любви, горечи и боли разлук и недомолвок, о студенческой дружбе, восхищался красотами родной сибирской природы — ее таежными далями, могучим разливом стремительных рек, акварельными красками закатов и рассветов. Пытался он в своих стихах и философствовать, как-то по-своему осмыслить и обобщить увиденное и пережитое. Но в этой юношеской философии было больше претензии на глубокомыслие, нежели истинных слитков подлинной мудрости, что приходит с годами и отливается под пером поэта в афористически отточенные строчки.

О направленности и характере сборника хорошо говорили его разделы — «Провожая закаты и встречая рассветы», «С этюдником за спиной», «Мои тропинки».

Но в этой первой, во многом еще несамостоятельной книжечке было и нечто такое, что позволяло всерьез говорить о рождении нового поэтического дарования. Привлекали лиризм, родниковая свежесть и чистота, задушевность и непосредственность поэтических интонаций, своеобразие красок, пробивавшихся сквозь чуждые влияния и ученические премудрости.

И вот перед нами новая книга стихов Анатолия Преловского — «Просека»[1], вышедшая ровно через два года после «Багульника». Разумеется, это не тот срок, что необходим для полной идейно-художественной зрелости поэта. Тем отраднее отметить несомненный творческий рост Преловского, стремящегося выйти на широкую дорогу подлинного искусства.

Лирический герой «Просеки» уже не тот мнимоглубокомысленный юноша, который бесцельно бродил по извилистым тропинкам жизни с любительским этюдником за спиной. Он выбрался с этих тропинок на глубокую просеку, ведущую в большую жизнь. Иным стал угол зрения, под которым герой его стихов смотрит на мир, раздвинулись и границы самого мира, сместились смысловые акценты, обогатилась палитра художника. Если первый сборник открывался приглушенно лирическим: «Может быть, любви еще и нету... Март метелит, ветер щеки колет...» и завершался в том же эмоциональном ключе стихами об осеннем ветре, стучащем на рассвете «ставнем глухого окна», то «Просека» то и дело пробивает это подчеркнуто камерное звучание напором больших чувств и больших дел, гражданским пафосом, который, поднимаясь до высокого идейного накала, вместе с тем не утрачивает своей лиричности, не становится риторикой. Вместо поэтизации очень субъективных и не слишком-то далеко ведущих «моих тропинок» со стра-

[1] Анатолий Преловский. «Просека». Стихи, редактор В. Г. Волкова, Иркутское книжное издательство, 1959.

ниц «Просеки» понеслись, зазвенели уверенно и властно другие аккорды: «Мое отечество — Россия, мое призвание — Сибирь». Да и лирическое «я» поэта претерпело существенные изменения: в нем отчетливей зазвучало слово «мы», послышались голоса многих его сверстников, пришедших по зову сердца и зову партии осваивать необъятные просторы Сибири. В книгу решительно ворвались не только живые приметы времени, но и само это время, беспокойное и героическое, дерзновенное и молодое.

Подлинным героем стихов Преловского стала молодость, та крылатая юность, о которой хочется сказать словами самого поэта:

Да, молодость не терпит
Серых буден!
Ей нужен подвиг,
И она права!
Пусть наломает дров,
Но это будут
Хорошие и жаркие дрова.
...Она повсюду —
На горах и реках,
Растит сады
Иль тянет провода.
И в стройках,
Вбитых в середину века, —
Ее призванье,
Цель
И правота!

Стихотворение «Молодость», откуда взяты только что приведенные строки, — своего рода программное произведение ко всей книге. В нем намечены те магистральные каналы, по которым устремится неодолимый поток молодой удали и энергии, властно приковавший к себе взволнованное сердце поэта.

Перед читателем стихов Преловского развертываются зримые картины великой стройки. Вот на будущем «дне морском горят костры», очищая ложе братского водохранилища (стихотворение «Близ Братска»), вот комсомольцы ведут высоковольтную линию между Братском и Иркутском, мечтая «расплавить в киловатты шальную силу Падуна», чтоб «провести в глухие дали густые россыпи огней» (стихотворение «Высоковольтка»).

Это и есть та самая просека, проложенная через непроходимые таежные дебри, к подножью которой сибирский поэт принес и свой скромный поэтический букет:

Просека ныряет в море пашен,
И летят на север провода,
Проходя сквозь песни и пейзажи
Символом великого труда.

Приятно отметить в лирике Преловского отход от традиционных, набивших оскомину красок при изображении тайги — всех этих глухарей, сохатых, медведей и прочих атрибутов, так примелькавшихся в стихах иных поэтов. Для него характерен иной таежный пейзаж, где «тайга в котлованах, как в оспинках, морщины отвалов лежат». Но вот:

За февральскою заметью
Пахнуло весной —
И она
В награду за наше дерзанье
Подснежники
Вынесла
Нам.

Целый цикл стихотворений посвящает он строителям новой сибирской магистрали — «Станция Бирюса», «Бетонщики», «Вдали от дома», «Путеукладчик», «Вагонный городок», «Рядовой эпохи» и др. Герои цикла — опять-таки те самые вихрастые юноши и смуглолицые девушки, кто, не задумываясь, сменил налаженный уют городских квартир на нелегкую романтику вдохновенного труда, когда «после смены даже солнце казалось серым, как бетон». Это о них говорит поэт:

...Проездов ночная звонница
Летит,
На стыках грохоча,
По их мечтам,
По их бессоннице,
По их мальчишеским плечам!

Он не скрывает от читателя трудностей, которые приходится приодолевать молодости, «отчаянной и крылатой». Как всегда, на помощь юности приходят ее вечные спутники — песня и неистребимое жизнелюбие. Есть у Преловского стихотворение «Вдали от дома», где неплохо передана эта своеобразная атмосфера неустоявшегося быта двадцатилетних новоселов с их «палаточным, непостоянным, прошитым сыростью уютом». Здесь нет ни танцплощадки, ни баяна. Особенно скверно вечерами, «когда в палатках гаснет свет», когда «немыты, злы и бородаты лежат ребята по углам», осыпая градом ругани коменданта», и когда, кажется, вот-вот «грянет взрыв». А песня, «тихая, как лучик», уже опять крадется в дверь, от нее вдруг пахнет далеким домом, и — смотри! — она «берет ребят за плечи», чтобы снова повести туда, «где в сумрачных хвощах березы спят, молчит кустарник и лишь кузнечики трещат». С песней «станут мелкими обиды», человек становится «упрямей и сильней».

Не менее интересно решена та же тема молодости в другом стихотворении сборника — «В клубе». В наспех сделанный фанерный клуб собираются «незаметные девушки» и «хмурые парни», чтобы послушать лекцию о далеких звездных мирах. Но сухой доклад лы-

сеющего дяди не увлек сердца молодежи. Ее расшевелил гармонист, что «Дунайские волны» вокруг расплескал».

И пошли эти парни
и девушки эти
По дощатому кругу
в извечный полет —
Это юность моя
по уснувшей планете
Сапогами грохочет
и в танце плывет.

Напрасно ворчит о «приземленности» незадачливый лектор, оттесненный куда-то в простенок жарким, как сибирское лето, безыскусным танцем молодости. В самом деле, неужели этим парням и девушкам чужда дерзкая мечта о покорении космоса, неужели предел их желаний — танцы и пляска?

Что от звезд, от дерзаний
они далеки.
Нет! — их труд вдохновенный
над синей тайгою
К облакам
подымает
дома и дымки.

Поэзия поэта предельно ясна, он хорошо знает, что юности свойственны радость любви и счастья, что в этом упоении жизнью ее сила и дерзость, что именно они, эти загорелые парни и веснушчатые девушки, своими повседневными делами прокладывают путь и к цветущим садам земли, и к холодным звездным мирам. А посему:

Пусть танцуют,
пусть песни поют о страданье,
Пусть уходят в тайгу,
от весны разомлев, —
Стройка ждет их:
пути в глубину мирозданья
Пролагаются здесь —
на земле!

Радостно наблюдать, как от стихотворения к стихотворению мужает и крепнет, набирая силы, точно парус при попутном ветре, талант Преловского. Уверенней и смелее становится письмо, живописнее краски, значительней и весомей содержание. Ведь надо быть поэтом, чтобы сказать: «туча распорола бок о гору — и сочится небо синевой»... Только истинный поэт может создать такой неожиданно смелый образ. Он может поведать вам о том, как «на реке подсиненной льдиной в берега стучится весна», как ветер «будет грудью биться в избы и в нетерпении грубить», как лето, «холоду плеснув в зарю, спокойной зрелостью брусники легло в ладони сентябрю». В превосходной лирической миниатюре он расскажет о том, как художник написал войну:

Осенние бунтующие краски,
Лужок, покоем полный до краев,
И луч заката на щербатой каске,
Дымящийся и липкий, точно кровь.

Великолепно отработаны и отшлифованы, точно грани алмаза, такие стихи, как «Последний снег», «Подснежник», «Два проселка», «На тропе старательского фарта», «Кумыс», «Я выстроил в распадке зимовье».

Особенно хотелось бы выделить последнее произведение. Оно добротно не только по фактуре стиха, чеканной и точной («Я выстроил в распадке зимовье, где бьет ручей, напористый и синий, для крыши драл смолистое корье и, как стихи, отесывал лесины...»), но и по глубоко гуманной мысли, положенной в его основу. Поэту дорог незыблемый закон тайги, заставляющий человека помнить о безвестном путнике, возможно, идущем по твоим следам, и помогать ему. Эта тема волновала его и раньше. Так, еще в 1956 году он написал стихотворение «Ты не один», но в новом варианте оно решено художественно более экономно и более зрело по своему идейному звучанию. Лирический герой стихотворения испытывает высшую радость оттого, что незнакомый «следопыт, упрямец и искатель» «частицу моего тепла унес с собою в дальнюю дорогу».

Герой стихов Преловского поистине живет «взахлеб, события торопя», учась у «ветров, колючих и тугих», дующих на центральных перекрестках нашей эпохи. Поэт с полным правом может сказать о себе: «я заново мир каждый день открываю, а в нем открываю людей и себя». Это тесное общение с миром и людьми, преобразующими его (Преловский сам теперь работает на Братской ГЭС), приводит и к настоящим открытиям в поэзии. Он знает истинную цену полновесного поэтического слова:

Когда откровеньем
сверкнула строка —
Как будто бы слышится
звон родника,
Как будто бы высек
удар молотка
Тяжелую искорку
железняка.

Тем досаднее встречаться в его стихах со срывами, мертворожденными строчками, небрежными рифмами, мелодиями, взятыми с чужого голоса. Немало плохих, не жизнестойких клеточек в стихотворении, открывающем сборник: «была Россия — как преданье»/?/, «в горах и падях без числа», «я их заботы не забыл» и пр.

Не редки в его книге пустые, ничего не значащие, приближенные слова и выражения:

«как будто», «лишь», «пока», портящие и уродующие упругость и напористость образного строя стиха, который не терпит неточности. В стихотворении «Цветы» читаем: «Приведем (?) для земли святой переполненные палисады... цветов». В другом месте у него «деревья никнут головой», появляется сентиментальное «песочек», которое никак не вяжется с образным строем стихотворения, где неистовствует баргузин, где «парус звенит, как гимн». В третьем — неожиданно появляется «ветер странствий, терпкий, как вино», — образ, отслуживший уже свое в поэзии.

Самого серьезного упрека заслуживает неизжитая до конца подражательность чужой поэтической манере в стихах Преловского. Явно в тихоновских интонациях выдержано стихотворение «Путеукладчик».

Неудобством колесного быта,
Переменой профессий и мест,
Всем отмечен и всем он испытан
Рядовой путевой геркулес.

А «Сторона сибирская» так и кажется позаимствованной из «Лирического дневника» К. Симонова. Вариацией на симоновское:

Не сердитесь — к лучшему,
Что, себя не мучая,
Вам пишу от случая
До другого случая.

представляются строчки Преловского:

Приняла, как мачеха,
Освистала ливнями,
Враз переиначила
Жизненные линии.
. . . .
Тем, что было пройдено,
Тем, что было начато, —
Пусть еще не родиной,
Но уже не мачехой.

Стихотворение же, написанное белым стихом, с претензией на глубокомыслие «Он в душу заглянул своей подруги» перекочевало к Преловскому, несомненно, из лирики А. Блока, вплоть до строчек: «и на мгновенье он себе представил, как жалок он со всем своим богатством перед ее святою нищетой». А такое превосходное по своей словесно-образной инструментовке произведение, как «Кумыс», невольно пробуждает в памяти давно знакомые ассоциации, связанные с бернсовским «Джоном — ячменное зерно». Можно было бы указать и на допускаемую порою автором небрежность в обращении с рифмой. В самом деле, он готов рифмовать: во снах — весна, прело — кипрея, землю — стебли. О тумане он может сказать «шаткий», сибирские поселения назвать «деревнями тесными». Есть у него и искусственно претенциозные и манерные строки типа: «Из-за дальнего кургана солнце уши показало». Все это, безусловно, шлак, те зловредные сорняки, которые нет-нет да и мелькнут на зеленом и чистом поэтическом поле. Мы вправе требовать от поэта, чтобы к полновесным, налитым соками живой жизни зернам вдохновенного слова не примешивались поэтическая шелуха и псевдокрасивые пустоцветы. Направление же, взятое автором «Просеки», верное, компас выверен, и они выведут его со временем на широкую дорогу настоящего искусства.

В. Гайдук

ВЕЧНАЯ ПЕСНЬ ЗОЛОТОЙ СТЕПИ

Книгу Г. Кунгурова «Золотая степь» нельзя назвать новинкой для читателя. Она издавалась и раньше: в Иркутске, Минске, Москве, Новосибирске, Монголии, в странах народной демократии.

И вот недавно ее снова выпустило в Москве издательство «Советский писатель». Об этом последнем издании хочется сейчас поговорить не только потому, что в сборнике появился один новый рассказ («Гомбо и Тумур»), что в нем собраны воедино все монгольские рассказы писателя, по которым еще раз прошлась его рука, кое-что убрав, подшлифовав и дополнив. Главным представляется другое.

В книге Кунгурова каждый рассказ имеет свой точный год рождения. Это важно отметить, чтобы понять, почему на одних страницах бушует жгучий порывистый вихрь, а с других веет теплым умеренным ветерком.

Самому старшему рассказу не так давно исполнилось четырнадцать лет: нетрудно подсчитать, когда он написан — 1945 год. Памятный год. Не только для нас...

И когда в этом рассказе читаешь о жестоком горе дархана Чагдара, о могучем таланте, который рабу приносит больше страданий, чем радости, — думаешь не только о муках этого монгола, о его нечеловеческом терпении и стойкости, о его позднем счастье, завоеванном под знаменами Сухэ-Батора, думаешь о судьбе других людей...

И почему-то думаешь о том, что этот рассказ написан русским советским писателем, и вспоминаешь не только сорок пятый, но и сорок первый год.

Это время вспоминается потому, что его горький и победный отблеск лежит на лучших историко-революционных и фольклорных рассказах сборника, написанных в 1945—1946 гг. («Чагдар», «Певец степей», «Письмо Ленину», «Золотой ключ»).

Страдание и воля монгольского народа, гнев и беспощадная сила его революции — не слышится ли в этом мотиве отзвук страшных битв, пережитых современниками 1941—1945 годов?

Раздумье над судьбой народа, его горем, великими жертвами — все это вылилось у писателя в суровые и величественные образы монгольских патриотов, певцов, дарханов.

И разве кто осудит его за то, что в революционном и легендарном прошлом монгольского народа писатель нашел свою личную тему и выразил в ней пафос борьбы и выстраданной победы?

Русский человек не перестанет быть русским, если его нарядить в национальный монгольский халат. И это понятно: в неподдельном искусстве важен не материал, а дух времени, характер образа.

Вот почему судьба дархана Чагдара, подвижничество народных певцов Галсана и Тудупа, легендарный подвиг вождя Сухэ-Батора — все это стало под пером художника символической картиной жизни человека-борца, человека-творца, отдавшего всего себя служению людям, сумевшего слить свое горе и радость со страданием и надеждой родного народа. В этом обобщающем образе человека-титана, овеянном грозным драматизмом, выражена главная художественная мысль, пронизывающая лучшие страницы книги Кунгурова, — идея бессмертия человеческого деяния и подвига. Не только песня хурчи Тудупа

будет вечно жить в народе, переходя от поколения к поколению, но и никогда не умрет волшебное искусство талантливого умельца дархана Чагдара, великое дело вождя Сухэ-Батора.

В подобной жизнеутверждающей, драматической и философской трактовке лучших образов книги нельзя не заметить пламени того особого «русского духа», которым была овеяна литература и современность 1941—1945 годов. Этим лучшие рассказы Кунгурова о людях Монголии связаны с нашей действительностью и настроенностью, с традициями русской советской литературы. И в этом наиболее сильный источник их духовного воздействия.

Успех писателя в этих рассказх обусловлен глубоким знанием фольклора, проникновением в национальный характер, быт монголов, оригинальным художественным решением темы.

Стилистическая особенность лучших рассказов сборника «Золотая степь» заключается в своеобразном сочетании реалистической манеры письма с ясно выраженной романтической струей.

Как правило, все эти рассказы имеют острый, интригующий, порой даже необычный, почти фантастический сюжет. Припомним хотя бы рассказ «Чагдар», где герой при совершенно романтических обстоятельствах освобождает красавицу Тан Лю из-под власти князя, проделывает необычное путешествие по чужой стране и т. п., или рассказ «Певец степей», пересыпанный легендами и романтическими историями.

Лирико-романтическая приподнятость характерна и для языка этих рассказов. Она проявляется в обилии сравнений, в метафоричности речи, порой даже в ритмическом построении фразы:

«Степь украшает сочная трава, мир — красота женщин. Шея и плечи Тан Лю белые — молочное облако, гладкие — слоновая кость, горячие — летний ветер. Я рассмотрел лицо, голову, прическу, руки Тан Лю. Не всякий резец даже великого из великих дарханов может создать такие тонкие линии. Красивое и на небе и на земле трудно уловимо, как ласковая прохлада в палящий полдень».

Подобная сложная стилевая манера всецело подчинена более четкому раскрытию идеи произведения. Сама героическая, фольклорная тема этих рассказов допускала создание образов в реально-романтической тональности.

До сих пор речь шла о рассказах Кунгурова, написанных сразу после войны и посвященных прошлому Монголии.

Но книга «Золотая степь» создавалась на протяжении нескольких лет, и в ней немало страниц рождения 1951, 1954 годов, поднимающих непосредственно тему современности.

Это время тоже не прошло бесследно. Оно было без крови, но не без битв. А в боях, кроме побед, бывают еще и поражения.

Многое, что в 1951 году казалось ясным и легким, теперь представляется сложным и трудным.

Поэтому некоторые художественные просчеты сейчас особенно стали заметны в таких рассказах Кунгурова, как «Чегмит — золотые руки», «Наши кони побегут рядом», «Государственный экзамен». Они проявляются в иллюстративности сюжетов, нередко в облегченном изображении далеко не простых явлений жизни.

Подобная тенденция чувствовалась даже в рассказах 1945—1946 годов. Но в них она заглушалась мощной стихией фольклора, народной мудрости, суровым пафосом жестокого, кровопролитного времени.

В рассказах же на современную тему эта тенденция получила более питательную почву.

Конечно, и в этих рассказах часто встречаются яркие, эмоциональные страницы в таких произведениях, как «Шарап и Наран», «Галдама», «Их — дамба». Но художественные потери остаются все же большими.

Их не избежал писатель даже в последнем рассказе «Гомбо и Тумур».

О чем говорится в этом рассказе? Встретились в дороге случайно два попутчика, два демобилизованных монгольских солдата. Разговорились о будущей жизни. И вдруг выяснилось: Тумур горой стоит за скотоводство, ему жизнь чабана нравится больше, — Гомбо мечтает о труде рабочего. И вот на протяжении всего рассказа оба героя доказывают один другому преимущество своей профессии и ее значение для государства. В конце концов Гомбо убедил Тумура, и они вместе поехали работать на рудник.

Безусловно, сама по себе эта проблема (развитие промышленности, рост рабочего класса и т. п.), рассматриваемая с точки зрения хозяйственной политики современной Монголии, может быть очень важной. Но она только тогда завоюет себе место в искусстве, когда из проблемы хозяйственной писатель превратит ее в проблему духовную, проблему ломки психологии, дальнейшего изменения и развития внутреннего мира человека, его национального характера. Как раз этого в рассказе часто недостает.

В данном случае писатель, несомненно, ограничил свои возможности. Ведь речь идет

не о проблемной хозяйственной статье, не о корреспонденции и даже не об очерке, а о произведении искусства!

Нельзя сказать, что этот рассказ сделан беспомощно с точки зрения литературной техники. Нет, здесь есть даже определенное мастерство: нередко блеснет тонкое наблюдение, меткое слово, точная деталь, автор умеет композиционно свести героев и т. п.

Но это мастерство опять-таки не выходит за пределы условных схематичных приемов, оно схватывает образ только внешне, не проникая во внутренний мир, не мотивируя психологическую основу поступков, не создавая характера.

Порой эти внешние приемы проступают в обнаженной форме. Вот, например, каким штрихом характеризуется один из персонажей рассказа: «Бурне гордо грудь расправил. — Вот, глядите, сколько у меня почетных грамот... Спрашиваешь, как добился? Старался, день и ночь старался... Ежегодно перевыполняю государственные планы и по увеличению поголовья и по улучшению породности».

Может возникнуть вопрос: насколько психологический метод приемлем для раскрытия монгольского национального характера? В традиции ли это монгольской литературы? Следовательно, справедливы ли все эти возражения в адрес писателя?

Книга Кунгурова, хотя и посвящена людям Монголии, — прежде всего явление русской советской литературы. Поэтому вне завоеваний социалистического реализма, давшего мировые образцы психологического раскрытия духовного мира человека, невозможна плодотворная, творческая работа любого нашего писателя, его глубокое влияние на жизнь и литературу других стран. Стиль и приемы, конечно, могут быть разными, но результат должен быть один.

Образы современных героев Монголии требовали более глубокой психологической разработки еще и потому, что при тех обычных, будничных обстоятельствах, в которых они действуют, однолинейность характеристики (допустимая при создании образа с романтической тенденцией), взятого в исключительных условиях и поэтому не нуждающегося в детально психологической мотивировке, как, например, в рассказах «Чагдар», «Певец степей» приводит к обеднению, схематичности персонажей и, как следствие, к иллюстрации, декларативности.

Обо всем этом хочется сказать не потому, чтобы лишний раз напомнить о тех высоких требованиях, какие предъявляют современники к мастерству писателя.

Невольно почему-то вспоминаешь чудесную поэтическую легенду из рассказа Г. Кунгурова «Певец степей».

В ней говорится о том, как старый прославленный музыкант Тудуп перед смертью поднялся на вершину горы, чтобы спеть свою последнюю песнь солнцу.

«Он взял морин-хур, но силы оставили Тудупа. Морин-хур выскользнул из ослабевших рук, повис над пропастью, попав грифом в узкую щель. Ветер перебирал его серебряные струны, и морин-хур рыдал и смеялся...

Высоко поднялось солнце, родился ясный, безмятежный день. Как всегда зеленела степь, пели птицы, двигались стада к водопою. На вершине скалы пел морин-хур, он напоминал людям о бессмертии песни. Проезжая мимо скалы, каждый трепетно вслушивался в эти вечно живые звуки, каждый искал в них ответа на мучительные сомнения жизни».

Вот таких бессмертных песен ждут люди от современных художников. Правдивых ответов ищут они в их творчестве.

Не каждая сказка имеет конец, есть легенды, которые продолжаются. И продолжателям этих легенд предстоит создать свою, новую красоту, сделать былью сказку предков. Их деяния должны быть прекрасны, а песнь— вечной...

С этой мыслью вы закрываете книгу Кунгурова «Золотая степь». И ваше воображение еще долго хранит ее лучшие образы: вон над затерявшейся юртой виднеется тонкая струйка дыма — не Чагдар ли это рассказывает молодым друзьям новую легенду своей волшебной жизни? А там, дальше, где к солнцу поднимается вершина Мункэ-ду, чудится тень старого хурчи Тудупа. Вы слышите какие-то звуки — что это? Не ветер ли колышет струны его прославленного морин-хура?

Нет, то весенняя трава, шелестя и ласкаясь о землю, поет вечно живую песнь золотой степи...

В. Владов

ДОСАДНЫЕ ОШИБКИ

Пробовали ли вы ходить с завязанными глазами? Может быть, играли в детстве в жмурки? Помните ли то ощущение бессилия, скованности, потери ориентировки, которое овладевало вами, как только у вас оказывались завязанными глаза. Говорят, что если пустить человека свободно ходить с завязанными глазами, он станет описывать круги. Все эти «старые, отжившие уже» взгляды опровергнуты теперь Валерием Осиповым в его книге «Тайна Сибирской платформы».[1] Он открыл не только тайну Сибирской платформы, но и тайну хождения с завязанными глазами.

Судите сами.

Говоря в своей книге о поисках алмазных трубок в Якутии, В. Осипов пишет на стр. 167 буквально следующее о геологе Щукине:

«Щукин стал отрабатывать методику поиска кимберлита по пиропам. Он завязывал глаза и уходил в тайгу на десять-пятнадцать километров. Обратно дорогу к трубке искал по красным зернам пиропа».

Итак, все очень просто! Стоит лишь завязать глаза — и можно смело шагать по дремучей тайге и тяжелым болотам, которыми отличается та часть Якутии, где найдены алмазные трубки.

Как жаль, что редактор Г. Айдинов до сдачи книги в набор не попробовал сам походить с завязанными глазами хотя бы по Центральному парку. Он бы немедленно убедился, к чему это приводит.

Написав такую несусветную чушь, автор сам не замечает противоречия с тем, что он написал на четыре страницы ранее о геологе Попугаевой, первой, нашедшей кимберлитовую трубку и шедшей с открытыми глазами; «Лариса уставала до того, что не могла сама подняться на ноги. Тяжело волоча ноги по шуршащей гальке, Федор Алексеевич Беликов (ее спутник) перебредал через ручей, брал Ларису на руки и выносил к костру». С открытыми глазами уставала до бесчувствия, а с закрытыми хоть бы что!

Но Валерий Осипов не хочет (или не может) остановиться — он продолжает сочинять небылицу за небылицей.

В начале книги автор рассказывает (на стр. 7—65) историю русского геолога «специалиста по редким минералам» (!), доцента Петербургского университета Лугового, командированного в 1898 г. Русским Географическим Обществом в Южную Африку на алмазные месторождения, который во время англо-бурской войны 1900 г. принял в ней участие на стороне буров. В 1902 г. по возвращении в Россию он был судим в о е н н ы м т р и б у н а л о м (разрядка наша) и сослан на 20 лет ссыльного поселения в Якутскую область, как особо опасный государственный преступник. За агитацию в пути на этапе среди ссыльных наказание тем же военным трибуналом было увеличено до 30 лет, Луговой был сослан в Нюрбу, где и умер в 1919 г., послав предварительно в Якутский ревком материалы об алмазах Ю. Африки. Автор прочитал эти материалы в Амакинской экспедиции. Этот рассказ, очень эффектный для начала книги и знакомящий с южно-африканскими алмазными копями и их историей, вызывает сомнение в достоверности. В самом деле, вспомним, что военные трибуналы появились

[1] В. О с и п о в. Тайна Сибирской платформы. Молодая гвардия, 1958.

только после Октябрьской революции, а военные суды в царской России судили до 1905 г. только военных, и лишь после восстаний 1905 г. они карали и гражданских лиц. Затем сама формулировка постановления «особо опасного государственного преступника» должна была сопровождаться указанием вины Лугового и статей законов; в том виде, как приведено у Осипова, она употреблялась во времена реакции Александра Второго. Автор указывает, что на одном этапе в Сибири, который находился на постоялом дворе, уголовные ссыльные пели песню «Трансвааль». Но еще в восьмидесятых годах прошлого века помещения этапов по Сибирскому тракту стояли отдельно от деревень и представляли собой тюрьмы с высокой оградой. Только молодость автора, недавно окончившего вуз, может служить ему оправданием в незнании того, что было до его рождения, — что общение ссыльных с посторонними не разрешалось до места ссылки и что Транссибирская железная дорога была построена за 6 лет до ссылки Лугового и ссыльных возили в специальных арестантских вагонах. Пели ли в 1902—1903 годах уголовные ссыльные песню «Трансвааль», — трудно проверить, но и трудно поверить!

Другой пример необычного в творчестве Осипова. На стр. 144 он пишет: «через полчаса, когда стемнело, Файнштейн (геолог) выехал из Сунтара. До Крестеха было чуть больше 100 км. Всю дорогу Файнштейн гнал лошадь. На рассвете показались дома». Дело было летом, ночь была короткой — и, к удивлению читателя, лошадь проскакала по скверной дороге больше ста километров — и осталась жива! Поразительный случай — прямо из «охотничьих рассказов»!

Кроме таких необычайностей, в книге есть и обычные огрехи в русском языке, как «бурильные приспособления» (на стр. 162) — нельзя понять, означает ли это буровой инструмент или вышку для бурения. Совсем по-обывательски звучат «составные части кимберлита» (стр. 163), «окончил Ленинградский Геологический институт» (стр. 119) — такого нет, а есть Горный институт, которому недавно исполнилось 200 лет! И в конце концов автор предлагает «прокладывать по свету новые пунктиры» (!) — стр. 278.

Книга открывается предисловием И. А. Ефремова, известного автора научно-фантастических романов и рассказов. В предисловии И. А. Ефремов вспоминает о том, как он написал свой рассказ «Алмазная труба», предвосхитив в нем открытие алмазных трубок в Якутии.

Жаль, что «Молодая гвардия» и ее редактор Айдинов издали книгу с досадными ошибками.

АЛЬМАНАХ **АНГАРА № 3**

Художник *В. И. Салеев*

Редактор *В. С. Титов*

Техн. редактор *Т. И. Печерская*

Корректоры *А. В. Ласкина* и *Р. И. Алюхна*

Сдано в набор 13 августа 1959 г. Подписано к печати 15 сентября 1959 г. Печ.л. 16,4.
Уч.-изд. л. 17. Бумага 84×108|₁₆. Тираж 5000. Заказ № К—222. НЕ 03046

Иркутское книжное издательство, ул. Кр. звезды, 18.

Типография № 1 отдела Полиграфиздата Иркутского областного управления культуры, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

3

6 р.